РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова

№ 3

МОСКВА
2021

ISSN 2311–150X

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор
А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственный редактор номера:
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук (Москва, Россия).

Редакционный совет
А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);
Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);
Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);
Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь
канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021
© Авторы, 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute

№ 3

MOSCOW
2021

ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief
Alexandr M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editor of the Issue
Alexey D. Shmelev, D.Sc.,Professor (Moscow, Russia)

Editorial board
Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);
Tore Nesset, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary
Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:
18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2021
© by Authors, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Орфография

А. Д. Шмелев
Кодификация орфографических норм: общие принципы и подводные камни 11
Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова
Прописные и строчные буквы в собственных именах, прозвищах, псевдонимах, кличках: проект академических правил 25
Д. Д. Беляев
Правописание личных форм глагола: норма, узус, динамика 54
Е. М. Болычева, В. В. Каверина
О ненормативном удвоении гласных букв в современном русском орфографическом пространстве 63
И. А. Дамбуев
КАМЕНКА ПЕРВАЯ или *КАМЕНКА-ПЕРВАЯ*? Вариативность и кодификация в топонимии 81
С. В. Друговейко-Должанская
Об орфографическом оформлении глагола *достать/доставать* при наличии отрицания . . 92
О. Е. Иванова
К орфографическому описанию наречий и сходных с ними сочетаний на основе современной узуальной нормы 99
Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова
Нормы орфографии как компонент топонимической политики 121
О. С. Крюкова, М. Б. Раренко
Проблемы орфографического освоения заимствований в современном русском языке: двойные согласные 132
А. С. Кулева
Проблемы лексикографирования названий растений через призму орфографии 141
Е. М. Лазуткина
Правописание как лексическая и грамматическая оформленность слова 156
Е. В. Маринова
«Олбанский» язык в структуре художественного текста: аспекты воздействия 166
И. В. Нечаева
Поликомпонентные онимы и их регистровое оформление 176
Е. Ю. Протасова
Разнообразие иноязычия в русских художественных текстах 186
Л. Г. Смирнова
Орфографическая грамотность как лингвокультурная ценность 195
С. Д. Шелов, Т. Д. Четверикова
Об орфографической вариативности лексики терминологического и профессионального характера в современном русском языке 203

Пунктуация

Я. Э. Ахапкина
Иерархия пунктуационных правил: пределы освоения 215
Е. Э. Базаров
О пунктуационном оформлении вопросительных частиц *что, что ли* 227

М. Я. Дымарский
Еще раз о системности пунктуации 238
И. Е. Ким
Пунктуация «говорящего» и пунктуация «слушающего»: ономасиологический и семасиологический подход в пунктуации 252
И. Б. Левонтина
Проблемы пунктуационного оформления дискурсивных выражений 260
О. И. Северская
Семантический ореол знаков препинания при обращении и приветствии в переписке 271

Из истории орфографии

Е. Э. Бабаева
В поисках орфографии (краткий экскурс в историю вопроса) 280
Н. И. Голубева-Монаткина
Теория и практика орфографии в предисловиях «Словаря Французской академии» 1694, 1718, 1740, 1762 гг. Публикация источника 298
С. В. Науменко
С. П. Обнорский о задачах нормализации орфографии в послереформенный период (1917–1956 гг.) 308
Н. В. Николенкова
О возможности совмещения двух орфографических систем: церковнославянские элементы в рукописных текстах XVIII в.. 316

Научное наследие

В. Г. Винокур
К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века (Словарь Академии Российской, 1788–1794) 324
А. А. Зализняк
Из предисловия к приложению «Имена собственные» в «Грамматическом словаре русского языка» 349

CONTENTS

Orthography

A. D. Shmelev
Codification of Orthographic Norms: General Principles and Pitfalls 11
E. V. Arutyunova, E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova
Capital and Small Letters in Properties Names, Pseudonyms, Nicknames 25
D. D. Belyaev
Spelling of Personal Verbal Forms: Norm, Usage, Dynamics 54
Ye.M. Bolycheva, V. V. Kaverina
On Hyper-Correct Duplication of Voice Letters in the Modern Russian Orthographic Space 63
I. A. Dambuev
Kamenka Pervaya Or *Kamenka-Pervaya*? Variation and Codification in Toponymy 81
S. V. Drugoveiko-Dolzhanskaya
On the Orthography of the Verb *dostat'/dostavat'* in the Presence of a Negation 92
O. E. ivanova
To the Spelling Description of Adverbs and Similar Combinations on the Basis
of the Modern Usual Norm 99
D.Yu. Ilyin, E. G. Sidorova
Spelling Norms as a Component of a Toponimic Policy 121
O. S. Kryukova, M. B. Rarenko
On Spelling Development of Borrowings in Modern Russian: Double Consonants 132
A. S. Kuleva
Plant Names in Dictionaries: Orthography Issues 141
E. M. Lazutkina
Spelling as Lexical and Grammatical Completeness of the Word 156
E. V. Marinova
“Olbanian” Laguage in the Structure of Literary Text: Aspects of Impact 166
I. V. Nechaeva
Polycomponent Onyms and their Spelling 176
E.Yu. Protassova
Linguistic Diversity in the Modern Russian Literature 186
L. G. Smirnova
Spelling Literacy as a Linguistic and Cultural Value 195
S. D. Shelov, T. D. Chetverikova
On the Spelling Variation of Terminological and Professional Lexicon in Modern Russian 203

Punctuation

Y. E. Akhapkina
The Hierarchy of Punctuation Rules in Acquisition 215
E. Eh. Bazarov
On Punctuation of Interrogative Particles *chto*, *chto li* 227
M. Ya. Dymarsky
Once again on Systemic Character of Punctuation 238
I. E. Kim
Punctuation of the "Speaker" and Punctuation of the "Listener":
the Onomasiological and the Semasiological Approach in Punctuation 252

I. B. Levontina
Problems of Punctuation of Discourse Words 260
O. I. Severskaya
The Semantic Aureole of Punctuation Marks of an Address and a Greeting in Correspondence 271

FROM THE HISTORY OF ORTHOGRAPHY

E. E. Babayeva
Searching for Spelling (A Brief Excursion into the History of the Issue) 280
N. I. Golubeva-Monatkina
On the Theory and Practice of Orthography in the Prefaces of the Dictionary French Academy (Ed. 1694, 1718, 1740, 1762). Publishing a Source 298
S. V. Naumenko
S. P. Obnorsky. On the Problems of Normalization of the Orthographies of the Post-Reform Period (1917–1956) 308
N. V. Nikolenkova
About the Possibility of Combining Two Spelling Systems: Church-Slavic Elements in Manuscript Texts XVIII Century 310

SCIENTIFIC HERITAGE

V. G. Vinokur
To the History of Normalization of the Russian Written Language at the End of the XVIII Century (Dictionary of the Russian Academy, 1788–1794) 324
A. A. Zaliznyak
From the Preface to the Appendix “Proper Nouns” in the "Grammatical Dictionary of the Russian Language”. 349

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

ОРФОГРАФИЯ

А.Д. Шмелев
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
shmelev.alexei@gmail.com

КОДИФИКАЦИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ НОРМ: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И ПОДВОДНЫЕ КАМНИ

В статье рассматриваются общие принципы орфографической кодификации. Обсуждаются понятия узуса и нормы и высказывается мнение, что кодификация орфографических норм принципиально не отличается от кодификации других языковых норм. Проводится разграничение между орфографическими нормами и орфографическими правилами. Особое внимание уделяется орфографической вариативности; показано, что споры среди специалистов относительно вариативности в орфографии свидетельствуют об отсутствии четких и общепринятых критериев орфографической кодификации. В статье проводится различие между императивными орфографическими нормами, неустановившимися нормами и вариативными нормами. Кроме того, обсуждается потребность в новом кратком своде основных орфографических правил.

Ключевые слова: Языковая норма, орфография, узус и норма, кодификация, свод орфографических правил.

В статье [Шмелев 2021а] были сформулирован основные принципы, положенные в основу работы над сводом правил русской орфографии (эта работа ведется в отделе культуры русской речи Института русского языка РАН). К ним, в частности, отнесено общее представление о единых принципах кодификации для норм в области правописания и для прочих языковых норм и связанное с этим осознание различия орфографических норм и орфографических правил и, соответственно, различия связанных с ними проблем. Поясним сказанное.

Лингвисты в целом понимают, что языковые нормы не задаются кодификаторами, а существуют объективно. Сущность кодификации языковых норм состоит в выявлении норм, существующих независимо от кодификации, и фиксации их в словарях и справочниках. Языковую норму создают не решения кодификаторов, а консенсус образованных носителей языка. Если консенсус отсутствует, то мы имеем дело с неустоявшейся или вариативной нормой[1].

[1] Подробнее о способах выявления языковых норм и возможных причинах отсутствия консенсуса среди образованных носителей языка см. [Шмелев 2017]

Существенно, что кодификация не может изменить норму; она может соответствовать или не соответствовать (объективно существующей) норме. Если норма не устоялась или вариативна, кодификатор должен отразить это в кодификации.

Сказанное не означает, что кодификаторам отводится роль пассивных наблюдателей над представлениями образованных носителей языка. Хотя логически языковые нормы не зависят от кодификации, многие образованные носители языка обращаются к словарям и справочникам, когда не уверены своей оценке нормативности того или иного языкового выражения. Поэтому решения кодификаторов могут непосредственным образом влиять на оценку нормативности образованными носителями языка и тем самым на языковую норму. Однако это влияние не означает полной детерминированности: может оказаться (и иногда оказывается), что кодификаторы неудачно сформулировали правило, чего-то не учли или приняли решение, расходящееся с представлениями о норме образованных носителей языка. В этом случае мы должны признать несовершенство кодификации и постараться уточнить ее.

Все сказанное применимо и к правописанию. Исходной точкой для кодификации должно быть выявление орфографической нормы. В случае устоявшейся нормы (т. е. когда имеется консенсус грамотных носителей языка) задача кодификатора, выявив эту норму, адекватно отразить ее в кодификации. Если же норма не устоялась или обнаруживается, что она вариативна, то адекватная кодификация должна это отразить. Если кодификатор из каких бы то ни было соображений выдвигает в этом случае жесткое орфографическое требование, объявляя все написания, отклоняющиеся от него, ненормативными, его рекомендация будет неадекватной.

Тем самым отчасти снимается вопрос о возможности допущения вариативных написаний при орфографической кодификации. Этот вопрос с давних пор обсуждался специалистами (см., напр., [Букчина 1981; Голев 1997; Кузьмина 2001; 2004; Григорьева, Науменко 2004; Бешенкова 2008; 2015; 2016; Бешенкова, Иванова 2016: 63–98; Лопатин 2007; 2009; Нечаева 2009; Нечаева, Перцов 2020; Шмелев 2021б], а также цитируемую в этих публикациях литературу). При этом часто высказывались по видимости противоположные точки зрения. Одни специалисты настаивали на том, что кодификатор должен стремиться во всех возможных случаях устранять вариативность написаний; другие призывали к «смягчению орфографических нравов» и отражению в кодификации реально существующей вариативности в узусе. Однако, как кажется, и тех, и других объединяет одно и то же заблуждение, которое, впрочем, до недавнего времени разделялось едва ли не большинством лингвистов, — представление, согласно которому допущение или недопущение вариативных написаний при орфографической кодификации определяется произвольным решением кодификатора. Это напрямую связано с представлением, в соответствии с которым письмо представляет собою лишь внешнюю оболочку языка, а не форму его существования.

Представляется, что следует строго различать вариативность написаний в узусе и вариативность орфографической нормы. Вариативность написаний в узусе

естественным образом побуждает кодификатора выяснить, какое же из конкурирующих написаний признается «правильным» грамотным сообществом (при этом во многих случаях значительная часть грамотных носителей языка не имеет априорного мнения и готова положиться на решение кодификаторов), и отразить в кодификации этот выбор. Напротив того, вариативность нормы должна быть отражена в кодификации как таковая; если же норма не устоялась, это тоже должно быть соответствующим образом отражено в кодификации.

В триаде узус—норма—кодификация наблюдаемые объекты — узус (практика письма) и кодификация нормы (данные словарей и справочников), тогда как орфографическая норма непосредственному наблюдению недоступна: она представляет собою объект консенсуса грамотных носителей языка, хотя иногда возникает иллюзия, будто она возникает в результате решения кодификаторов. Кодификатор, стремящийся к объективности, должен выявить орфографическую норму и зафиксировать ее, тогда как написания, не соответствующие норме, будут считаться орфографической ошибкой, даже если они частотны в узусе. При этом часто именно частотные орфографические ошибки ярко иллюстрируют отсутствие принципиальных различий между орфографическими и «собственно языковыми» нормами. Так, в современной речи регулярно смешиваются частицы *не* и *ни* — как без ударения (чаще *не* используется вместо *ни*, но бывает и наоборот), так и под ударением (*не* часто используется вместо *ни*, но не наоборот). Когда рассматриваемая частица находится не под ударением, можно было бы констатировать, что во всех этих случаях допущены грубые орфографические ошибки. Но использование *не* вместо *ни* нередко встречается и под ударением, и тогда получается, что ошибка не орфографическая, а речевая. Заметим, что в живой речи эта ошибка встречалась уже довольно давно, но обычно она не попадала в письменные редактированные тексты, поскольку исправлялась редакторами или корректорами. В настоящее время написания такого рода стали обычными и в текстах, которые, предположительно подверглись редактированию и корректуре[2]. По-видимому, сторонники бескомпромиссного корпусного подхода имеют основания признать такие употребления в качестве нового грамматически приемлемого способа оформления уступительных конструкций. Но тогда нельзя будет считать ошибкой и использование *не* вместо *ни* и в позиции без ударения. Однако реальность состоит в том, что большинство образованных носителей русского языка все же склонны признать такое употребление «неправильным», даже если оно встречается в их собственной речи (тогда они готовы «исправиться»). Это косвенно подтверждается тем, что изредка встречается написание *ни* вместо *не*, которое, скорее всего, представляет собою результат такой же гиперкоррекции: пишущий знает, что в конструкциях с *к*-местоимением следует употреблять *ни*, хотя в его собственной речи в таких конструкциях может встретиться *не*, и заменяет *не* на *ни*, когда этого делать как раз не следовало. В любом случае очевидно, что «собственно языковая» и орфографическая

[2] Многочисленные примеры смешения *не* и *ни*, в том числе в текстах, прошедших корректуру, содержатся в моей статье [Шмелев 2021б].

кодификация здесь должны идти рука об руку: непризнание нормативным написания *не* вместо *ни* (и наоборот) обусловлено непризнанием нормативным произношения *не* вместо *ни* под ударением.

Однако есть случаи, когда в отношении каких-то написаний консенсус грамотных носителей языка отсутствует. Это бывает, когда мы имеем дело или с неустановившейся нормой, или с объективно вариативной нормой.

В первом случае (неустановившаяся норма) кодификатор вправе принять решение, какое из конкурирующих кажется ему предпочтительным, и дать соответствующие мотивированные рекомендации; при этом отклонение от таких рекомендаций не должно считаться орфографической ошибкой, тем более что может оказаться, что разные кодификаторы рекомендуют разные орфографические варианты в качестве единственно «правильного». Кроме того, бывает, что, когда норма установится, консенсус грамотных носителей языка выберет не то решение, которое казалось предпочтительным кодификаторам. Я уже приводил примеры вариативности написания названия столицы Португалии: с одной и с двумя буквами *с* (*Лисабон* и *Лиссабон*) [Шмелев 2021б]. Написание с одной буквой *с* преимущественно использовалось в энциклопедических изданиях, а написание с двумя буквами *с* — на географических картах (впрочем, это была лишь тенденция, а не жесткое распределение, и в целом можно было говорить, что норма не установилась). Такое же варьирование наблюдалось в производных *лис(с)абонец* и *лис(с)абонский*. Академический «Русский орфографический словарь» (РОС) рекомендовал написание с одной буквой *с*: *лисабонец* и *лисабонский* (а в скобках указал «от Лисабон»); однако в узусе написания с двумя буквами *с* встречались значительно чаще, причем перевес написания с двумя *с* со временем становился все больше (см. подробнее [Шмелев 2021б]). И в новом издании «Большой российской энциклопедии» (БРС) уже используется написание *Лиссабон* (а также лиссабонский в таких сочетаниях, как *Лиссабонский мирный договор*, *Лиссабонский университет* и т. п.) вопреки традиции, которая была принята у энциклопедистов. Можно считать, что норма наконец установилась, причем победило не то написание, которое было рекомендовано (и продолжает быть рекомендовано) в РОС.

Если какой-то из кодификаторов пользуется в пишущем сообществе безусловным авторитетом, можно рассчитывать, что именно его рекомендация будет принята грамотными носителями языка (можно надеяться, что самыми авторитетными рекомендациями для пишущих по-русски будут рекомендации Орфографической комиссии Российской академии наук). Однако и рекомендации авторитетных кодификаторов иногда отвергаются пишущим сообществом. И полный академический справочник, и РОС рекомендуют написания *мелочовка* и *речовка*; однако в узусе, в том числе в текстах, написанных грамотными людьми и прошедших корректуру, явно преобладают написания *мелочевка* и *речевка* [Шмелев 2021б: 16–19].

Наивным представляется расчет на то, что непременно победит кодификация, поддержанная государственной властью. Русский язык используется во всем мире, он имеет официальный статус в целом ряде стран, и власти какой бы то ни было страны не имеют ни полномочий, ни достаточных знаний для регулирования

русской орфографии. Если же власти каждой из стран, в которой используется русский язык, смогут навязать свое орфографическое решение, это может только увеличить орфографическую вариативность, так как в разных странах могут быть выбраны разные варианты (ср. различия в английской орфографии в Соединенном Королевстве и в Соединенных Штатах, в которых вариативность сложилась стихийно, но закреплена традицией).

От неустановившейся нормы следует отличать вариативность нормы. О вариативности нормы можно говорить в тех случаях, когда представляется целесообразным отразить вариативность в кодификации. Это обычно бывает в тех случаях, когда эта вариативность тем или иным образом «нагружена». Она может коррелировать с вариативностью произношения, со стилистической вариантностью, с выбором варианта в зависимости от сферы употребления, с особенностями интерпретации языкового выражения пишущим. В этом случае выбор кодификатором какого-то одного из конкурирующих вариантов будет не чем иным, как искажением орфографической реальности, а попытка навязать выбранный вариант пишущему сообществу может восприниматься как ни на чем не основанный произвол.

Примечательно, что даже те кодификаторы, которые настаивают на желательности безвариантной орфографии, на практике бывают вынуждены мириться с орфографической вариативностью. Это касается не только употребления прописных букв и слитного—дефисного—раздельного написания наречных выражений, но даже буквенного состава слов. В РОС (который в целом нацелен на безвариантную орфографическую норму) мы встречаем целый ряд пар орфографических вариантов: *калоши* и *галоши* (и их производные), *матрас* и *матрац*, *ноль* и *нуль*, *фортепиано* и *фортепьяно* (и их производные *фортепианный* и *фортепьянный*) представлены именно как варианты (правда, *шкап* и *шкаф* описаны отдельно, и слово *шкап* снабжено пометой «*устар.* и *сниж.* к шкаф»). То, что эти варианты определенным образом коррелируют с возможностью двоякого произношения, не меняет дела, поскольку далеко не всякое варьирование произношения отражается на письме, а когда вариативное произношение отражается в вариативном написании, однозначной корреляции между произношением и написанием часто нет. Кроме того, бывает, что данные разных орфоэпических пособий и справочников противоречат друг другу. В [Шмелев 2021б] отмечалось, что [Каленчук и др. 2011] в качестве нормативного произношения последовательности согласных в середине слова *брандспойт* указывает [нзб] и отмечает, что произношение [нсп] не рекомендуется. Напротив того, в [Еськова 2015] в качестве единственного варианта произнесения этой группы согласных указывается [*нц*ᶜ*п*] и никакие другие варианты даже не упоминаются. Оба словаря можно считать высоко авторитетными. Иными словами, мы имеем дело с противоречивостью мнения специалистов относительно произносительной нормы (мне-то представляется, что допустимыми следует признать оба варианта, рекомендуемых словарями; возможно, между ними можно обнаружить какое-то распределение в зависимости от региона, возраста говорящего, его принадлежности к определенной социальной группе и т. п.). При этом все признают, что единственно возможный нормативный вариант орфографического

оформления данного слова — *брандспойт*. Написание *брандсбойт*, отражающее произношение с [нзб], изредка встречается в узусе, но такое написание не признается нормативным. По аналогии — точно так же мы могли бы писать *калоша* (в качестве единственного варианта «правильного» написания) и считать, что этому написанию соответствует два варианта произношения: с [к] и с [г].

В [Еськова 2015] при слове *дуршлаг* указывается, что неправильно произношение *друшлаг*, тогда как в [Каленчук и др. 2011] в качестве допустимых приведены формы *друшлак*, *друшлака́*, *друшлаку́* и т. д. Но очевидно, что, хотя в отношении нормативности существующих вариантов произношения имеются разногласия, написания *друшлаг* или, тем более, *друшлак* ни коим образом не могут быть признаны правильными (и не приводятся в качестве правильных в [Каленчук и др. 2011]).

Сказанное призвано демонстрировать отсутствие симметрии между произносительным варьированием и вариативностью написания[3]. Поскольку не всякое варьирование произношения находит отражение на письме, ссылка на вариативность произношения не предопределяет вариативности написания, и поэтому возможность вариантного написания должна отмечаться отдельно в орфографических пособиях (как, собственно, это обычно и делается).

Еще ярче асимметрия произносительного и орфографического варьирования проявляется в тех случаях, когда при одном и том же произношении оказываются возможными разные написания. В РОС в качестве вариантов слов *материал* и *тысяча* приведены написания *матерьял* и *тыща*, причем в обоих случаях дана специальная помета: при написании *матерьял* — помета *при передаче произношения, в поэзии*, при написании *тыща* — помета *при передаче разг. произношения, в поэзии*. Уже из этих помет понятно, что, если не ставится специальная задача «передать произношение», можно использовать немаркированные написания *материал* и *тысяча*, и тем самым при одном и том же произношении возможны написания *материал* и *матерьял*, *тысяча* и *тыща*.

Одно и то же женское личное имя может быть записано двумя способами: *Наталия* и *Наталья*; при этом произношение, как правило, соответствует написанию *Наталья*. Иной тип асимметрии письма и произношения демонстрирует имя *Мария/Марья*: вообще говоря, написанию *Мария* соответствует ударение на втором слоге, а написанию *Марья* — на первом. Однако очень часто, используя на письме форму *Мария*, в устной речи говорящий произнесет имя с ударением на первом слоге, так что, написав *Мария Леонидовна*, в устной речи скажет: *Марья Леонидовна*.

Лишь частично коррелирует с произношением вариативность передачи каких-то иноязычных звуков при практической транскрипции заимствованных слов. Английский звук [w] при заимствовании в русский язык слов, содержащих этот звук (в частности, имен собственных) в произношении на иногда заменяется на согласный [в], иногда на слоговой гласный [у], а иногда — на неслоговой гласный [ў]

[3] Разнообразные примеры асимметрии варьирования произносительных и орфографических норм приведены также в моей статье [Шмелев 2021б].

или даже сохраняется в исходном виде. На письме соответствующий звук может передаваться как *в* (напр., в словах *Айова*, *Вашингтон*, *Веллингтон*, *Гавайи*), иногда — как *у* (напр., *Уайльд*, *Уэльс*, *Хемингуэй*), а иногда наблюдается варьирование (*Вильям* и *Уильям*). В последнем случае выбор написания часто зависит от культурной ориентации пишущего.

При этом следует иметь в виду, что речь идет именно о конвенциональных вариантах написания. Вообще говоря, в художественных текстах «для передачи произношения» или с иными целями могут встретиться неконвенциональные отклонения от орфографических норм, и нет никакой необходимости фиксировать все такие отклонения в орфографических пособиях. Так, в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова в главе «Экзекуция» при передаче речи аукциониста используются написания *папрашу* и *па-апра-ашу* вместо *попрошу*; в пьесе Евгения Шварца «Дракон» слово *очень* в диалоге горожанина с сыном бургомистра Генрихом написано тремя разными способами, ни один из которых не совпадает с конвенциональным написанием (*С тех пор мы живем о-очень хорошо. — Нет, нет, любезный. Не так. Не надо нажимать на «о». Получается какой-то двусмысленный завыв: «Оучень» Поднаприте-ка на «ч». — С тех пор мы живем оччень хорошо*). Ясно, что это окказиональные способы передать произношение, и мы не найдем их в орфографических словарях.

Наряду с вариативным написанием, отчасти коррелирующим с вариативностью произношения, существует орфографическая вариативность, которая коррелирует со стилистическим заданием, сферой употребления языка или с семантической интерпретацией языкового выражения.

В правилах употребления прописных букв обычно оговаривается, что такие слова как *добро*, *отечество*, *отчизна*, *природа*, *родина*, *свобода*, *учитель*, *человек* и некоторые другие допустимо писать как со строчной, так и с прописной буквы, причем прописная буква в начале этих слов выбирается в контекстах, где им приписывается «особый высокий смысл» (см., напр., ПАС, § 203). Поскольку нет никаких очевидных критериев наличия «особого высокого смысла», выбор, придавать ли этим словам «особый высокий смысл», остается за пишущим; тем самым корреляция со стилистическим заданием остается субъективной.

Местоимение *вы* при обращении к одному лицу и такие сочетания, как *ваше превосходительство*, пишутся с прописной буквы в официальной переписке и со строчной буквы при передаче устной речи. Однако остается не вполне очевидным, каковы правила для бытовой переписки, должна ли она ориентироваться на правила для официальной переписки или на правила для передачи бытовой речи. Точно так же личные и притяжательные местоимения, относящиеся к Богу и Божией Матери, принято писать с прописной буквы в церковно-религиозных и религиозно-философских текстах, но они могут писаться и со строчной буквы в текстах на бытовую тему. Граница здесь опять-таки не вполне ясна. Тем самым корреляция со сферой употребления во всех этих случаях лишь приблизительна.

Весьма часты случаи, когда смысл, который говорящий (пишущий) вкладывает в некоторое языковое выражение, может быть двояким и этой разнице

в интерпретации соответствует различное написание. Хрестоматийны такие примеры, как *на верху горы* и *наверху горы*, *Он человек не глупый* и *Он человек неглупый*. В выражении *слава Богу* слово *Бог* должно писаться с прописной буквы, если говорящий посредством этого выражения благодарит Бога, но в расхожем бытовом выражении *все не слава богу* естественно написание со строчной буквы (ср. ПАС, § 181 прим. 3).

Особое место занимают случаи, когда орфографические справочники как будто указывают на единственно возможную интерпретацию, но критерии ее выбора остаются зыбкими и неясными. В [Лопатин и др. 2007] рекомендовано написание *Аника-воин*, но *Иоанн Воин*, *Николай-угодник*, но *Николай Чудотворец*[4], *Стена Плача*, но *Стена коммунаров*, *Верховный Совет*, но *Верховная рада*, *Дед Мороз* (как обозначение сказочного персонажа), но *Баба-яга*,[5] и подчас трудно сказать, чем обусловлены такие решения. Можно догадываться, что, по мнению авторов словаря, в сочетаниях *Аника-воин* и *Николай-угодник* мы имеем дело с нарицательными существительными в роли приложения, а в сочетаниях *Иоанн Воин* и *Николай Чудотворец* — с прозвищами, в сочетании *Стена Плача*, но не *Стена коммунаров* второму слову придается «особый высокий смысл», а в сочетании *Верховный Совет* написание обоих слов с прописной буквы выбирается просто по традиции. Однако такое объяснение может работать лишь постольку, поскольку предполагается, что уже известно, какое написание считается «правильным». Его применение ко всему массиву релевантного языкового материала затруднено.

По-видимому, общие правила здесь можно формулировать только в самом общем виде, так что они будут заведомо неполны. В целом устоялась орфографическая норма, в соответствии с которой устойчивое характеризующее адъективное определение в сочетании с обозначением исторического лица пишется со строчной буквы, если находится в препозиции, и с прописной — если

---

[4] Заметим, что в указателях к церковным календарям святитель Николай Мирликийский обычно обозначается как *Николай Мирликийский, архиеп., чудотворец* — слово *чудотворец* со строчной буквы. В «Православной энциклопедии» [т. 50] после указания дней памяти, дается указание *чудотворец* — тоже со строчной буквы; в то же время в этом же издании в подписях к иллюстрациям указывается *Свт. Николай Чудотворец* — слово *Чудотворец* уже с прописной буквы.

[5] Словарь [Лопатин и др. 2007] различает написания *Дед Мороз* как обозначение сказочного персонажа и *дед-мороз* как обозначение игрушки или елочного украшения, *Баба-яга* как обозначение сказочного персонажа и *баба-яга* как обозначение безобразной злой старухи (такое же разграничение проведено в РОС). Стоит заметить, что в ПАС, на который как будто ориентирован словарь [Лопатин и др. 2007], в указателе слов и в тексте соответствующего правила упоминается только написание *баба-яга*, и это вызывает некоторое недоумение. Кроме того, здесь уместно обратить внимание на различный статус обозначений сказочного персонажа, приносящего детям подарки на Рождество или на Новый год, а именно — *Дед Мороз*, с одной стороны, и *святочный дед* или *рождественский дед* — с другой. В силу прагматического принципа употребления собственных имен [Шмелев 1989: 57–62] обозначение *Дед Мороз* следует признать составным именем собственным, поскольку его понимание требует наличия «мысленного досье» носителя имени, тогда как сочетания *святочный дед* и *рождественский дед* представляют собою описательные обозначения (дескрипции). Это и объясняет различное написание.

находится в постпозиции (тогда оно воспринимается как прозвище): *святой Владимир*, но *Владимир Святой*, *окаянный Святополк*, но *Святополк Окаянный*, *мудрый Ярослав*, но *Ярослав Мудрый*, *блаженный Августин*, но *Василий Блаженный*, *великая Екатерина II*, но *Екатерина Великая*, *благословенный Александр Первый*, но *Александр Благословенный*[6]. Некоторое исключение составляют слова *старший* и *младший*, которые обычно пишутся после имени собственного, к которому относятся, со строчной буквы через дефис: *Ян Брейгель-старший*, *Рокфеллер-старший*, *Сергей Бодров-младший*, *Джордж Буш-старший* и т. д.[7]

Если же характеризующее определение выражено существительным, то, если такое существительное находится в препозиции, оно по общему правилу пишется со строчной буквы (*пророк Илия*, *пророчица Анна*, *апостол Андрей*, *мученица Варвара*, *святитель Алексий*, *царевич Иоанн* и т. д.), а когда оно попадает в постпозицию, то может осмысляться двояко: как приложение, выраженное нарицательным существительным (тогда его следует писать со строчной буквы и через дефис), и как прозвище, составляющее часть составного имени собственного (тогда его следует писать отдельно и с прописной буквы). Четкой и однозначной границы здесь быть не может, но некоторый критерий можно указать: если данное существительное легко выносится в препозицию с сохранением референции, то его, скорее всего, следует воспринимать как нарицательное, если же для него фиксировано место в постпозиции, то оно, вероятно, превратилось в часть прозвища. Поэтому можно рекомендовать написания *Илья-пророк*, *Анна-пророчица*, *Иван-царевич*, *Иван-дурак*, *Николай-угодник* (ср. *угодник Божий Николай*), но *Иоанн Богослов*, *Григорий Богослов*, *Иоанн Златоуст*, *Никола Святоша*. Однако для некоторых сочетаний возможны оба понимания, напр. *Нестор Летописец* (устойчивое прозвище святого) и *Нестор-летописец* (если это эквивалентно обозначению *летописец Нестор*).

Во всех случаях такого рода принципиальная возможность различной интерпретации, влекущей за собою различие в написании, указывает на орфографическую вариативность.

Можно было бы добавить, что в принципе возможна региональная орфографическая вариативность, подобная уже упоминавшимся различиям английской орфографии в Соединенном Королевстве и в США. Однако для русского языка региональная орфографическая вариативность совершенно не характерна и представлена лишь изолированными примерами вроде *белорус* и *беларус*.

Наконец, следует упомянуть изменившиеся нормы, с которыми мы имеем дело, когда кодификаторы на основании тех или иных соображений изменили свои

---

[6] Это правило не работает в поэтических текстах, для которых характерна возможность инверсии: так, в словах советского гимна *Ленин великий нам путь озарил* слово *великий* пишется со строчной буквы, хотя стоит в постпозиции.

[7] Впрочем, из этого исключения есть исключения: в сочетаниях *Плиний Старший* и *Плиний Младший* второе слово традиционно пишется с прописной буквы, а в сочетаниях с именем *Катон* встречаются оба варианта *Катон Старший* и *Катон-старший*, *Катон Младший* и *Катон-младший*.

рекомендации (иногда это бывает связано с приходом нового поколения кодификаторов). Изменение орфографической кодификации нередко ведет к сосуществованию «старшей» и «младшей» нормы, а тем самым — к орфографической вариативности.

Итак, орфографические нормы могут относиться к одному из следующих трех типов: императивные нормы, неустановившиеся нормы и вариативные нормы.

Императивные орфографические нормы безвариантны. Их нарушение в принципе должно рассматриваться как орфографическая ошибка, хотя оно может быть допустимо в целях языковой игры или для достижения какого-то художественного эффекта.

В случае неустановившихся норм кодификатор может дать определенные рекомендации, но представляется, что их нарушение не должно считаться орфографической ошибкой. С течением времени рекомендация может превратиться в безвариантную императивную орфографическую норму, но нет гарантий, что это непременно произойдет.

В случае вариативной нормы кодификатор должен установить, с чем связана вариативность и соответствующим образом отразить эту вариативность при кодификации.

Мы видим, сколь разнообразны факторы, которые необходимо учитывать при орфографической кодификации. К счастью, современные способы электронного хранения информации позволяют представить свод орфографических правил, о котором шла речь в первом абзаце, с надлежащей полнотой.

К своду правил должен быть приложен указатель, представляющий собою орфографический словарь в полном объеме. Тогда осмысленными будут указания ряда правил: «Написание таких слов определяется по словарю». Если к своду не приложен словарь, остается непонятным, какой именно словарь имеется в виду.

Электронная форма представления свода правил даст возможность его непрерывно пополнять и уточнять. При этом пополнение и уточнение не будет предполагать уничтожения информации, которая включалась в свод на предыдущем этапе. Тем самым у пользователя будет возможность проследить модификацию орфографических правил и понять логику этой модификации. Тогда устаревшие написания, которые он может встретить в текстах, не будут ставить его в тупик.

Вся необходимая информация должна выдаваться по запросу пользователя. В частности, для сложных случаев неочевидной рекомендации полезно, чтобы пользователь мог при помощи системы ссылок увидеть, какие мотивы скрывались за решением кодификаторов.

Представляется, что будущее именно за электронной формой представления орфографических норм и правил. Однако пока нельзя отказаться и от традиционного, бумажного издания свода правил орфографии. Понятно, что при издании свода правил в бумажном виде значительной частью информации придется пожертвовать. По существу, речь должна будет идти об особом кратком своде основных правил орфографии. Такой свод может ограничиться императивными

орфографическими правилами. По-видимому, именно краткая бумажная версия свода основных правил орфографии может быть утверждена в качестве обязательной при делопроизводстве. Утверждение такого свода правительством будет иметь важное общественное значение. Среди прочего это касается признания эквивалентности букв «е» и «ё» в официальных документах. Вопреки нормам русской орфографии, признающей факультативность точек над «ё», и просто здравому смыслу, чиновники постоянно издеваются над гражданами, у которых имя или фамилия в одних документах записана с точками над «ё», а в других — без точек, требуют представления каких-то дополнительных справок, без которых отказываются признать тождество двух написаний: с «е» и с «ё». Утверждение краткого свода основных правил орфографии позволит положить конец чиновничьему произволу хотя бы в этой области.

Литература

Бешенкова Е.В. Вариативность в орфографии // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2008. №2 (58). С. 194–202.

Бешенкова Е.В. Теоретические вопросы нормирования орфографии: вариативность и стратегия нормирования // Верхневолжский филологический вестник. 2015. №1. С. 18–24.

Бешенкова Е.В. Вариативность, узуальная норма и политика нормализаторов // Сибирский филологический журнал. 2016, №3. С. 35–42.

Бешенкова Е.В., Иванова О.Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКСРУС, 2016. 424 с.

БРС — Большая Российская энциклопедия. Т. 17. М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. 783 с.

Букчина Б.З. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 215–233.

Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997. 145 с.

Григорьева Т.М., Науменко С.В. Орфографическая вариантность в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова // Русский язык сегодня. Вып. 3. М., 2004. С. 75–84.

Еськова Н.А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка / Н.А. Еськова, С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Лопатин В.В. Правописание и вариативность // Язык как материя смысла. Сб. статей к 90-летию акад. Н.Ю. Шведовой. М., 2007. С. 259–262.

Лопатин В.В. Правописание и вариативность // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М., 2009. С. 239–244.

Лопатин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К. Прописная или строчная? Орфографический словарь. М.: Эксмо, 2007.

Нечаева И.В. Проблемы орфографической кодификации иноязычных заимствований // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М., 2009. С. 213–239.

Нечаева И.В., Перцов Н.В. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении, 2020, №1 (39). С. 10–35.

ПАС — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / В.В. Лопатин (ред.). М.: Эксмо, 2007. 480 с.

РОС — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / В.В. Лопатин, О.Е. Иванова (ред.). М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018.

Шмелев А.Д. Пробный камень теории референции // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989. С. 49–80.

Шмелев А.Д. Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений? // Труды Института русского языка РАН, вып. 13. М., 2017. С. 191–198.

Шмелев А.Д. Проспект «Свода правил русской орфографии» в свете принципа интегральности // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию акад. А.М. Молдована. М.; С-Пб.: Нестор-История, 2021а. С. 7–19.

Шмелев А.Д. Допустимая вариативность орфографии или распространенная ошибка? // Русский язык в научном освещении. 2021б. №1 (41). С. 9–30.

A.D. Shmelev
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
shmelev.alexei@gmail.com

CODIFICATION OF ORTHOGRAPHIC NORMS: GENERAL PRINCIPLES AND PITFALLS

This paper deals with general principles of orthographic codification. It discusses the notions of usage and norm and claims that the codification of orthographic norms should be essentially the same as the codification of other linguistic standards. The paper draws an important distinction between orthographic norms and rules of spelling. It pays special attention to orthographic variation and shows that disputes among linguists regarding the variation in orthography are clear evidence of the absence of generally accepted criteria for assessing codification of orthography. The paper distinguishes between strict orthographic standards, unspecified norms, and variable norms. In addition, it discusses the need for a short new code of basic orthographic rules.

Key words: Linguistic standards, orthography, usage and norms, codification, code of orthographic rules.

References

Beshenkova E. V. [Variance in orthography]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*, 2008, no. 2 (58), pp. 194–202.

Beshenkova E. V. [Theoretical problems of orthographic norm: variability and standardization strategies]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2015, no. 1, pp. 18–24.

Beshenkova E. V. [Variants, usual way of writing, codification and policy of orthographists]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2016, no. 3, pp. 35–42.

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma* [Standardization of the Russian Writing: Theory and Practice]. Moscow, LEKSRUS Publ., 2016. 424 p.

Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia], vol. 17. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 2010. 783 p.

Bukchina B. Z. [Variants of spelling]. *Literaturnaya norma i variantnost'* [Linguistic standards and variance]. Moscow, 1981, pp. 215–233.

Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka* [Orthoepic Russian Dictionary]. Moscow, AST Publ., 2015. 1008 p.

Golev N. D. *Antinomii russkoi orfografii* [Antinomies of the Russian Orthography]. Barnaul, 1997, 145 p.

Grigor'eva T. M., Naumenko S. V. [Variance of spelling in the explanatory Russian dictionary ed. by D. N. Ushakov]. *Russkii yazyk segodnya* [Russian Language Today]. Issue 3. Moscow, 2004, pp. 75–84.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [Big Orthoepic Dictionary of Russian. Standard Pronunciation and Stress in the Early 21st Century: The Norm and Its Varieties]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2012. 1008 p.

Lopatin V. V. [Orthography and variance]. *Yazyk kak materiya smysla. Sb. statei k 90 letiyu akad. N.Yu. Shvedovoi* [Language as a Matter of Meaning. Festschrift to Commemorate the 90th Anniversary of N.Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007, pp. 259–262.

Lopatin V. V. (ed.) *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian Spelling and Punctuation: Complete Academic Reference Book]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 480 p.

Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Chel'tsova L. K. *Propisnaya ili strochnaya? Orfograficheskii slovar'* [Uppercase or Lowercase? Orthographic Dictionary]. M.: Eksmo, 2007.

Lopatin V. V. [Orthography and variance]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriya i praktika* [Linguistic Basics of the Codification of the Russian Orthography: Theory and Practice]. Moscow, 2009, pp. 239–244.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (ed.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian Spelling Dictionary]. M.: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2018. 896 p.

Nechaeva I. V. [Problems of the orthographic codofication of borrowings from foreign languages]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriya i praktika*

[Linguistic Basics of the Codification of the Russian Orthography: Theory and Practice]. Moscow, 2009, pp. 213–239.

Nechaeva I. V., Pertsov N. V. [On variability in Russian orthography]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, no. 1 (39), pp. 10–35.

Shmelev A. D. [A test case for the theory of reference]. *Voprosy kibernetiki. Semioticheskie issledovaniya* [Topics in the Study of Cybernetics: Semiotic Studies]. Moscow, 1989, pp. 49–80.

Shmelev A. D. [Is codification of linguistic standards possible in the era of social and cultural changes?] *Trudy Instituta russkogo yazyka RAN* [Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute], issue 13. Moscow, 2017, pp. 191–198.

Shmelev A. D. [An outline plan for a new Russian orthographic code in the light of integrity principle]. *Slova, konstruktsii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70 letiyu akad. A. M. Moldovana* [Words, Constructions, and Texts in the History of the Russian Written Language: Festschrift to Commemorate the 70th Anniversary of A. M. Moldovan]. Moscow; St Petersburg., Nestor-Istoriya Publ., 2021a, pp. 7–19.

Shmelev A. D. [Variation in Russian orthography or common mistakes?]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021b, no. 1 (41), pp. 9–30.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
arutyunova.elena@gmail.com, evbeshenkova@gmail.com, olliva95@yandex.ru

ПРОПИСНЫЕ И СТРОЧНЫЕ БУКВЫ В СОБСТВЕННЫХ ИМЕНАХ, ПРОЗВИЩАХ, ПСЕВДОНИМАХ, КЛИЧКАХ: ПРОЕКТ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПРАВИЛ

В статье предлагается детализированное правило написания прописных и строчных букв в собственных именах. Правило не меняет сложившиеся нормы письма и отражает системное устройство орфографии антропонимов — использование прописной буквы как маркера индивидуализирующих компонентов антропонимической модели, в состав которой могут также входить различные компоненты, пишущиеся со строчной буквы: структурообразующие слова (непереводимые иноязычные предлоги, союзы, артикли; нарицательные слова, указывающие на степень родства, пол, возраст) и определения, обозначающие социальное положение, служащие для придания вежливости обращению и др. Вводятся нормы написания для структурных типов имен, кличек, прозвищ, которые ранее правилами не регламентировались или регламентировались лишь частично и противоречиво (*Петушок со шпорами* и *Петушок со Шпорами*). Впервые описывается зависимость оформления именных сочетаний от осмысления пишущим границ собственного имени (*курочка ряба, курочка Ряба, Курочка Ряба*). Правило дополнено комплексом примечаний о его применении в сложных случаях: 1) при неоднозначной функционально-семантической интерпретации слов, входящих в состав антропонимической модели (*Юлиан-отступник* и *Юлиан Отступник*); 2) при использовании имен собственных не в своей основной функции (*Цербер — цербер*; *второй Чадаев, меценат, проба Манту — сделать манту*); 3) в романских и германских именах при особом выделении одного из членов рода (*ван Гог — Ван Гог*, *Огюст де Га — Эдгар Дега*), при разрыве традиции в написании (*ван де Вельде — Вандевельде, де Лоне — Делоне, ла Гранж — Лагранж*); 4) описывается структура имени в арабском и связанных с ним языках, приводятся структурные элементы (артикль *аль* и его варианты), термины родства (*ибн, бен, заде, оглы* «сын», *бинт, кызы, кыз* «дочь», но *Абу* «отец», *Умм* «мать»; тувинское *оол* «мальчик» и *кыс* «девочка»), термины социального статуса (*ага, бей мурза, паша*); 5) при написании китайских имен.

Ключевые слова: русский язык, орфография, правила орфографии, кодификация, прописная буква, антропонимы, антропонимика.

Авторы благодарят сотрудников научного издательства «Большая Российская энциклопедия», а также специалистов по восточным языкам и ономастике А. Р. Абянову, Г. Р. Аганину, А. В. Байыр-оол, А. Д. Бахматову, Н. В. Бубнову, К. М. Пименову, М. Б. Рукодельникову, Н. Д. Сувандии за помощь в сборе материала, консультации и обсуждение проблем русской передачи иностранных имен.

Предлагаемая статья посвящена проблеме написания собственных имен, прозвищ, псевдонимов, кличек, выработке полного и непротиворечивого правила, отражающего современную практику письма и обосновывающего разные случаи выбора прописной буквы в зависимости от внетекстовых и текстовых условий.

Анализ реального современного письма и словарных материалов показал большую пестроту в применении прописной буквы как знака выделения в тексте собственного имени. Возникла необходимость определить причины, порождающие разнонаписания: связано ли их распространение с понижением уровня ответственности при публикации текстов, с понижением общей грамотности, или всё-таки существуют лингвистические причины для разных написаний, или традиционное правило является недостаточно полным, а может быть, и противоречивым?

Имена собственные редко включаются в орфографические словари. И причина этого не только в необозримости их количества, но и в широком ряде возможностей как в понимании границ имени, так и в выборе буквенного оформления, включая прописную или строчную буквы. Получающиеся при этом разнонаписания не всегда вызывают у большинства образованных людей ощущение неправильности, часто они воспринимаются как вполне приемлемые, знакомые. Откуда же берутся эти разные интерпретации и возможности оформления на письме?

Имя собственное «служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [ЛЭС], имя собственное не обозначает, а называет. Эти сущностные свойства имени собственного обуславливают и особенности его «плана выражения» — его фонетического и орфографического облика.

Основные обстоятельства, порождающие разнонаписания, могут быть и чисто лингвистические, и не совсем лингвистические. К ним относятся: 1) возможная неоднозначность функционально-семантической интерпретации слов, входящих в состав антропонимической модели, что приводит к разному определению границ собственного имени и разным написаниям, каждое из которых соответствует правилу; 2) наличие двух разнонаправленных тенденций в лингвистическом адаптационном механизме употребления: стремление адаптировать, русифицировать иноязычное имя собственное или стремление сохранить его иноязычность,

опознаваемость его источника[1], стремление следовать иноязычным традициям даже при написании русских имен; 3) наличие трех векторов в социокультурной адаптации собственного имени: стремление к соблюдению традиции в написании имени, стремление к интернационализации, унификации модели имени, стремление к индивидуализации фамильного имени; 4) наличие разных степеней перехода имени собственного в нарицательное, актуальность в тексте и в памяти участников коммуникации связи нарицательного с собственным; 5) существование транскрипции и транслитерации — разных способов передачи иноязычных слов, приводящих к разным написаниям (этот материал не затрагивает проблему выбора прописной или строчной и поэтому ниже не рассматривается).

Остановимся на перечисленных обстоятельствах несколько подробнее.

1. Имена собственные могут сопровождаться нарицательными именами, обращениями, разнообразными определениями, которые по правилу пишутся со строчной буквы (*дед Щукарь, Юлиан-отступник, курочка Пеструшка, курочка Ряба, Снежная королева*). Но иногда эти имена нарицательные осмысляются как часть имени собственного и пишутся, соответственно, с прописной (*Дед Мороз, Юлиан Отступник, Курочка Ряба*).

Эти разнонаписания не являются чистыми орфографическими вариантами, варьирующими форму записи при полной смысловой, фонетической и стилистической идентичности[2]. В данном случае разное написание отражает разное понимание границы собственного имени.

Но всегда ли пишущий свободен в своем выборе того или иного понимания? Накладывает ли выбор того или иного понимания какие-либо ограничения на употребление собственного имени в тексте? На эти вопросы мы попытались ответить в Примечании 1 (см. ниже).

2. В орфографии при передаче иноязычных имен, как и в орфоэпии, существуют две тенденции: стремление адаптировать, русифицировать иноязычное имя собственное или стремление сохранить его иноязычность, опознаваемость его происхождения. Эти тенденции действуют как при установлении всего буквенного облика, его слитного или раздельного написания, так и при выборе регистра написания первой буквы: прописная или строчная. Например, в области буквенного написания происходит упрощение двойных согласных: первоначальное написание *Гаванна* сменилось на *Гавана*, первоначальное написание *Монна* сменилось на *Мона* в сочетании *Мона Лиза*, но сохранилось в *Монна Ванна, Монна Роза,* вариативным и сегодня является написание фамилии австрийского математика и физика *Доп(п)лера* (эта вариативность отражается и в написаниях названий приборов и явлений, названных по имени ученого: *доп(п)лерография, до(п)плерометрия, доп(п)*

---

[1] Русконаправленная и иноязычнонаправленная тенденции в области современной орфоэпии подробно описаны в [Зализняк 2019] (см. с. … настоящего выпуска Трудов ИРЯ). Далее мы используем эти термины, представляющиеся нам удачными и для орфографии

[2] О разных определениях орфографических вариантов и обосновании принятого в данной работе см. подробнее в [Бешенкова, Иванова 2016: 21].

лер-УЗИ, однако нормативным является написание *Доплер,* соответствующее русконаправленной тенденции).

В области написания прописной или строчной, например, при однотипной структуре наименования героев в одном и том же тексте по-разному могут быть оформлены русские имена и «иноязычные» (ср. *Иван-царевич,* но *Бова Королевич*, при этом и написание *Бова-королевич* традиционно и частотно). В переводных произведениях чаще употребляется прописная буква, что соответствует написанию в иноязычном тексте, но и здесь проявляется тенденция к русификации: *Братец Кролик, Братец Лис,* хотя *братец Медвежонок* и *Братец Медвежонок* (ср. *братец Иванушка, госпожа Метелица*), *Человек-Муравей, Белый Кролик, Двуцветный Питон* (ср. *Снежная королева*), *Танцующий С Волками* (ср. *Некто в сером*). В современных изданиях, переложениях, экранизации даже русских сказок воспроизводится модель оформления имен собственных по иноязычному образцу: *Иван(-)Царевич, Конек(-)Горбунок, Серый Волк, Баба Яга.* Прописная буква встречается и в определительных оборотах как частях имени собственного, например *Финист Ясный Сокол,* что ничем не оправдывается в тексте.

Только понимая, что причиной появления такого типа разнонаписаний является действие этих двух тенденций, что здесь, в отличие от случаев в п. 1, за разными написаниями не стоит смысловых различий, кодификатор определяет свое отношение к ним. Кодификатор как субъективный фактор формирования общей нормы может либо поддержать привычные для чисто русских текстов написания, либо поддержать сиюминутную тенденцию. Исторический опыт кодификации орфографии показывает, что более перспективным путем является поддержание традиции. Оценка этих написаний дается в п. 2.2.г), 2.3 Примечания 1.

Действие двух тенденций − к русификации и к сохранению максимальной близости к языку-источнику − заметно в разных приемах передачи арабских имен. В существующих вариантах написания одних и тех же имен отражается поиск формы, наиболее удобной для носителей русского языка. Для человека малознакомого с арабской культурой приемлема запись составного имени как одного слова (например, *Абдурахман* или *Абдуррахман* из *Абд ар-Рахман / Абдур-Рахман / Абдул-Рахман* буквально означающее ‘слуга Всемилостивого’, где *ар* (*ур, ул*) − артикль). Передача имени по-русски в соответствии с его структурой в языке-источнике требует энциклопедических знаний, лежащих за пределами знания русского языка и имеющихся лишь у тех, кто связан с соответствующей культурой. Правила, опирающиеся на такие сведения, становятся в большей степени правилами передачи иностранных имен, а не правилами русской орфографии. Как показывает современный узус, развитие данной области письма идет в сторону иностраннонаправленных вариантов. Но и здесь задача кодификации − сбалансировать шаткую область письма, учесть интересы всех пишущих и читающих по-русски, и тем самым способствовать унификации написаний, а значит, и упрощению коммуникации. Подробнее об этом в [Арутюнова 2021].

3. Социокультурные факторы, действующие в написании личных имен — стремление к соблюдению традиции в написании имени, стремление к интерна-

ционализации модели имени, стремление к индивидуализации фамильного имени — приводят не к появлению вариантов написания одного имени конкретного человека, а к разнонаписаниям исторически одного имени, одной фамилии для разных конкретных людей.

Стремление к индивидуализации фамильного имени выражается обычно в именах известных людей. Так, фамилия художника *Винсента Ван Гога* пишется с двумя прописными в отличие от фамилии его праправнучатого племянника, кинорежиссёра *Теодора ван Гога*.

Социокультурная адаптация имени конкретного человека к новой языковой среде приводит к появлению новых имен. В истории мы видим много примеров русификации, так, фамилия *член-корреспондента РАН Б. Н. Делоне* восходит к фамилии *де Лоне* (ср. *маркиз Бернар Рене де Лоне*), фамилия *Ванде(р)вельде* восходит к фамилии *ван де Вельде,* фамилия русского драматурга Д. И. Фонвизина, немецкая по происхождению, еще при его жизни испытывала колебания в написании[3] и лишь к концу XIX в. приобрела современный вид (*фон Визен* (Карл Фридрих Фердинанд фон Визен) *§ фон(-)Визин* (И. А. Фон-Визин) > *Фонвизин* (Д. И. Фонвизин). Сейчас в мире идет процесс упрощения моделей фамилий из разных языков. Например, в языках, в которых сословные и другие различия выражаются в служебных словах при фамилии, как показывают современные австрийские, немецкие и другие адресные книги, эти слова во многих случаях либо опускаются, либо становятся частью фамилии.

Данные типы разнонаписаний не могут и не должны отражаться в правилах орфографии. Но правила орфографии нужны для определения написания регистрируемых, входящих в мир и язык новых имен. Для определения написания исторических личностей необходимо обращаться к энциклопедиям и другим справочникам.

4. Устойчивость написания строчной или прописной буквы при использовании имени собственного как имени нарицательного, т. е. для обозначения понятия, свойства (*меценат*, *геркулес, юные Ломоносовы, новые Чичиковы*), предмета (*ампер* (ед. изм.), *дизель, куртка-аляска*) определяется ступенью перехода данного собственного имени в нарицательное.

Существуют ли критерии, по которым можно определить место на этой шкале того или иного слова, типа слов? Если таких критериев нет, то такая область не подлежит кодификации с помощью правил, она кодифицируется только словарем. Но в данном случае удается выделить некоторые опознавательные контексты: если слово может быть употреблено в этом контексте, то оно пишется со строчной буквы во всех контекстах. И тем не менее приходится признать возможность несоответствия культурного багажа пишущего, читающего и записывающего. Так, пишущий при обозначении свойства какого-либо человека («сильный человек» — *геркулес,* «волокита» — *ловелас*) может в выборе прописной актуализировать отсылку к исходному носителю этого свойства (написав *Геркулес, Ловелас*),

[3] А. С. Пушкин писал брату Льву: «Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин. Что он за нехрист? Он русский, из прерусских русский» (https://rusmir.media/2014/12/01/russky).

читающий может это понять и соответственно оценить не как ошибку, но записывающий со слуха не имеет возможности это намерение осознать и адекватно отразить. В данном случае записывающий имеет право на другое написание. Но и в данном случаи разнонаписания не являются чистыми орфографическими вариантами, они выражают разный смысл, который могут понять участники письменной коммуникации, но не тот, кто записывает устный текст.

Все перечисленные выше факторы, вызывающие колебания в передаче на письме собственных имен людей, имен персонажей и кличек животных описаны в предлагаемом ниже правиле, для них сформулированы рекомендации.

При всей пестроте современного письма в области имен собственных, при наличии расхождений в кодификации конкретных имен в разных словарях и руководствах авторы предлагаемого проекта полагают целесообразным не оправдывать и не допускать немотивированную вариативность написания имени конкретного лица: они находят социокультурные причины, порождающие и закрепляющие разные написания исходно одной и той же фамилии, семантические причины разного написания имен персонажей, прозвищ, кличек. Если вариативность возникает как результат действия иностраннонаправленной тенденции, исторически оправданным представляется русконаправленный вариант.

Тем более что в других классах собственных имен, не столь подверженных иностранному влиянию, преобладает именно русконаправленная тенденция, как например в названиях отдельных зданий (прописная в препозитивном определении и строчная в родовом: *Помпейский дом, Римский дом, Ажурный дом*; прописная в родовом имени в сочетании с постпозитивным приложением: *Дом-ларец, Дом-паровоз, Дом-яйцо, Дом-пингвин, Дом-сороконожка*; прописная в родовом имени в сочетании с постпозитивным предложно-падежным определением: *Дом со львами, Дом с рюмкой, Дом на ножках*[4]).

Предлагаемое правило было разработано на основе анализа как (1) научной лингвистической литературы и различных лингвистических и энциклопедических словарей и справочников[5], так и (2) реального современного употребления антропонимов разных типов в текстовых источниках многообразных жанров (литературные

[4] Материал взят из работы А. В. Егоровой «Ойкодомонимы: пути естественной номинации». ww.ruslang.ru/sites/default/files/doc/marginalii2021_abstracts.pdf

[5] 1) Научные труды по ономастике и антропонимике, исследования в области истории формирования, структуры, орфографии антропонимов в русской и других национальных культурах, например [Суперанская 1973, Системы 1986, Королева 2000; Селищев 2003; Успенский 2004; Калакуцкая 1974; Николенкова, Дин 2020; Арутюнова 2021]; 2) своды правил и справочники по правописанию, отражающие историю кодификации данной области письма [Правила 1956; Розенталь 1967; Розенталь, Джанджакова, Кабанова 2010; Правила 2013; Мильчин, Чельцова 2014]; 3) предложения по усовершенствованию правил, например [Сталтмане 1965, Суперанская 1965]; 4) словари и энциклопедии, например [РОС 2012; Лопатин, Нечаева, Чельцова 2011; Агеенко 2010; Зализняк 2019; Розенталь 1989; Справочник 1987; Тупиков 2004; БСЭ, БРЭ]; 5) работы по транскрипции иноязычных названий, инструкции по русской передаче географических названий, например [Гиляревский, Старостин 1985; Концевич 2002; Инструкция 1975].

тексты, новости, официальные релизы и документы, библиографические сведения и пр.)[6].

Правило не меняет сложившиеся нормы письма и отражает системное устройство орфографии антропонимов — использование прописной буквы как маркера индивидуализирующих компонентов антропонимической модели, в состав которой могут также входить различные компоненты, пишущиеся со строчной буквы: структурообразующие слова (непереводимые иноязычные артикли, союзы, предлоги, нарицательные слова, указывающие на степень родства, пол, возраст и под.) и определения, обозначающие социальное положение, служащие для придания вежливости обращению и др.

В тех случаях, где норма употребления не устоялась, авторы предлагают свое решение, указывая другой возможный вариант кодификации в подстрочной сноске. Также указываются и случаи расхождений с рекомендациями отдельных справочников и словарей. Структура правила и приемы описания согласованы с правилом о прописной букве в географических наименованиях, прошедшим обсуждение и утвержденных на заседании Орфографической комиссии [Арутюнова, Бешенкова, Иванова 2020; Арутюнова, Бешенкова, Иванова 2021].

Проект правила о написании прописных и строчных букв в собственных именах

Правило. **В собственных именах, прозвищах, псевдонимах, кличках и т. д. с прописной буквы пишутся все слова и соединенные дефисом части слов, кроме непереводимых иноязычных служебных слов и слов, обозначающих родственные отношения**[7] (*Александр Сергеевич Пушкин, Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский, Владимир Красное Солнышко, Григорий Саввич Сковорода, Максим Грек, Камиль Сен-Санс, Шолом-Алейхем, Зевс, Афина Паллада, Каштанка, Наф-Наф*, *Бодуэн де Куртенэ, Людвиг ван Бетховен, Хосе Ортега-и-Гассет, Жанна д'Арк, Абд ар-Рахман аль-Хамиси, Тимур ибн Тарагай*). **Пишутся со строчной буквы нарицательные имена**[8]**, сопровождающие собственное имя, прозвище, кличку и не входящие в их состав** (*отец Иннокентий, Дюма-отец, князья Барятинские, Снежная королева, дядя Стёпа, граф Монте-Кристо, король Лир, леди Макбет, мистер Пиквик, дед Мазай, царь Дадон, доктор Айболит, кот Леопольд, пёс Цербер*).

---

[6] Электронные ресурсы, например [НКРЯ, ресурс Яндекса «Новости», ресурс Google «Книги», eLIBRARY.RU, сайт МИД].

[7] О написании непереводимых иноязычных служебных слов и слов, обозначающих родственные отношения, см. примечания 3–6.

[8] Нарицательные имена могут служить обращениями, называть родовую принадлежность, титул, звание, должность и под. В некоторых случаях названия титулов, званий, должностей могут быть написаны с прописной буквы. См. об этом примечания 3–6 и § 000 (здесь и далее 000 — это условный номер соответствующего параграфа в подготавливаемом своде правил. — *Авторы*).

Примеры.

1) Простые: личные имена: *Адам, Иван, Мария;* фамилии: *Иванов, Мицкевич;* прозвища: *Кюхля* (В. К. Кюхельбекер); клички: *Васька, Мурка, Каштанка, Машка, Сивка*; персонажи: *Карлсон, Мойдодыр, Морозко, Снегурочка*; индивидуальные религиозные[9] и мифологические имена: *Атлант, Богоматерь, Брахма, Будда, Венера, Геркулес, Магомет, Перун*; династии: *Пушкины, Романовы, Рюриковичи, Бурбоны*; во множественном числе, называющие двух и более лиц с одним именем: (две) *Елены,* (братья) *Жемчужниковы,* (супруги) *Толстые*;

2) составные, в которые могут входить личное имя (одно или более), отчество, фамилия (одна или более), прозвище, напр.: *Михаил Васильевич Ломоносов, Николай Андреевич Римский-Корсаков, Григорий Александрович Потёмкин-Таврический, Николай Николаевич Миклухо-Маклай, Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский, Владислав Маркович Иллич-Свитыч; Антоша Чехонте, Козьма Прутков, Искандер Ислахи; Ференц Лист, Уильям Шекспир, Альберт Эйнштейн, Исаак Ньютон, Гай Юлий Цезарь, Хорхе Франсиско Исидоро Луис Борхес Асеведо* (сокр. *Хорхе Луис Борхес*), *Фидель Кастро Рус* (сокр. *Фидель Кастро*), *Пабло Рус Пикассо* (сокр. *Пабло Пикассо*), *Федерико Гарсия Лорка, Артур Игнатиус Конан Дойль* (*сокр. Артур Конан Дойль*), *Ханс Кристиан Андерсен, Жан Жак Руссо*; *Афина Паллада, Иисус Христос, Робинзон Крузо, Оливер Твист, Чайльд Гарольд, Карабас-Барабас*.

Примечание 1. О границах собственного имени

Для того чтобы определить, какие слова являются частью составного имени собственного, а какие являются лишь определением к имени собственному, надо учитывать ряд факторов. Для слов, сопровождающих имя человека (см. ниже п. 1), важным является их грамматическая характеристика, их положение перед именем или после него, степень сохранения значения. Граница имен персонажей, псевдонимов, кличек (п. 2) больше зависит от воли автора этих прозваний, степени их распространенности и времени существования.

1. Слова (существительные, прилагательные, словосочетания), сопровождающие собственное имя человека.

1.1. Нарицательные существительные, стоящие после собственного имени человека и использованные не в своем прямом значении.

Нарицательные существительные (с зависимыми словами или без них), стоящие после собственного имени человека и потерявшие свое прямое значение, являются частью собственного имени и пишутся согласно правилу — с прописной буквы, напр.: *Владимир Красное Солнышко, Всеволод Большое Гнездо, Ричард Львиное Сердце, Климушка Тихое Лето.*

[9] Об особенностях употребления прописной буквы в сфере религиозной лексики, напр. *сатана, Фома неверующий,* см. § 000.

1.2. Нарицательные существительные, сохраняющие свое прямое значение (стоящие перед собственным именем человека или после него).

Нарицательные существительные (с зависимыми словами или без них), сопровождающие собственное имя человека и сохраняющие свое значение (обозначающие родовую, социальную, профессиональную и др. принадлежность, титул, слова-обращения), не входят в состав собственного имени и, соответственно, пишутся согласно правилу — со строчной буквы, напр.: 1) стоящие перед именем собственным: *архимандрит Палладий, государь Александр I, княгиня Ольга, математик Колмогоров, директор музея И. А. Антонова, отец Александр, сосед Петя, девушка Катя, малышка Оленька, дядя Вася, баба Катя* и 2) стоящие после имени собственного: *Николай-угодник, Марфа-посадница, Маша-растеряша, Дюма-отец, Дюма-сын*.

Комментарий. Нарицательные существительные, стоящие после имени собственного и сохраняющие в какой-то мере свое прямое значение, могут стать частью собственного имени, и тогда они пишутся с прописной буквы. Например, император *Юлиан II* в христианской историографии получил прозвище *Отступник* за отказ от христианских традиций и возвращение к язычеству. В текстах, описывающих его жизнь, он сначала просто характеризуется как отступник («*старец назвал его безбожником, отступником, человеком без веры*», «*отступник Юлиан, а с ним и другие отступники*»), но затем эта характеристика становится частью имени *император Юлиан Отступник.* Значение у слова *отступник* сохраняется, но при этом слово приобретает прикрепленность к данному лицу (референтную прикрепленность), что приводит, например, к невозможности поставить его в ряд однородных членов предложения с таким же нарицательным существительным-апеллятивом, ср.: некорректно **Юлиан Отступник и другие отступники* при возможном *Юлиан-отступник и другие отступники.* Также частью имен собственных исторических лиц стали бывшие нарицательные существительные, сохранившие свое значение и приобретшие референтную прикрепленность к определенному лицу: *князь Владимир Креститель, мученик Иван Воин, Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Креститель, Иоанн Предтеча, Иосиф Обручник* (*Иосиф Плотник), Максим Грек, Максим Исповедник, Феофан Исповедник, Николай Чудотворец, преподобный Нестор Летописец.* Статус идентифицирующего компонента как части имени конкретного исторического лица здесь однозначно закреплен. При них невозможны определения, ср. **Николай настоящий Чудотворец,* они не могут быть употреблены в контексте имени нарицательного, ср. *Ты архангел или чудотворец?* — фраза *Я Николай Чудотворец* не является ответом на заданный вопрос.

Таким образом, в данном случае существует смысловая разница в выборе прописной или строчной буквы: строчная буква означает, что слово характеризует этого человека так, как может характеризовать и любого другого человека, а прописная буква — что слово-наименование закреплено за определенным лицом: *Илья-пророк* (в основном в фольклорных текстах) и *Илья Пророк*, *Николай-угодник* и *Николай Угодник, Владимир-креститель — Владимир Креститель.* В контекстах, в которых подразумевается прямое значение слова, пишется строчная

буква. Так, при описании особенностей труда летописцев, переписчиков духовных текстов, строчная буква оправданна во фразе: *Нестор-летописец, таким образом, это не просто учёный монах, сидящий в тепле и выводящий буковки на пергаменте. Это труженик.* С другой стороны, пишущий может использовать прописную букву в приложении для придания значения особого статуса данной характеристики субъекта, ее исключительной роли для данного лица (*Фёдоров-первопечатник — Фёдоров Первопечатник*).

1.3. Определения-прилагательные, стоящие после личного имени.

В устойчивых сочетаниях личного имени с последующим определением-прилагательным это прилагательное становится частью имени собственного и, соответственно, пишется согласно правилу — с прописной буквы, напр.: *Карл Великий, Ярослав Мудрый, Пётр Первый, Иван Грозный, король Карл IV Красивый, Пипин Короткий, Катон Старший, Плиний Младший*[10]*, Людовик I Благочестивый, Карл Смелый, Олег Вещий*, *Мария Кровавая, Карл II Лысый, Эрих Рыжий, Святополк Окаянный.*

2. Слова, сопровождающие имена персонажей, клички, прозвища, псевдонимы или входящие в их состав.

Написание имен персонажей подчиняется общему правилу: слова, входящее в состав имени, пишутся с прописной, слова, сопровождающие, характеризующие персонажа, пишутся со строчной.

Комментарий. Автор текста вправе сам определить, что считать собственным именем персонажа, а что — его характеристикой[11]. Он может выбрать нарицательное обозначение *курочка ряба* (*курочка-рябушка*) или придать статус имени собственного только определительному компоненту *курочка Ряба* («*Смотрите — вот курица, // Фамилия Ряба» (В. В. Маяковский), «Жили-были бабушка Даша, внучка Маша да курочка Ряба»)* или все словосочетание представить как собственное имя *Курочка Ряба* (аналогично: каноническое авторское наименование *конёк-горбунок* в современных текстах переосмысляется и появляются написания *конёк Горбунок, Конёк-горбунок, Конёк-Горбунок*)[12].

Выбор автора должен оправдываться текстом и последовательно в нем выдерживаться. Явно ошибочным является употребление прописной буквы в контексте, не допускающем трактовку нарицательного существительного как имени собственного, напр. в зачине сказки: «*Как-то Ворон увидел такого жирного Крокодила,*

---

[10] Слова *старший, младший* в постпозиции к именам исторических лиц переходят в разряд прозвищ. При необходимости идентификации членов одной фамилии используются приложения *отец, сын, старший, младший: Дюма-отец, Дюма-сын, Рокфеллер-старший, Райкин-младший* и т. п. При окказиональном уточнении носителя одного и того же имени, например *Маша маленькая, черненькая* и *Маша большая, беленькая,* прилагательные также не становятся частью имени.

[11] Это не касается известных литературных персонажей, написание которых фиксируется в канонических текстах, в лингвистических словарях, Энциклопедии литературных героев.

[12] Еще больше возможностей в трехчастном сочетании, например: *свинка — золотая щетинка, свинка Золотая щетинка, свинка Золотая Щетинка, Свинка Золотая Щетинка.*

что у него даже слюнки потекли» (при употреблении имени нарицательного как имени собственного, вводится еще и его характеристика *такой жирный*, о которой дальше идет речь, а это требует нарицательного понимания последующего слова). Появление прописной буквы было бы оправданным при введении крокодила в качестве героя сказки, а не в качестве носителя свойства. Или при превращении обычного предмета в героя произведения («*Курица снесла яйцо, а оно сейчас же и покатилось по дороге… Повстречался ему Рак: — Куда ты идешь, Яйцо?*»). Ошибочным является и приписывание статуса имени собственного определению к имени (*«В один прекрасный день Петушок со *Шпорами сказал Курочке-хохлатке...*»), если далее в тексте для наименования персонажа используется только первое существительное (только *Петушок*).

В произведении А. С. Пушкина «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях» сочетание *мёртвая царевна* не является именем собственным «*Перед мёртвою царевной // Братья в горести душевной // Все поникли головой*», но в текстах, отсылающих к героине этой сказки, появляются написания *Мёртвая царевна, Мёртвая Царевна*, отражающие осмысление этого словосочетания как индивидуальной номинации именно этой героини, а не любой другой мертвой царевны в какой-либо другой сказке.

То же можно сказать и о прозвищах, кличках, но в этих случаях коллективное авторство приводит к усреднению воли каждого из авторов, в результате преобладает либо написание по правилу, либо по наиболее частотному в текстах последних лет модному образцу.

2.1. Нарицательные существительные (с зависимыми словами или без них), обозначающие родовую принадлежность, титул, звание, должность, выражающие признак, характеристику субъекта, обращение, а также имена прилагательные (с зависимыми словами или без них) и другие определения при собственных именах персонажей, псевдонимах, кличках осмысляются пишущим

а) не как части имени собственного и пишутся согласно общему правилу со строчной буквы, например, однословные в препозиции: *госпожа Метелица*, *батюшка Морозушко, дед Мазай, дядя Стёпа, девочка Снегурочка, сватья баба Бабариха, доктор Айболит, лиса Алиса, кот Базилио, царевна Несмеяна, царевич Елисей, царь Дадон, царевна Лебедь, мистер Твистер, мистер Пиквик, граф Монте-Кристо, король Лир, леди Макбет, богиня Афина, крошка Цахес, горгона Медуза*; однословные в постпозиции: *Медуза-горгона, Аника-воин, Марья-искусница, Василиса-поповна, Курочка-хохлатка*; составные: *девочка Красная Шапочка, герцог Синяя Борода, пёс Белый Клык, Варвара — краса, длинная коса*[13], *царь Берендей — до колен борода, Финист — ясный сокол, Иван — крестьянский сын, Иван — коровий сын, Ирина — пуховая перина, Мороз — красный нос*;

б) как части имени собственного, и тогда прописная буква будет писаться во всех компонентах этого сложного имени, напр.: *Иван Царевич* (ср.: *Иван-царевич,* где имя *Иван* с приложением *царевич*), *Бова Королевич*, *Братец Кролик, Братец Лис* (ср.

[13] О написании тире перед неоднословным приложением см. [Правила 2006, § 154].

братец Иванушка)[14]. При таком понимании номинативное значение существительного может ослабляться до полной потери (значение «королевич, царевич» не является актуальным, когда слово становится частью имени собственного). Если же такое ослабление не проявляется в контексте, то данное написание нельзя считать оправданным.

2.2. Сочетание нарицательного существительного с одиночным приложением может быть осмыслено пишущим:

а) как обычное сочетание нарицательного существительного с приложением: *конёк-горбунок, жар-птица, огонь-девица, сивка-бурка*[15], *человек-невидимка, баба-яга*[16], *муха-цокотуха, кот-баюн, крошка-енот*;

б) как сочетание родового имени, приложения с именем собственным, напр. *кот Баюн, баба Яга* («*Отчего так не любят Ягу*» Б. Заходер), *муха Цокотуха, крошка Енот*;

в) как сочетание имени собственного с приложением — тогда с прописной буквы пишется только первое слово, напр.: *Царь-девица, Царь-освободитель, Человек-паук, Человек-невидимка, Жар-птица, Баба-яга, Кот-баюн* — здесь именем является только первое слово, как *Маша* в сочетании *Маша-растеряша*. Такой выбор написания возможен для авторских текстов, текстов, не связанных с традицией обозначения героя;

г) как единое сложное имя собственное, но при этом ни один из его компонентов не теряет связи со своим номинативным значением — тогда все слова пишутся с прописной, напр.: *Человек-Муравей, Женщина-Невидимка*, *Дед Мороз* (ср.: *дед Мазай* — здесь имя только *Мазай*), *Баба-Яга* (*«Будто я // Злая Баба-Яга»* Б. Заходер), *Кот Баюн.* Последний тип написаний распространен в современном письме, но часто такое осмысление не поддерживается текстом.

2.3. Сочетание нарицательного существительного, сохраняющего номинативное значение, с препозитивным прилагательным может быть осмыслено пишущим:

а) как сочетание имени собственного, выраженного прилагательным, с нарицательным именем — тогда только определение пишется с прописной буквы[17], напр.: *Скупой рыцарь, Снежная королева, Спящая красавица, Мертвая царевна, Шемаханская царица, Солунские братья, Белый генерал* (о М. Д. Скобелеве)*, Великий*

---

[14] Употребление прописной буквы в приложениях к имени собственному должно быть оправдано текстом. В современных текстах встречаются неоправданные текстом употребления прописной буквы, напр. *Финист — Ясный сокол.* В сказке герой имеет имя Финист («*Финист мой, зачем ты меня оставил одну*»), который оборачивается соколом, ясным соколом. Аналогично: *Иван — крестьянский сын.*

[15] В толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова: **сивка** — «**1.** Лошадь сивой масти (*разг.*). *Ну, тащися, сивка!* А. Кольцов. *«Сивка, бурка, вещая каурка»* Сказка. *Уходили сивку крутые горки.* Поговорка».

[16] В фольклоре живо слово *яга,* фиксированное и словарем В. И. Даля (**ЯГА** или яга-баба, баба-яга, ягая и ягавая или ягишна и ягинична, род ведьмы, злой дух, под личиною безобразной старухи). У В. В. Я. Проппа в книге «Исторические корни волшебной сказки» (М., 2004) находим: «В основном сказка знает три разные формы яги» (с. 36): яга-дарительница, яга-похитительница, яга-воительница.

[17] Ср. аналогичное написание топонимов типа *Черное море.*

комбинатор (об Остапе Бендере), *Вечный жид*,*Маленький принц, Железный хромец* (о *Тамерлане* — Тимуре ибн Тарагай Барласи), *Зеленый рыцарь, Великий инквизитор, Орлеанская дева, Синяя птица, Железный дровосек*;

б) как единое сложное имя — тогда все слова пишутся с прописной, напр.: *Серый Волк* (волк по прозвищу *Серый Волк*). Такое понимание встречается в основном в переводной литературе, напр.: *Белый Кролик, Дикая Кошка, Скалистый Змей, Двуцветный Питон, Червонный Валет, Рыбный Деликатес.* В других случаях использование второй прописной предполагает преобразование значения, как в примерах: *Прекрасная Дама, Орлеанская Дева, Синяя Птица* — здесь и *Дама,* и *Дева,* и *Птица* становятся символами.

2.4. Определения-прилагательные, стоящие после личного имени, становятся частью имени собственного и, соответственно, пишутся согласно правилу — с прописной буквы, напр.: *Елена Прекрасная, Василиса Премудрая, Кощей Бессмертный.*

2.5. Сочетание родового имени с определением, выраженным глагольным сочетанием, осмысляется как сочетание с именем собственным, но с прописной пишется только первое слово как исключение, напр.: *капитан Сорви(-)голова*.[18]

2.6. В сочетании родового имени с определением, выраженным предложно-падежной группой, статус имени может присваиваться только первому слову — тогда по правилу с прописной буквы пишется только первое слово, напр.: *Кот в сапогах, Кот в шляпе, Мальчик с пальчик* (*Мальчик-с-пальчик*), *Некто в сером, Петушок со шпорами*; но возможно и присвоение статуса имени собственного всему сочетанию, тогда принятое написание зависимого слова со строчной (*Рике с хохолком*) является исключением.

В современных текстах авторы, именуя своих персонажей, присваивают статус имени собственного любому словосочетанию и пишут все компоненты, даже служебные, с прописной буквы, что не отвечает ни традиции русского письма, ни сложившимся правилам, напр.: *Столик Накорми Меня*[19]*, Стоящая С Кулаком, Танцующий С Волками, Ветер В Его Волосах.*

Примечание 2. Об использовании имен собственных не в своей основной функции

Имена собственные предназначены для выделения конкретного субъекта или предмета из ряда однородных, для его индивидуализации. Имена собственные

[18] Прозвища, выраженные глагольными сочетаниями, были характерны для языка XVII–XVIII вв., напр. *Фёдор Умойся грязью* (псковитин, 1606 г.) [Тупиков 1903]. Со временем такие прозвища становятся фамилиями, начинают писаться в одно слово, напр.: *Непейвода*, *Перебейнос, Убейволка.* Оставаясь прозвищами, они могут записываться в соответствии с традицией исторической литературы (*Фёдор Умойся грязью*) или по расширенному пониманию правила автором, как, например, в романе А. Н. Толстого — *Федька Умойся Грязью.*

[19] В сказке братьев Гримм «Столик, сам накройся, золотой осел и дубинка из мешка» (вариант: «*Столик-накройся...*», нем. *Tischchen deck dich*), говорится о столе, к которому обращаются со словами «*столик, сам накройся*». Эта фраза выведена в название, наряду с другими волшебными героями, но не осмысляется как имя собственное.

также могут выступать индивидуализаторами других объектов (*сальто Корбут, проба Манту, таблица Менделеева, словарь Ожегова, говядина Веллингтон, автомат Калашникова, револьвер системы «Маузер»*). Имена собственные также могут выражать и нарицательные значения — обозначать признак, характерный для некоторого обладателя данного имени собственного и хорошо известный участникам коммуникации. Кроме того, к именам собственным исторически восходят и некоторые нарицательные имена, которые, в свою очередь, как любое имя нарицательное, могут стать наименованиями совсем других предметов или субъектов.

1. К именам собственным восходят многие нарицательные существительные, обозначающие предметы, виды животных, явления. Эти существительные включаются в толковые словари, где объясняется их значение без апелляции к имени собственному.

Примеры: единицы измерения (*ампер, вольт, герц, джоуль, кюри, ом, ньютон*[20] и др.), химические элементы и минералы (*тантал, титан, уран*), ткани, предметы одежды (*батист, галифе, гобелен, макинтош, фигаро* — по именам людей; сравни также *аляска, балаклава, бикини, бостон, джерси, кашемир, панама* — по географическим наименованиям), продукты питания, блюда и напитки (*геркулес, карпаччо, наполеон, оливье, пармезан, чеддер* — по именам людей, сравни также *бордо, коньяк, кьянти, мадера, напареули, нарзан, цинандали* — по географическим наименованиям), изделия промыслов (*гжель, палех, хохлома, баккара* — по географическим наименованиям), виды оружия (*браунинг, винчестер, кольт, маузер, наган* — по именам людей), элементы спортивных упражнений, танцевальных программ (*лутц, сальхов, риттбергер*), растения, животные (*адонис, гиацинт, нарцисс; махаон, аполлон* (*бабочки*), *голиаф, геркулес, сизиф* (жуки); ср. также *йоркширы* (порода свиней), *ньюфаундленд,* части сложного наименования породы собак *джек-рассел-терьер, бостон-терьер, кинг-чарльз-спаниель*) и другие (*дизель, пирке* – по именам людей, ср. также *бадминтон, геенна* — по географическим наименованиям).

Слова этой группы в основном хорошо освоены как нарицательные и часто не ассоциируются с исходным собственным именем. Сочетание родового слова с таким существительным используется обычно только в номенклатурных перечнях (*ткань батист*: *описание, состав, способы ухода*), реже — в обычных текстах (*Сказку про цветок нарцисс до вас мне никто не рассказывал!;* хотя в поэзии все возможно: *«А может, дерево баньян При мне стесняется расти?»* (Н. Матвеева)) или вообще не используются (**посуда гжель, *роспись палех*). Если же слово не так хорошо освоено, то при нем требуются или допускаются родовые имена, напр.: *куртка-аляска, купальник бикини.* Оформление сочетания слов этой группы с родовым именем определяется правилами написания сочетаний с приложением

[20] Сокращения названий единиц измерения, данные по фамилиям, пишутся с прописной буквы, напр.: *Вт* (ватт), *Гц* (герц), *Дж* (джоуль), *Кл* (кулон), *Н (ньютон), Ом (ом), Па* (паскаль) и др.

(см. § 000). Как обычные нарицательные существительные, слова этой группы могут стать названиями для других предметов, их написание в этом случае регулируется правилами написания названий этого типа предметов (сортов, марок изделий, продукции, организаций и т. п., см. § 000).

2. К именам собственным восходят некоторые нарицательные существительные, обозначающие человека по признаку, качеству, свойству, характерному для носителя данного имени собственного. Такие существительные также включаются в толковые словари.

Примеры: *айболит* («*разг., шутл.* Человек, который лечит животных» ТСРЯ), *иуда* («Предатель, изменник» ТСРЯ), аналогично: *альфонс, аполлон, бурбон, ванёк, голиаф, геракл, геркулес, ирод, искариот, ихтиандр, каин*, *ловелас, ментор, хам, цербер* и др.[21]

Комментарий. В принципе любое имя собственное может быть использовано не для наименования, а для характеризации другого человека: пишущий приписывает какому-либо субъекту часть свойств другого субъекта, причем эти свойства должны быть известны участникам коммуникации. Для этого могут быть использованы конструкции некоторых типов: «*второй Чадаев, мой Евгений...*» (А. С. Пушкин); *ещё один Фома неверующий*; *ни одного Шумахера среди наших водителей не нашлось или хотя бы Шварценеггера*; *ещё одна Маша-растеряша* и просто *ещё одна Маша* (т. е. человек со свойствами знакомой Маши).

Таким образом, одни имена собственные, если они используются для характеристики другого субъекта, полностью переходят в разряд нарицательных существительных и пишутся со строчной буквы, другие — не переходят в разряд нарицательных и сохраняют прописную. Слова и из одной, и из другой группы могут быть употреблены в этой функции как однородные члены предложения, напр.: *Гарик не цербер, я не Склодовская-Кюри* (Е. Завершнева).

Четкую границу между этими двумя группами слов провести сложно. Можно заметить, а) что слова, перешедшие в разряд нарицательных, не употребляются в контексте со словами *второй, другой* «подобный», *новый* «подобный», *сам* (**второй цербер, мой сосед; Видимо, и сам Геркулес не смог бы одолеть весь этот бесконечный путь…* (А. Н. Бенуа), в отличие от не перешедших (*второй Чадаев, мой Евгений*), б) но они употребляются в роли постпозитивного приложения (*Латники-геркулесы с широко раздвинутыми ногами…* (Г. Бояджиев); *Мечта любого начальника — буквоедка-цербер в приёмной*).

Если в контексте явно выражена отсылка к исконному носителю имени, то сохраняется и прописная буква в этом имени, напр.: *Это была настоящая сторожевая собака, неусыпный Цербер, подобный трехголовому псу у ворот Тартара…* (В. Н. Фигнер); *Недостаточно слышать Паганини в концертах, где он, как Геркулес, повергает в прах состязающихся с ним скрипачей северных стран*

[21] Нарицательные имена *донжуан* и *донкихот* восходят к именам собственным *Дон Кихот* и *Дон Жуан*, но пишутся слитно.

(А. К. Виноградов); *Этот честен и глуп, а может объявиться подлый и умный и продаст вас, Старшов, как Иуда, с братским поцелуем* (Б. Л. Васильев).

При отсутствии поддерживающего контекста, усиливающего ассоциацию с прообразом, автор текста может выразить свое намерение усилить или не усиливать ассоциацию, выбрав написание с прописной или со строчной. Читающий это может понять, но для записывающего (например, под диктовку) этот смысл может остаться неясным, и он может выбрать любое написание, исходя из своего понимания, ср., напр.: *Настоящий Геркулес и к тому же умница* (К. Г. Шахназаров) — *Он приземист, скуласт, широкогруд страшно, настоящий геркулес* (В. М. Дорошевич).

Степень потери связи нарицательного слова с исходным именем собственным у разных слов разная. Так, у слова *меценат*, судя по текстам, почти потеряна связь с Гаем Меценатом, «крестным отцом» всех меценатов. Даже в контексте с сильной отсылкой к прообразу это слово пишут со строчной буквы (*Что я — меценат, Лоренцо Великолепный, папа Юлий, покровитель искусств, чтобы опустошать скудную казну для публикации музыкальных шедевров, до которых никому нет дела?* (Ю. М. Нагибин)). Также и в контекстах сравнения с другими именами собственными, употребленными в нарицательном значении, это слово пишется со строчной буквы (*Я настоящий меценат, а не какие-нибудь там Третьяковы…* (И. В. Евдокимов)).

Слово *Иуда*, напротив, в большинстве конструкций обычно сохраняет прописную букву (*продаст вас, как Иуда, с братским поцелуем; предаст, как тот Иуда; Не Иуда же я! Фашисты, как и Иуда, знали что делали; Тогда мы и не подозревали, что в этом узком кружке был уже свой Иуда*), а со строчной пишется в некоторых конструкциях: как бранное слово (*Домой захотел, иуда!*), в предикативной позиции (*ты — иуда*), как приложение при имени собственном (*то иуда Троцкий, то иуда Свердлов*; *паяц Петя, иуда Вася, солдафон Дадон и другие*), в контекстах, проявляющих нарицательный компонент значения имени (*что за иуда нас продал; чего заслуживает этот иуда?*).

3. Фамилии в форме множественного числа, называющие тип людей с теми же качествами, свойствами характера, что и известный носитель данной фамилии, сохраняют прописную букву. Написания со строчной буквы возможны как экспрессивно-стилистический прием, чаще всего с целью усиления отрицательной или иронической оценки лица.

Примеры: *Иваны, не помнящие родства; Мы все глядим в Наполеоны* (А. С. Пушкин); *советские Шариковы; …Что может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать* (М. В. Ломоносов); *Вот и бредут наши маленькие Ломоносовы в грязь и холод по нескольку километров за знаниями;* но: *современные чичиковы, новоявленные геббельсы, прибегут плюшкины местного разлива.*

Примечание 3. О написании непереводимых служебных слов в германских, романских и других европейских именах

Иностранные фамилии могут сопровождаться непереводимыми иноязычными служебными словами (артикли, предлоги, союзы). В русском языке при употреблении некоторых фамилий эти слова могут быть факультативными (напр., *изучать творчество Гёте*, хотя *фон Гёте*) или, наоборот, могут становиться неотъемлемой частью фамилии (*гениальный да Винчи*, но не *гениальный *Винчи*). Иноязычные служебные слова согласно правилу пишутся со строчной буквы.

Примеры:

а) германские служебные слова: *фон* (от нем. предлога von «из»), *цу* («в»), *ауф* («на») и в сочетаниях *фон дер, фон дем, ауф дер* и др. (нем.), *ван* (*фан*), *ван дер* (голланд.), *аф* (швед.);

примеры фамилий, сочетаний имени и фамилии: *фон Штольберг, Иоганн Вольфганг фон Гёте,* его отец *Иоганн Каспар фон Гёте*, *Отто фон Бисмарк, барон Манфред фон Арденне, Гюнтер фон Хагенс, Василий Фёдорович Шмидт фон дер Лауниц, Карл Фёдорович фон Мекк*; *цу Гуттенберг,* принц *Йозеф цу Зальм-Райффершайдт-Дик, цу Изенбург, Франц Ксавье цу Штольберг, Карл Людвиг фон унд цу Гуттенберг*; *Франц ауф дер Мор*; *Людвиг ван Бетховен*, *Ян ван дер Ваальс*, *Рогир ван дер Вейден, Эдвин ван дер Сар, Симон ван дер Мер*; *Роберт аф Йокник*, *Густав аф Гейерстам*;

б) романские служебные слова: *да* (от ит. предлога «из»), *де* (от фр. предлога «из.»), *ле* (артикль), *и* (исп. «и») и их варианты и сочетания: *д', дель, делла, ди, дос, дю; -и-, л', ла* (*ля*)*, лас, -и-де-, де ла, де лос, -и-де ла*; *душ* (от порт. *dos* «из»);

примеры фамилий, сочетаний имени и фамилии: *Леонардо да Винчи, Барклай де Толли, Лопе де Вега, Альфред де Мюссе, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Шарль де Костер,* гуманист Альвар Гомес де Кастро, *Жанна д'Арк, Лука делла Роббиа, Паоло делла Стелла*, *Андреа дель Сарто, Доменико ди Джованни, Джовани дос Сантос, Мартен дю Гар Роже, Ортега-и-Гассет, Алеман-и-де-Энеро, Чад Гай Бертран ле Кло, Хуана Инес де ла Крус, Бретон де лос Эрреросъ, баронесса де Сталь, Шарль-Мишель де л'Эпé*, *Мануэл душ Сантус Лопиш.*

Примеры текстовых употреблений: *пять секретов да Винчи; известные лица династии де ла Крус, скульптор делла Стелла, изобретатель языка жестов Шарль-Мишель де л'Эпе*, *также известен как аббат де л'Эпе.*

Рассмотрим возможные отклонения от правила.

1 . При особом выделении одного из членов рода — носителя фамилии — в написании именно его фамилии иноязычное служебное слово может закрепиться с прописной буквы (ср.: художник *Винсент Ван Гог* при *Теодор ван Гог — кинорежиссёр, праправнучатый племянник Винсента Ван Гога*), *Ян Ван Эйк* (нидерл. *van Eyck*), *Антон (Антонис) Ван Дейк* (нидерл. *van Dijck, van Dyck*), *Якоб Хендрик Вант-Гофф* (нидерл. *van't Hoff*). Сведения о написании таких фамилий содержатся в научных лингвистических и энциклопедических словарях.

2. При потере или отсутствии связи с традицией передачи династического имени (фамилии рода) в языке-источнике или в русском языке написание непереводимых служебных слов при фамилиях может меняться:

а) служебные слова могут срастись с родовой фамилией в одно слово. Так, фамилия *Вандевельде* или *Вандервельде* восходит к известной фамилии *ван де Вельде* (династия художников *ван де Вельде*: Вильям, Антоний, Ян-старший и Ян-младший), фамилия русского драматурга *Фонвизин* восходит к нем. *von Wiesen.* Ср. также *Делоне* и *де Лоне* (*художник Робер Делоне* (фр. *Delaunay*), *член-корр. РАН Б. Н. Делоне — маркиз Бернар Рене де Лоне* (*de Launay*), *геолог Луи де Лоне*; *Лагранж* и *ла Гранж* (*математик Джозеф Луис Лагранж* (*Lagrange*) и *Анри-Луи ла Гранж* (*la Grange*), *Амори де ла Гранж (de la Grange*) ; *мореплаватель Жан Лаперуз* при фр. *La Pérouse* и *La Pérouse; Эдгар Дега — его отец банкир Огюст де Га*;

б) служебные слова (одно или все) в составе фамилий могут писаться с прописной буквы. В иноязычной среде они воспринимаются не как значимые единицы (ср. переводимые: *Аристотель из Стагиры, Аристотель из Митилены*), а как неотъемлемые условные части фамилии и пишутся соответственно. Например, так пишется фамилия первого директора Императорского Московского технического училища (ныне МГТУ) *Виктор Карлович Делла-Вос*[22]. В сочетании служебных слов прописная буква может писаться только в одном из них (обычно менее частотном), напр.: *Андрей Андреевич фон Цур-Милен, Люк Ауф дер Мор, Мелисса Ауф дер Маур, Бартоломео де Лас Касас* (*Las Casas*), *Лионель де Ла Лоранси, Николай и Елизавета Фан-дер-Флит.* Сведения о написании таких фамилий содержатся в научных лингвистических и энциклопедических словарях.

3. При создании новых фамилий, псевдонимов, прозвищ могут использоваться служебные слова, их написание в языке-источнике определяется волей автора и, соответственно, воспроизводится в русском языке, напр.: *Ле Корбюзье* (*Le Corbusier*; наст. имя и фам. *Шарль Эдуар Жаннере), Эдуардо Де Филиппо* (*De Filippo*; наст. фам. *Пассарелли, Passarelli).*

4. Современные тексты характеризуются потерей традиционных связей с культурой, что отражается в хаотичном употреблении прописной буквы при передаче непереводимых служебных слов. Написание любого имени по правилу считается соответствующим современной орфографической норме русского языка, даже если оно противоречит зафиксированному в том или ином источнике.

5. От служебных слов следует отличать слова *дон, дона, донна, донья*, предшествующие романским именам и фамилиям и означающим «господин», «госпожа». Согласно правилу они пишутся со строчной буквы, кроме тех случаев, когда они стали компонентом закрепившихся в русском языковом фонде целостных единиц — имен персонажей известных произведений, напр.: *дон Базилио, дон Сезар де Базан, донна Роза, донна Мария, донья Долорес, донья Росита,* но имена

[22] Употребление дефиса при написании служебных слов, характерное для 19 века, также объясняется переосмыслением компонентов фамилии в иноязычной среде. О слитном, дефисном, раздельном написании собственных имен см. § 000.

персонажей: *Дон Кихот* (Мигель де Сервантес), *Дон Жуан* (Мольер)[23], *Дон Гуан* (А. С. Пушкин), *Дон Карлос* (И. Ф. Шиллер)[24], *Дона Анна* (А. С. Пушкин).

Примечание 4. О написании начальных частей фамилий *Мак-, Сан-, Сант-, Сен-, Сент-, Тер-, О'*

1. Начальные части иностранных фамилий *Мак-*[25], *Сан-, Сант-, Сен-, Сент-*[26], *Тер-*[27], присоединяющиеся к последующей части дефисом[28], пишутся с прописной буквы, напр.: *Мак-Грегор, Мак-Дугалл, Мак-Кинли, Сан-Мартин, Сант-Элиа, Санта-Анна, Санта-Крус-и-Калаумана, Сен-Жюст, Сен-Санс, Сен-Симон, Сент-Бёв, Сент-Экзюпери, Тер-Минасова, Тер-Петросян*.

Если часть *Мак-* пишется с последующей частью слитно, то эта часть начинается со строчной буквы, вне зависимости от написания в языке-источнике, напр.: *Джеймс Макферсон (Macpherson), Джеймс Эдуард Херви Макдоналд (MacDonald), Джозеф Реймонд Маккарти (McCarthy).*

2. Начальная часть иностранных фамилий *О'*[29], присоединяющаяся к последующей части без пробела, пишется прописной буквой, напр.: *О'Нил, О'Коннор, О'Брайен*[30].

Примечание 5. О написании арабских имен и других восточных имен со сходной моделью

В системах письма многих восточных языков нет прописных букв. Русская передача имен из этих языков подчиняется правилам русской орфографии. С прописной буквы пишутся слова и соединенные дефисом части слов, входящие в состав имен, за исключением непереводимого артикля, некоторых терминов родства, а также в разной степени освоенных русским языком слов, обозначающих социальное положение, титул, выражающих почтительное отношение при обращении[31].

---

[23] О нарицательных словах *донкихот* и *донжуан* см. сноску 8.

[24] Цельность имен персонажей может выражаться и в несклоняемости первого компонента. Ср.: *За XIX век реликвия сменила нескольких хозяев и в 1895 году попала в руки дона Карлоса, графа Мадридского и легитимного претендента на французский трон* (дон Карлос — реальная историческая личность) и *Роль Дон Карлоса создана, так сказать, по форме его таланта* (Дон Карлос — персонаж драмы И. Ф. Шиллера).

[25] *Мак-* — компонент шотландских, ирландских, английских фамилий, восходит к слову со значением «сын».

[26] *Сан-, Сант-, Сен-, Сент-* — компоненты романских фамилий, восходят к слову со значением «святой».

[27] *Тер-* — компонент армянских фамилий, означает «господин».

[28] Подробнее о слитном и дефисном написании начальных частей фамилий см. § 000.

[29] Начальная часть *О'* входит в состав ирландских и английских фамилий, восходит к слову со значением «внук», «потомок по мужской линии».

[30] От фамилий с начальной частью *О'* нужно отличать псевдоним *О. Генри* (наст. имя и фам. Уильям Сидни Портер), который пишется с точкой и пробелом в соответствии с написанием в языке-источнике *O. Henry*.

[31] О слитном, раздельном, дефисном написании арабских имен см. § 000.

1. Артикль *аль* (варианты его написания, отражающие ассимиляцию согласного с последующим согласным *ад, аз, ан, ар, ас, ат, аш*[32], и другие его модификации *ль, ш, т, зуль, оль, уль*) согласно правилу о написании служебных слов пишется со строчной буквы.

Примеры:

— в середине именной конструкции *Сабах аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах, Ибрахим аль-Куни*, *Абдулла Мухаммед аз-Зури ад-Дусари, Нассер Али аш-Шамрани, Абд ар-Рахман I, Шейх ат-Таифа*; *Абу-ль-Фарадж, Абу-ль-Аббас, Абу-р-Рида, Абу-с-Сакр, Абу-т-Тами*, *Салах зуль-Фикар, Кемаль оль-Мольк, Мухаммад Зия уль-Хак*;

— в начале именной конструкции *аль-Мухтар аль-Касим, ан-Насир Ахмед*[33].

2. Термины родства со значением «сын», например *ибн, бен, заде, зода, оглы, оглу, улы, угыл,* и со значением «дочь», например *бинт, бинти, гызы, кызы*[34]*, пишутся со строчной буквы. Термины родства Абу* («отец»), *Умм* («мать»)[35], *Аль* («род, семейство, династия»)[36] пишутся с прописной буквы.

Примеры:

- включающие термины со значением «сын» и «дочь»: *Ахмед ибн Фадлан* (сын Фадлана)*, Джамиль ибн Абдаллах ибн Муаммар аль-Узри, Саид бен Теймур*; *Гусейн Раси-заде, Сатым Улуг-зода*, *Лютфияр Муслим оглы Иманов* (сын Муслима), *Саявуш Камран оглу Касумов* (сын Камрана), *Алибек Шарап улы* (сын Шарапа); *Хадиджа бинт Хувайлид (дочь Хувайлида)*, *Хайя бинт аль-Хусейн, Адина бинти Осман* (дочь Османа); *Земфира Талгат кызы Рамазанова* (дочь Талгата);

- включающие термины со значением «отец» и «мать»: *Абу Фирас* (букв. *отец Фираса*)*, Балхи Абу Шакур, Хайрат Абу Бакр, Абу-ль-Хасан; Умм Хурайра* (букв. *мать Хурайры*)*, Умм Джафар Зубайда;*

---

[32] Ассимиляция согласного [l(')] происходит перед согласными звуками, передающимися русскими буквами *д* (не перед *дж*)*, з, л, н, р, с, т, ш,* и не происходит перед гласными звуками и согласными, передающимися русскими буквами *б, в, г, дж, й, к, м, х, ф*. Начальная гласная артикля опускается после предшествующей части *Абу*.

[33] В начале предложения артикль пишется с прописной буквы в соответствии с § 000.

[34] Термины родства со значением «сын» и «дочь» образуют часть имени, подобную русскому отчеству (в арабских и некоторых других восточных именах она называется насаб). Части имени, включающие термины родства, могут иметь эквиваленты — отчества, построенные по русской модели, напр.: *Муслим оглы — Муслимович*, *Талгат кызы — Талгатовна, ибн Хоттаб — Хоттабыч.*

Элементы *оглу, оглы, кызы* РОС 2005–2012, а также Правила 2006 рекомендовали писать с предшествующей частью имени через дефис. Однако в отчествах такие элементы устойчиво пишутся раздельно в официальных документах, СМИ, в научной и справочной литературе. В Академическом электронном ресурсе «Академос» были внесены соответствующие исправления.

[35] Слова *Абу, Умм* в сочетании с последующим именем сына или дочери образуют особую часть имени, называющуюся кунья.

[36] Слово *Аль,* в русском языке совпадающее по произношению и буквенному составу с артиклем *аль*, употребляется в составе названий правящих династий.

- названия династий: *Аль Сауд, Аль Тани.*

Однако если слова *ибн, бен, бинт* стоят в начале имени или его сокращенного варианта, то они пишутся с прописной буквы.

Примеры: *Ибн Сина* (ср. с полным именем *Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина*), *Ибн Фадлан* (ср.: *Ахмад ибн Фадлан ибн Аббас*), *госпожа Бинт аль-Хусейн* (ср.: *Хайя бинт аль-Хусейн*).

От терминов родства нужно отличать слово *Абд* («раб», «слуга»), которое в составном арабском имени пишется с прописной буквы, напр.: *Абд аль-Азиз, Абд ар-Рахим, Абд ар-Рахман*, *Абд ас-Салам*[37].

3. Названия лиц по возрастному признаку *оол* («мальчик») и *кыс* («девочка») при тувинских личных именах и фамилиях пишутся со строчной буквы, напр.: *Байыр-оол, Сарыг-оол, Борбак-кыс, Кёк-кыс*[38].

4. Термины, обозначающие титул, социальное положение, выражающие почтительное отношение при обращении и под.: *ага, бей* (варианты *бек, бег, бий*), *каган, кади, мирза, мурза, паша, тайши, тегин, хаджи, хан, ханум (ханым), шах, эфенди* и др. — пишутся со строчной буквы.

Примеры:

— в препозиции *бек Саид Ахмед, бий Муса, мирза Ибрагим, хан Токтамыш, шах Исмаил I*;

— в постпозиции *Мехмет-ага, Мамед Гаджи-ага оглы, Мурад-бей, Якуб-бек, Бильге-каган, Ирадж-мирза, Ших-мурза, Ибрахим-паша, Гейдар-Кули-хан, Кюль-тегин, Ибири-тайши, Нушафарин-ханум, Реза-шах, Мухаммед Дурри-эфенди.*

5. В связи с давней практикой записи восточных имен при отсутствии кодификации и процессами заимствования имен из одного восточного языка (чаще арабского) в другой (например, персидский, таджикский, турецкий) в русском письме встречаются различные модификации арабских имен.

5.1. Написание может отражать различные варианты сращения компонентов имени с артиклем[39]. Например, имя *Абд аль-Азис* передается как *Абдель Азиз*, *Абду-ль-Азиз*, *Абдул-Азиз, Абдулазиз; Абд ар-Разак* — как *Абдул Разак, Абдерразак; Салах ад-Дин* — как *Салахуддин, Салахеддин.* Варианты написания с отклонением от пп. 1–4 настоящего примечания не рекомендуются, кроме тех случаев, когда имена со сращением компонентов закрепились в русской языковой традиции

[37] Слово *Абд* в сочетании с именем Аллаха или одним из его эпитетов образует составное личное имя, называющееся алам. Например, *Абд аль-Азис* буквально означает *«слуга Всемогущего», Абд ар-Рашид — «слуга Мудрого», Абд ар-Рахман — «слуга Всемилостивого».*

[38] При образовании от имен с компонентами *-оол* и *-кыс* отчеств с помощью русских аффиксов написание второго компонента через дефис и со строчной буквы сохраняется, напр.: *Байлак-ооловиц, Байлак-ооловна* (от *Байлак-оол*).

[39] В практике письма варьируются как один и тот же элемент в именах разных людей, так и имя одного человека.

за известными представителями арабского мира, персонажами, напр.: *Аладдин* (персонаж арабских сказок, ср.: *Ала ад-Дин*), *Гасан Абдуррахман ибн Хоттаб* (персонаж повести Л. И. Лагина «Старик Хоттабыч», ср.: *Абд ар-Рахман*), *Ходжа Насреддин* (фольклорный персонаж народов востока, ср. *Наср ад-Дин*).

5.2. Сращение компонентов имени с артиклем может происходить в языках, заимствовавших арабские имена. Например, к арабскому имени *Абд ар-Рашид* восходят кумыкское имя *Абду-Рашид* и татарские *Абдрашид* и *Абдрашит*; к арабскому имени *Абд аль-Азиз* восходят абазинское имя *Абдулазиз* и дагестанское *Абдул-Азиз*[40]*; имя персидского поэта, известного под псевдонимом Фирдоуси,* закрепилось в форме *Хаким Абулькасим Хасан* (ср. *Абу-ль-Касим*).

5.3. Слова, обозначающие титул, социальное положение, придающие обращению почтительность, могут использоваться вне связи со своим значением как личное имя или фамилия[41], как часть составного имени или составной фамилии, а также как формант имени или фамилии, что отражается в написании их по-русски[42], напр.:

— имена *Абу, Мирза, Мирзо, Султан, Солтан, Хан; Алим-Паша, Алим-Солтан, Девлет-Мурза, Аслы-Ханум, Сары-Кыс* (алтайск. имя)*; Абдулхамит, Солтанмырза, Арсланбек, Бекмурза, Быдайхан, Каирбек, Илмуханум;*

— фамилии *Ага-Заде, Бей-Биенко, Бек-Мурза, Бен-Хаим, Кара-Мурза, Исмаил-Заде, Хан-Пира, Шах-Эмиров*; *Сеидзаде, Холзода, Мирзазаде*, *Сарсенбайулы*.

В практике письма наблюдается вариативное написание некоторых имен и фамилий, обусловленных разным осмыслением образующих их компонентов, напр.: *Саидали Вали-заде* и *Вализаде*, *Халык Гусейнович Кор-Оглы* и *Короглы*. На письме следует сохранять официальную форму фамилии или ту форму, которая закрепилась в научных справочных изданиях.

Примечание 6. О написании китайских имен

В китайском иероглифическом письме нет заглавных (больших) знаков для указания начала предложения или для выделения китайских собственных названий в тексте. В записи китайским фонетическим алфавитом используются прописные буквы, но по своим особым правилам. В русской передаче китайских собственных имен нельзя копировать употребление прописных букв с написаний в языке-источнике, а нужно следовать правилам, установленным для русского языка.

---

[40] Написание имен регламентируется в специальных справочниках и словарях. См., например: Справочник личных имен народов РСФСР: [Практ. пособие для работников органов записи актов гражд. состояния РСФСР / А. В. Суперанская и др.]. 3-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1987.

[41] Использование в качестве личных имен слов, называющих титул, обозначающих социальный статус, обусловлено древней традицией называть детей в честь почитаемого в семье человека, с отмиранием феодальных отношений, процессами заимствования.

[42] См. сноску 40.

1. Китайские собственные имена состоят из фамилии и имени[43], которые согласно правилу пишутся с прописной буквы, напр.: *Лу Синь, Чжан Цзай, Чжан Бинлинь, Сунь Ятсен, Сыма Цянь, Оуян Сю, Сыма Сянжу.*

2. Числительные *и* «один», *эр* «два», *сань* «три», *сы* «четыре», *у* «пять» и т. д. в составе имени пишутся а) со строчной буквы, если присоединяются к личному имени, и б) с прописной, если используются в качестве имени[44].

Примеры:

а) имя + числ. *Ван-ци*, *Ли-шиэр* (букв. *Ли двенадцатый*), *Ду-эр*; фам. + имя + числ. *Чжан Лю-сань*[45].

б) фам. + имя, выраженное числ., *Ван Ци, Тан Сань, Чэнь И.*

3. Непереводимые формы обращения *лао* «господин, старина», *сяо* «маленький», *а* «братец» перед фамилией устойчиво пишутся с прописной буквы, хотя это противоречит правилу (имя при этом обычно опускается), напр.: *Лао Ван, Сяо Ли, А-Чжан*[46].

4. Непереводимые титулы, ранги знатности, слова, обозначающие социальное положение, *ван, гун, ди, хоу, хуанди, цзу, цзун, цзы* и др. — пишутся со строчной буквы, напр.: *У-ван, Вэнь-гун, Гуан У-ди, Сяо У-ди, У-хоу, Эрши-хуанди, Гао-цзу, Шэн-цзун, Мэн-цзы, Сипин-гунчжу, Байюань-сяньшэн*[47].

5. От слов, обозначающих титулы, обращения и под. образовались многие китайские фамилии, напр.: *Ван Говэй, Цзы Цай*, *Цзу Сюецин, Хоу Ифань*, *Гун Лумин, Бо Лэтянь, Сяо Чжань.*

6. Ввиду трудности выделения звания, титула, термина родства и под. из состава имени представителей древней китайской культуры, учитывая изменения, происходившие в системе имен, по-русски их имена пишутся по сложившейся традиции, закрепленной в специальной литературе, научных трудах и энциклопедических словарях.

---

[43] В китайском полном имени фамилия всегда предшествует личному имени.

[44] Использование числительных в качестве имен характерно для бытовой, неофициальной речи.

[45] Существует две традиции написания имен, включающих в свой состав числительные. Одна из них отражена в данном правиле, вторая состоит в слитном написании подобных имен. Для унификации написания требуется согласование со специалистами и решение Орфографической комиссии РАН.

[46] *Лао-цзы* (др.-кит. философ, компонент *цзы* не является фамилией).

[47] Согласно рекомендации Л. Р. Концевича однословные в китайском языке слова, указывающие на титулы, ранги знатности, социальное положение, следует писать через дефис, а двусловные отдельно, напр.: *Чжан тунчжи* «товарищ Чжан», *Ли сяньшэн* «учитель [достопочтенный] Ли», *Лю гуаньжэнь* «господин Лю», *Сунь фужэнь* «госпожа Сунь», *Чжао цзяошоу* «профессор Чжао», *Ван боши* «доктор [наук] Ван», но *Чжоу-гун* «князь Чжоу», *Чжу-цзы* «мудрец Чжу» (Чжу Си) [Концевич 2002: 49]. Однако эта рекомендация не является общепринятой. Для унификации написания требуется согласование со специалистами и решение Орфографической комиссии РАН.

Источники и литература

Агеенко Ф. Л. Словарь собственных имен русского языка: ударение, произношение, словоизменение. М. : Мир и Образование, сор. 2010. 877 с.

Алфавитный указатель иностранных имен (фамилий) // Большая советская энциклопедия / гл. ред. С. И. Вавилов. 2-е изд. М. : Большая Советская энциклопедия, 1949–. т. 51: Т. 51: Доп. т. 1958. С. 376–413.

Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 21–41.

Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Прописные и строчные буквы в географических и административно-территориальных названиях: академические правила русской орфографии // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 256–277.

Арутюнова Е. В. Русская орфография арабских личных имен. Материалы к правилу // Русский язык в современном мире: сборник статей по итогам научно-практической конференции (17–18 мая 2018 года) / Мин-во обороны РФ, Военная академ. Вооруженных Сил РФ им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского; под ред. В. Н. Селедцовой, Н. В. Бубновой. — Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2021. (В печати.)

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКСРУС, 2016. 422 с.

БРЭ - Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/persons

Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: справочник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.

Единый электронный каталог [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. URL: https://search.rsl.ru/ru/search#q=%D0%BB%D0%B 0%D0%BE

Зализняк А. А. Имена собственные: приложение // Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Изд. 6-е, стер. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. С. 731–786.

Инструкция по передаче на картах географических названий арабских стран / Глав. упр. геодезии и картографии М-ва геологии СССР. М.: Наука, 1966. 90 с.

Инструкция по русской передаче географических названий стран испанского языка / Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М.: [б. и.], 1975. 106 с.

Инструкция по русской передаче географических названий Франции / Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М.: [ЦНИИГАиК], 1975. 78 с.

Калакуцкая Л. П. Орфография фамилий // Нерешенные вопросы русского правописания: [Сб. статей] / [отв. ред. Л. П. Калакуцкая] ; АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1974. С. 68–93.

Книги [Электронный ресурс]. // Google. URL: https://books.google.ru/

Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте: пособие по транскрипции / Ин-т востоковедения РАН. М.: Муравей, 2002. 262 с.

Королева И. А. Становление русской антропонимической системы: автореферат дис. ... доктора филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2000. 36 с.

Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Прописная или строчная?: орфографический словарь / Рос. акад. наук. М.: Эксмо, 2011. 506 с.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл., 1990. 682,[3] с.

Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора: редакционно-издательское оформление издания. 4-е изд. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. 1006 с.

МИД — Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/home.

Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/defaultx.asp

Николенкова Н. В., Дин Ц. Правописание имен собственных в текстах конца XIX века как этап освоения китайских заимствований // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 345–347.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Новости [Электронный ресурс]. // Яндекс. URL: https://newssearch.yandex.ru/

Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник / [отв. ред. В. В. Лопатин] ; Рос. акад. наук, Отд. историко-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 431 с.

Правила русской орфографии и пунктуации: утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. обр. СССР и М-вом просвещ. РСФСР. М.: Гос. учебно-пед. изд-во М-ва просвещ. РСФСР, 1956. 176 с.

Розенталь Д. Э. Прописная или строчная?: Словарь-справочник. 5-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1989. 350 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати. М.: Книга, 1967. 407 с.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 7-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010. 491 с.

Русский орфографический словарь // Рос. акад. наук; под ред. В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 896 с.

Селищев А. М. Труды по русскому языку: Т. 1. Язык и общество / сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 632 с.

Системы личных имен у народов мира / [отв. ред. М. В. Крюков и др.] ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1986. 382 с.

Справочник личных имен народов РСФСР: Рекомендуется Мин. юстиции РСФСР в качестве практического пособия для работников органов записи актов

гражд. состояния РСФСР / [под ред. А. В. Суперанской (отв. ред.) и Ю. М. Гусева]. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 654 с.

Сталтмане В. Э. Раздельное, слитное и дефисное написание собственных названий // Орфография собственных имен: [Сб. статей] / АН СССР., Ин-т рус. яз. ; [отв. ред. А. А. Реформатский]. М.: Наука, 1965. С. 25–43.

Суперанская А. В. Апеллятив — онима // Имя нарицательное и собственное: [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т языкознания; [отв. ред. А. В. Суперанская]. М.: Наука, 1978. С. 5–3.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с.

Суперанская А. В. Прописная и строчная буква в именах собственных разных категорий // Орфография собственных имен: [Сб. статей] / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; [отв. ред. А. А. Реформатский]. М.: Наука, 1965. С. 44–80.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / предисл.: А. Соболевский. Санкт-Петербург: тип. И. Н. Скороходова, 1903. [4], II, 857 с.

Успенский Ф. Б. Словарь Н. М. Тупикова и принципы имянаречения в Древней Руси: предисловие к изданию // Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. М.: Рус. путь, 2004. С. 881–891.

E. V. Arutyunova, E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
arutyunova.elena@gmail.com, evbeshenkova@gmail.com, olliva@yandex.ru

CAPITAL AND SMALL LETTERS IN PROPERTIES NAMES, PSEUDONYMS, NICKNAMES

Capital letters mark the individualizing components of an anthroponymic model. The model may also include various components written with a lowercase letter: untranslatable foreign language prepositions, conjunctions, articles; common words, indicating the degree of kinship, gender, age and definitions denoting social status, serving to impart courtesy to the address, etc. The rule is supplemented with a set of notes on its application in difficult cases: 1) with an ambiguous functional and semantic interpretation of words that make up the anthroponymic model (*Юлиан-отступник* и *Юлиан Отступник*); 2) when using proper names not in their main function (*Цербер — цербер*; *второй Чадаев, меценат, проба Манту — сделать манту*); 3) in Romanesque and Germanic names with a special emphasis on one of the members of the genus (*ван Гоги — Ван Гог*, *Огюст де Га — Эдгар Дега*), with a break in the tradition in writing (*ван де Вельде — Вандевельде, де Лоне — Делоне, ла Гранж — Лагранж*); 4) the structure of the name in Arabic and related languages is described, structural elements (article аль and its variants), terms of kinship (ибн, бен, заде, оглы "son", бинт, кызы "daughter", but Абу " father ", Умм" mother "..); 5) Chinese names in Russian.

Keywords: Russian, spelling, spelling rules, codification, capital letter, anthroponyms, anthroponymics.

References

Ageenko F. L. *Slovar' sobstvennykh imen russkogo yazyka: udarenie, proiznoshenie, slovoizmenenie* [Dictionary of proper names of the Russian language: stress, pronunciation, inflection]. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., cop. 2010. 877 p.

Alfavitnyi ukazatel' inostrannykh imen (familii) [Alphabetical index of foreign names (surnames)]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Ch. ed. S. I. Vavilov. 3th ed. Moscow, Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya Publ., 1949–. T. 51. 1958. Pp. 376–413.

Arutyunova E. V., Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Linguistic foundations of modern spelling of toponyms (to the theory of spelling rule]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka.* 2021, v. 80, no.1, pp. 21–41. (In Russ.)

Arutyunova E. V., Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Uppercase and lowercase letters in geographical and administrative-territorial names: academic rules of Russian spelling]. *Voprosy onomastiki*. 2020, v. 17, no. 2, pp. 256–277. (In Russ.)

Arutyunova E. V. [Russian spelling of Arabic personal names. Materials for the rule]. *Russkii yazyk v sovremennom mire: sbornik statei po itogam nauchno-prakticheskoi konferentsii (17–18 maya 2018 goda)* / Min-vo oborony RF, Voennaya akadem. Vooruzhennykh Sil RF im. Marshala Sovetskogo Soyuza A. M. Vasilevskogo; pod red. V. N. Seledtsovoi, N. V. Bubnovoi. Smolensk, VA VPVO VS RF, 2021. (In print). (In Russ.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma*. [Theory and practice of standardization of Russian writing]. Moscow, LEKSRUS Publ., 2016. 422 p.

BREH − *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Big Russian Encyclopedia]. Available at: https://bigenc.ru/persons

Gilyarevskii R. S., Starostin B. A. *Inostrannye imena i nazvaniya v russkom tekste: spravochnik* [Foreign names and titles in the Russian text: a reference book]. 3th ed., rev. and add. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1985. 303 p.

Edinyi ehlektronnyi katalog [Unified electronic catalog]. Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka. Available at: https://search.rsl.ru/ru/search#q=%D0%BB%D0%B0%D0%BE

Zaliznyak A. A. *Imena sobstvennye: prilozhenie* [Proper names: appendix]. A. A. Zaliznyak. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammar dictionary of the Russian language. Inflection]. Ed. 6th, erased. Moscow, AST-PRESS SHCHKOLA Publ., 2019, pp. 731–786. (In Russ.)

Instruktsiya po peredache na kartakh geograficheskikh nazvanii arabskikh stran [Instructions for transferring geographical names of Arab countries on maps]. Glav. upr. geodezii i kartografii M-va geologii SSSR. Moscow, Nauka Publ., 1966. 90 p.

Instruktsiya po russkoi peredache geograficheskikh nazvanii stran ispanskogo yazyka [Instructions for the Russian transfer of geographical names of countries in the Spanish language]. Gl. upr. geodezii i kartografii pri Sovete Ministrov SSSR. Moscow, 1975. 106 p.

Instruktsiya po russkoi peredache geograficheskikh nazvanii Frantsii [Instructions for the Russian transfer of geographical names to France]. Gl. upr. geodezii i kartografii pri Sovete Ministrov SSSR. Moscow, [TSNIIGAIK] Publ., 1975. 78 p.

Kalakutskaya L. P. [Spelling of surnames]. *Nereshennye voprosy russkogo pravopisaniya* [Unresolved issues of Russian spelling] . Col. articles / otvet. red. L. P. Kalakutskaya. AN SSSR. In-t rus. yaz. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 68–93. (In Russ.)

Knigi [Books]. Google. Available at: https://books.google.ru/

Kontsevich L. R. *Kitaiskie imena sobstvennye i terminy v russkom tekste: posobie po transkriptsii* [Chinese proper names and terms in the Russian text: a transcription guide]. In-t vostokovedeniya RAN. Moscow, Muravei Publ., 2002. 262 p.

Koroleva I. A. *Stanovlenie russkoi antroponimicheskoi sistemy.* Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. [Formation of the Russian anthroponymic system. Abstract of Dr. philol. diss.]. Mosk. ped. gos. in-t. Moscow, 2000, 36 p.

Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Chel'tsova L. K. *Propisnaya ili strochnaya?: orfograficheskii slovar'* [Uppercase or lowercase?: spelling dictionary]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 506 p.

LES — *Linguisticheskii jenciklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] Ch. ed. V. N. Yartseva. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1990.

Mil'chin A. EH., Chel'tsova L. K. *Spravochnik izdatelya i avtora: redaktsionno-izdatel'skoe oformlenie izdaniya* [Publisher's and Author's Handbook: Editorial and Publishing Design of the Edition]. 4th ed. Moscow, Izd-vo Studii Artemiya Lebedeva, 2014. 1006 p.

MID — *Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. Available at: https://www.mid.ru/ru/home

Nauchnaya ehlektronnaya biblioteka eLIBRARY.RU [Scientific electronic library eLIBRARY.RU]. Available at: https://www.elibrary.ru/defaultx.asp

Nikolenkova N. V., Din TS. [Spelling of proper names in the texts of the late 19th century as a stage in the development of Chinese borrowings]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya,* 2020, no. 1 (80), pp. 345–347. (In Russ.)

NKRYA — *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [RNC — National Corpus of the Russian Language]. Available at: http://ruscorpora.ru

Novosti [News]. Yandeks. Available at: https://newssearch.yandex.ru/

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [The rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Handbook]. Odobreno Orfograficheskoi komissiei RAN. Ed. by V. V. Lopatin. Ros. akad. nauk, Otd. istoriko-filol. nauk, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2013. 431 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Russian spelling and punctuation rules]. Approved by Acad. Sciences of the USSR: Gos. uchebno-ped. izd-vo M-va prosveshch. RSFSR, 1956. 176 p.

Rozental' D. EH. *Propisnaya ili strochnaya?: Slovar'-spravochnik* [Uppercase or lowercase?: Reference Dictionary]. 5th ed., rev. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1989. 350 p.

Rozental' D. EH. S*pravochnik po pravopisaniyu i literaturnoi pravke: dlya rabotnikov pechati* [Handbook of spelling and literary editing: for print workers]. Moscow, Kniga, 1967. 407 p.

Rozental' D. EH., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po russkomu yazyku: pravopisanie, proiznoshenie, literaturnoe redaktirovanie* [Reference book on the Russian language: spelling, pronunciation, literary editing]. 5th ed. Moscow, Airis-press Publ., 2010. 491 p.

Russkij orfograficheskij slovar' [Russian spelling dictionary]. Ros. acad. of sciences; ed. V. V. Lopatin and O. E. Ivanova. 4th ed., rev. and add. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2012. 896 p.

Selishchev A. M. *Trudy po russkomu yazyku: T. 1. Yazyk i obshchestvo* [Proceedings on the Russian language: V. 1. Language and society]. Comp. B. A. Uspenskii, O. V. Nikitin. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 632 p.

Sistemy lichnyh imen u narodov mira [Personal name systems among the peoples of the world]. Ed. by M. V. Kryukov and other. Moscow, Nauka Publ., 1986. 382 p.

Spravochnik lichnyh imen narodov RSFSR [Directory of personal names of the peoples of the RSFSR]. Ed. by A. V. Superanskaya i YU. M. Guseva. 5th ed., rev. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1987. 654 p.

Staltmane V. EH. [Separate, continuous and hyphenated spelling of proper names]. *Orfografiya sobstvennykh imen* [Spelling of proper names]. AN SSSR., In-t rus. jaz. Ed. by A. A. Reformatskii. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 25–43. (In Russ.)

Superanskaya A. V. [Appellative — onyma]. *Imya naritsatel'noe i sobstvennoe* [Common and proper name]. AN SSSR, In-t jazykoznanija. Ed. by A. V. Superanskaya. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 5–3. (In Russ.)

Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 365 p.

Superanskaya A. V. [Uppercase and lowercase letters in proper names of different categories]. *Orfografiya sobstvennykh imen* [Spelling of proper names]. AN SSSR. In-t rus. yaz. Ed. by A. A. Reformatskii. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 44–80. (In Russ.)

Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian personal proper names]. Preface: A. Sobolevskii. St. Petersburg, 1903. 857 p.

Uspenskii F. B. [Dictionary of N. M. Tupikov and the principles of naming in Ancient Russia: a preface to the publication]. *N. M. Tupikov. Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian personal proper names]. Moscow, Rus. put' Publ., 2004, pp. 881–891. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Д. Д. Беляев
Тульская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ
(Россия, Тула)
beltula@gmail.com

ПРАВОПИСАНИЕ ЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА: НОРМА, УЗУС, ДИНАМИКА

В статье рассматривается правописание личных форм глагола. Типы спряжения имеют единый набор флексий: в 1 л. ед. ч. абсолютно, в остальных формах с чередованием **⟨о⟩||⟨и⟩**, **⟨у⟩||⟨а⟩**. К ним неприменим фонематический принцип. Стандартное решение орфограммы с опорой на финаль инфинитивной основы ненадежно при безударности соответствующего слога и сопровождается немалым числом исключений. Оптимизировать его позволяет обращение к другим факторам: 1) качество звука перед орфограммой (позиционный принцип); 2) сравнение с соответствующим звуком в основе инфинитива (не всегда, грамматический принцип); 3) семантика (3 глагола, лексический принцип); 4) запоминание исключений (5 глаголов, традиционный принцип). На материале НКРЯ устанавливается динамика соотношения нормы и реального узуса, варьирование типов спряжения. Наиболее высока доля форм 2 спр. у глаголов *стелить(ся)*/*стлать(ся)* (стимул — смена доминирующего инфинитива) и *зыбить(ся)* (стимул — утрата л-эпентетикум). Актуален вопрос об их кодификации. Глаголы *сыпать(ся)*, *трепать(ся)*, *щипать(ся)* меняют в основном форму 3 л. мн. ч. (стимул — запрет сочетаний **[п’+-ут]**), что согласуется с кодификацией написаний типа *сып**ят***. Автономия формы 3 л. мн. ч. имеет и другие проявления. 1. Экспансия форм *кол**ят**(ся)*, *мел**ят**(ся)* (стимул — обобщение позиционного распределения **⟨С+-ут⟩ / ⟨С’+-ат⟩**). 2. Лидирующая роль форм *дра**ют**(ся)*, *кле**ют**(ся)* в варьировании глаголов-исключений *драить(ся)*, *клеить(ся)*. 3. Традиционное варьирование *брезж**ат**(ся)*/*брезж**ут**(ся)*, постепенно убывающее без системной поддержки.

Ключевые слова: орфография, глагол, личные формы, языковой корпус, норма и узус, динамика написаний.

Основная орфограмма русского языка, в т. ч. для правописания глаголов, — «Обозначение безударных **[Г]**». Её решение начинает **универсальная операция** фонематического принципа **ФМ** — удаление или замена ударного префикса ***вы́-***. Иногда дополнительно отбрасывается постфикс ***-ся***. Например:

[**вы́**ръс’т’**и̲ш**] — (сам) *раст**ё̲шь*** / (кого/что?) *раст**и̲́шь***;
[**вы́**б’ир’**и̲т’и**] — *бер**ё̲те*** (изъяв.) / *бер**и̲́те*** (повел.);
[**вы́**здъръв’**и̲**ит] — *здоров**е̲́**ет*; **вар.** [**вы́**здъръв’**и̲т**] — ***о**здоров**и̲́т***;
[**вы́**кл’уч’**и̲м**] — ***в**ключ**и̲́м***; [**вы́**ч’т’**и̲м**] — ***у**чт**ё̲м*** (**не** *чт**и̲́м***!);
[**вы́**б’ижъ̲т] — *беж**и̲́т***; [**вы́**б’ижъ̲т’] — *беж**а̲́**ть*; [**вы́**сп’**ъ̲ц**ъ] — *сп**я̲́т***; [**вы́**сп**ъ̲**цъ] — *сп**а̲́**ть*.

Если такая проверка не удается, дальнейшие операции применяются к формам без ***вы́-*** и ***-ся*** (кроме глаголов *вынуть*, *каяться* и т. п.).

Главная проблема — правописание окончаний наст.-буд. вр. В отличие от типов склонения, типы спряжения не противопоставлены друг другу. Они имеют единый набор флексий: в 1 л. ед. ч. абсолютно, в остальных случаях с чередованием **⟨о⟩||⟨и⟩**, **⟨у⟩||⟨а⟩**.

В безударных флексиях 2, 3 л. ед. ч., 1, 2 л. мн. ч. нейтрализация гласных фонем делает проверку неоднозначной: [ска́ж**ъ̲ш**]…, [спо́р’**и̲ш**]… — [рас’т’**о̲́ш**…/ рас’т’**и̲́ш**…] ⇒ гиперфонема **⟨**о/$_{и}$**⟩**, источник орфограммы «Обозначение безударных **[Г]**».

Форма 3 л. мн. ч. автономна. Совпадения **⟨а⟩·⟨у⟩** нет (для нейтрального стиля), но близость парадигм порождает морфологическое варьирование после **[j]** и **[л’]**, **[р’]**, шипящих согласных (рефлексы праславянской йотации): [до́j**ъ̲/у̲т**], [ко́л’**у̲/ъ̲т**], [по́р’**у̲/ъ̲т**], [бр’э́ж:**ъ̲/у̲т**], источник орфограммы «Написание **Б**$_{Г}$». После прочих мягких согласных господствует флексия 2 спр. (варианты типа [го́н’**ут**], [но́с’**ут**] стилистически маркированы), после твердых возможна только флексия 1 спр. Здесь варьирование происходит при условии **[С||С’]**: [з’и́ж-д**у̲т**/з’и́жд’**ъ̲т**].

Стандартное решение орфограмм с опорой на финаль инфинитивной основы нельзя считать оптимальным: 1) безударность соответствующего слога лишает опору надежности; 2) правило сопровождается немалым числом исключений.

А. А. Зализняк [1964] преодолел первый недостаток, опираясь на препозицию финали основы инфинитива и наличие/отсутствие её чередования с нулем (усекаемость/неусекаемость). Однако решение орфограмм в окончаниях при этом усложняется (3/4 операции). Минимизировать как число операций, так и число исключений позволит опора на другие факторы. Основные: 1) качество звука перед орфограммой (позиционный принцип **ПЗ**); 2) сравнение с соответствующим звуком в основе инфинитива (грамматический принцип **ГМ**). Дополнительные: 3) глагольная семантика (лексический принцип **ЛК**); 4) запоминание исключений (традиционный принцип **ТР**).

1. После гласных звуков	
1.1. ПЗ: ([Г(j)] (не [о]) +) ⇒ 1 спр., **е**, **ю**: *бр**е̲́ешь**… бр**е̲́ют**, здоров**е̲́ешь**… здоров**е̲́ют**, зав**и̲́дуешь**… зав**и̲́дуют**, поч**и̲́ешь**… поч**и̲́ют**, м**у̲́чаешь**… м**у̲́чают**, к**а̲́шляешь**… к**а̲́шляют***	
Но ЛК: «сделать каким» ⇒ 2 спр., **и**, **я**: *оевропе́**и̲шь**… оевропе́**я̲т*** (*окита́**и̲шь**… окита́**я̲т**, оевре́**и̲шь**… оевре́**я̲т***)	**Но ТР:** 2 спр., **и**, **я**: *дра́**и̲шь**… дра́**я̲т**, кле́**и̲шь**… кле́**я̲т***

1.2. ПЗ: ([о(j)] +) + ГМ: ср. с инфинитивом:	
а) [ó‖ы́] ⇒ 1 спр., **е**, **ю**: *вóешь… вóют* (– [вы́т’]) *рóешь… рóют* (– [ры́т’])	**б) [ó=ó], [ó‖а]** ⇒ 2 спр., **и**, **я**: *дóишь… дóят* (– [даи́т’]) *стрóишь… стрóят* (– [стрóит’])
2. После согласных звуков — ПЗ + ГМ: ср. с инфинитивом:	
а) [С(’)‖С(’)], [С(’)‖ø] ⇒ 1 спр., **е**, **у‖ю**: *пóрешь… пóрют* (– [парóт’], **[р’‖р]**) *стéлешь… стéлют* (– **вар.** [стлáт’], **[л’‖л]**) *лéзешь… лéзете* (– [л’э́с’т’], **[з’‖с’]**) *скáчешь… скáчут* (– [скакáт’], **[ч’‖к]**) *éдешь… éдете* (– [jэ́хът’], **[д’‖х]**) *пы́шешь… пы́шут* (– [пы́хът’], **[ш‖х]** *мóжешь… мóжете* (– [мóч’], **[ж‖ø]**) *сы́плешь… сы́плют* (– [сы́път’], **[л’‖ø]**)	**б) [С(’)=С(’)]** ⇒ 2 спр., **и**, **а‖я**: *спóришь… спóрят* (– [спóр’ит’], **[р’=р’]**) *сéлишь… сéлят* (– [с’ил’и́т’], **[л’=л’]**) *зави́сишь… зави́сят* (– [зав’и́с’ит’], **[с’=с’]**) *вскóчишь… вскóчат* (– [фскач’и́т’], **[ч’=ч’]**) *éздишь… éздят* (– [jэ́з’д’ит’], **[д’=д’]**) *слы́шишь… слы́шат* (– [слы́шът’], **[ш=ш]**) *дéржишь… дéржат* (– [д’иржáт’], **[ж=ж]**) *кóпишь… кóпят* (– [кап’и́т’], **[п’=п’]**)
Но ТР: *гóнишь… гóнят* (**хотя** [гнáт’], **[н’‖н]**) **вар.** *сы́пят, трéпят, щúпят* (**хотя** [сы́път’], [тр’ипáт’], [ш’ипáт’], **[п’‖п]**)	**Но ТР:** *стéлешь… стéлют* (**хотя** [с’т’ил’и́т’], **[л’=л’]**) *зи́ждешь… зи́ждем* (**хотя** [з’и́жд’ицъ], **[д’=д’]**)

Для анализа реального узуса использовались основной, газетный, региональный и акцентологический корпусы НКРЯ — не всегда полный, но достаточно представительный массив. Полученные данные корректировались (исключение повторов, цитирования, аудиоматериалов для позиций нейтрализации), иногда дополнялись (см. ниже).

Изменчивость глагольных парадигм связана с преобразованиями основ и взаимодействием между ними.

1. Самая активная точка — глаголы *стлать(ся)*, *стелить(ся)*. Соотношение начальных форм, вопреки толковым словарям [см. БТС 2000: 1266, 1270], явно указывает на доминирование второй из них:

Формы	**Корпусы**							
	Осн.		**Газ.+Рег.**		**Акц.**		**НКРЯ**	
стелить(ся)	164/222	**73,9%**	95	**100,0%**	244/282	**86,5%**	503/599	**84,0%**

Тождество **[л’=л’]** в двух основах глагола закономерно порождает написания по 2 спр.: *стел**ит*** [Ф. Ростопчин. Письмо Силы Андреевича Богатырева… (1807)], *стел**ят*** [Г. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку… (1810)], *стел**ят**ся* [Н. Кукольник. «Холмистые дали как волны…» (нач. 1840-х гг.)], *стел**ит**ся* [Э. Циммерман. По северным окраинам Африки (1899)]. Путем суммирования личных форм всех глаголов с корнем *стел-* (включая префиксальные дериваты) с начала XIX в. были получены доли подобных написаний:

Корпусы	**(-)стелишь(ся)**		**(-) стелит(ся)**		**ед. ч.**	
Осн.	18/48	**37,5%**	26/662	**3,9%**	44/710	**6,2%**
Газ.+Рег.	1/2	**50,0%**	15/120	**12,5%**	16/122	**13,1%**
Акц.	55/192	**28,6%**	860/3824	**22,5%**	915/4016	**22,8%**
НКРЯ	74/242	**30,6%**	901/4606	**19,6%**	975/4848	**20,1%**

Корпусы	(-)стелим(ся)		(-) стелите(сь)		(-)стелят(ся)		мн. ч.	
Осн.	33/58	**56,9%**	3/6	**50,0%**	73/304	**24,0%**	**109/368**	**29,5%**
Газ.+Рег.	11/19	**57,9%**	¼	**25,0%**	31/98	**31,6%**	**43/12**1	**35,5%**
Акц.	50/122	**41,0%**	5/7	**71,4%**	423/829	**51,0%**	**478/958**	**49,9%**
НКРЯ	94/199	**47,2%**	9/17	**52,9%**	527/1231	**42,8%**	**630/1447**	**43,5%**

Всего 1605/6295, **25,5%**. В XXI в. несколько выше: 1477/4855, **30,4%**.

Наиболее частотные ненормативные написания дает акцентологический корпус, прежде всего т.н. наивная поэзия. Низкий уровень грамотности многих наивных поэтов может искажать материал. Так, 77 примеров из выдачи по запросу *стелиться* и 4 — *расстелиться* оказались формами 3 л. ед. ч. С другой стороны, та же неграмотность парадоксальным образом облегчает выявление системных тенденций.

Помимо количественных параметров имеется важный структурный фактор: в акцентологическом корпусе обнаружено 32 примера с ударными флексиями.

Начиная с1841 г. [Ф. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири…] встречаются также, хотя и не так часто, формы причастия *стел**ящ**ий(ся)* (из них 6 с ударным суффиксом):

Формы	Корпусы							
	Осн.		Газ.+Рег.		Акц.		НКРЯ	
стелящ-(ся)	15/287	**5,2%**	3/42	**7,1%**	15/67	**22,4%**	33/396	**8,3%**

Полученные результаты подтверждают желательность кодификации парадигмы 2 спр. для *стелить(ся)* [см. Еськова 2011: 404]. Фактически она уже идет: *Вся семья уже стел**ит**ся ко сну* [БТС 2000: 1266].

2. Глагол *зиждить(ся)* унаследовал парадигму 1 спр. от ст.-сл. зьдати, зиждеши. Выравнивание основы инфинитива и тождество **[д'=д']** стимулируют смену парадигмы, высокая стилистическая окраска, напротив, стабилизирует её. В 1869 г. появляется форма *зижд**ят**ся* [Н. Данилевский. Россия и Европа], в 1930 г. — *зижд**ит**ся* [«Вольное казачество» №71]. Но доля новых написаний (начиная с 1865 г.) невысока (среди форм 3 л. ед. ч. 6 написаний *зиждит**ь**ся*):

Корпусы	зиждишь(ся)		зиждит(ся)		ед. ч.	
Осн.	–	–	16/546	**2,9%**	16/546	**2,9%**
Газ.+Рег.	–	–	6/213	**2,8%**	6/213	**2,8%**
Акц.	1/3	**33,3%**	11/143	**7,7%**	12/146	**8,2%**
НКРЯ	1/3	**33,3%**	33/902	**3,7%**	34/905	**3,8%**
Корпусы	**зиждим**		**зиждят(ся)**		**мн. ч.**	
Осн.	0/1	**0,0%**	13/54	**24,1%**	13/55	**23,6%**
Газ.+Рег.	–	–	5/20	**25,0%**	5/20	**25,0%**
Акц.	0/1	**0,0%**	4/15	**26,7%**	4/16	**25,0%**
НКРЯ	0/2	**0,0%**	22/89	**24,7%**	22/91	**24,2%**

Итого 56/996, **5,6%**.

3. Для следующего глагола зафиксировано 3 варианта инфинитива. Рефлекс др.-рус. зыбати (зыблеши) стал основным в говорах [СРНГ 12: 27–29], откуда диалектизмы *зыбать* [П. Васильев. Гульбище (1933); В. Астафьев. Последний поклон (1988)] и выравненная форма *зыб**а**ются* [М. Пришвин. Колобок (1906)]. Напротив, выравнивание основы инфинитива дало вариант *зыб**л**ить(ся)* [СРНГ 12: 31]. Он отражен и в НКРЯ [В. Брюсов. Тридцатый месяц (1917); В. Набоков. Дар (1937); В. Володин. Жарынь (2008)], наряду с формой 2 спр. *зыбл**ят**ся* [С. Соловьев. Подражание Шенье (1908); О. Охапкин. Летняя вечерня (1977); juriev. Последний листопад… (2002)].

В литературном языке победил вариант *зыбить(ся)*. Он вызывает выравнивание основы наст.-буд. вр. — утрату древнего л-эпентетикум, т.е. устранение чередования **[л’||ø]**, и тождество согласных **[б’=б’]** в двух основах. В результате парадигма получает импульс к переходу во 2-е спряжение. И наряду с традиционными *зыбл**ешь**(ся)… зыбл**ют**(ся)* появляются, без вариантов типа **зыб**ет**(ся)*, новые формы: *зыб**ит**ся* [К. Бальмонт. «От капли росы…» (1905)]; *зыб**ит**, зыб**ят**ся* [В. Хлебников. Скифское (1908)]; *зыб**ят*** [В. Хлебников. Журавль (1909)]; *зыб**им*** [С. Есенин. Октоих (1917)]. Доля таких форм, считая с начала XX в., достаточно высока:

Корпусы	**зыбишь(ся)**		**зыбит(ся)**		**ед. ч.**	
Осн.	0/1	**0,0%**	17/57	**29,8%**	17/58	**29,3%**
Газ.+Рег.	–	–	1	**100,0%**	1	**100,0%**
Акц.	0/4	**0,0%**	22/137	**16,1%**	22/141	**15,6%**
НКРЯ	0/5	**0,0%**	40/195	**20,5%**	40/200	**20,0%**

Корпусы	**зыбим(ся)**		**зыбите(сь)**		**зыбят(ся)**		**мн. ч.**	
Осн.	–	–	–	–	2/17	**11,8%**	2/17	**11,8%**
Газ.+Рег.	–	–	–	–	–	–	–	
Акц.	2	**100,0%**	0/1	**0,0%**	6/51	**11,8%**	8/54	**14,8%**
НКРЯ	2	**100,0%**	0/1	**0,0%**	8/68	**11,8%**	10/71	**14,1%**

Итого 50/271, **18,5%**. В XXI в. гораздо выше: 18/55, **32,7%**.

Зафиксировано 6 случаев нафлексионного ударения. Начиная с1904 г. [В. Гофман. Да, это юг] достаточно часто встречаются причастные формы *зыб**я**щ**и**й(ся)*:

Формы	**Корпусы**					
	Осн.		**Акц.**		**НКРЯ**	
зыбящ-(ся)	8/63	**12,7%**	3/14	**21,4%**	11/77	**14,3%**

Все 3 примера в акцентологическом корпусе имеют ударный суффикс.

Заслуживает поддержки опыт кодификации новой парадигмы [Алабугина 2011: 92].

4. У глаголов *сыпать(ся)*, *трепать(ся)*, *щипать(ся)* утрата л-эпентетикум не сопряжена с преобразованием основы инфинитива и приводит не к тождеству

согласных в двух основах, а к замене чередования **[л’||ø]** на **[п’||п]**. Поэтому импульс к смене типа спряжения воздействует только на форму 3 л. мн. ч., где запрещены сочетания типа **[п’+-ут]** (см. выше). Остальные формы варьируются гораздо менее интенсивно.

Показательно, что одновременно — в 1830 г. — впервые зафиксированы написания *сып**ет*** [М. Лермонтов. Menschen und Leidenschaften] и *сып**ят**ся* [М. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году]. Затем появляются *сып**ет**ся* [А. Кольцов. Русская песня (1838)]; *трепе**м**ся* [Л. Толстой. Война и мир (1869)]; *щип**ят*** [Н. Лесков. Очарованный странник (1873)]; *сып**ете*** [А. Фет. Мои воспоминания (1889)]; *сып**ешь*** [Л. Чарская. Приютки (1907)]; *сып**ит*** [А. Веселый. В деревне на масленице (1921)]; *трепишься* [А. Фадеев. Разгром (1926)]; *трепитесь* [А. Черняев. Дневник (1981)]; *трепим* [ren77. Голубь пущенный с письмом… (2008)].

Доля 2 спр. среди личных форм данных глаголов, утративших л-эпентетикум:

Корпусы	-ишь(ся)	-ит(ся)	-им(ся)	-ите(сь)	-и-	-ят(ся)
Осн.	2/15, **13,3%**	8/143, **5,6%**	1/5, **20,0%**	1/7, **14,3%**	12/170, **7,1%**	136/143, **95,1%**
Газ.+Рег.	0/2, **0,0%**	0/83, **0,0%**	0/5, **0,0%**	–	0/90, **0,0%**	84, **100,0%**
Акц.	19/76, **25,0%**	67/1092, **6,1%**	7/35, **20,0%**	2/6, **33,3%**	95/1209, **7,9%**	497, **100,0%**
НКРЯ	21/93, **22,6%**	75/1318, **5,7%**	8/45, **17,8%**	3/13, **23,1%**	107/1469, **7,3%**	717/724, **99,0%**

Налицо принципиальное отличие 3 л. мн. ч. от прочих членов парадигмы. Обнаружено всего 2 написания *сып**ют***, 2 *сып**ются***, 2 *трепются*, 1 *щипются* (1862–2014) — элементы просторечия и диалектизмы.

Полученные результаты согласуются с кодификацией написаний *сып**ят**(ся)*, *трепят(ся)*, *щипят(ся)* [ПАС 2009: 81; РОС 2013: 734, 758, 839]. Более радикальное решение: полные парадигмы 2 спр. (но без *трепать*) [БГС 2: 555, 647; см. также Еськова 2011: 224–225] — представляется по меньшей мере преждевременным, а скорее ошибочным.

5. С автономией 3 л. мн. ч. связана и тенденция к полному охвату членов мягкостной корреляции позиционным распределением **⟨С+-ут⟩ / ⟨С’+-ат⟩**. Так, доля аномальной формы *кол**ят**(ся)* составляет 183/1042, **17,6%** (в XXI в. 159/720, **22,1%**), *мел**ят**(ся)* — 47/173, **27,2%** (в XXI в. 39/93, **41,9%**).

6. В позиции после шипящих согласных и **[j]** оппозиция двух флексий сохраняется. Но именно формы 3 л. мн. ч. лидируют в варьировании глаголов-исключений *драить(ся)*, *клеить(ся)* (см. также единичные инфинитивы *дра**я**ть* [А. Сытина. Воспитатели запирают детей… (2011)] и *кле**я**ть* [ladyfox. «У тебя есть кого любить…» (2012)]).

Форма *кле**ют*** появляется в 1835 г. [Н. Гоголь. Портрет], *кле**ют**ся* — в 1870 г. [А. Апухтин. A la pointe]. Доли написаний по 1 спр. среди однокоренных глаголов (включая префиксальные дериваты) с 1835 г. составляют:

Корпусы	-клеешь(ся)		-клеет(ся)		ед. ч.	
Осн.	0/47	**0,0%**	4/393	**1,0%**	4/440	**0,9%**
Газ.+Рег.	0/26	**0,0%**	2/331	**0,6%**	2/357	**0,6%**
Акц.	26/239	**10,9%**	41/489	**8,4%**	67/728	**9,2%**
НКРЯ	26/312	**8,3%**	47/1213	**3,9%**	73/1525	**4,8%**

Корпусы	-клеем(ся)		-клеете(сь)		-клеют(ся)		мн. ч.	
Осн.	0/50	**0,0%**	2/13	**15,4%**	18/129	**14,0%**	20/192	**10,4%**
Газ.+Рег.	0/40	**0,0%**	0/12	**0,0%**	5/163	**3,1%**	5/215	**2,3%**
Акц.	15/134	**11,2%**	1/6	**16,7%**	38/177	**21,5%**	54/317	**17,0%**
НКРЯ	15/224	**6,7%**	3/31	**9,7%**	61/469	**13,0%**	79/724	**10,9%**

Итого 152/2249, **6,8%**. Общая доля невелика, но 3 л. мн. ч. занимает первое место.

Морской профессионализм *драить* зафиксирован в 1932 г. в формах *дра**ишь**, дра**ит**, дра**им*** [Л. Соболев. Капитальный ремонт] (хотя в говорах это глагол 1 спр. [СРНГ 8: 170]). В 1961 г. появляется аномальная форма *дра**ются*** [Я. Сатуновский. «До чего мне нравятся озорные девки…»], в 1968 г. — *дра**ют*** [И. Бродский. Письмо генералу Z.]. Доли написаний по 1 спр. среди форм однокоренных глаголов (с 1960 г.) выглядят так:

Корпусы	-драешь(ся)		-драет(ся)		ед. ч.	
Осн.	0/4	**0,0%**	0/19	**0,0%**	0/23	**0,0%**
Газ.+Рег.	0/3	**0,0%**	0/12	**0,0%**	0/15	**0,0%**
Акц.	0/4	**0,0%**	3/32	**9,4%**	3/36	**8,3%**
НКРЯ	0/11	**0,0%**	3/63	**4,8%**	3/74	**4,1%**

Корпусы	-драем(ся)		-драете(сь)		-драют(ся)		мн. ч.	
Осн.	0/4	**0,0%**	0/1	**0,0%**	6/22	**27,3%**	6/27	**22,2%**
Газ.+Рег.	0/3	**0,0%**	–	**–**	5/22	**22,7%**	5/25	**20,0%**
Акц.	1/8	**12,5%**	0/2	**0,0%**	10/28	**35,7%**	11/38	**28,9%**
НКРЯ	1/15	**6,7%**	0/3	**0,0%**	21/72	**29,2%**	22/90	**24,4%**

Итого 25/164, **15,2%**. Эта доля гораздо выше, но исключительно за счет 3 л. мн. ч.

7. Лишенное системных факторов, варьирование убывает. Взаимодействие глаголов с основой на *-и-* и *-а-* [см. Аникин 2011: 192] вызвало колебание в парадигме *брезжить(ся)*, ставшее значимым только для 3 л. мн. ч., что кодифицировано в [БГС 1: 58]. Форма *брезж**ут*** фиксируется с 1818 г. [В. Жуковский. Деревенский сторож в полночь], *брезж**ются*** — с 1833 г. [О. Сомов. Сказка о Никите Вдовиниче]. Общая доля *брезж**ут**(ся)* составляет 28/73, **38,4%**, а в XXI в. — 8/38, **21,1%**.

Литература

Алабугина Ю.В. Школьный орфографический словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2011. 411 с.

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 4. М.: Знак, 2011. 328 с.

БГС — Большой грамматический словарь: Т. 1–2 / под ред. А. Н. Тихонова. М.: ФЛИНТА, 2011.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Еськова Н. А. Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: Языки славянских культур, 2011. 648 с.

Зализняк А. А. К вопросу о правописании безударных гласных в глагольных окончаниях // О современной русской орфографии / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1964. С. 132–139.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/new/index.html.

ПАС — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2008. 480 с.

РОС — Русский орфографический словарь / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. / гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 1–. Л.: Наука, 1965.

Dmitry D. Belyaev

Tula laboratory of judicial examination of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Russia, Tula)

beltula@gmail.com

SPELLING OF PERSONAL VERBAL FORMS: NORM, USAGE, DYNAMICS

The article deals with the spelling of personal verbal forms. Types of conjugations have the same set of inflections which are identical in the 1st person sing. and present alternations **⟨o⟩||⟨i⟩**, **⟨u⟩||⟨a⟩** in other forms. The phonematic principle does not apply to them. The standard solution of the orthogram based on the finale of the infinitive stem is unreliable when the corresponding syllable is unstressed and is accompanied by a considerable number of exceptions. It can be optimized using other factors: 1) the sound quality before the orthogram (the positional principle); 2) comparison with the corresponding sound in the infinitive (not always, the grammatical principle); 3) semantics (three verbs, the lexical principle); 4) memorization of exceptions (five verbs, the traditional principle). The dynamics of the ratio of the norm and the real usage, the variation of the conjugation types are established on the material of the National Corpus of Russian (NCR). The highest proportion of forms of the 2nd conjugation of the verbs *stelit'(sya)*/*stlat'(sya)* (the stimulus is a change of the dominant infinitive) and *zybit'(sya)* (the stimulus is a loss of l-epentheticum). Therefore the question of their codification is quite relevant. The verbs *sypat'(sya)*, *trepat'(sya)*, *shchipat'(sya)* change mainly the form of the 3rd person

plur. (the stimulus is a prohibition of combinations **[p'+-ut]**), which is consistent with the codification of spellings of the type *sypyat*. The autonomy of the form of the 3rd person plur. has other manifestations: (1) the expansion of forms *kolyat(sya)*, *melyat(sya)* (the stimulus is a generalization of the positional distribution **⟨C+-ut⟩ / ⟨C'+-at⟩**), (2) the dominant role of the forms *drayut(sya)*, *kleyut(sya)* in the variation of the exception verbs *drait'(sya)*, *kleit'(sya)*, and (3) the traditional variation *brezzhat(sya)*/ *brezzhut(sya)*, gradually decreasing without system support.

Key words: spelling, verb, personal forms, language corpus, norm and usage, spelling dynamics.

References

Alabugina Yu.V. *Shkol'nyi orfograficheskii slovar' russkogo yazyka*. [The School orthographic dictionary of the Russian language]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2011. 411 p.

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Issue 4. Moscow, Znak Publ., 2011. 328 p.

Bol'shoi grammaticheskii slovar' [The Great grammatical dictionary] Vol. 1–2. / Ed. by A. N. Tikhonov. Moscow, FLINTA Publ., 2011.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. [The Great dictionary of the Russian language] / Ch. Ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.

Es'kova N. A. *Izbrannye raboty po rusistike: Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya. Orfografiya. Leksikografiya.* [Selected works on Russian studies. Phonology. Morphonology. Morphology. Spelling. Lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2011, 648 p.

Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [The Russian national corpus]. URL: https://ruscorpora.ru/new/index.html.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference book] / Ed. by V. V. Lopatin. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 480 p.

Russkii orfograficheskii slovar' RAN [Russian orthographic dictionary]. Ed. by V. V. Lopatin, O. E. Ivanova. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ. 896 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [A Dictionary of the Russian popular dialects] Ch. Ed. F. P. Filin. Issue 12. Leningrad, Nauka Publ., 1977.

Zaliznyak A. A. [On the spelling of the unstressed vowels in verbal inflections]. *O sovremennoi russkoi orfografii* [On the Modern Russian orthography]. Ch. Ed. V. V. Vinogradov. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 132–139. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Е. М. Болычева, В. В. Каверина
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
kaverina1@yandex.ru
129–130@mail.ru

О НЕНОРМАТИВНОМ УДВОЕНИИ ГЛАСНЫХ БУКВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ОРФОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается гиперкорректное удвоение гласных букв в современном русском письме. На материале ресурсов современного рунета выявлен корпус слов, анализ состава которого позволил сделать выводы о причинах возникновения таких написаний. Во-первых, это может быть языковая игра, отличающая письменную разговорную речь (например: *даа, неет, буудет*). Однако большое число написаний двойных гласных не может быть мотивировано языковой игрой. Основная позиция появления таких ошибок — граница префикса и корня, а наиболее распространенным является дублирование буквы *о* (например: *вооплотить, доопустим, изообразить, разообраться, сооблазнительно*). Мы полагаем, что в основе данных написаний лежит исторически обусловленное книжным произношением сочетание *оо* в орфографически верных написаниях, таких, как *вообразить, вооружить, сообщить, соорудить, соотносить.* Кроме того, дублирование *о* возникает там, где в исходе приставки и в начале корня пишется эта буква, как то: *дообследовать, пообщаться, пообедать, прообраз.* Значительно реже в данной позиции обнаруживается двойная *а* (например: *заабрать, наамного*). Однако и грамотных написаний с сочетанием *аа* в русском языке намного меньше, т. к. они связаны только с приставкой *за-*, например: *заахать, заарканить, заархивировать.* Гиперкорректное удвоение *о* сопровождается компенсаторным устранением другого удвоения (*воостание*, *воостановить, воозрение*) или сочетания гласных (*соорентировать*) при наличии таких в слове. Другой механизм возникновения ошибочных написаний двойных гласных — контаминация, которая обнаруживается в образованиях *вообщем* (из *вообще* и *в общем*) и *координально* (из *кардинально* и *координаты*). В ряде слов отмечено влияние неправильной орфографии на произношение.

Ключевые слова: современное русское письмо; орфографический узус; гиперкорректные написания; удвоение гласных.

Предположим, что на некотором интернет-форуме представлена такая реплика: «И каак?!! Не могу сооориентироваться. Тут батарейки АА или ААА? Пальчиковые илии мизинчиковые?». В данном тексте несколько случаев ненормативного удвоения гласных — *каак, сооориентироваться, илии*, и объясняются они разными причинами появления:

1. В *каак* повтор буквы, поддержанный повтором восклицательного знака, не связан с непроизвольной ошибкой, а является способом передачи эмоций на письме, то есть представляет собой пример языковой игры. Пишущий дает себе отчет в том, каков орфографический облик употребленного им слова в словарях, но сознательно искажает его.

2. В *илии* удвоение гласной вряд ли было намеренным, это ошибка, но, вероятно, технического свойства, квалифицируемая как опечатка. Вряд ли написание *илии* возникло по аналогии с правильным *прииск* и связано с ложной попыткой следовать орфографическому правилу, которое на данный случай не распространяется.

3. Ошибка же в *сооориентироваться*, наоборот, может быть объяснена желанием соотнести это слово с примерами типа *сообщить, соответствовать*, а не с ситуацией передачи своих эмоций или со сбоем в технике набора текста на клавиатуре.

На самом деле приведеный текст составлен авторами в демонстрационных целях, в отличие от всех остальных примеров, анализируемых ниже и сопровождаемых обязательными ссылками на сайт.

Настоящее исследование посвящено описанию ошибок прежде всего гиперкорректного свойства (то есть подобных примеру номер три из приведенного выше списка) и характеристике факторов, позволяющих отличить их от примеров языковой игры.

Орфографическая гиперкоррекция связана с попыткой найти аналогию там, где ее нет: пишуший распространяет действие некоего правила, часто осознаваемого в собственной, упрощенно-искаженной интерпретации, на орфограммы, регулирующиеся иными правилами. Так, например, мысль о правописании окончаний прилагательных переносится на слова с фонетически схожими финалями в результате чего появляется *настойчего* (настойчиво)* — путаница свидетельствует об искаженном представлении пишущего о частиречном и морфемном строении наречия. При этом важно, что человек стремится следовать нормам грамотного письма, с его стороны ошибка не намеренна (как бывает в случае языковой игры, когда *аффтар жжот* или настойчиво выражает эмоции смайликами, восклицательными знаками и возгласами *Нееееет!!!!!*). Существенным является и факт объяснимости ложного решения в выборе буквы, потенциальная возможность интерференции обязательно характеризует случаи гиперкоррекции, в отличие от опечаток.

Гиперкорректное удвоение в правописном узусе находится в сфере внимания исследователей уже давно. Однако речь обычно идет о согласных буквах [Суперанская 1964; Нечаева 2011; Каверина 2017б]. Так, А. В. Суперанская в статье

1964 г. приводит частотные примеры ошибочного удвоения согласных: «массон, фоллиант, славянофилл, гамадрилл, муллат, мулл, панорамма, маррокен, аттол, пичикатто, асс, тисс, хакасс» [Суперанская 1964, 80]. И. В. Нечаева в работе 2011 г. отмечает «распространение в узусе гиперкорректных написаний, т. е. написаний с удвоенной согласной, не оправданных этимологически. Ср. импрес(с)ario — impresario(ит), пал(л)ета — palette (ф), продюс(с)ер — producer(a), стрим(м)ер — streamer(a), тиф(ф)ози — tifoso(ит), хе/эви-метал(л) — heavy metal(a)» [Нечаева 2011, 57].

В орфографии последнего времени отмечено новое явление — ошибочное удвоение гласных, которое стало настолько заметным, что даже комментируется в научно-популярных статьях. К примеру, в газете «Аргументы и факты» от 20.02.2017 опубликован материал «В общем, вообще или вообщем — как правильно?», в котором Есения Павлоцки, лингвист-морфолог, эксперт института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, приводит яркий образ, с которым у нее ассоциируется написание *вообщем*: «Есть такой скандально известный голландский фильм ужасов под названием The Human Centipede — „Человеческая многоножка". Он рассказывает историю немецкого врача, который похитил троих людей и путем хирургического вмешательства соединил их желудочно-кишечные тракты. Однако функционировать как единый организм они, разумеется, не смогли, что принесло им много физических и моральных страданий. Говоря о моральных страданиях, представим, что вместо людей у нас есть два слова: *вообще* и *в общем*. И вот, перед нами лингвистический фильм ужасов под названием „Вообщем". Функционирует это слово в языке примерно так же, как пришитые друг к другу живые люди — никак» (https://aif.ru/society/education/v_obshchem_voobshche_ili_voobshchem_kak_pravilno).

Действительно, образование *вообщем* является ярким примером контаминации двух написаний: слитного с двумя *о* — *вообще* — и раздельного с одной *о* — *в общем.* Используется данное слово обычно в значении вводного слова 'в общем', например: «Вообщем я скажу так, если ничего не помогает то смело ставьте диспроспан, он капец какой мощный и очень эффективный, теперь я круто сплю, глаза не чешутся…» (http://www.otekstop.ru/raznoe/9846-otek-posle-diprospana.html). Обратим внимание, что отзыв написан довольно грамотным человеком, который знает, например, орфографию слова *эффективный.* В поисковой системе Google найдено 13500 тысяч страниц с написанием *вообщем.* Даже если учесть, что часть из них содержит обсуждение правильности данного написания, это очень много. Ежи Лисовский в интернет-газете «Newslab.ru» приводит статистику поисковой системы «Яндекс» в динамике: «Без малого за девять лет ситуация не только не улучшилась, но, по-видимому, даже усугубилась. Если в начале 2003 года Яндекс по запросу «!вообщем» выдавал около трёхсот тысяч результатов, то сейчас — 16 миллионов» (https://newslab.ru/article/406808).

Нами обнаружен даже пространный синонимический ряд к указанному псевдослову, появляющийся на запрос в некоем «Словаре русских синонимов» (https://

jeck.ru/tools/SynonymsDictionary). Всплывающая до запроса строчка «В работе используется обработанная словарная база ASIS, морфология phpMorphy и морфологические словари АОТ» приписывает странные решения в предлагаемых словарем морфологических комментариях усилиям искусственного интеллекта, а не человека-лингвиста. Так, не существующее в русском языке слово *вообщем* предлагается рассматривать либо как «Прилагательное мужского рода, единственного числа, предложного падежа, одушевленное, неодушевленное», либо как «Прилагательное среднего рода, единственного числа, предложного падежа, одушевленное, неодушевленное», — комментировать подобную грамматическую информацию бессмысленно. Нас же в данном случае интересует сам факт внесения *вообщем* в словник как симптоматичный феномен. Правда, если сравнить списки синонимов к *в общем* (19 единиц) и к *вообще* (30 единиц), выяснится, что псевдослово *вообщем* воспроизводит синонимический ряд к *вообще*, но с явной разницей в морфологических тонкостях. Реальное *вообще* трактуется либо как наречие, либо как вводное слово. Однако на частеречные сомнения системы, связанные с отсутствием слова в языке и его машинным сближением с чем-то похожим, незадачливый носитель языка внимания не обратит. Он, вбивший в окошко *вообщем*, чтобы избежать повторов в своем письменном тексте, не обнаружит смущающего ответа «Не найдено» (а система его выдает: например, на *аднуре* — слово *ерунда* наоборот). Вооруженный длинным списком замен и никак не озадаченный, человек закрепит свою орфоэпическую (или лексическую?) ошибку.

На другой интернет-странице находим рекомендации по переводу конструкций с *вообщем* на английский язык: «Ну, вообщем, я написала отчет. Well, I mean, I wrote the report. Ну, вообщем, если вы закончили, Я провожу вас. Right. Well, if you're finished, I'll show you out» (https://context.reverso.net/перевод/русский-английский/Ну%2C+вообщем). Обсуждается даже постановка ударения в новом слове: «Подскажите, пожалуйста, где люди ставят ударение в слове ВООБЩЕМ? ВоОбщем или вообщЕм? Ни разу не слышала, чтоб это слово кто-то произносил. Но если пишут, значит кто-то должен говорить?» (https://pishu-pravilno.livejournal.com/1240211.html). Заметим, что спрашивающий пишет довольно грамотно. Еще чаще задают вопрос о необходимости обособления слова *вообщем*, например: «Нужна ли запятая… в предложении: И вообщем ты большой молодец…» (https://mail.obrazovalka.com/qa/russkiy-yazyk/13444597-nuzhna-li-zapjataja-pered-quotiquot-v-predlozhenii-quoti-voobshhem-ty-bolshoj.html).

Подобным механизмом контаминации объясняется и написание *координально*. За комментарием «Аргументы и факты» вновь обращаются к Е. Павлоцки, которая пишет: «Итак, слова *координально* не существует, это ошибка. Его конструируют, потому что из-за определенных фонетических особенностей в речевом потоке мы слышим *к[а]рдинаты* и *к[а]рдинировать*, произнося слова *координаты* и *координировать*. И, конечно, слово *кардинально* поэтому кажется родственным слову *координаты* — пишем через *оо*, произносим *а*» (https://aif.ru/society/education/kardinalno_ili_koordinalno_kak_pravilno). Вместе с тем именно в «Аргументах и фактах» читателем отмечена прокомментированная ошибка, что

вызвало справедливый вопрос: «Правильно ведь пишется „кАрдинально”, а „кО-Ординально”? такого слова нет? А то прочитал в „Аргументах и фактах” (серьёзнейшее издание!): „ситуация кООрдинально изменилась”» (https://otvet.mail.ru/question/28442383).

Важно, что орфография новообразования *координально* активно влияет на орфоэпию: слово начинает произноситься с двумя гласными звуками подряд *к[ъа]рдина́льно* или *к[аа]рдина́льно*. Конечно, в хорошей литературной речи этого феномена не заметишь, но ведь грамотные люди не употребляют и соответствующего написания. А вот носители языка, не очень твердо владеющие орфографическими нормами, могут легко использовать удвоение не только на письме, но и в устной речи, поскольку в обыденном коллективном сознании приоритет буквы над звуком неоспорим и орфографоцентризм, как пишет Н. Д. Голев, присущ любому взрослому человеку [Голев 2000; см. также: Болычева 2017]. Приведем в качестве примера ролик блогера Black Kitty, где она, изображая парикмахера, обращается к воображаемому клиенту и на 38-ой секунде весьма отчетливо произносит подряд две гласные в слове, которое, очевидно, пишет как *координально*: «Сегодня я приготовила для тебя *к[аа]рдина́льные* изменения» (https://www.youtube.com/watch?v=C1Wh8K5XXhQ). Отметим, что подобное явление, но только в отношении удвоения не гласных, а согласных уже было отмечено нами ранее: «Огромный интерес представляет группа слов, где многие респонденты ошибочно пишут двойные согласные и в соответствии с этим произносят долгие звуки в нарушение орфоэпической нормы. Это слова *алогизм, алюминий, амуниция, галерея, импресарио, коридор, масон, продюсер, раса, рококо, элегия*» [Каверина 2017а, 25]. Разумеется, сказанное не означает, что написание двух одинаковых букв обязательно влечет за собой появление долгого согласного в речи, напротив, орфографически правильные *доллар, грамматика, колоссальный, коррекция* и т. д. произносятся как раз с кратким звуком. Это несоответствие и лежит в основе колебаний недостаточно грамотного человека, пытающегося соотнести точно известную ему *аллею* (с таким же [л’], как в глаголе *алеют*) с неизвестно как пищущейся *га?ереей**. Но, сделав ложный выбор *галлерея**, носитель языка может в речи допустить и продление звука в силу отмеченного выше орфографоцентризма сознания. Количество подобных фонетических сбоев будет очень небольшим, но само их появление симптоматично для выводов о возможном приоритете буквы (даже ложно выбранной) над реальным звуком.

Другой причиной удвоения гласных является языковая игра — прием, очень распространенный в письменной разговорной речи, передающий настроение пишущего или подчеркивающий оттенки смысла слова [Литневская 2018]. Изучение подобных примеров не соответствует выбранной тематике исследования, т. к. эмоциональное удвоение гласных не является гиперкорректным. Пишущий прекрасно знает, как должно выглядеть напечатанное слово, но жмет на клавишу, демонстрируя свое особое отношение к происходящему. Это не ошибка, а намеренное действие, вполне осознаваемое и связанное не только с повтором букв, но и с вариантами шрифтового выделения (заглавные буквы, реже жирный шрифт, курсив…),

с пунктуационным выбором (!!!!!) и лексическими показателями эмоциональности (соответствующие частицы, междометия, стилистически маркированные слова).

Вместе с тем сказать, что мы совсем не касались подобных случаев, все-таки нельзя. Перед нами стояла задача дифференциации орфографического материала с удвоенными гласными: прежде всего надо было понять, является ли найденный пример гиперкорректным или речь идет о способах передачи эмоциональной реакции, которая в данном случае свелась к удвоению буквы. Одним из самых надежных и простых способов решения задачи оказалась операция по мысленному умножению числа повторенных букв до трех и более — такой опыт возможен только с эмоциональными реакциями говорящего. Гиперкорректная же ошибка связана с осознанным удвоением, именно удвоением буквы, которое кажется пишущему правильным в силу определенных ассоциаций с похожими ситуациями или по причине так называемого словарного статуса слова (слово-исключение запомнилось, но человек путает букву, которую надо удвоить, — получается компенсаторное удвоение ненужного при неудвоении нужного). Понятно, что примеры типа *каайф* (легко трансформируемые в *кааайф, каааайф*...) к таковым не относятся и являются эмоциональными, а *коорректный* (вовсе не допускающий вариантов типа *кооорректный*, коооорректный**...) может квалифицироваться как интересующая нас в данном исследовании ошибка.

Отметим, что *коорректный* (с удвоенными *оо* при единичной *р*) — реальный пример, и Гугл-поиск находит таких случаев порядка 215 штук (слово «примерно» предшествует цифре). Отметим, что поисковая система попытается исправить ошибку, но если настаивать на выборе, то появится информация о количестве найденных сайтов и потраченных на операцию секунд. Эти цифры непостоянные и могут меняться от запроса к запросу, это не точный статистический показатель, а информация технического свойства. Однако сам порядок выданной системой цифры позволяет сделать некоторый вывод о распространенности написания в интернет-пространстве: если ошибочное *коорректный* сопровождается скромными показателями [Результатов: примерно 215 (0,46 сек.)], то безупречное *корректный* связано с совсем иными показателями [Результатов: примерно 7 700 000 (0,30 сек.)].

Итак, ошибочное написание *коорректный* не орфографическая фантазия, а реальный факт, подкрепленный конкретными примерами в выдаче поисковой системы. Многие из них фиксируются на форумах IP тематики, например: «Мне только повезло с такой причиной деактивации какртинок в портфеле как Incorrect Content Type? Что это вообще значит? Где нужно проставить коорректный тип?» (http://www.microstock.ru/forum/showthread.php?p=1130409). Текст может рассматриваться как нейтрально-разговорный на рабочую тему (возгласов *чтоо!!* в нем нет), и удвоение *оо* носит явно неэмоциональный характер. Кроме того, очевидна поспешность набора текста, т. к. помимо интересующего нас примера человек допустил явную опечатку *какртинок*. Тем не менее найденный пример можно считать симптоматичным, т. к., во-первых, он в силу специфики текста не относится к ситуации языковой игры и не допускает умножения гласных букв; во-вторых, может считаться редким, но все-таки повторяемым (см. другие ссылки на запрос

«коорректный», выдаваемые поисковой системой Гугл (215 страниц); в-третьих, потенциальная возможность орфографической интерференции (когда удвоение одной буквы компенсируется удвоением другой) позволяет квалифицировать подобный случай как ошибку гиперкорректного свойства, а не банальную опечатку. Перечисленные критерии, учитываемые вкупе, позволили классифицировать примеры на актуальные и неактуальные для настоящего исследования.

Кроме приведенных, иногда требовалось обращаться в том числе и к фонетическому критерию при отборе материала, хотя в ситуации анализа письменных источников он носил явно дополнительный и вероятностно-прогностический характер. Эмоциональная речь допускает продление гласных, особенно в определенных интонационных условиях. Насколько такие фонетические особенности очевидны говорящему и относятся ли они к языковой игре как сознательно продуцируемому феномену — большой вопрос, особенно если удлинение звуков оказывается количественно-динамическим компонентом интонации. Тем не менее написанный возглас *Дааа!* или *Нееет!* все-таки связывается в сознании человека с особым качеством произнесенного звука, и мы в рамках данной статьи будем причислять эти фонетические ситуации к языковой игре, хотя и с натяжкой. Натяжка очевидна, т. к. целеполагание говорящего не связано с задачей фонетически поиграть или позабавиться, как в ситуации имитации акцента в анекдотах, — человек просто принимает или отвергает что-то (если имееются в виду приведенные выше *Дааа!* или *Нееет!*), но в ситуации особого эмоционального состояния. Записывая свою реплику в чате (при этом, возможно, мысленно ее проговаривая), носитель языка считает необходимым как-то маркировать не только согласие/несогласие, но и свою эмоциональную реакцию: удлинение звука передается повтором буквы, а интонационный контур, вероятно, вопросительным и /или восклицательным знаками. В случае письменной речи указанный прием — результат явно сознательного выбора, в ситуации устной речи провести границу между заметным и незаметным для говорящего (а значит, между игровым компонентом и автоматизированным навыком) значительно сложнее. В рамах данной работы мы не ставили перед собой задачи решить этот вопрос и, маркируя принципиальное отличие подобных феноменов от случаев гиперкоррекции, обозначили их термином «языковая игра», понимая условность и неточность такого решения.

Итак, в ситуациях, когда произносится один долгий напряженный звук, количество напечатанных букв может в той или иной степени отвечать за меру эмфазного выделения гласного. Существует в данном случае и иной способ произношения, когда модуляция голоса обеспечивает произнесение нескольких гласных подряд. Разберем, например, фразу «Коту Сосиськину Баальшой привет из Ульяновска, его ждут в гости» (https://www.facebook.com/shkola.dobroty/posts/1404802446221494), явно игривый характер которой поддержан именем животного, шуточным характером информации, удвоением букв и выбором заглавной *Б*. Эта фраза может предполагать двоякое звучание прилагательного *Баальшой*: не только с двумя гласными звуками (*б[аа]льшóй*), но и с одним долгим, который намеренно тянут (*б[ā]льшóй*).

Что касается ситуаций с гиперкорректно удвоенным гласным, то они в звучащей речи должны соотноситься с особенностями произношения зияний [Аванесов 1984]. Как известно, сочетания гласных могут артикулироваться со стяжением в разговорном стиле произношения: *с[ъ]бражéние* (*соображение*), а в нейтральном и высоком должны произноситься с модуляцией голоса, т. е. с двумя гласными подряд *с[ъа]бражéние / с[аа]бражéние*. Правило это далеко не абсолютно (и, например, не касается слова *вообще*, которое вполне нейтрально звучит с [а], а не [ъа]), но как тенденция существует. Появление одного суперпродленного гласного в ситуации обычного зияния невозможно, такая фонетическая особенность может быть свойственна только языковой игре. Возможность протянуть один гласный звук на месте удвоенного буквенного сочетания становится, таким образом, дополнительным критерием, помогающим отбирать материал для нашего орфографического исследования.

Отметим попутно, что стилистически маркированная вариативность произношения, касающаяся зияний и связанная либо со стяжением гласных (*с[ъ]бражéние*), либо с их поочередным проговариванием (*с[ъа]бражéние / с[аа]бражéние*), логически объясняет появление случаев ошибочного гиперкорректного удвоения букв и звуков. Человек, сталкиваясь с книжной лексикой, интуитивно понимает, что орфографический повтор букв может на фонетическом уровне то проявлять себя, то не проявлять. И поскольку в последнем случае (то есть в случае стяжения) произношение часто считают нарочито разговорным, он, стремясь правильно оформить свой текст и речь и не владея до конца нормами, начинает страховаться от ошибок: *кардинально* превращается в *координально* и начинает произноситься в соответствии с обновленной орфографией как *к[ъа]рдинáльно / к[аа]рдинáльно*.

Ошибки с гиперкорректным удвоением гласных должны быть мотивированы какой-то орфографической аналогией или непопаданием в букву, которую надо дублировать, —случаи языковой игры лишены подобных мотивировок. В случае, когда человек графически обозначает эмоцию, он просто множит букву. В языковой игре удваиваться могут разные гласные — вне зависимости от морфемного строения слова, от статистической распространенности зияний подобного типа, от стилистической принадлежности слова:

Ребят, ну неет! ПОГОНЯ ЗА МОТОЦИКЛОМ (https://www.youtube.com/watch?v=zaMFYPpFTYA)

«Замечательное меесто!» (https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g298520-d4496452-r658780369-Hotel_Imereti-Kazan_Republic_of_Tatarstan_Volga_District.html)

«Ооооой!!! Что сейчас буудет...» (https://www.instagram.com/katrinka_family/p/BoROs-ajxNY/).

«НЯШКА просто воолшебно поет! Всем ПЛАКАТЬ ОТ УМИЛЕНИЯ» (https://www.youtube.com/watch?v=ilWXH6P7eDM). В написании *воолшебно* чувствуются жеманные нотки, и без удвоения ироничный эффект был бы потерян.

При анализе материала, связанного не со звуковой игрой, а с гиперкоррекцией, обязательно следует учитывать морфемную структуру слова — прежде всего

наличие префиксального стыка, который бывает связан с соответствующими норме зияниями. На просторах современного интернета обнаружена большая группа написаний с ошибочным удвоением гласных в начальном сегменте слова, где фиксируется стык приставки и корня или где морфемный шов на синхронном уровне не существует, но этимологически доказывается и интуитивно ощущается. Поскольку для не совсем уверенного носителя языка, сомневающегося в правописании слов, такие лингвистические тонкости, как реальная выделимость приставки, малосущественна и он попросту сближает на уровне широкой аналогии все примеры с похожим началом, мы не будем противопоставлять случаи с разной выделимостью приставки — реальной и оправданной только диахроническим взглядом на слово. Чтобы упростить изложение материала, в дальнейших рассуждениях мы будем употреблять термин «приставка / префикс» достаточно условно, распространяя его и на случаи лишь диахронически существующей членимости. Подобная морфемная вольность соответствует наивному взгляду неискушенного носителя языка и помогает интерпретировать его ложный орфографический выбор. Итак, в ходе настоящего исследования были обнаружены такие интересные написания, которые мы попробуем проанализировать с точки зрения гиперкорректного взгляда на проблему (в скобках приводится количественная ссылка в поисковой системе Google):

— *вообрать* (149)*, воодрузить* (2770), *воозражать* (10), *воозразить* (99), *воозродить* (129), *вооплотить* (8200), *вооплощение* (4500), *вооскресение* (107), *воостание* (1670), *воостановить* (20100), *воостановление* (12300), *вооцарение* (5);

— *взообраться* (5), *взоорвать* (7), *взоорваться* (6);

— *дообраться* (318), *доопустим* (942), *даапустим* (7);

— *заабрать* (1800), *заабраться* (9);

— *изообразить* (607), *изообрести* (419), *изообретать* (138), *изообретение* (608);

— *наамного* (16020), *наапротив* (431);

— *подообрать* (482);

— *разообраться* (1050);

— *сооблазнительный* (2670), *сооблазнительно* (8520), *соориганальничать* (102), *соорентировать* (12600), *соорентироваться* (62100).

Даже этот, возможно, неполный список демонстрирует существование мощной тенденции удваивать гласные в исходе префиксов на *о* и значительно реже на *а*. Мы полагаем, что в основе данных написаний лежит исторически обусловленное книжным произношением сочетание *оо* в орфографически верных написаниях, таких, как *вообразить, вооружить, сообщить, соорудить, соотносить.* Кроме того, дублирование *о* возникает там, где в исходе приставки и в начале корня пишется эта буква, как то: *дообследовать, пообщаться, пообедать, прообраз.* Анализ слов приведенного списка позволяет сделать вывод о том, что удвоение характерно для слов книжного регистра. Возможно, употребление двойных гласных связано с «наивными представлениями о языке» [Болычева 2007: 340–341], в соответствии с которыми книжные слова должны писаться по-особому, в частности с двумя гласными.

Больше всего ошибочных удвоений отмечено в образованиях с начальным *во-*.

Поражает число написаний (2770) *воодрузить*, которые отмечены даже в СМИ. Так, на сайте RIA-M.TV находим заголовок новостной статьи от 6 апреля 2015 г.: «В Херсоне хотели воодрузить флаг “Новороссии”» (https://ria-m.tv/news/31637/v_hersone_hoteli_voodruzit_flag_novorossii.html). Новостной сайт BFM74 сообщает об установке купола в новом храме: «Чтобы воодрузить купол на место, монтажникам потребовалась специальная техника — кран увеличенной грузоподъемности и особая вышка, чтобы приварить купол к основанию» (https://bfm74.ru/obshchestvo/na-novom-hrame-v-poselke-shagol-ustanovyat-kupol/).

Еще больше в интернете употреблений глагола *вооплотить* (8200) и однокоренного существительного *вооплощение* (4500). Глагол *вооплотить* с удвоением *о* обычно встречается в рекламных материалах. Приведем примеры. Такая реклама кожаных изделий дается производителем на страничке в Facebook: «Мы всегда рады вооплотить в жизнь все ваши мечты и пожелания наших заказчиков» (https://www.facebook.com/107616174128564/posts/110637500493098/). «Подскажите... как вооплотить это)» (https://biser.info/node/120169), — обращается за помощью пользователь форума. Никаких намеков на языковую игру в таких написаниях не обнаружено. Приведем еще объявление, касающееся информации о вакансиях: «Требования: <…> Аналитический склад ума, желание вооплотить самые амбициозные идеи» (https://www.avito.ru/ryazan/vakansii/inzhener_tehnicheskoy_podderzhki_sistemnyy_administr_1865158970). В похожих контекстах встречается и слово *вооплощение*. Приведем рекламное объявление на Avito: «Удачный строитель, вооплощение идей в реальность» (https://www.avito.ru/siverskiy/predlozheniya_uslug/udachnyy_stroitel_vooploschenie_idey_v_realnost_992844252). Следующий пример взят из резюме на сайте SuperJob: «Вооплощение профессионального опыта в полном объме, достойная зарплата» (https://www.superjob.ru/resume/nachalnik-konstruktorskogo-otdela-22297547.html). Однако существительное употребляется в более разнообразных ситуациях, чем однокоренной глагол. Отметим рекомендации по переносам в слове: «Слово вооплощение переносится 5-ю способами: во-оплощение…» (http://perenosi.su/вооплощение). На другом сайте добавлены еще сведения о слогоделении: «Переносы и слоги в слове вооплощение. Возможны 5 вариантов переноса: во-оплощение… Слово по слогам читается как: во-о-пло-ще-ни-е. Слово вооплощение делится на 6 слогов: во, о, пло, ще, ни, е. Из них: 4 открытых: во, пло, ще, ни; нет закрытых; 2 состоят из одной гласной: о, е» (https://syllables.ru/B/вооплощение). На образовательном сайте школьник задается вопросом о том, что за троп имеется в виду: «Вооплощение чего-либо в образе живого существа — олицетворение» (https://znanija.com/task/26192739). Находим данное написание и в художественных текстах. Так, некая Джини Роад пишет в «Дневнике кота»: «План Б вооплощение» (https://www.surgebook.com/NeoNow/book/dnevnik-kota/plan-b-vooploschenie). Поэт Павл Мишин размещает на сайте Стихи.ру «Мысли и их вооплощение» (https://stihi.ru/avtor/pahavintorez7&book=1).

Достаточно представительно количество словоупотреблений *воостание* (1670). Данное слово обнаруживается на образовательных исторических сайтах. Так, один

из тестовых тренажеров задает вопрос: «В чём причины успехов восставших? Почему воостание Спартака закончилось поражением?» (https://reshaem-online.ru/5005549/) Привлекает внимание тот факт, что существительное *восставших* написано верно. Поразительно появление такой грубой ошибки в «Программе вступительного испытания, проводимого Академией самостоятельно по истории» РАНХиГС: «Смутное время». Борьба за власть в период правления Федора Ивановича. Борис Годунов. Лжедмитрий I. Правление боярского царя Василия Шуйского. Воостание И. И. Болотникова» (https://site-siu.ranepa.ru/fzdo/abit/visp/istoria.pdf). Кроме того, «Словарь ассоциаций Reright» содержит следующие сведения: «Морфологический разбор (часть речи) слова *воостание*. Часть речи: существительное. Род: средний. Число: единственное. Одушевленность: неодушевленное. Падеж: именительный» (http://www.reright.ru/analysis/1754920). Далее дается парадигма склонения слова *воостание.* Данное написание приведено также в «Киргизско-русском словаре» (https://www.kgdic.ru/ перевод/киргизский-русский/воостание).

Однокоренные слова *воостановить* (20100) и *воостановление* (12300) входят в число наиболее употребительных слов с интересующими нас ошибками. Конечно же, глагол чаще всего встречается на сайтах и форумах компьютерной и телефонной поддержки. К примеру, на одном из них есть такой заголовок: «Смартфон Xiaomi удалил фото: Рассказываем как найти и воостановить» (https://mi-xx.ru/gajdy/kak-najti-udalennye-foto-i-video-v-smartfonah-xiaomi.html). А существительное обычно употребляется при описании косметических средств и процедур. Так, крупная сеть аптек «Ригла» предлагает: «Золотой шелк Нутришн масло-эликсир мультифункциональное воостановление и питание 25мл» (https://www.rigla.ru/product/106441?city=Москва). На втором месте те же ресурсы техподдержки, что и у глагола, например: «Воостановление таблицы файлов на HDD» (https://rlab.ru/forum/topic,827.0).

Несколько неожиданно для нас написание *дообраться* (318), которое часто употребляют на транспортных и туристических ресурсах. «Воспользуйтесь частным трансфером в одну сторону, чтбоы дообраться из аэропорта Париж — Шарль-де-Голль до города или в обратном направлении», — предлагает сайт GetYourGuide (https://www.getyourguide.ru/parizh-l16/aeroport-parizh-sharl-de-goll-chastnyi-transfer-t40681/). Рядом с интересующим нас написанием замечена опечатка: *чтбоы*. На известном агрегаторе Ostrovok.ru представлена следующая информация: «Например, у самого Университета Западного Лондона работает станция метро Юг Илинг, а также ряд остановок наземного общественного транспорта. Этого достаточно, чтобы без проблем дообраться куда угодно в пределах Лондона» (https://ostrovok.ru/hotel/united_kingdom/london/ryadom-s/london_university_of_west_london_interest/).

Еще более распространенным является словоупотребление *доопустим* (942). Можно сказать, оно вошло в моду у авторов различных технических руководств, к примеру: «Доопустим, у вас двухтрубная система, тогда Общий тепосчетчик на вводе, который считает общее тепло точно должен быть» (http://forum.abok.ru/lofiversion/index.php/t98785.html). Кроме того, данное написание часто употребляют пользователи, задающие любые вопросы на форумах. Приведем пример: «У меня

вопросик. Вот мне надо доопустим свидетельство о браке+перевод+заверенность и мужу тоже надо отдельно заверенность делать на свид. о браке?» (https://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=21945982&page=65) Неоправданно появление такого написания в СМИ. «В социалистическом же обществе при определении размера вознаграждения в расчет будут приниматься только потребности того или иного члена. Раз, Иван, доопустим, или Петр трудится по силам и возможности на общее благо — так общество даст ему все, в чем он нуждается, но не более», — пишет «Казанский репортер» 29 июля 2017 (https://kazanreporter.ru/post/2432_9_iyulya_-_21_iyulya_1917_goda). Особое место занимают написания *даапустим* (7), которые, очевидно, единичны и представляют собой языковую игру. Это нетрудно понять по следующему контексту: «Твоя раса... Ангел †††††††††† дАпустим... Цвет твоих волос… Блонд ††††††† дААпустим...» (https://quizico.ru/quizzes/101886). Впрочем, большого распространения данное написание не получило.

Образования с начальным *из-* , представленные в основном словом *изообразить* (607), обнаружены нами большей частью на образовательных сайтах естественных наук. «Попытайтесь изообразить угол 30 без транспортира а затем проверьте себя на сколько вы ошиблись» (https://domashka-doma.ru/?qa=3204035&qa_1), — предлагает один из таких ресурсов. Заметим, что в предложении есть еще одна орфографическая ошибка — *на сколько*, а также не хватает запятой перед союзом «а». К сожалению, неверное написание вкралось в «Методические рекомендации для самостоятельной работы студентов» ГУ «Крымский государственный медицинский университет имени С. И. Георгиевского», где предлагается «изообразить строение женских половых органов» (http://ma.cfuv.ru/docs/205199/).

Остальные ошибки в словах с начальным *из-* связаны с однокоренными словами *изообрести* (419), *изообретать* (138), *изообретение* (608). Данные написания встречаются на разных ресурсах, в основном в текстах неформальных диалогов и высказываний. Из более официальных текстов отметим повторяющийся на разных сайтах обзор фильма-сериала: «Гениальный, но рассеянный профессор изообретает машину времени. Благодаря этому старинный таинственный дом в лесу оказывается машиной времени» (https://www.kinopoisk.ru/series/408574/). Кроме того, на сайте «Московский инновационный кластер» в реферате патента находим в ссылке: «Патент № 2587781. Российская Федерация. Способ диагностики тяжелой преэклампсии / Панова И. А., Кудряшова А. В., Хлипунова Д. А., Рокотянская Е. А. // Изообретения. Полезные модели. 2016. № 17» (https://i.moscow/patents/RU2721688C1_20200521).

Инициальное *подо-* представлено у нас только глаголом *подообрать* (482), с помощью которого оформляются многочисленные просьбы школьников и студентов, а также других пользователей различных сайтов и форумов. Отметим использование написания в рекламе: «За более подробной консультацией вы можете обратится к гами юристам, которые с радостью проконсультирую вас по данному вопросу, а специалисты по недвижимости помогут подообрать объект недвижимости для приобретения» (https://anmildom.ru/novosti/uluchshenie-zhilischnyh-usloviy-dlya-molodoy-semi.html).

Подобна описанной выше сфера употребления слова — *разообраться* (1050): это различные просьбы о помощи. Выделяется использование данного написания в аннотации к онлайн-курсу «Управление персоналом. Просто о сложном». В сопроводительном тексте с пропущенными запятыми утверждается задача «дать возможность слушателям школы детальнее разообраться в основных „болях" с которыми сталкивается собственник при построениии бизнеса» (https://theoryandpractice.ru/courses/35890-upravlenie-personalom-prosto-o-slozhnom).

Довольно частотны написания однокоренных слов *сооблазнительный* (2670), *сооблазнительно* (8520). Очевидно, что они употребляются в основном в рекламе различных товаров. Кроме того, наречие *сооблазнительно* часто встречается в различных контекстах, связанных с эротикой. Отметим написание прилагательного в журнале «За науку»: «Сборы металлолома — ржавый «Запорожец» превращается в сороконожку (даже девочки помогали), и неуверенно покачиваясь, направляется на школьный двор; сооблазнительный своей неподъемностью блинчик люка, навлекший выговор на весь класс...» (https://mipt.ru/za-nauku/hardcopies/2003/1655/goodbye_lenin.php)

И наконец, лидеры нашей статистики — однокоренные слова *соорентировать* (12600) и *соорентироваться* (62100). Они невероятно распространены в частной переписке, содержащей просьбу сориентировать в цене или еще в чем-либо. Однако возвратный глагол, к нашему удивлению, присутствует на «ЯндексПереводчике». А справочный ресурс «Пе-ре-нос слов» дает рекомендации: «Как перенести слово "соорентироваться"?» (http://perenos-slov.ru/perenos/соорентироваться).

Значительно меньше ошибочных случаев дублирования *а*. Самым частотным здесь стало написание *наамного* (17100), но оно нерепрезентативно в имеющейся выборке. Статистический всплеск частотности на *аа* и анализ контекстов употребления позволяют сделать однозначный вывод о природе данного явления: вряд ли это орфографическая аналогия со словами типа *наахать, нааукать* (примеры зияний сомнительные, но других с данной приставкой нет). Очевидно, что здесь представлена языковая игра. Весьма эмоционален отзыв о ресторане на туристическом сайте: «Цены среднего уровня, а вот качество предлагаемых блюд — наамного выше среднего! Пальчики оближешь!» (https://www.tourprom.ru/country/egypt/hurghada/restaraunt/limperatore/). В некоторых случаях удвоенные буквы еще и прописные, как в полном гордости ролике о ремонте: «Штукатурка с наполнителем , сам процесс нААмного интересней чем готовый результат» (https://www.youtube.com/watch?v=XLHymhqViPk).

Написание *наапротив* (431) используется в абсолютно нейтральных строгих контекстах в двух значениях: наречия и вводного слова. Наречие *наапротив* обнаруживается на транспортных и туристических ресурсах. Так, на популярном сайте Tury.ru находим: «Трапезная у входа на Смоленское кладбище, наапротив храма Воскресения Христова» (https://www.tury.ru/photo/id/2400728). Следующий пример взят с сайта «Московский индекс»: «Начинается от платформы «Тестовская» Белорусского направления МЖД наапротив 2-го Красногвардейского проезда…» (http://moscow-index.ru/moscowstreet-7240.html). Неожиданно употребление

вводного *наапротив* в статье Е. Ю. Васильевой «Круговые перекрестки в современном городе: достоинства, недостатки, целесообразность создания», размещенной в библиотеке ELIBRARY.RU и входящей в РИНЦ. В аннотации читаем: «Наапротив, создание современных круговых развязок позволит упорядочить планирование крупных городов, сделать возможным интенсивное движение транспорта…» (https://elibrary.ru/item.asp?id=32717787)

Кроме того, удвоение *а* отмечено в однокоренных глаголах *заабрать* (1800) и *заабраться* (9). Соотношение цифр между этими примерами довольно парадоксальное, но оно сохраняется таковым и в случае корректного написания слов *забрать* (53300000) и *забраться* (2190000). Ошибка *заабрать* с представительной статистикой в 1800 используется в случаях, когда речь идет о курьерской службе или других ситуациях, в которых нужно что-то получить. Иногда это даже не частная переписка, а информация с официального сайта какой-либо службы, например автошколы «Alex» в Ялте: «Мы перезвоним вам и предложим удобное время чтобы заабрать его у нас в офисе» (https://alexdriving.ru/kurs/sertifikat-kategoriya-A). Есть такое слово и на сайте помощи переводчикам: «Кредитор может повторно заабрать на баланс» (https://tr-ex.me/перевод/русский-английский/кредитор#gref).

Иногда гиперкорректное удвоение *о* сопровождается компенсаторным устранением другого удвоения (*воостание*, *воостановить, воозрение*) или сочетания гласных (*соорентировать*) при наличии таких в слове. Подобное явление отмечено в написаниях *воозрение* (106) и *мировоозрение* (1870), второе из которых довольно частотно. Ошибка носит как бы компенсаторный характер: человек, зная о словарном характере слова, не попадает в букву, которую надо удвоить. Например, на официальном сайте «Город Астрахань» пишут: «Все молодежные проекты, которые сейчас реализуются в Астрахани, показывают, что мировоозрение горожан, и самое главное — молодых жителей — перестраивается» (http://www.astrgorod.ru/news/v-astrahani-razrisovali-elektroshchitki). Удивительно, но в электронном каталоге ИРБИС представлены ключевые слова «мировоозрение религиозное» (http://irbis.bigpi.biysk.ru/cgi-bin/irbis64r_12/cgiirbis).

Механизм компенсации хорошо заметен на примере написаний слова *депрессия*: случаев сохранение обоих удвоений (**деепрессия*) не зафиксировано, а ошибочные написания *депреесия* (170), *деепресия* (121) хоть и нечасто, но встречаются. Например, в словаре, размещенном на сайте Репьевской районной больницы, дается определение недуга: «Депреесия (от лат. Dedivssio — подавление, угнетение) — психическое расстройство, которое характеризуется патологически сниженным настроением (гипотимией) с негативной, пессимистической оценкой себя, своего положения в окружающей действительности и своего будущего» (https://repcrb.zdrav36.ru/novosti/2021–05–07-depreesiya). Приведенный текст отличается сложностью и безусловной грамотностью, за исключением заглавного слова и несуществующего примера из латыни. Этимологические изыскания оставим в стороне, а вот ошибочное *Депреесия* выделяется на фоне не только приведенных строк, но и всей страницы, на которой искомое слово повторено восемь раз в правильной орфографии. Вероятно, существует еще одна причина неправильных

компенсаторных удвоений, которая связана не с уровнем грамотности, а с психомоторными способностями человека, дающими вдруг сбой. Такое предположение усиливается собственными ощущениями, испытанными при наборе настоящей статьи на компьютере, когда *гиперкорректный* превратился вдруг в *гипперкоректный*. Общая статистическая картина от сбоев, объясняющихся такими причинами, сильно скорректирована не будет, но справедливости ради отметим и ее.

Подведем итоги. Выполненное исследование позволило установить основные зоны гиперкорректного удвоения гласных букв в современном русском письме. Наибольшее число таких написаний отмечено в начале слова, где в основном дублируется буква *о* (*вооплотить, доопустим, изообразить, разообраться*) по аналогии с исторически обусловленными книжным произношением написаниями типа *вообразить, вооружить, сообщить, соорудить, соотносить* и другими словами, где в исходе приставки и в начале корня пишется *о* (*дообследовать, пообщаться, пообедать, прообраз*). Значительно реже в данной позиции обнаруживается двойная *а* (*заабрать, наапротив*). Гиперкорректное удвоение *о* может сопровождаться компенсаторным устранением другого удвоения (*воостание*, *воостановить, воозрение*) или сочетания гласных (*соорентировать*) при наличии таких в слове. Другой механизм возникновения ошибочных написаний двойных гласных — контаминация, которая обнаруживается в образованиях *вообщем* (из *вообще* и *в общем*) и *координально* (из *кардинально* и *координаты*). В последнем слове отмечено влияние неправильной орфографии на произношение. Особое место занимает языковая игра, отличающая письменную разговорную речь, где написания типа *баальшой, воолшебно, неет, буудет* используются для выражения эмоциональных реакций пишущего.

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М. : Просвещение, 1984. 384 с.

Болычева Е. М. Место буквы в сознании носителей русского языка // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: Материалы Международной научно-практической конференции «XVIII Кирилло-Мефодиевские чтения», 23–24 мая 2017 года. М., 2017. С. 158–163.

Болычева Е. М. О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Межд. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 340–341.

Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка //Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 338–348.

Каверина В. В Новые тенденции в произношении долгих согласных звуков в современном русском языке // Славянская культура: истоки, традиции,

взаимодействие: Материалы Международной научно-практической конференции «XVIII Кирилло-Мефодиевские чтения», 23–24 мая 2017 года. М., 2017. С. 21–26. (Каверина 2017а)

Каверина В. В. Основные тенденции употребления консонантного удвоения в заимствованных словах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 441–450. (Каверина 2017б)

Литневская Е. И. О языковой норме письменной речи и проблемах ее кодификации в начале XXI века // Мир русского слова, издательство МИРС (М.), 2018. № 1. С. 30–34.

Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.

Суперанская А. В. Написание заимствованных слов в современном русском языке // Проблемы современного русского правописания. М. : Наука, 1964. С. 69–100.

Ye.M. Bolycheva, V. V. Kaverina
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)

ON HYPER-CORRECT DUPLICATION OF VOICE LETTERS IN THE MODERN RUSSIAN ORTHOGRAPHIC SPACE

The article discusses the hyper-correct doubling of vowels in modern Russian writing. Based on the material of the resources of the modern Runet, a corpus of words was revealed, and the analysis of this list allowed us to draw conclusions about the reasons for the emergence of such spellings. Firstly, it can be a language game that distinguishes written colloquial language (for example: *баальшой, воолшебно, неет, буудет*). However, the large number of spellings of double vowels cannot be motivated by a language game. The main position of the appearance of such errors is the border of the prefix and the root, and the most common is the duplication of the letter *о* (for example: *вооплотить, доопустим, изообразить, разообраться, сооблазнительно*). We believe that these spellings are based on the combination of *оо*, historically conditioned by bookish pronunciation, in the orthographically correct spellings, such as *дообследовать, пообщаться, пообедать, прообраз*. In addition, duplication occurs where this letter is written at the end of the prefix and at the beginning of the root, such as *вообразить, вооружить, сообщить, соорудить, соотносить*. Much less often, a double *а* is found in this position (for example: *заабрать, наамного*). However, there are much fewer literate spellings with *аа* combination in Russian, and only with the prefix *за-*, for example: *заахать, заарканить, заархивировать*. Hypercorrect doubling of *о* is accompanied by compensatory elimination of another doubling (*воостание*, *воостановить, воозрение*) or a combination of vowels (*соорентировать*) if there are such in the word. Another mechanism for the emergence of erroneous spellings of double vowels is contamination, which is found in formations

like *вообщем* (from *вообще* and *в общем*) and *координально* (from *кардинально* and *координаты*). In some words, the effect of incorrect spelling on pronunciation is noted.

Key words: modern Russian writing; spelling usus; hypercorrect spellings; vowel doubling.

References

Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian literary pronunciation]. Moscow, Izdatel'stvo Prosveshchenie. 1984. 384 p.

Bolycheva E. M. Mesto bukvy v soznanii nositelej russkogo yazyka [The place of the letter in the minds of native speakers of the Russian language]. Slavyanskaya kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «XVIII Kirillo-Mefodievskie chteniya», 23–24 maya 2017 goda. M., 2017, S. 158–163 [Russian Culture: Origins, Traditions, interaction: Materials of the International Scientific and Practical Conference "XVIII Cyril and Methodius Readings", May 23–24, 2017, Moscow, 2017, pp. 158–163] (In Russ.).

Bolycheva E. M. O prezumpcii bukvy v naivnyh predstavleniyah o yazyke i nekotoryh aktual'nyh problemah fonetiki [On the presumption of the letter in naive ideas about the language and some actual problems of phonetics]. Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. III Mezhd. kongress issledovatelej russkogo yazyka. Trudy i materialy. / Sostaviteli M. L. Remnyova, A. A. Polikarpov. M. : MAKS Press, 2007. S. 340–341. [Russian language: historical destinies and modernity. III International Congress of Russian Language Researchers. Works and materials. Compiled by M. L. Remneva, A. A. Polikarpov. Moscow, MAKS Press, 2007. pp. 340–341] (In Russ.).

Golev N. D. Obydennoe metayazykovoe soznanie i shkol'nyj kurs russkogo yazyka [Everyday metalanguage consciousness and school course of the Russian language]. Kul'turno-rechevaya situaciya v sovremennoj Rossii/Pod red. N. A. Kupinoj. Ekaterinburg. Izd-vo Ural. un-ta, 2000. S.338–348 [Cultural and speech situation in modern Russia.Edited by N. A. Kupina. Yekaterinburg. Ural University Publishing House. 2000. p. 338–348] (In Russ.).

Kaverina V. V. Novye tendencii v proiznoshenii dolgih soglasnyh zvukov v sovremennom russkom yazyke [In New trends in the pronunciation of long consonant sounds in modern Russian]. Slavyanskaya kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «XVIII Kirillo-Mefodievskie chteniya», 23–24 maya 2017 goda. M., 2017, S. 21–26 [Russian Culture: Origins, Traditions, interaction: Materials of the International Scientific and Practical Conference "XVIII Cyril and Methodius Readings", May 23–24, 2017, Moscow, 2017, pp. 21–26] (In Russ.). (Kaverina 2017a).

Kaverina V. V. Osnovnye tendencii upotrebleniya konsonantnogo udvoeniya v zaimstvovannyh slovah [Main trends in the use of consonant doubling in borrowed words]. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 2017. T. 13. S. 441–450 [Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language. 2017. Vol. 13. pp. 441–450] (In Russ.). (Kaverina 2017b)

Litnevskaya E. I. O yazykovoj norme pis'mennoj rechi i problemah ee kodifikacii v nachale XXI veka [On the language norm of written speech and the problems of its codification at the beginning of the XXI century]. Mir russkogo slova, izdatel'stvo MIRS (M.), 2018. № 1, s. 30–34 [Russian Word World, Publishing house MIERS. Moscow, 2018. No. 1, pp. 30–34] (In Russ.).

Nechaeva I. V. *Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnyh zaimstvovanij* [Actual problems of orthography of foreign borrowings]. Moscow. Publishing Center "Azbukovnik", 2011. 168 p.

Superanskaya A. V. Napisanie zaimstvovannyh slov v sovremennom russkom yazyke [Russian spelling of borrowed words in the modern Russian language]. Problemy sovremennogo russkogo pravopisaniya. M. : Nauka, 1964. S. 69–100. [Problems of modern Russian spelling. Moscow: Nauka, 1964. pp. 69–100.] (In Russ.).

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

И. А. Дамбуев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(Россия, Улан-Удэ)
igor_dambuev@mail.ru

КАМЕНКА ПЕРВАЯ ИЛИ *КАМЕНКА-ПЕРВАЯ*? ВАРИАТИВНОСТЬ И КОДИФИКАЦИЯ В ТОПОНИМИИ*

Статья посвящена исследованию написания географических названий с постпозитивными порядковыми прилагательными в Государственном каталоге географических названий, на топографических картах и в нормативно-правовых актах. На основе Государственного каталога географических названий было выявлено 207 топонимов с постпозитивными порядковыми прилагательными, выраженными словесным способом. Приведены количественные данные по написанию названий населенных пунктов и природно-физических объектов по субъектам Российской Федерации. Установлено, что постпозитивные порядковые прилагательные в топонимах пишутся как раздельно, так и через дефис. При этом раздельные написания в целом преобладают. Однако на уровне субъекта написание топонимов, особенно ойконимов, унифицировано в пользу либо раздельного, либо дефисного написания. На топографических картах в рассматриваемых топонимах в большинстве случаев постпозитивные порядковые прилагательные выражены буквенно-цифровым способом, согласно картографическим инструкциям. В случае использования словесного способа выражения порядковых прилагательных чаще всего выбирается их раздельное написание. Написание топонимов в нормативно-правовых актах субъектов почти полностью совпадает с их написанием в Государственном каталоге географических названий. Анализ нормализованных в последние годы топонимов свидетельствует, что основой нормализации является написание топонимов в нормативно-правовых актах субъектов. Разные подходы к написанию топонимов с постпозитивными порядковыми прилагательными автор связывает с незавершенным характером кодификации написания топонимов с постпозитивными прилагательными в целом.

Ключевые слова: орфография топонимов, постпозитивные прилагательные, порядковые прилагательные, дефисное написание, раздельное написание, топонимическое варьирование, нормализация топонимов.

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», №121031000258–9).

Среди многочисленных правил написания географических названий, или топонимов, есть одно правило, действие которого рассматривается в настоящей статье. Речь идет о необходимости дефисного написания названий, представляющих собой сочетание существительного с последующим прилагательным. Данное правило сформулировано как в орфографических справочниках [Правила 1957: 38; Правила 2007: 132], так и в картографических инструкциях [Общая инструкция 1955: 8; Правила 1967: 10; Руководство 1985: 23; Практическое руководство 1987: 16]. В иллюстративной части правила приводятся типовые примеры, которые повторяются в разных справочных изданиях: *Гусь-Хрустальный*, *Москва-Товарная*, *Рава-Русская*, *Спасск-Дальний*, *Струги-Красные* и др. При этом среди примеров нет ни одного, который бы содержал такие определительные компоненты, как *первый*, *второй*, *третий* и т. п., имеющие широкое распространение в современной российской топонимии.

В обновленных в конце 2020 года реестрах наименований географических объектов по субъектам Российской Федерации Государственного каталога географических названий (ГКГН) несколько топонимов сохраняют статус несогласованных, т. е. имеющих расхождения в написании, по причине варьирования дефисного и раздельного написания. К ним относятся д. *Буда-первая*, д. *Буда-вторая* (Калужская обл.), д. *Юрьево-Первое* (Ивановская обл.). В Законе Калужской области от 04.10.2004 г. №354-ОЗ «Об установлении границ муниципальных образований, расположенных на территории административно-территориальных единиц «Барятинский район», «Куйбышевский район», «Людиновский район», «Мещовский район», «Спас-Деменский район», «Ульяновский район», и наделении их статусом городского поселения, сельского поселения, муниципального района» дано раздельное написание названий *Буда Первая* и *Буда Вторая*. В Законе Ивановской области от 25.02.2005 г. №43-ОЗ «О городском и сельских поселениях в Комсомольском муниципальном районе» также кодифицировано раздельное написание названия *Юрьево Первое*.

Расхождения в написании подобных топонимов могут быть вызваны, на наш взгляд, как незнанием данного правила пишущим, так и трудностями с определением части речи у компонентов топонимов *первый*, *второй*, *третий* и т. п. В формулировке правила в орфографических справочниках говорится о необходимости дефисного написания «существительного с последующим прилагательным» [Правила 1967: 38; Правила 2007: 132]. Компоненты же *первый*, *второй*, *третий* и т. п. большинство пишущих идентифицируют как порядковые числительные, как их учат в школе. В связи с этим, получается, что раздельное написание названий *Буда Первая*, *Буда Вторая, Юрьево Первое* оправданно.

Однако вопрос частеречной принадлежности данных слов не так очевиден. Как отмечает Э. А. Балалыкина, «большинство исследований, посвященных определению статуса порядковых слов, указывает на маргинальное, неопределенное их положение в грамматической системе языка» [Балалыкина 2008: 143]. Действительно, с одной стороны, слова *первый*, *второй*, *третий* и т. п., можно отнести к категории числительных на основании их лексического значения. С другой стороны, их

можно отнести к именам прилагательным, исходя из их морфологических свойств. «Русская грамматика» выделяет в составе прилагательного как части речи, кроме собственно прилагательных, «порядковые прилагательные (так называемые порядковые числительные), называющие отношение к числу и определяющие положение предмета в порядке счета (*первый*, *второй*, *третий*, *сотый*)» [Русская грамматика 1980: 538]. Таким образом, имеются все основания и для дефисного написания названий *Буда-Первая*, *Буда-Вторая*, *Юрьево-Первое*. Однако в «Словаре географических названий СССР» наряду с преимущественно дефисным написанием топонимов с постпозитивными порядковыми словами (*Волочаевка-Вторая*, *Гавриловка-Вторая*, *Знаменка-Вторая*, *Сам-Первый*, *Сухов-Второй*) встречаются и раздельные написания (*Тыреть Первая*, *Чегем Первый*) [Словарь 1983].

Для определения узуального написания топонимов с постпозитивными порядковыми словами нами были проанализированы данные ГКГН, генштабовских топографических карт, нормативно-правовых актов. По данным на конец 2020 года в ГКГН выявлено 207 топонимов с постпозитивными порядковыми словами: р. *Сисиктях-Первый*, р. *Маховка Первая*, м. *Западный-Второй*, р. *Правый Второй*, с. *Нижнее Березово-Второе*, д. *Белый Колодезь Второй* и др. Из них названий населенных пунктов, или ойконимов, насчитывается 139, а названий природных объектов — 68. Названия природных объектов, к которым в исследуемом материале относятся названия рек, ручьев, шивер, перекатов, стамиков, озер, болот, мысов, гор, грив, хребтов, балок, оврагов, урочищ, для удобства изложения условно назовем геонимами, под которыми понимаются собственные имена природно-физических объектов на Земле [Подольская 1988: 47]. Выделение и противопоставление ойконимов и геонимов в исследовании имеет значение, во-первых, в связи с объективно бóльшим вниманием к кодификации ойконимов, чем геонимов, во-вторых, в связи с разным характером письменных источников, регламентирующих написание этих категорий имен собственных. Если с написанием геонимов, особенно названиями небольших и малых объектов, мы чаще всего сталкиваемся только на топографических картах, то написание ойконимов кодифицируется нормативно-правовыми актами. Информация о количестве топонимов с постпозитивными порядковыми словами, их написании и местонахождении представлена в таблице 1.

В ГКГН, одной из задач которого является обеспечение единообразного и устойчивого употребления топонимов, написание названий с постпозитивными порядковыми словами в целом не отличается единообразием. Раздельно пишется 63% названий (130 единиц: *Покровка Вторая*, *Щукинка Третья*, *Золка Четвертая* и др.), а через дефис — 37% (77 единиц: *Степановка-Первая*, *Новостроевка-Вторая*, *Желтакан-Третий* и др.). В то же время на уровне одного субъекта написание топонимов чаще всего унифицировано, особенно это относится к ойконимам. Так, в реестре зарегистрированных в ГКГН географических названий Белгородской области выявлено 33 ойконима с постпозитивными порядковыми словами и все они имеют дефисное написание: *Остапенко-Первый*, *Дружный-Второй*, *Нижнее Березово-Второе* и др. В реестре же зарегистрированных в ГКГН географических названий Орловской области выявлено 26 подобных

Таблица 1

Количество топонимов с постпозитивными порядковыми словами (составлено автором по данным ГКГН)

Регион	Раздельное написание		Дефисное написание	
	Ойконим	Геоним	Ойконим	Геоним
Белгородская	-	-	33	-
Орловская	26	-	-	-
Оренбургская	15	-	6	-
Калужская	-	-	17	-
Краснодарский	13	-	-	-
Марий Эл	10	-	-	-
Кабард.-Балк.	-	6	1	-
Архангельская	-	6	-	-
Иркутская	-	2	-	4
Красноярский	-	6	-	-
Новосибирская	-	2	-	4
Волгоградская	-	4	-	-
Ивановская	3	-	1	-
Саха-Якутия	-	2	-	2
Свердловская	-	2	2	-
Хабаровский	-	3	-	1
Чувашия	4	-	-	-
Ярославская	4	-	-	-
Карач.-Черкес.	-	3	-	-
Алтайский	2	-	-	-
Башкортостан	-	1	-	1
Коми	-	2	-	-
Ленинградская	-	-	-	2
Ростовская	-	2	-	-
Саратовская	-	-	-	2
Тюменская	-	2	-	-
Амурская	-	1	-	-
Астраханская	-	-	-	1
Еврейская	-	1	-	-
Камчатский	-	1	-	-
Карелия	-	1	-	-
Курганская	-	1	-	-
Липецкая	-	1	-	-
Магаданская	-	1	-	-
Московская	1	-	-	-
Пермский	1	-	-	-
Челябинская	-	1	-	-
Итого: 207	79	51	60	17
	130		77	

ойконимов, но все они пишутся раздельно: *Легостаево Первое*, *Упалое Второе*, *Белый Колодезь Второй* и др. В реестре зарегистрированных в ГКГН географических названий Оренбургской области подобные топонимы пишутся как раздельно (*Зубочистка Первая*, *Веселый Второй* и др.), так и через дефис (*Елшанка-Первая*, *Федоровка-Вторая* и др.).

Написание выявленных 207 топонимов с постпозитивными порядковыми словами на генштабовских топографических картах 1980-х годов издания значительно отличается от их написания в ГКГН. Согласно картографическим инструкциям «входящие в состав названий порядковые числительные пишутся, как правило, после названия арабской цифрой, соединенной дефисом с последней буквой грамматического окончания, например: *Гавриловка 1-я*, *Гавриловка 2-я*» [Правила 1967: 14; Руководство 1985: 26]. Поэтому на топографических картах в большинстве рассматриваемых топонимов постпозитивные порядковые слова передаются буквенно-цифровым способом. Из 207 топонимов 125 идентифицированных названий оформлены на картах таким образом: *Остапенко 1-й*, *Легостаево 1-е*, *Упалое 2-е*, *Белый Колодезь 2-й* и др. Выбор буквенно-цифрового обозначения порядковых слов в составе топонимов обусловлен как необходимостью экономии места на топографических картах, так и требованием «ускорить и улучшить восприятие чисел в тексте в соответствии с характером этого текста» [Справочная книга 1974: 62]. Согласно этому требованию «в изданиях литературы научного и делового типа порядковые числительные обозначаются преимущественно арабскими цифрами с наращением падежного окончания или римскими цифрами (без наращения падежного окончания)», а «в художественной и близкой к ней литературе порядковые числительные принято, как правило, писать прописью» [Справочная книга 1974: 67]. Таким образом, правила написания топонимов на картах снимают проблему выбора раздельного или дефисного написания постпозитивных количественных слов в составе географических названий благодаря использованию буквенно-цифрового способа их выражения. Тем не менее словесный способ выражения порядковых слов в составе топонимов на картах встречается. Из идентифицированных названий раздельно пишется 41 топоним: *Михайловка Первая*, *Каменная Вторая*, *Абдуловские Каши Первые* и др. Через дефис пишется только 7 названий: *Сарсы-Первые*, *Стрелица-Вторая*, *Нижнее Березово-Второе* и др. Анализ написания топонимов на генштабовских картах свидетельствует о преобладании раздельного написания порядковых слов в составе топонимов.

Согласно Порядку выявления существующих наименований географических объектов, утвержденному Приказом Минэкономразвития России от 29 мая 2015 г. № 322, нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации об их административно-территориальном устройстве и об утверждении перечней административно-территориальных единиц и населенных пунктов являются одним из источников выявления существующих наименований географических объектов. В таких актах можно обнаружить названия населенных пунктов. Сопоставление написания ойконимов в ГКГН с их написанием в нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации почти полностью совпадает (таблица 2).

Таблица 2

Написание ойконимов с постпозитивными порядковыми словами в ГКГН и в нормативно-правовых актах

Регион	Написание в ГКГН		Написание в НПА	
	раздельное	дефисное	раздельное	дефисное
Белгородская	-	33	-	33
Орловская	26	-	26	-
Оренбургская	15	6	17	-
Калужская	-	17	2	15
Краснодарский	13	-	13	-
Марий Эл	10	-	10	-
Ивановская	3	1	4	-
Свердловская	-	2	-	2
Чувашия	4	-	4	-
Ярославская	4	-	-	-
Алтайский	2	-	2	-
Кабард.-Балк.	-	1	-	1
Московская	1	-	1	-
Пермский	1	-	1	-
Итого	79	60	80	51

Небольшие расхождения связаны с наличием в ГКГН несогласованных названий, которые в нормативно-правовых актах имеют другое написание, а также с единичными случаями расхождения написания названий в ГКГН и в нормативно-правовых актах. В реестре зарегистрированных в ГКГН географических названий Оренбургской области статус несогласованных имеют названия с. *Григорьевка Первая*, с. *Григорьевка Вторая*, с. *Имангулово Первое*, с. *Имангулово Второе*, д. *Юмагузино Первое*, д. *Юмагузино Второе*. В Законе Оренбургской области от 15.09.2008 г. №2367/495-IV-ОЗ «Об утверждении перечня муниципальных образований Оренбургской области и населенных пунктов, входящих в их состав» кодифицированы варианты названий с прямым порядком слов: *Первая Григорьевка*, *Вторая Григорьевка*, *Первое Имангулово*, *Второе Имангулово*, *Первое Юмагузино*, *Второе Юмагузино*. Учтенные в ГКГН в дефисном написании названия с. *Елшанка-Первая*, с. *Елшанка-Вторая*, с. *Степановка-Первая*, с. *Степановка-Вторая*, ст. (нп) *Илецк-Второй*, с. *Федоровка-Вторая* в данном законе имеют раздельное написание. У несогласованных в ГКГН названий д. *Каменка первая*, д. *Каменка вторая*, д. *Измайлово первое*, д. *Измайлово второе* в Законе Ярославской области от 21.12.2004 г. №65-з «О наименованиях, границах и статусе муниципальных образований Ярославской области» порядковые слова выражены с помощью арабских цифр: *Каменка-1*, *Каменка-2*, *Измайлово-1*, *Измайлово-2*. Подобные расхождения в написании ойконимов в ГКГН и в нормативно-правовых актах рано или поздно будут устранены. И проблема эта может быть решена не только путем выбора раздельного или дефисного написания порядковых слов, но и с помощью порядка слов или иных способов выражения порядковых слов (допустим, *Каменка*

Первая, *Каменка-Первая*, *Первая Каменка*, *1-я Каменка*, *Каменка 1-я*, *Каменка-1*, *Каменка 1*, *Каменка-I*, *Каменка I*).

За последнее десятилетие написание ряда ойконимов с порядковыми словами было изменено. Эти изменения были закреплены в нормативно-правовых актах и в ГКГН. При нормализации написания постпозитивных порядковых слов наблюдаются случаи как их дефисного написания, так и раздельного. Законом Калужской области от 29.06.2012 г. №310-ОЗ «О внесении изменений в отдельные Законы Калужской области в части уточнения наименований населенных пунктов, расположенных на территории административно-территориальных единиц «Жуковский район», «Износковский район», «Козельский район», «Мосальский район», «Перемышльский район» Калужской области» написание названий деревень *Киреевское Второе* и *Сенино Второе* было изменено на *Киреевское-Второе* и *Сенино-Второе*. Раздельное написание в ГКГН названия с. *Чегем Второй* было изменено на дефисное *Чегем-Второй*, зафиксированное в Законе Кабардино-Балкарской Республики от 27.02.2005 г. №13-РЗ «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике». Дефисные написания деревень в ГКГН *Филенково-Первое* и *Филенково-Второе* были изменены на раздельные согласно их написанию в Законе Ивановской области от 25.02.2005 г. №47-ОЗ «О городском и сельских поселениях в Пестяковском муниципальном районе». Аналогичным образом дефисные написания хуторов *Сторожи-Первые* и *Сторожи-Вторые* были изменены на раздельные, зафиксированные в Законе Краснодарского края от 22.07.2004 г. №772-КЗ «Об установлении границ муниципального образования Староминский район, наделении его статусом муниципального района, образовании в его составе муниципальных образований — сельских поселений — и установлении их границ».

Ориентация на написание ойконимов в современных нормативно-правовых актах субъектов при их нормализации в ГКГН не вызывает сомнений. Иначе сложно объяснить, что, допустим, названия *Филенково-Первое* и *Филенково-Второе*, зафиксированные в дефисном написании в справочниках административно-территориального деления за 2001 г. и 1981 г. [Ивановская 2001: 264; Ивановская 1981: 144], в ГКГН учтены в раздельном написании. Дальнейшая ориентация на орфографию ойконимов в нормативно-правовых актах непременно приведет к значительному увеличению раздельных написаний ойконимов с постпозитивными порядковыми словами. В настоящее время в ГКГН много ойконимов имеют статус несогласованных в связи с расхождением способа выражения порядковых слов. Так, в реестре зарегистрированных в ГКГН географических названий Липецкой области таковыми являются *Куликовка 1-я*, *Куликовка 2-я*, *Сезеново 1-е*, *Сергиевское 1-е*, *Сергиевское 2-е*, *Корытное 2-е*, *Ольшанка 2-я*, *Скороварово 1-е*, *Скороварово 2-е*, *Троекурово 2-е*. В Законе Липецкой области от 28.04.2010 г. №382-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Липецкой области и порядке его изменения» порядковые слова в данных названиях выражены словесным способом: *Куликовка Первая*, *Куликовка Вторая*, *Сезеново Первое*, *Сергиевское первое*, *Сергиевское второе*, *Корытное*

второе, *Ольшанка Вторая*, *Скороварово первое*, *Скороварово второе*, *Троекурово Второе*. В реестре зарегистрированных в ГКГН географических названий Орловской области несогласованными являются названия *Александровка 1-я*, *Александровка 2-я*, *Борисовка 2-я*, *Вышняя Замарайка 1-я*, *Вышняя Замарайка 2-я*, *Грачевка 2-я*, *Грачевка 3-я* и др. В законах о статусе, границах и административных центрах муниципальных образований соответствующих районов Орловской области перечисленные ойконимы имеют раздельное написание выраженных словесным способом порядковых слов: *Александровка Первая*, *Александровка Вторая*, *Борисовка Вторая*, *Вышняя Замарайка Первая*, *Вышняя Замарайка Вторая*, *Грачевка Вторая*, *Грачевка Третья* и др.

Использование порядковых слов для дифференциации одноименных названий в российской топонимии не имеет длительной традиции. Начало их массового появления связано с выходом Декрета ВЦИК от 08.02.1926 г. «Об ограничении возбуждения ходатайств о переименовании населенных пунктов», в котором рекомендовалось в случае наличия одноименных населенных пунктов «не давать … новых наименований, а ограничиться добавлением к существующему уже наименованию, с которым население свыклось, порядковой нумерации (например, Ивановка 1, Ивановка 2 и проч.)»[1]. Трудности в употреблении в письменной речи порядковых слов в составе топонимов, как показала история, оказались непреодолимыми. Помимо варьирования раздельного и слитного написания (*Каменка Первая* / *Каменка-Первая*) в ГКГН и в нормативно-правовых актах встречаются и разные способы выражения порядковых слов (*Каменка 1-я*, *Каменка-1*, *Каменка-I*). Попытки регламентировать их написание предпринимались, но они оказались незавершенными. К несчастью подобного типа топонимов, они обозначают небольшие объекты, известность которых не выходит за пределы небольшой территории. Вероятно, это одна из причин, по которой в орфографических справочниках отсутствуют примеры написания топонимов с порядковыми словами.

Учитывая, что написания типа *Каменка Первая* / *Каменка-Первая* объективно встречаются в ГКГН, в нормативно-правовых актах, на топографических картах, целесообразно их упорядочить. Представляется, что такие топонимы должны писаться через дефис, как и названия *Гусь-Хрустальный*, *Москва-Товарная*, *Рава-Русская* и др. Здесь важно добавить, что порядковые слова могут стоять не только после существительных, но и после прилагательных: р. *Правый Второй*, руч. *Болотный Второй*, бол. *Большое Второе* (написание дано по ГКГН). Дефисное написание данных топонимов позволит не только унифицировать написание постпозитивных прилагательных, но и внести ясность в семантические и мотивационные связи между компонентами топонима. Например, по написанию бол. *Большое Второе* (Архангельская обл.) совершенно непонятно, членом

[1] Об ограничении возбуждения ходатайств о переименовании населенных пунктов: Декрет ВЦИК от 08.02.1926 г. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2815.htm

какой оппозиции является этот топоним и от какого названия он отличается: *Малое Второе* или *Большое Первое*. Только при написании *Большое-Второе* мы можем определить, что есть и болото *Большое-Первое*. Действующие правила орфографии упускают из виду написание перечисленных выше названий. Только в картографических инструкциях находим указание на необходимость дефисного написания географических названий, состоящих «из двух слов в форме прилагательных» [Правила 1967: 10; Руководство 1985: 23], за исключением препозитивных различительных определений *большой — малый*, *верхний — нижний — средний*, *новый — старый* и др.

Незавершенный характер кодификации написания топонимов с постпозитивными порядковыми прилагательными (порядковыми числительными) способствует появлению большого количества раздельных написаний таких топонимов в нормативно-правовых актах многих субъектов. В дальнейшем эти написания отражаются в ГКГН. Большой процент раздельных написаний, вероятно, не может служить основой для кодификации раздельного написания постпозитивных порядковых прилагательных. В противном случае придется менять устоявшиеся дефисные написания *Гусь-Хрустальный*, *Переславль-Залесский*, *Петропавловск-Камчатский* и др., которые являются примерами общего правила написания постпозитивных прилагательных в составе географических названий.

Литература

Балалыкина Э. А. К вопросу о происхождении порядковых числительных в грамматической системе русского языка // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 3. С. 143–152.

Ивановская область: Адм.-террит. деление. По состоянию на 1 июля 1981 г. / Иван. обл. Совет нар. депутатов, Исполком; Сост. В. А. Ельфин. Иваново: Упрполиграфиздат Иван. облисполкома, 1982. 359 с.

Ивановская область: Адм.-террит. деление. По состоянию на 1 янв. 2001 г. / Администрация Иван. обл.; Сост. В. А. Ельфин. Иваново: Изд-во «Иваново», 2001. 439 с.

Общая инструкция по передаче географических названий на картах / Сост. С. А. Тюрин; Гл. упр. геодезии и картографии МВД СССР. М.: Геодезиздат, 1955. 32 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Правила написания на картах географических названий СССР / Гл. упр. геодезии и картографии М-ва геологии СССР. 2-е изд., М.: Недра, 1967. 27 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1957. 176 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Практическое руководство по наименованию и переименованию географических объектов СССР / Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М.: ГУГК, 1987. 24 с.

Руководство по сбору и установлению географических названий на топографических картах и планах. ГКИНП 13–42–82 (Геодезические, картографические инструкции, нормы и правила). М.: Изд-во «Наука», 1985. 54 с.

Русская грамматика: В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

Словарь географических названий СССР / ГУГК, ЦНИИГАиК. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Недра, 1983. 296 с.

Справочная книга корректора и редактора / Под общ. ред. А. Э. Мильчина. М.: Книга, 1974. 416 с.

I. A. Dambuev
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)
(Russia, Ulan-Ude)
igor_dambuev@mail.ru

KAMENKA PERVAYA OR *KAMENKA-PERVAYA*? VARIATION AND CODIFICATION IN TOPONYMY

The paper deals with the spelling of geographical names with postpositive ordinal numerals in the State Catalogue of Geographical Names, on topographic maps, and in normative legal acts. The paper begins with the identification in the State Catalogue of Geographical Names of 207 toponyms with postpositive ordinal numerals expressed in a verbal way. The author offers quantitative data on the spelling of the names of localities and natural objects in the constituent territories of the Russian Federation. It is established that postpositive ordinal adjectives in toponyms are written both separately and with a hyphen. At the same time, separate spellings generally prevail. However, at the subject level, the spelling of toponyms, especially of names of localities, is unified in favor of either separate or hyphenated spelling. On topographic maps, in the toponyms under consideration, in most cases, postpositive ordinal numerals are expressed in an alphanumeric way, according to cartographic instructions. If a verbal way of expressing ordinal numerals is used, their separate spelling is most often chosen. The spelling of toponyms in the legal acts of the constituent territories largely coincides with their spelling in the State Catalogue of Geographical Names. The analysis of the toponyms standardized in recent years shows that the basis of standardization is the spelling of toponyms in the legal acts of the constituent territories. The author associates different approaches to writing toponyms with postpositive ordinal numerals with the incomplete nature of codifying the writing of toponyms with postpositive adjectives in general.

Key words: spelling of toponyms, postpositive adjectives, ordinal numerals, hyphenated spelling, separate spelling, toponymic variation, standardization of toponyms.

References

Balalykina E. A. [On the question of the origin of ordinal numbers in the grammatical system of the Russian language]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2008, v. 150, №3, pp. 143–152. (In Russ.)

Ivanovskaya oblast': Adm.-territ. delenie [Ivanovo Oblast: Administrative organization]. Ivanovo, 1982. 359 p.

Ivanovskaya oblast': Adm.-territ. delenie [Ivanovo Oblast: Administrative organization]. Ivanovo, "Ivanovo" Publ., 2001. 439 p.

Obshchaya instruktsiya po peredache geograficheskikh nazvanii na kartakh [General guideline for rendering of geographical names on maps]. Moscow, Geodezizdat Publ., 1955. 32 p.

Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terms]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p.

Pravila napisaniya na kartakh geograficheskikh nazvanii SSSR [Rules of spelling of the geographical names of the USSR on maps]. Moscow, Nedra Publ., 1967. 27 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of Russian spelling and punctuation]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 176 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic manual]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 480 p.

Prakticheskoe rukovodstvo po naimenovaniyu i pereimenovaniyu geograficheskikh ob"ektov SSSR [Practical manual on naming and renaming of geographical features of the USSR]. Moscow, GUGK Publ., 1987. 24 p.

Rukovodstvo po sboru i ustanovleniyu geograficheskikh nazvanii na topograficheskikh kartakh i planakh [Guidelines for collection and establishment of geographical names on topographical maps and plans]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 54 p.

Russkaya grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.

Slovar' geograficheskikh nazvanii SSSR [Dictionary of geographical names of the USSR]. Moscow, Nedra Publ., 1983. 296 p.

Spravochnaya kniga korrektora i redaktora [Reference book for proof-readers and redactors]. Moscow, Kniga Publ., 1974. 416 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

С. В. Друговейко-Должанская
СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена
(Россия, Санкт-Петербург)
s.drugoveyko@gmail.com

ОБ ОРФОГРАФИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ ГЛАГОЛА *ДОСТАТЬ/ДОСТАВАТЬ* ПРИ НАЛИЧИИ ОТРИЦАНИЯ

В статье рассматриваются трудные случаи семантического различения глаголов с приставкой *недо-* и глаголов с приставкой *до-* при наличии отрицания, а также орфографического оформления глаголов подобного типа. Подвергается сомнению корректность решения о слитном орфографическом оформлении глагола *недостать/недоставать* в значении ‘иметься в недостаточном количестве, не хватать’, фиксируемого современными нормативными словарями и справочниками.

Ключевые слова: орфография, кодификация, правила, глаголы с отрицанием.

В трех частях текста, написанного Андреем Геласимовым для Тотального диктанта 2020, встретились формы глагола *недостать/недоставать*:

Для того чтобы проникнуть в эту пещеру, у Кости ***недоставало*** *ни сил, ни возможностей, ни средств.*

Он починил пылившуюся в чулане сломанную швейную машинку, в которой ***недоставало*** *потерянных давным-давно деталей, соорудил устройство для скорой сушки отстиранной ткани и продолжал строить из пружин различные механизмы.*

И когда смерть наконец будет побеждена, единственной проблемой останется расселение воскрешенных: места на Земле для всех ***недостанет****, и потому лучшие умы должны ломать голову над тем, как поскорее добраться до других планет.*

Разумеется, орфография именно этого глагола стала камнем преткновения для большинства участников диктанта, так как по решению Филологического совета ТД верным было признано только слитное написание. Рискнем, однако, выразить некоторые сомнения в однозначности такого орфографического решения.

Трудность выбора контакта или пробела при написании *не* объясняется тем, что с помощью частицы *не* выражается логическая категория отрицания, тогда как при помощи *не* как приставки образуются слова, выражающие определенные понятия. Как замечает В. Ф. Иванова, «только представляя себе сложность и тем не менее объективную языковую реальность значений частицы и приставки *не-*, можно пытаться разрешить трудности слитного и раздельного написания *не*, так как многое в этих трудностях объясняется… логическими и языковыми отношениями» [Иванова 1982: 133].

Согласно нормативным словарям русского языка, для выражения значения ‘иметься в недостаточном количестве, не хватать’ используется глагол *недоставать,* который пишется слитно, в отличие от раздельного *не доставать,* что означает ‘не дотягиваться’ [АКАДЕМОС].

При этом значительное число толковых словарей отмечает наличие в русском языке у глагола *достать/доставать* значения ‘оказаться в достаточном количестве; хватить’ (при употреблении глагола в безличной форме). Так, в БАС [БАС: 1033], МАС [МАС: 437], БАС-3 [БАС-3: 317], БТС глагол *достать* зафиксирован с пометой *разг.*, а в ТС [ТС: 212] данная стилистическая помета отсутствует. В некоторых из указанных лексикографических источников соответствующие словарные статьи снабжены текстовым материалом, включающим в том числе и примеры раздельного написания отрицания *не* при глаголе с приставкой *до-*: *Сил* ***не достанет*** *всё пережить* [БАС: 1033]; ***Не достало*** *смелости сказать правду* [ТС: 212].

Как отмечают лингвисты-кодификаторы, «многие рекомендации по слитному/раздельному написанию ***не***, содержащиеся в различных справочных пособиях по орфографии, не выдерживают проверки практикой письма» [Русское правописание сегодня 2004: 87]. Так, в практике письма нередко встречается раздельное написание *не* при глаголе *достать/доставать*. Приведем лишь несколько примеров (по данным НКРЯ) из публикаций, явно подвергавшихся редактуре и корректуре:

Вот этого взгляда с точки зрения «вечной женственности» ***не доставало*** *не только XIX и XX; но и*

нашему XXI веку тоже ***—*** *ох как* ***не достает****!* [Ирина Ярославцева. Очарованный читатель // «Знание — сила», 2012];

Всем предыдущим исследованиям ***не доставало*** *охвата и систематичности* [Александр Волков. Дорожная карта мозга // «Знание — сила», 2010];

Сколько сил на «Орфея» трачено, а чего-то этой трагедии всегда ***не доставало****!* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010];

…одного патрона ***не доставало*** [Вацлав Михальский. Река времен. Ave Maria // Октябрь, 2010];

…для бюрократической карьеры ***не доставало*** *свидетельства о благонадёжности* [Гавриил Попов. Ошибка в проекте. Ленинский тупик // «Наука и жизнь», 2009];

...то самое, чего ему ***не доставало*** *в жизни* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)];

Но в этой композиции явно чего-то ***не доставало*** [М. Шалавеене. Мои вербейники // «Наука и жизнь», 2007].

В одном случае раздельное написание *не достаёт* встретилось нам в тексте А. А. Зализняка, чья грамотность едва ли может быть подвергнута сомнению, причем пробел после *не* имеется не только в журнальной, но и в монографической публикации: *Видимо, у нас сейчас просто* ***не достаёт*** *воображения, чтобы понять, на какие подвиги были готовы авторы Великой фальсификации ради того, чтобы надёжнее обмануть потомков*[1]. *Неоднозначно решается вопрос о слитном/раздельном написании не* при глаголе *достать/доставать* в «Словаре языка А. С. Пушкина». С одной стороны, *достать* в значении ‘оказаться достаточным для чего-н., хватить [в знач. сказ. безл. предлож.; обычно с отрицанием; *кого, чего*]’ и *доставать* как форму несовершенного вида к *достать* в указанном значении создатели словаря выделяют как самостоятельный глагол (**ДОСТАТЬ**2), омонимичный *достать/доставать* в значениях ‘извлечь, вытащить откуда-н.’, ‘приобрести, раздобыть’ и ‘дотянуться, коснуться чего-н.’. С другой же стороны, текстовые примеры в словарных статьях **ДОСТАТЬ**2 и **ДОСТАВАТЬ**2 демонстрируют изрядный орфографический разнобой: *Один из рыцарей.Ротенфельд! праздник ваш прекрасен; но ему чего-то* ***недостает****...<...> Рыцарь.Нет, не кипрского вина;* ***не достает*** *песен миннезингера...; Тебя* ***недостает*** *душе моей усталой; Чего еще* ***не достает*** *Египта древнего Царице* и т. п. [СлЯзП: 712].

В различных пособиях по орфографии правило о слитном / раздельном написании *не* со словами разных частей речи формулируется с большей или меньшей степенью подробности. Так, в ПАС предлагается писать отрицание *не* «вне зависимости от грамматической принадлежности слова… слитно в следующих случаях: …2. Если часть слова без ***не*** в самостоятельном употреблении имеет другое, не связанное с данным словом значение, напр.: *неведение* ('неосведомленность'; *ведение* означает 'сфера деятельности', ср.: *в его ведении находилось...*)*; недостаток* ('изъян'; *достаток* означает 'зажиточность, отсутствие нужды')». При этом отдельно разъясняется слитное написание в составе приставки *недо-* «со значением неполноты, недостаточности по сравнению с нормой, напр.: *недовес, недоделка, недомерок, недооценка, недочёт; недоспелый, недоразвитый; недовыполнить, недодать, недоедать, недополучить, недосказать, недосмотреть, недосолить, недоспать, недосчитаться.* Примечание. От глаголов с приставкой *недо-* следует отличать глаголы с приставкой *до-* и предшествующей частицей *не* (такие глаголы с частицей *не* обозначают не доведенное до конца действие). Ср.: *Недосмотрел*

[1] По данным НКРЯ (de visu публикации проверены не были): *Зализняк А. А.* Лингвистика по А. Т. Фоменко // Вопросы языкознания. 2000. №6; *Зализняк А. А.* Лингвистика по А. Т. Фоменко / История и антиистория. Критика «Новой хронологии академика А. Т. Фоменко. М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 61.

за ребёнком и *Не досмотрел до конца пьесу; Они хронически недоедают* и *Он обычно не доедает свою порцию*» [ПАС 2006: 152–153]. Пособие А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой «Современная русская орфография» также предлагает обратить внимание на семантику интересующих нас глаголов: «Глаголы с приставкой ***недо-*** не только указывают на недостаточность действия, обозначенного глаголом, но и имеют свое значение и выражают конкретное понятие (подчеркнуто нами. — *С.Д.-Д.*), ср. ***недолюбливать*** — ‘чувствовать нерасположение, неприязнь к кому-л.’. Новое понятие лежит и в основе глаголов с ***недо-***, которые имеют созвучные им глаголы с приставкой ***до*** и отрицанием; ср. *И потом не встретишь нигде и* ***недосчитаешься*** *иных друзей* (Алиг.; *недосчитаться* — ‘обнаружить при подсчете недостаток, отсутствие кого- или чего-л.’). — *Этого-то народу, друг ты мой любезный, — начал рассуждать бурмистр, — сколько угодно! Вот мы считали их, а все еще далеко до конца* ***не досчитались*** (Усп.); *И как* ***недосмотрел****? И как* ***недослышал****?* (Гр.; *недосмотреть* — ‘просмотреть, допустить оплошность, что-то не увидеть, не заметить’ — *не досмотреть фильм*; *недоговаривать* (‘умалчивать’) — *не договорить до конца*» [Кайдалова, Калинина 1998: 140].

На наш взгляд, наличие в современном русском языке глагола *достать/доставать* в особом значении ‘оказаться в достаточном количестве; хватить’ (при употреблении глагола в безличной форме) позволяет утверждать, что глагол *(не) достать/(не)доставать* не приобретает по отношению к глаголу без отрицания нового значения.

На страницах Орфографического академического ресурса «АКАДЕМОС» ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН зафиксировано около 100 глаголов с приставкой *недо-*, среди которых есть и несколько экзотических: *недобдéть*, *недобри́ть(ся)* и *недобрива́ть(ся)* и даже сомнительное *недовинти́ть(ся) (завинтить(ся) меньше нужного),* которому соответствует единственный пример в НКРЯ: *Ленарда* ***Недовинченный****…М-махали мы его, понял?* (Евгений Носов. И уплывают пароходы, и остаются берега, 1970). При этом значения глаголов с приставкой *недо-*, сформулированные авторами ресурса «АКАДЕМОС», отчетливо распадаются на две группы: ‘сделать не полностью, недостаточно, меньше нужного или возможного’ (*недоделать*, *недопить*, *недосчитать* и др.) и ‘не довести до готовности’ (*недоварить*, *недопечь* и др.). Например:

недоде́лать (*сделать меньше нужного*), но: **не доде́лать** (ещё не доде́лал на́чатого);

недое́сть (*поесть не досыта*), но: **не дое́сть** (ещё не дое́л второ́го);

недопи́ть (*выпить недостаточно)*, но: **не допи́ть** (ещё не до́пи́л свою́ рю́мку);

недоплати́ть (*заплатить меньше нужного)*, но: **не доплати́ть** (ещё не доплати́л по счёту);

недорабо́тать (*проработать*, *отработать меньше нужного*, *недостаточно*), но: **не дорабо́тать** (всего́ го́д не дорабо́тал до пе́нсии);

недосмотре́ть (*наблюдая*, *не заметить всего*, *не уберечь)*, но: **не досмотре́ть** (та́к и не досмотре́л фи́льм);

недосчита́ть, -а́ю, -а́ет (*подсчитать не полностью*), но: **не досчита́ть** (не досчита́л и до десяти́);

недоучи́ть (*не дать полного образования)*, но: **не доучи́ть** (не доучи́л уро́ка) и др.

Имеется в их числе и глагол *недоставать*:

недостава́ть (*иметься в недостаточном количестве*, *не хватать*), но: **не доставáть** (*не дотягиваться*).

Нам представляется, что глагол *недостать*/*недоставать* стоит в этом ряду особняком: в современном русском литературном языке лексему *достать/доставать* в значении '*кого-чего* оказаться в достаточном количестве; хватить' (при употреблении глагола в безличной форме) можно считать омонимом к лексеме *достать/доставать* в значениях 'извлечь, вытащить откуда-н.', 'приобрести, раздобыть' и 'дотянуться, коснуться чего-н.' (ср. омонимичные глаголы *хватать*[1] 'браться за что-л., захватывать быстрым, резким движением (руки, рук, зубов и т. п.)', '*разг.* ловить, задерживать, не давая уйти, убежать; арестовывать кого-л.' '*разг.* быстро, поспешно, без разбора приобретать', '*разг.* получать что-л. нежелательное, неприятное (взыскание, плохую оценку, удар и т. п.)' и *хватать*2 '*кого-чего. разг.* иметься в большом количестве' [БТС]). Таким образом, отношения между формами *достать*2 и *не достать*2 при управлении ими существительными в родительном падеже аналогичны отношениям между формами *хватать*2 и *не хватать*2: *хватило сил — не хватило сил*, *достало сил — не достало сил*. Вследствие такой аналогии кажется более корректным орфографическое оформление формы *достать/доставать*[2] с отрицанием *не* при помощи пробела, а не контакта.

Литература

АКАДЕМОС — Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. [Электронный ресурс]. URL: http://orfo.ruslang.ru/ (дата обращения: 21.06.20201).

БАС — Словарь современного русского литературного языка : В 17 тт. Т. 3. М.: Л., 1954.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Изд. 3. Т. 5. СПб., 2005.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.

Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии. 2-е изд., перераб. М. : Просвещение, 1982. 175 с.

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. Репринтное изд. 4-е, испр. и доп. М. : Бизнес-Информ, 1998. 272 с.

МАС — Словарь русского языка : В 4-х тт. Т. 1. М. : Русский язык, 1985.

ПАС — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под. ред. В. В. Лопатина. М. : Эксмо, 2006. 480 с.

Русское правописание сегодня: О «Правилах русской орфографии и пунктуации» / под ред. В. В. Лопатина. М. : Дрофа, 2004. 254 с.

СлЯзП — Словарь языка Пушкина : В 4-х тт. Т. 1. М., 2000.

ТС —Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М. : Азбуковник, 2007.

S. V. Drugoveiko-Dolzhanskaya
St. Petersburg State University, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen
(Russia, St. Petersburg)
s.drugoveyko@gmail.com

ON THE ORTHOGRAPHY OF THE VERB DOSTAT'/DOSTAVAT' IN THE PRESENCE OF A NEGATION

The article deals with difficult cases of semantic differentiation of the verbs with the *nedo-* prefix and the verbs with the *do-* prefix — in the presence of a negation, and the orthography of verbs of this type. The accuracy of the verb *nedostat'/nedostavat'* (in the meaning of 'to be in insufficient quantity, not to be enough') merged spelling solution, recorded by modern normative dictionaries and reference books, is being called into question.

Key words: orthography, codification, rules, negative verbs.

References

AKADEMOS — *Orfograficheskii akademicheskii resurs «AKADEMOS» Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN* [Spelling Academic Resourse "AKADEMOS" of *Vinogradov Russian Language Institute of RAS*]. Available at: http://orfo.ruslang.ru/ (accessed: 21.06.20201).

BAS — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka.* T. 1–17. [A dictionary of modern standard Russian. Vol. 1–17]. Moscow, 1954. Vol. 3.

BAS-3 — *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. The 3rd edition. Vol. 5. SPb., 2005.

BTS — *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (ed.). SPb., Norint Publ., 1998.

Ivanova V. F. *Trudnye voprosy orfografii* [Difficult spelling questions]. 2nd ed., recycled. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 175 p.

Kaidalova A. I., Kalinina I. K. *Sovremennaya russkaya orfografiya* [Contemporary Russian spelling]. 4th ed., rev. and add. Moscow, 1983. 240 p. [Reprintnoe izd. Moscow, Biznes-Inform Publ., 1998. 272 p.].

MAS — *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 1–4. The 2nd edition. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1981–1984. T. 1. Moscow, 1985.

PAS — *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [The rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Handbook]. V. V. Lopatin (ed.). Moscow, Eksmo Publ., 2006. 478 p.

Russkoe pravopisanie segodnya: O «Pravilakh russkoi orfografii i punktuatsii» [Russian spelling today]. V. V. Lopatin (ed.). Moscow, Drofa Publ., 2004. 254 p.

SlYazP— *Slovar' yazyka Pushkina.* V 4 t. [Pushkin's language dictionary]. Moscow, 2000. Vol. 1.

TS — *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

О. Е. Иванова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
olliva95@yandex.ru

К ОРФОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ НАРЕЧИЙ И СХОДНЫХ С НИМИ СОЧЕТАНИЙ НА ОСНОВЕ СОВРЕМЕННОЙ УЗУАЛЬНОЙ НОРМЫ

Для большинства наречий и наречных сочетаний традиция написания давно сложилась. Поэтому кодификация узуальной орфографической нормы наречной лексики является оправданной. Строгий морфологический подход, изначально положенный в основу правил передачи на письме наречной лексики (правила создаются для наречий, которые — будучи словами — пишутся слитно, предложно-падежные сочетания пишутся раздельно), признается не эффективным при выборе написания для слов, образовавшихся из сочетаний существительных с предлогами. Частеречный статус многих единиц, написание которых представляет орфографическую проблему, порой трудно определить. В этой связи предпринято совместное описание, с одной стороны, слитно и раздельно пишущихся наречий (признанных таковыми в академических грамматиках и пособиях) и, с другой, предложно-падежных форм имен существительных, прежде всего тех, которые выступают как эквиваленты наречий. Такой подход соответствует академической традиции описания орфографии наречных слов, идущей от Правил 1956 г., и является коммуникативно ориентированным — учитывающим потребности пишущих.

Обосновывается исключение из орфографических правил для наречий известных способов определения слитного написания, не отвечающих требованиям, предъявляемым к правилам правописания, а именно: 1) неупотребительность именной части после отделения приставки, 2) невозможность вставить слово между приставкой и корнем без изменения значения, а также 3) постановка падежного вопроса. Весь лексический материал, отнесенный к разделу, был рассмотрен с точки зрения возможности описания через правила-алгоритмы, которые формулируются на основе явных формальных критериев (морфемы, финали, начальные части) и/или легко определяемых семантических критериев (компонент значения). Удалось выделить 16 таких правил. В приложении к правилам помещены так наз. словарные слова, имеющие индивидуальные правила написания (их около 500).

Ключевые слова: наречия, наречные сочетания, предложно-падежные формы имен существительных, орфографическая норма, орфографическое правило, критерии орфографического правила, словарные слова.

Письменная традиция и правила орфографии: «Учитывать нельзя менять». Вопрос о соотношении орфографии и языка оказался центральным в теоретической дискуссии начала 1960-х г., тогда «системность орфографии представлялась учеными как абсолютное, неопровержимое достоинство» [Арутюнова 2015: 58]. Однако абсолютизация представления о системной организации в приложении к письму живого языка с богатой традицией вряд ли приемлема в полной мере. А. А. Зализняк, участвуя в обсуждении того времени, так говорил о «Предложениях по усовершенствованию орфографии»: «...если оценивать «Предложения» с учетом того, что русский язык имеет многовековую историю, традиционное написание целых групп слов, многие предложения — неприемлемы. Здесь две проблемы — чисто лингвистическая и социальная. Нелингвисты заблуждаются, оценивая эти предложения как абсолютно неправильные, «портящие» русский язык; лингвисты ошибаются, не учитывая вопрос чисто социальный: необходимость конкретных изменений в конкретных исторических условиях» [Сазонова 1964. Цит. по: Арутюнова 2015: 63]. Полагаем, что это мнение справедливо и в наши дни, показавшие неготовность общества воспринять даже самые несущественные кодификационные новации, упорядочивающие отдельные фрагменты письма, например, за счет устранения исключений (пресловутый *парашю/ут*). Письмо живого языка, имеющего длительную и неравномерно эволюционирующую традицию фиксации, невозможно описывать только с позиций системно-структурных закономерностей и соотношений: «Устранение сложных случаев, различного рода традиционных отступлений от общих принципов письма, которых в нашей орфографии достаточно, — вряд ли целесообразно, а на практике едва ли осуществимо... Позволительно даже утверждать, что орфография естественного языка не может быть абсолютно чистой, непротиворечивой, «причесанной», поскольку она... является в значительной степени результатом длительного историко-культурного саморазвития» [Лопатин 2007 (2001): 693]. У традиционных написаний есть один важный аспект — во временно́й ретроспективе они объединяют социум: «Естественно также стремление по возможности сохранять принятое написание, чтобы облегчать чтение письменной (печатной) продукции предшествующих поколений» [Аванесов 1978: 229].

Обычно полагают само собой разумеющимся, что правило должно отражать языковую сущность регулируемых им единиц[1], что лексический материал правила должен быть безупречен с точки зрения морфологической однородности, и в этом именно и состоит научная основа правила, определяющая написание. Так,

[1] Этот подход вызвал ряд вопросов в одной из последних работ: «...правильно ли лингвисты оценивают степень зависимости письма от системы языка, правильно ли понимают характер его (письма) отражательности? Следует ли орфографистам пытаться четко разграничить переходные

например, считается важным различать при формулировании правил правописания сложное существительное (слово) и существительное с приложением (сочетание слов)[2]; очень важно различать причастия и отпричастные прилагательные при определении написания *н/нн* в кратких формах; надо обязательно знать, где отсубстантивное наречие, а где существительное с предлогом, чтобы написать первое слитно, а второе раздельно. Но при этом трудные и двойственные случаи не рассматриваются с точки зрения их неслучайности для письма, с точки зрения того, что они отражают не просто противоречащие модели описания (правилу) явления, а что-то существенное в письме как исторически складывающейся системе, принимающей в себя явления и единицы прошлых эпох и других языковых систем, которые, будучи непрозрачными для ныне пользующихся письмом, имеют самостоятельную культурно-историческую значимость. Это с одной стороны. А с другой, устойчивые традиционные написания, не соответствующие требованиям строгого алгоритма правила, часто воспринимаются как некое остаточное, второстепенное явление, разрушающее соотнесенность фактов языка и формулы правила, нарушающее его научную чистоту. Отсюда исходят все радикальные предложения об устранении исключений, все способы формулирования, игнорирующие традиционные написания ради строгой реализации правила.

Как известно, в сфере наречной лексики доля традиционных написаний очень значительна, что вместе с имеющейся совокупностью правил (именно совокупностью, а не системой) и сегодня является предметом жесткой критики: «Действующая ныне система правил в области слитного / раздельного написания наречий, чрезвычайно громоздкая и путаная, ориентируется, вопреки подавляющему большинству современных правил орфографии, не на морфологический принцип, а лишь на устойчивую традицию... Невольно приходится заключить, что в современной орфографии отсутствует как таковая система правил, регламентирующая слитное / раздельное написание наречий, а имеется лишь попытка обобщить требования узуса» [Друговейко 2003: 68–69]. Именно такая попытка, отражающая бережное отношение к письменной традиции, и составляет одну из существенных сторон нашего подхода к кодифицируемому материалу. Этот подход,

---

грамматические явления, отражающиеся на письме, или следует искать формальные правила, обеспечивающие грамотное письмо, но не постижение системы языка? ... Как создать легкое формальное правило, адекватное исторически сложившемуся материалу, и учесть живые языковые процессы, продолжающие действовать независимо от нашей воли и порождать новые написания? Как отразить реальную мотивированность написания современными языковыми факторами и сопрячь ее с потребностью к упрощению многофакторных орфографических предписаний?» [Бешенкова, Иванова 2021: 94].

[2] Притом что до сих пор в среде лингвистов нет единства понимания, что такое приложение, какими признаками оно характеризуется (об этом см. [Бешенкова, Иванова 2011: 182–183], где резюмируется: «...расхождение в понимании языковой сущности единиц (при их однотипном орфографическом оформлении) обусловило наш подход — объединение в одном правиле проблем написания сложного существительного и сочетания существительного с приложением, поскольку для правописания данное различие не является содержательным. О целесообразности общего правила писал и М. В. Панов [Панов 2004: 139])».

действительно, не предполагает массовую перекодификацию написаний в угоду «системе правил», не направлен на изменение навыков письма в той области, которая давно стабильна и отражена в словарях и в текстах[3]. (Считаем, что подобное изменение не будет принято ни научным сообществом, ни учительством, ни обществом в целом.) Но наше понимание предполагает и другое: постоянное изучение тенденций употребления отдельных слов, например, выявление такой сложившейся или складывающейся узуальной нормы, которая отступает от имеющейся кодификации, и в результате поэтому вполне логичными представляются единичные изменения написания[4]. И наоборот, исследование узуса может подтвердить реальное бытование имеющейся кодификации и тем самым не поддержать сомнительные изменения. Так, слова, которые считают раздельно пишущимися наречиями и которые, по М. В. Панову, «срослись, лексикализовались» и поэтому требуют слитного написания, не только сохраняют, но даже, напротив, развивают парадигматические и синтагматические связи субстантивных сочетаний[5].

Отстаивая необходимость учитывать в правилах не только системную отражательную функцию письма, но и сложившуюся традицию написания единиц, в заголовке значимую запятую ставим после слова *учитывать*.

Общепринятый подход (стремление к морфологической однородности правил, готовность изменять сложившиеся устойчивые написания). Есть ли альтернатива? Известно, что формирование категории наречия, выражающееся, в частности, в переходе предложно-падежных форм существительных в наречия, не является исторически завершенным. По мнению О. П. Ермаковой, «процесс адвербиализации, имея начало, вовсе не всегда имеет и завершение. Некоторым полунаречным формам, возможно, суждено остаться таковыми, а процессу незавершенным. Ср. такие полунаречные выражения, как *на ходу, на бегу, на лету, на скаку, в обмен, в обрез, с размаху* и др.» [Ермакова 1966: 46–47]. Несмотря на невозможность четко очертить лексические границы наречия как части речи[6] правила и в настоящее время формулируются для бесспорных наречий. Но чтобы определить их круг, авторы правил предлагают использовать способы частеречной идентификации и устанавливать, действительно ли данное слово — наречие: получается, что

---

[3] В других отделах русской орфографии, например в отношении сложных прилагательных, вопрос о перекодификации закрепившихся в написании слов также не ставится.

[4] Например, по нашим наблюдениям, всё чаще наречия *навынос* и *забесплатно* пишутся раздельно (в РОС оба слова даны слитно), слитное (по РОС) *ничуточки* явно уступает раздельному *ни чуточки* (ср. *ни капельки, ни копеечки, ни крошечки, ни гроша, ни минуты, ни слова* и др.), дефисное *тик-в-тик* показывает много раздельных написаний, стремясь подравняться под *шаг в шаг* и др.

[5] Рассматривались слова: *без умолку, без устали, в тупик, в сердцах, до зарезу, до упаду, за полдень, за полночь, на весу, на ощупь, на плаву, на скаку, на сносях, не прочь, под дых, под мышку, под стать, с маху, с ходу* [Иванова 2008, 2014].

[6] Из-за недостатка места сошлемся здесь лишь на мнение Л. А. Савёловой, считающей, что «определение лексического объема класса наречий в русском языке может иметь только относительный характер, что обусловлено целым рядом факторов» [Савёлова 2009: 14].

пишущему иногда придется выяснять это уже в процессе письма (см., например, [Панов 1964; Харченко 2001; Друговейко 2003; Каверина 2011]). В случае положительного ответа слово должно писаться слитно, и наличие устойчивой узуальной нормы написания, например, *до упаду, без устали*, во внимание не принимается, также как интересы пишущих (которые на время должны стать лингвистами и делать грамматический и семантический анализ) и читающих (которые видят массовое изменение письменных обликов слов). Таким образом, предлагается определять частеречную принадлежность лексических единиц (наречие с приставкой или существительное с предлогом), с тем чтобы правило работало на морфологически однородном материале. Насколько данный подход отвечает интересам орфографии как деятельности пишущего и читающего? «Отношения лингвистики как науки и письма как знаковой системы прикладного характера неизбежно приходят к противоречию, когда письмо в той или иной мере становится «заложником» лингвистических концепций, — справедливо считает Л. Б. Селезнева. — Понятие последовательности письма подменяется понятием последовательности реализации научных теорий, между тем как не все они адекватно выражают его закономерности» [Селезнева 2004: 7].

Не ставя под сомнение научную обоснованность и ценность процедуры частеречной «верификации»[7], отметим, что в орфографических трудах она используется не по своему первичному назначению — дать адекватную грамматическую классификацию материала (как, например, в работах разного времени, посвященных категории наречия [Арутюнян 1968; Демидова 1960; Дымский 1977; Панова, Городнянская 2013]), а как прием в орфографической деятельности, как подготовительное звено при выборе написания. Причем использовать этот прием следует уже в самом акте письма. Совершенно ясно, однако, что научные способы определения части речи (наречие с приставкой или существительное с предлогом), требующие от пишущего определенной — и часто весьма непростой — аналитической работы, недоступны в каждодневной письменной практике и, что также немаловажно, могут привести к разным результатам (разнонаписаниям) у разных пишущих. Орфографическая комиссия 60-х годов в свое время отвергла предложения опираться на частеречный критерий именно из-за трудности применить его к единицам языка, «поскольку процесс онаречивания предложно-именных сочетаний... продолжается и в наши дни, к тому же весьма неравномерно по отношению к различным структурным типам и к отдельным наречным образованиям» (см. [Обзор предложений: 337; также 340]).

На наш взгляд, наличие бесспорных наречий, пишущихся в соответствии со сложившимися за последние десятилетия нормами с пробелом[8], и предложно-именных

[7] В научных исследованиях устанавливается шкала наречности — субстантивности (в смысле [Бабайцева 2000]), то есть используется представление о ступенях частеречной переходности [Калякина 2007].

[8] Считаются наречиями в академической грамматике 1952 г., академической грамматике 1970 г. и в «Русской грамматике» 1980 г. слова: *в придачу, в одиночку, на дом, на грех, на редкость, на ходу, на днях, до зарезу, про запас.* В РГ-80 есть ещё следующие раздельно пишущиеся

сочетаний, устойчиво передающих адвербиальное значение[9], свидетельствует о том, что письмо не стремится в полной мере отразить различие слова и словосочетания. Так, кандидаты в слитные наречия, которые обычно фигурируют в научной литературе — сочетания *до упаду, на ощупь* и *с ходу*, согласно актуальной статистике НКРЯ (2007, 2012, 2020) и ГуглКниги (2020) устойчиво сохраняют раздельное написание, показывая его многократное превышение над слитным и подтверждая тем самым соответствие кодифицированной нормы и нормы узуальной.

Наконец, выскажем сомнение и другого рода — в необходимости подобной грамматической сепарации фактов языка с точки зрения интересов субъектов письма — пишущего (иногда записывающего со слуха) и читающего. Нужно ли это пишущему/читающему в момент создания текста или восприятия написанного? Рассуждая об антиномии отражательного и коммуникативного в орфографии, Н. Д. Голев на примере дифференцирующих написаний, в частности, показывающих целостность / расчлененность понятий (*мало знакомый / малознакомый*), ставил вопрос об «обосновании *коммуникативной необходимости* самой дифференциации такого рода смысловых оттенков и тех усилий, которых она требует ...не слишком ли такие различия "тонки", чтобы быть необходимыми для повседневного общения, которое язык обслуживает в первую очередь, причем обслуживает в условиях автоматически производимой и воспринимаемой речи?» [Голев 1997: 42]. Размышляя, как должны оцениваться нормы письма, Л. Б. Селезнева к оценке их с точки зрения соответствия языку в его современном состоянии и с точки зрения системы письма добавляет оценку «с точки зрения **языкового сознания носителя языка**, под которым понимаем **восприятие и осмысление им графических элементов и их содержания в практике письма и чтения**» (выделено автором. — *О. И.)* [Селезнева 2004: 7]. Добавим сюда и немаловажный фактор устойчивости облика некоторых графических комплексов, их привычности для глаза начитанных носителей языка, «у которых, — по мнению Н. Д. Голева, — мог сформироваться устойчивый графический облик слова» [Голев 1997: 134].

Мы полагаем, что в основание орфографических правил должны быть положены очевидные признаки языковых единиц (формальные и/или семантические), сигнализирующие о том или ином написании. Кажется, именно о таком подходе говорил А. А. Зализняк на заседании Орфографической комиссии РАН в 1993 г.: при обсуждении проблемы написания *н/нн* в кратких формах причастий и прилагательных он предлагал исходить из чего-то «очень практичного» при невозможности создать понятные правила отличения слов одной части речи от другой (наш конспект заседания. — *О. И.*). Такой «практичный» подход — без попытки выявить

наречия: *не спеша, в открытую, в шутку, на редкость, не видя, не глядя, не торопясь, не спеша, не шутя, в обнимочку, в придачу, в скобку, в обхват, в растяжку, на дом, с виду, с размаху, с разбегу, с ходу, с лёту, с налёту, в охотку, в бегах, на весу, на виду, на плаву, без просыпу, без умолку, до упаду, до отвала, на ощупь, на отделку, в издёвку, в навык, в неохоту.*

[9] В Правилах 1956 г. к именам существительным (в п. 6) отнесены *в одиночку, в обхват, в обрез, без умолку, без просыпу, до упаду, до отвала, на грех, с размаха, с разбегу* и нек. др., большинство из которых считается в настоящее время бесспорными наречиями.

частеречную принадлежность единицы — мы считаем более адекватным многоликому объекту орфографического описания, каковым являются собственно наречия и предложно-падежные сочетания в различных функциях, общих у них с наречиями (определительной, обстоятельственной, предикативной, предложной[10]). Таким образом, в предлагаемых правилах мы исходим прежде всего из прагматической цели — определить написание данной единицы, а не ее частеречный статус[11]. Частично это и было реализовано в ряде правил свода 1956 г. В отличие от нормотворческих предложений последнего времени именно так сформулировано известное безысключительное правило «пишутся раздельно сочетания структуры «предлог-приставка на согласную + именная часть на гласную», управляющее и бесспорными наречиями (*без оглядки, без умолку* и пр.), и предложно-именными сочетаниями с адвербиальным значением (*без аппетита, без интереса, без улыбки* и пр.), и производными предлогами (*без учета* чего, *с учетом* чего, *в интересах* кого-чего, *в отношении* кого-чего, *в условиях* чего). Также можно назвать и правило слитного написания слов с корнями *верх, низ, перед, зад, высь, даль, век, начало* (хотя оно нуждается в уточнениях), построенного на лексическом критерии. Эти правила конкретны в своих лингвистических чертах, понятны в применении.

«Неправила»: о традиционных критериях слитного написания наречий (несамостоятельность корневой части слова, междуморфемная вставка и падежный вопрос). Известные критерии слитного написания — неупотребляемость части слова без начальной части (предлога-приставки) и невозможность междуморфемной вставки и постановки вопроса нуждаются в отдельном обсуждении относительно места в системе правил написания наречий. В [Правила 1956] эти критерии помещены в отдел отсубстантивных наречий (также и в [Кайдалова, Калинина 1983: 81, 82]), а Д. Э. Розенталь дает их в одном ряду с другими правилами слитного написания наречий всех типов [Розенталь 1985: 60] (также и в [Валгина, Светлышева 1993: 97; Розенталь, Джанджакова, Кабанова 2018: 79–80]). Академический же справочник [Правила 2006] эти критерии вовсе не упоминает. Можно предположить, что введение этих критериев в Правила 1956 г., ставшие первоисточником для последующих справочников, является апелляцией к общелингвистической теории отдельности и непроницаемости слова (в отличие от словосочетания). Они рассчитаны на ограниченный материал, охватываемый Правилами 1956 г., и соответствующий школьной практике. Еще в ходе дискуссии 60-х гг. А. В. Калинин писал об этой стороне вопроса так: «Вот, казалось бы, простое и понятное правило: пиши слитно наречие, образованное из сочетания

[10] Г. И. Панова и П. А. Городнянская [2013] причисляют «лексикализованные предложно-падежные сочетания существительных» к полифункциональным единицам с неясной частеречной принадлежностью.

[11] Аналогичный подход применен в правилах правописания сложных существительных, где расхождения в понимании языковой природы единиц при их однотипном орфографическом оформлении признаются несущественными для задач орфографического описания [Бешенкова, Иванова 2011: 183].

предлога с существительным, если это существительное как отдельное слово сейчас не употребляется. Действительно, мы руководствуемся этим правилом при написании таких слов, как *врасплох, наяву, вразвалку, набекрень* и др. Тем не менее слова *до упаду, на рысях, на сносях, под уздцы, без умолку* пишутся раздельно: это предусмотрено другими правилами, но не оговорено как исключение из правила о слитном написании не употребляющихся отдельно слов. А где перечислены исключения типа *на юру, с панталыку, с кондачка* и др.?» [Калинин 1963: 91]. Эти сомнения актуальны и сегодня. В собранном нами материале (нет возможности привести его здесь) более чем на 100 слитных слов со второй частью, не употребляющейся самостоятельно, извлеченных из популярных орфографических справочников, приходится более 60 раздельно пишущихся единиц с такой же именной частью. Трудно найти какое-либо видимое основание, чтобы в современном письме развести *спросонку* и *с панталыку*, *нашармака* и *на фуфу*, *вдрабадан* и *в тартарары*, *впросак* и *в пандан*, *наобум* и *на ощупь*, *напрямки* и *на дыбки*, *исподтишка* и *из-под спуда*, *понаслышке* и *по наущению* и т. д. Выбор написания в этих случаях индивидуальный. При этом из-за значительного количества таких раздельных единиц их не приходится рассматривать как возможные исключения[12].

Таким образом, данный критерий слитности не является *правилом* орфографии, поскольку признак, лежащий в его основе, ведет себя избирательно: способ написания слов с несамостоятельной второй частью — слитно или раздельно — по существу лексикализован, закреплен за определенными словами[13]. Л. В. Щерба, рассматривая проблему научности и неизбежной компромиссности нашего правописания, при анализе выбора написания для *в прок — впрок, в просак — впросак, в потьмах — впотьмах*, указывал на ограниченность, неуниверсальность этого критерия: «В выражении *попасть в просак* мы имеем дело скорее с существительным, хотя слово *просак* и совершенно не известно в литературном языке; *в потьмах* (ср. *в потемках*), *в просонках, с просонок* следовало бы писать раздельно, так как очевидно, что неупотребительное вне данного сочетания слово *потьмы* = существительному *тьма*, а также неупотребительное *просонки* = существительному *просонье*. Дело в том, что неупотребительность того или иного существительного вне сочетания с предлогом вовсе еще не является доказательством того, что в сочетании с предлогом оно всегда будет наречием: правило, согласно которому подобные сочетания пишутся слитно, совершенно искусственно и существует для облегчения пишущих, чтобы заменить для них существо дела формальным анализом» [Щерба 1983: 113–114]. Эта мысль Л. В. Щербы о применении «формального анализа» для облегчения участи пишущего созвучна нашим представлениям

[12] Вообще же раздельное написание адвербиалов не представляет в письменной системе языка что-то исключительное: существует масса единых словесных комплексов, признаком формы которых является пробел (знак пробела), это так называемые эквиваленты слов (об этом см. [Рогожникова 2003]).

[13] Сомнения в том, что несамостоятельность именной части как способ определения написания имеет критериальную ценность, высказывались нами и ранее [Иванова 2006: 71–72, Иванова 2009: 115–116].

о характере формулировок правил: ведь формальные показатели доступны и неискушенному пишущему, а «существо дела» не всякий способен понять и использовать. Анализ неделимости слова требует особой компетенции пишущего: он должен знать, что слова *замен, кось, кривь, перемежка, перемешка, повалка, просак, развалка, подлобье, искосок, перекор, отмашь, тощак, утёк* и мн. др. отдельно не употребляются, но кто может дать такие гарантии? Даже и в пределах введенного ограничения — «в современном литературном языке» [Правила 1956][14]?

В добавление укажем на то, что в употреблении слов происходят изменения: слова могут как постепенно уходить (ср. согласно данным НКРЯ, для XIX — начала XX вв. реальны примеры типа *попасть в такой / большой / неожиданный / забавный / досадный просак*) и вообще исчезать (*тло, зга, ружа*), так и образовываться в речи путем, например, обратного словообразования. Так что можно найти слово *тощак* в современном словаре [Кузнецов 1998], *прямик* в словаре Д. Н. Ушакова, обнаружить в известных текстах утраченные или «восстановленные» слова: *«В предутренних потьмах я видел злые сны»* (Ф. Сологуб), «*Последний свист осенних дудок Там пролетел и в земь ушел»* (С. Городецкий) (ср. *об земь, по земи*).

Другие традиционные «правила»-критерии слитного написания наречий: невозможность «без изменения смысла» сделать междуморфемную атрибутивную вставку[15] или поставить падежный вопрос к именной части (к части основы за вычетом приставки) — применяются к словам, допускающим разделение на формально самостоятельные предлог-приставку и квазисуществительное, и нацелены на подтверждение семантической непроницаемости слова, спаянности его частей в выражении общего значения[16]. Применение и этих критериев также не следует абсолютизировать. На их ограниченность указывалось практически в то же время, когда создавался и вводился свод 1956 г. А. В. Калинин, разбирая некоторые орфографические правила (хоть и отражающие «грамматическую истину», но являющиеся при этом слишком сложными для применения и непоследовательными в построении, противоречивыми, неполными), пишет: «Ничего не дает «правило» относительно слитного написания наречий при невозможности вставить слово между приставкой (предлогом) и существительным. Ведь «вставить слово» нельзя не только в случаях типа *вновь, вразбивку, впрок, вслух* и др. ..., но и в раздельно пишущихся сочетаниях *за глаза, на часах, в ногу, на редкость, в диковинку* и мн. др.» [Калинин 1963: 92]. Характерно, что в популярном справочнике после приведенных примеров *вброд,*

---

[14] О ненадежности этого критерия говорит присутствие в списке наречий с несамостоятельной именной частью в [Правила 1956] слов *навыворот, наперерез, наперечет*, притом что *выворот, перерез, перечёт* представлены в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, а слово *взрыд,* хоть и ограниченно, было известно и как наречие (*плакали взрыд*), и как существительное.

[15] Наиболее известная интерпретация междуморфемной вставки сделана Н. М. Шанским [1964], роль вставки разбирается также в [Буланин 1976: 183–184].

[16] В наречиях, происходящих из предложно-падежных сочетаний, образуется, используя образное выражение В. В. Виноградова, «сложная смысловая амальгама» [Виноградов 1972 (1947): 299], «значение предлога как бы всасывается в вещественное значение существительного» [Там же: 283].

вволю, вслед, впрок, накрест, наоборот, наотрез, напролом, поодиночке сделано замечание, дезавуирующее данное «правило»: «Применение этого правила в силу субъективного восприятия языковых фактов не всегда обеспечивает правильное написание наречий этой группы. Поэтому рекомендуется запомнить ряд чисто формальных признаков...» [Кайдалова, Калинина 1983: 83]. Таким образом, высказано сомнение в компетенции пишущих применить этот критерий, а само правило сводится к словарному перечню, который также имеет исключения — раздельные сочетания, не допускающие вставку или вопрос. К приведенным в пособии исключениям *в придачу, в прибавку, в забросе, в замену, в наклон, в насмешку, на выбор, на выучку, на выручку, на вырост* (скорее всего, список этот далеко не полон) еще добавим семантически непроницаемые наречные выражения *без ничего, в девках, в девушках, в довесок (ср. вдобавок), в затылок, в среднем, в пандан, на брудершафт, с поличным*... Ряд примеров можно значительно расширить.

Также и возможность задать падежный вопрос в справочниках и школьной практике признается «верным признаком» существительного. Однако здесь есть известные ограничения. Например, при помощи вопроса «нельзя доказать слитное написание тех наречий, которые являются в предложении вводными словами, следовательно, не отвечают ни на какой вопрос» (*во-первых*) [Ушаков 1947: 140]. С другой стороны, раздельно пишущиеся сочетания существительных с предлогами, если занимают позицию обстоятельства, отвечают на обстоятельственные вопросы, тем самым их отличие от наречий в этом отношении нейтрализуется (*Вагон загнали* (куда?) *в тупик, Сел* (где?) *в ногах*). Постановка вопроса не поможет и в случае с наречиями / наречными сочетаниями типа *вдали — в дали*, *набок — на бок,* тонкое смысловое различие которых может проявиться в одном и том же контексте в зависимости от коммуникативной установки автора текста: *лёг на бок/набок, завалился на бок/набок*. Вопросы *на что?* или *как?* одинаково допустимы, глагол *лечь* никак не обнаруживает своих предпочтений, и у автора текста есть свобода выбора написания. Тот, кто воспринимает текст глазами, выбор автора текста сможет оценить. Но если текст воспринимается не визуально, а на слух, как при диктовке, и нет других контекстных сигналов, свидетельствующих об авторском выборе, то падежный вопрос как инструмент бесполезен.

Таким образом, полагаем, что есть основания не рассматривать данные приемы определения слитности-раздельности написания в ряду формальных и смысловых критериев, с помощью которых это написание можно однозначно установить. Тем более они не являются *правилами* орфографии, поскольку правилам присуща неизбирательность по отношению к объектам с определенными признаками.

О лексических границах материала, включающего «сходные с наречиями сочетания»[17], о понимании термина «наречное сочетание». В предлагаемом орфографическом описании берутся все те лексические единицы языка, которые

[17] Выражение «сходные с наречиями сочетания» использовал в пособии для учителей М. В. Ушаков еще в 1947 г. [Ушаков 1947: 139].

или являются наречиями, или могут быть приняты за наречия (поскольку «внешне подобны наречиям» [Панова, Городнянская 2013]), или по традиции включаются в раздел написания наречий справочников по орфографии (как вводные слова типа *во-первых, по-моему*). Такая широкая лексическая база раздела правописания наречий с теоретической точки зрения (грамматическая однородность материала), безусловно, может быть предметом обсуждения, хотя реально стала уже частью традиции орфографического описания. Если же иметь в виду ответ на вопрос «как написать?», то есть практическую сторону проблемы, то данный объединительный подход к материалу в полной мере соответствует интересам пишущих, которые освобождаются от необходимости определять часть речи, прежде чем выбрать правильное написание (улыбка вам *к лицу*, елка *на загляденье*, *в пределах* досягаемости — ведь это предикативы и предлоги, а не наречия), также их не будет смущать двойной функционал слов *кстати* и *наконец* (наречие и вводное слово), *отчего* и *потому* (наречие и союзное слово) и др.

Термин *наречное сочетание* (а также его синонимы *предложно-падежное сочетание, субстантивное сочетание*) применяется обычно для обозначения устойчивых, воспроизводимых сочетаний предлога-приставки с именной частью, выполняющих обстоятельственную функцию, где именная часть выражена прежде всего существительным, реже субстантивированными словами (*без малого, с лишним, за двоих, за так*). Вслед за Р. П. Рогожниковой, их можно назвать «эквивалентами» наречий[18] [Рогожникова 2003]. В работах, посвященных наречным словам, эти единицы определяются как «лексикализованные предложно-падежные сочетания существительных», совмещающие «наречную функцию с другими функциями знаменательного или служебного характера» [Панова, Городнянская 2013: 60; подробнее: Городнянская 2013], или как «лексикализованные предложно-падежные формы, составляющие переходную зону между лексикой и фразеологией» [Савёлова 2009: 34]. Мы применяем термин *наречное сочетание* достаточно широко, подводя под него не только единицы в обстоятельственной функции (с качественно-характеризующим и обстоятельственно-характеризующим значением, например, диван *на выброс,* товар *на вывоз* (ср. *кофе навынос*), пальто *на вырост,* спешить *на подмогу*), но и в (генетически) объектной функции[19] в составе устойчивых сочетаний

[18] «По функции в речи среди эквивалентов слова можно выделить несколько групп сочетаний... 2. Эквиваленты слова, выполняющие обстоятельственную функцию и являющиеся наречиями. В неё входят сочетания существительного или субстантивированного прилагательного с предлогом, например: *без конца, без оглядки, в целом, в итоге, в действительности, в дальнейшем* и т. п. Обстоятельственная функция таких падежных сочетаний поддерживает их неизменяемую форму также, как она способствует отрыву некоторых падежных форм слова и изменению их значения (ср.: *любоваться весной* и *весной ярко светит солнце*). Именно в обстоятельственной функции сочетаний существительного с предлогом чаще всего происходят семантические изменения и их фразеологизация. Они приобретают устойчивость, постоянную форму, целостность значения, преимущественно одно основное ударение. Характерно для таких сочетаний и отсутствие образности, свойственной фразеологизмам» [Рогожникова 2003: 8]

[19] А. Б. Шапиро отмечал, что предложение писать слитно предложно-падежные формы — «когда они твердо приобретают наречное значение (точнее — значение обстоятельства)» как

с глаголом: *лезть на рожон, выдать на руки, сойти с ума, дойти до ручки, до точки, заткнуть за пояс* и др., а также в частотной роли предиката предложения. Такое расширенное применение термина мотивировано лингвистически и коммуникативно. Например, из мини-парадигмы предложно-падежных сочетаний с общим опорным словом *ум*: *без ума, в уме, в умах, на ум (пошло), на уме, по уму, с ума (сойти, свести), с умом* — лишь первое *без ума,* синонимичное наречному сочетанию *без памяти,* включено в упомянутый словарь Рогожниковой как наречие. Другие единицы из этого ряда в словаре отсутствуют, хотя *в уме* (*считать*), *с умом* и *по уму* (*делать*) также можно трактовать как вполне наречные с обстоятельственно-характеризующим значением, в сочетании *с ума (сойти, свести)* сохраняется представление об объекте, а сочетание *на уме* (у кого что) в предложении выступает в роли предиката (*У него на уме один футбол*). Но имеют ли эти различия значение для пишущего? Надо ли стремиться в процессе письма понять, что *без ума* — это наречие, а *на уме, с ума* — сочетание существительного с предлогом? Ведь все они пишутся раздельно в соответствии с известными правилами и являются лексикализованными предложно-падежными сочетаниями.

В сферу описания попадают и некоторые фразеологизмы. «Лексикализация и высокая семантическая слитность компонентов адвербиального предложно-падежного сочетания может иметь и фразеологический характер... — пишет П. А. Городнянская, — в том случае, если его семантика возникла в результате метафорического переноса значения свободного сочетания существительного с предлогом. Это сопровождается и его ограниченной сочетаемостью, нередко до одного слова, например: ***на бровях*** *прийти,* ***от фонаря*** *сказать,* ***в стельку*** *напиться»* [Городнянская 2013: 9]. Хотя здесь есть трудности интерпретационного характера. Так, А. Н. Тихонов не включил в словник «Словообразовательного словаря» единицы типа *на глазах, по глазам, под боком, без удержу, без просыпу, до упаду, под мышкой, за глаза, в упор, в сердцах, с кондачка, на бегу, на ощупь* и мн. др. «В языкознании до сих пор не определен их статус, — пишет составитель. — Одни ученые относят их к наречиям, другие рассматривают как фразеологические единицы. Эти образования очень близки к наречиям типа *невмоготу, наотмашь, понаслышке, впросонках, вразрез, наскоро, замертво, настороже, набок* и *обок* и т. п. ...разграничение среди них наречных сочетаний и фразеологических оборотов пока строится на очень зыбких основаниях — исключительно на их орфографическом оформлении: раздельнооформленные единицы в словарях относятся к фразеологизмам, а все образования, имеющие слитные написания, даются как наречия. Словообразовательный словарь не может брать на себя решение этих спорных вопросов» [Тихонов 1985: 8]. По мнению Л. А. Савёловой, «отсубстантивные наречные единицы входят в сферу микроидиоматики, составляя

в *покупать на выбор, делать с толком,* — «привело бы к полному отождествлению морфологического разряда наречий с синтаксической категорией обстоятельственных слов (а заодно и с категорией дополнений, не всегда легко отличаемых от обстоятельств)» (подчеркнуто мной. — *О. И.*) [Шапиро1951: 140].

переходную зону между лексикой и фразеологией. Их возникновение не может быть описано в рамках морфологического словообразования. Тем не менее здесь выстраиваются определенные деривационные модели, в соответствии с которыми выделяются наречия, соотносительные со следующими предложно-падежными сочетаниями»: 1) без + род. п. (*без проблем, без напряга*), 2) в + вин. п. (*в дрова*; *в тему*), 3) в + предл. п. (*в натуре, в реале*), 4) до + род. п. (*до кучи; до дури*) [Савёлова 2012: 71].

К разделу о правописании наречий относится немало единиц, являющихся осколками фразеологизмов, например, наречие *в открытую* — часть фразеологического выражения *играть в открытую*, т. е. «не скрывая своих карт во время игры» [Шапиро 1951: 135]. В этой связи приведём следующее актуальное замечание В. В. Виноградова: «Фразеологические сочетания обычно не уничтожают раздельности компонентов, и наречие может вырваться из плена одной фразы или серии фраз, отделиться от своего тесного фразеологического окружения и стать самостоятельной свободной или фразеологически связанной лексемой с новым значением. (Ср., например, просторечное выражение *до чертиков* в значении усилительного наречия – очень, в высшей степени (*устал до чертиков*), оторвавшееся от фразы *напиться до чертиков*.) Кроме того, необходимо помнить, что множество наречий является продуктом тех семантических изменений, которым подверглись слово или группа слов в процессе калькирования или перевода чужеязычной, преимущественно западноевропейской лексики и фразеологии. Таковы, например: *разбить наголову, на дружеской ноге, раз навсегда, подшофе* и т. п.» [Виноградов 1972 (1947): 307]. Таким образом, границы описываемого материала очерчиваются достаточно широко, охватывая не только классические наречия, но и лексико-фразеологическую периферию.

Структура орфографического описания. В соответствующем разделе «Обзора предложений по усовершенствованию русской орфографии..» неоднократно упоминается «общее правило, требующее все наречия писать слитно» [Обзор предложений 1965: 340], которое, однако, нигде не сформулировано, в том числе и в [Правила 1956]. Исходя из этой логики система правил написания наречий должна была бы иметь следующую организацию: формулируется общее правило слитного написания, следовательно, правила дефисного и раздельного написания являются исключениями из него. Но правила для наречий в справочниках так не строились никогда, как никогда не ставилась задача описать проблемный материал без остатка: обходились классической фразой «в случае затруднений следует обращаться к орфографическому словарю». Предлагаемое описание показывает намерение охватить нормами правил и нормами словаря весь материал, который традиционно понимается как связанный с правописанием наречий. Представляется логичным, что группировка правил, исходящая из типа написания (слитное, дефисное, раздельное) и принятая у Д. Э. Розенталя и в [Правила-2006], не используется, поскольку именно тип написания является искомым при применении каждого правила. В работе, исходя из сложившейся узуальной нормы, практически совпадающей

с кодифицированной нормой, перечисляются выявленные алгоритмы для разных словообразовательно и семантически охарактеризованных групп наречий и предложно-падежных сочетаний: группы единиц, подводимые под соответствующие правила, выделены по различным признакам-критериям (часть речи производящего слова, разные аффиксы, наличие или отсутствие аффикса, наличие или отсутствие предлога-приставки, значение).

Принимается деление всего корпуса наречий и сходных с ними сочетаний на те, написание которых можно прогнозировать на основании привлеченных в правилах критериев (соответствуют какому-либо правилу), и те, которые не отвечают ни одному из возможных наборов значимых критериев (не соответствуют ни одному правилу) и пишутся по индивидуальному словарному правилу. Ниже приводится схема описания.

I. Выявленные типы наречий и сходных с ними сочетаний, написание которых можно прогнозировать на основании привлеченных критериев

1. Наречия, образованные от наречий с помощью приставок — **слитно** (*доныне, насовсем, повсюду*)

2. Наречия, образованные от наречий и прилагательных с помощью приставок и/или суффиксов *-а, -е, -о, -у, -ее, -ше* — **слитно** (*вдвойне, досуха, начисто*)

3. Наречия, образованные от прилагательных с помощью приставок и суффикса *-ую* — **слитно** (*вкрутую, напрямую, подчистую*)

4. Наречия, образованные от местоимений *весь, сей, тот, этот, что* — **слитно** (*вовсю, затем, потому*)

5. Наречия, образованные от собирательных числительных структуры «приставки *в-, на-* + суффиксы *-е, -о, -ом(ем)*» — **слитно** (*вдвое, надвое, втроем*)

6. Наречия, образованные от существительных с начальной частью *впол-* — **слитно** (*вполглаза, вполоборота, вполсилы*)

7. Наречия, образованные от существительных с корнями пространственного и временного значения *верх-, низ-, перед-, зад-, бок-, выс-, глуб-, дал-, близ-, шир-, век-, конец-, начал-* — **слитно** (*наверх, сбоку, вглубь, вблизи, сначала*)

8.1. Наречия, образованные от глаголов и отглагольных существительных структуры «*в-...+...-ку*» — **слитно** (*вдогонку, вразвалку*)

8.2. Наречные сочетания, образованные от отыменных существительных структуры «*в +...-ку*» — **раздельно** (*в диковинку, в складку*)

9. Наречия, образованные от порядковых прилагательных структуры «в-(во-)... + ...-их(-ых)» — **дефисно** (*во-первых, в-десятых*)

10. Наречия, образованные от прилагательных структуры «по-... + ...-ому, -ему, -ски, -цки, -ьи» — **дефисно** (*по-доброму, по-хорошему, по-русски, по-немецки, по-медвежьи*)

11. Наречные сочетания имен существительных с предлогами-приставками *без, для, до, за, от, под, при, про, с* — **раздельно**

12. Наречные сочетания структуры «предлог-приставка на согласную + именная часть на гласную» — **раздельно** (*без оглядки, в открытую, с изнанки*)

13. Наречные сочетания повторяющихся имен существительных с предлогом (предлогами) — **раздельно** (*слово в слово, от сих до сих, раз на раз*)

14. Наречные сочетания из форм именительного и творительного падежей существительного — **раздельно** (*дурак дураком, туча тучей*)

15. Наречные сочетания имен существительных в застывшей форме множественного числа — **раздельно** (*в гостях, до костей, на равных, по душам*)

16. Наречные сочетания имен существительных в разных предложно-падежных формах — **раздельно** (*за границей, за границу, из-за границы*)

Отсылки. Наречия, образованные повтором (повтор слова, основы или сочетание слов, связанных смысловой или звуковой ассоциацией) (*чуть-чуть, как-никак, нежданно-негаданно, с бухты-барахты*) — **дефисно.** См. § (соответствующий параграф в подготавливаемом своде правил. — О. И.).

Наречия с частицами *-то, -либо, -нибудь, -таки, кое-* — **дефисно.** См. § (соответствующий параграф в подготавливаемом своде правил. — О. И.).

II. Словарное приложение. Не описываемые правилами наречия и наречные сочетания, в том числе иноязычные.

Литература

Аванесов Р. И. Заметки по теории русской орфографии // Восточнославянское и общее языкознание. М.: Наука, 1978. С. 220–229.

Арутюнова Е. В. Реформы русской орфографии и пунктуации в советское время и постсоветский период: лингвистические и социальные аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 184 с.

Арутюнян А. С. Наречия отсубстантивного образования (от имен существительных в форме винительного падежа с предлогами) в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Алма-Ата, 1968. 26 с.

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000. 638 с.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 360 с.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Буквы *о* и *ё* после шипящих: критерии кодификации и современная редакция правила (из материалов академического описания русской орфографии) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, №1. С. 92–103. DOI: 10.30515/0131–6141–2021–82–1-92–103.

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., 1976. 208 с.

Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация. Справочник. М., 1993. 336 с.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972. 614 с.

Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997. 145 с. [Электронный ресурс] http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v55.html

Городнянская П. А. Многоаспектный анализ лексикализованных предложно-падежных словоформ адвербиального характера в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2013. 19 с.

Демидова А. К. Образование наречий из предложно-именных сочетаний (из сочетаний имен существительных с предлогами «без» и «на») в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1960. 18 с.

Друговейко С. В. Орфографическая реформа как зеркало русской интеллигенции // Письменная коммуникация и фонетический строй языка / Памяти проф. В. Ф. Ивановой. СПб., 2003. С. 58–79.

Дымский А. С. Основные критерии для отграничения предложно-падежных словоформ от наречий (на материале словарей и произведений XVIII — XX вв.) // Вопросы грамматического строя русского языка. Хабаровск, 1977. С. 83–118.

Ермакова О. П. О некоторых общих вопросах словообразования наречий // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 45–54.

Иванова О. Е. Плясать *до упаду,* а работать *без устали* (о разграничении наречия и существительного с предлогом) // Русская речь. 2008, № 3. С. 53–58.

Иванова О. Е. Орфографическая стабильность и «усиленный обычай сливать два слова в одно» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. II. М., 2014. С. 282–293.

Иванова О. Е. Наречия // Русское правописание сегодня: О «Правилах русской орфографии и пунктуации» / С. Н. Борунова, Н. С. Валгина, Н. А. Еськова, О. Е. Иванова, С. М. Кузьмина, В. В. Лопатин, Л. К. Чельцова; под ред. В. В. Лопатина. М.: Дрофа, 2006. С. 67–82.

Иванова О. Е. О современном правописании наречий и наречных сочетаний // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. С. 99–143.

Каверина В. В. Проблема правописания наречий: орфография или грамматика? // Лингвистика и школа–IV. К 90-летию со дня рождения Михаила Викторовича Панова (1920–2001) / Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Л. Б. Парубченко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 90–97.

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 240 с.

Калинин А. В. Разумно упростить орфографию // Русский язык в школе. 1963. № 2. С. 91–94.

Калякина О. Н. Процесс адвербиализации в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.

[Кузнецов С. А., ред.] Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

Лопатин В. В. Русская орфография: задачи корректировки / В. В. Лопатин. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку / Российская академия наук. ИРЯ им. В. В. Виноградова. М.: «Издательский центр «Азбуковник»», 2007. С. 688–705. (Первая публикация: Новый мир. 2001, № 5).

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. (XVIII–XX вв.) / АН СССР; Ин-т рус. яз.; отв. ред. акад. В. В. Виноградов. М.: Наука, Ленингр. отд-ие, 1965. 500 с.

Панов М. В. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии. М., 1964. С. 100–119.

Панов М. В. О дефисных написаниях // М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. 562 с. С. 554–558.

Панова Г. И., Городнянская П. А. Функционально-семантическая типология лексикализованных предложно-падежных сочетаний наречного характера // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Том 12, выпуск 2. Филология. С. 60–64.

Правила русской орфографии и пунктуации: утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. обр. СССР и М-вом просвещ. РСФСР. М.: Гос. учебно-пед. изд-во М-ва просвещ. РСФСР, 1956. 176 с.

Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. [Одобрено Орфографической комиссией РАН]. М.: Эксмо, 2006. 478 с.

Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Ок. 15 00 устойчивых сочетаний рус. яз. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Для работников печати. 4-е изд., испр. и доп. М., 1985. 336 с.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 12-е изд. М.: Айрис-пресс, 2018. 496 с. (воспроизведение издания 1994 г., с. 60)

Савёлова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Архангельск, 2009. 46 с.

Савёлова Л. А. Богат ли сленг наречиями? // Русский язык в школе. 2012. № 3. С. 69–75.

Сазонова И. К. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» в издательстве «Советская энциклопедия» // Русский язык в школе. 1964. № 6. С. 51. [Цит. по: Арутюнова 2015: 63].

Селезнева Л. Б. Современное русское письмо. Категории и единицы. Учебное пособие для вузов. Изд. 2-е, испр. М., 2004. 223 с.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1985.

Ушаков М. В. Методика правописания / Пособие для учителей средней школы. Издание третье, переработанное. М.-Л., 1947. 167 с.

Харченко С. Ю. Правописание наречий (проблема совершенствования орфографической нормы): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 22 с.

Шанский Н. М. Правописание наречий // Вопросы русской орфографии. М., 1964. С. 43–50.

Шапиро А. Б. Русское правописание. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 200 с.; 2-е изд., перераб., 1961. 248 с.

Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983. 134 с.

O. E. ivanova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
olliva95@yandex.ru

TO THE SPELLING DESCRIPTION OF ADVERBS AND SIMILAR COMBINATIONS ON THE BASIS OF THE MODERN USUAL NORM

For most adverbs and adverbial combinations, the tradition of writing has been long established. Therefore, the codification of the common spelling norm of the adverbial lexicon is justified. The strict morphological approach, initially laid as the basis for the rules, is recognized as ineffective when choosing a spelling for words formed from combinations of nouns with prepositions. The grammatical status of many units whose spelling presents a problem is sometimes difficult to determine. In this regard, a combined description was undertaken, on the one hand of merged and separately written adverbs and, on the other, prepositional-case forms of nouns, primarily those that act as equivalents of adverbs. This approach is in line with the academic tradition, derived from the *Правила 1956*, and is oriented to the communication.

The exclusion from the spelling rules of the known methods of determining the merged written adverbs that do not meet the requirements for spelling rules is substantiated, namely: 1) uncommonness of the nominal part after separating the prefix, 2) the impossibility of inserting a word between the prefix and the root without changing the meaning, and 3) statement of the case question. Analyzed lexical material was considered from the point of view of the possibility to describe in terms of algorithms, which are formulated on the basis of explicit formal criteria (morphemes, finals, initial parts) and / or easily defined semantic criteria (meaning components). We managed to identify 16 such rules. In the appendix are placed the so-called dictionary words with individual spelling rules (there are about 500 of them).

Keywords: adverbs, prepositional-case forms of nouns, spelling norm, spelling rule, spelling rule criteria, merged and separately written adverbs, dictionary words.

References

Arutyunova E. V. *Reformy russkoi orfografii i punktuatsii v sovetskoe vremya i postsovetskii period: lingvisticheskie i sotsial'nye aspekty.* Diss. ... kand. filol. nauk [Reforms of Russian spelling and punctuation during the Soviet era and the post-Soviet period: linguistic and social aspects. Ph.D. in Philology sciences diss.]. Moscow, 2015. 184 p.

Arutyunyan A. S. *Narechiya otsubstantivnogo obrazovaniya (ot imen sushchestvitel'nykh v forme vinitel'nogo padezha s predlogami) v sovremennom russkom yazyke.* Avtoref. diss. … kand. filol. nauk [Substantive adverbs (from nouns in the form of the accusative case with prepositions) in modern Russian. Abstract of Ph.D. in Philology sciences diss.]. Alma-Ata, 1968. 26 p.

Avanesov R. I. [Notes on the theory of Russian spelling]. *Vostochnoslavyanskoe i obshchee yazykoznanie* [East Slavic and General Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 220–229. (In Russ.)

Babajceva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [The phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language]. Moscow, 2000. 638 p.

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Letters *o* and *ё* after sibilants: codification criteria and modern edition of the rule (from the materials of the academic description of Russian spelling)]. *Russkii yazyk v shkole.* 2021, v. 82, № 1, pp. 92–103. DOI: 10.30515/0131–6141–2021–82–1-92–103. (In Russ.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Russkoe pis'mo v pravilakh s kommentariyami* [Russian writing in the rules with comments]. Moscow, Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2011. 360 p.

Bulanin L. L. *Trudnye voprosy morfologii. Posobie dlya uchitelei* [Difficult problems of morphology. Teacher's guide]. Moscow, 1976. 208 p.

Demidova A. K. *Obrazovanie narechii iz predlozhno-imennykh sochetanii (iz sochetanii imen sushchestvitel'nykh s predlogami «bez» i «na») v sovremennom russkom yazyke.* Avtoref. diss. … kand. filol. nauk [Formation of adverbs from prepositional-nominal combinations (from combinations of nouns with prepositions "без" and "на") in modern Russian. Abstract of Ph.D. in Philology sciences diss.]. Moscow, 1960. 18 p.

Drugoveiko S. V. [Spelling reform as a mirror of the Russian intelligentsia] *Pis'mennaya kommunikatsiya i foneticheskii stroi yazyka / Pamyati prof. V. F. Ivanovoi.* [Written communication and phonetic structure of language. In memory of prof. V. F. Ivanova]. St. Petersburg, 2003, pp. 58–79. (In Russ.)

Dymskii A. S. [The main criteria for delimiting prepositional-case word forms from adverbs (based on dictionaries and works of the 18th — 20th centuries)]. *Voprosy grammaticheskogo stroya russkogo yazyka* [Questions of the grammatical structure of the Russian language]. Khabarovsk, 1977, pp. 83–118. (In Russ.)

Ermakova O. P. [On some general issues of word formation of adverbs]. *Razvitie slovoobrazovaniya sovremennogo russkogo yazyka* [Development of word formation of the modern Russian language]. Moscow, 1966, pp. 45–54. (In Russ.)

Golev N. D. *Antinomii russkoi orfografii* [Antinomies of Russian spelling]. Barnaul, 1997. 145 p. Available at: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v55.html (accessed 20.04.2021)

Gorodnyanskaya P. A. *Mnogoaspektnyi analiz leksikalizovannykh predlozhno-padezhnykh slovoform adverbial'nogo kharaktera v russkom yazyke.* Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Multidimensional analysis of lexicalized prepositional-case word forms of adverbial character in Russian. Abstract of Ph.D. in Philology sciences diss.]. Abakan, 2013. 19 p.

Ivanova O. E. [Adverbs]. *Russkoe pravopisanie segodnya: O «Pravilakh russkoi orfografii i punktuatsii»* [Russian Spelling Today: On the "Rules of Russian Spelling and Punctuation"] S. N. Borunova, N. S. Valgina, N. A. Es'kova, O. E. Ivanova, S. M. Kuz'mina, V. V. Lopatin, L. K. Chel'tsova; pod red. V. V. Lopatina. Moscow, Drofa Publ., 2006, pp. 67–82. (In Russ.)

Ivanova O. E. [About modern spelling of adverbs and adverbial combinations]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriya i praktika. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova / Pod red. V. V. Lopatina* [Linguistic foundations of codification of Russian spelling: theory and practice. Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov's Institute of the Russian Language / Ed. by V. V. Lopatin. Moscow, Publishing Center "Azbukovnik", 2009, pp. 99–143. (In Russ.)

Ivanova O. E. [Spelling stability and "the enhanced custom of merging two words into one"]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vypusk 11* [Proceedings of the V. V. Vinogradov's Institute of the Russian Language. Issue II]. Moscow, 2014, pp. 282–293. (In Russ.)

Ivanova O. E. [Dance *до упаду*, and work *без устали* (on the distinction between an adverb and a noun with a preposition)]. *Russkaya rech'*, 2008, № 3, pp. 53–58. (In Russ.)

Kaidalova A. I., Kalinina I. K. *Sovremennaya russkaya orfografiya: Ucheb. posobie dlya vuzov po spets. «Zhurnalistika»* [Contemporary Russian spelling. Textbook for universities with a degree in Journalism]. 4th ed., Rev. and add. Moscow, 1983. 240 p.

Kalinin A. V. [Reasonably simplify spelling]. *Russkii yazyk v shkole.* 1963, № 2, pp. 91–94. (In Russ.)

Kalyakina O. N. *Protsess adverbializatsii v sovremennom russkom yazyke.* Avtoref. diss. … kand. filol. nauk. [The process of adverbialization in the modern Russian language. Abstract of Ph.D. in Philology sciences diss.]. Moscow, 2007. 19 p.

Kaverina V. V. [Adverb Spelling Problem: Spelling or Grammar?]. *Lingvistika i shkola–IV. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Viktorovicha Panova (1920–2001). Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / pod red. L. B. Parubchenko* [Linguistics and School — IV. On the 90th anniversary of the birth of Mikhail Viktorovich Panov (1920–2001)]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Ed. by L. B. Parubchenko. Barnaul: Altai University Press, 2011, pp. 90–97. (In Russ.)

Kharchenko S. Yu. *Pravopisanie narechii (problema sovershenstvovaniya orfograficheskoi normy).* Avtoref. diss. … kand. filol. nauk. [Spelling of adverbs (the problem of improving the spelling norm). Abstract of Ph.D. in Philology sciences diss.]. Volgograd, 2001. 22 p.

[Kuznetsov S. A., ed.] *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, 1998.

Lopatin V. V. [Russian spelling: correction tasks]. V. V. Lopatin. *Mnogogrannoe russkoe slovo: Izbrannye stat'i po russkomu yazyku* / *Rossiiskaya akademiya nauk. IRYa im. V. V. Vinogradova* [The multifaceted Russian word: Selected articles on the Russian language]. Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov's Institute of the Russian Language. Moscow, Publishing Center "Azbukovnik", 2007, pp. 688–705. (Pervaja publikacija: *Novyj mir*. 2001, no. 5). (In Russ.)

Obzor predlozhenii po usovershenstvovaniyu russkoi orfografii (XVIII–XX vv.) [Review of proposals for improving Russian spelling (The XVIII — XX centuries)] *AN SSSR; In-t rus. yaz.; otv. red. akad. V. V. Vinogradov.* Moscow, Nauka Publ., Leningrad department, 1965. 500 p

Panov M. V. [On merged and separate spellings]. *Voprosy russkoi orfografii* [Problems of Russian spelling]. Moscow, 1964, pp.100–119. (In Russ.)

Panov M. V. [About hyphenated spellings] M. V. Panov. Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku [Works on General Linguistics and Russian Language.]. V. 1. Moscow, 2004, pp. 554–558. (In Russ.)

Panova G. I., Gorodnyanskaya P. A. [Functional-semantic typology of lexicalized prepositional-case combinations of an adverbial character]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya.* 2013. Volume 12, issue 2. Philology, pp. 60–64. (In Russ.)

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Russian spelling and punctuation rules]. Approved by Acad. Sciences of the USSR: Gos. uchebno-ped. izd-vo M-va prosveshch. RSFSR, 1956. 176 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [The rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Handbook]. Odobreno Orfograficheskoi komissiei RAN. Ed. by V. V. Lopatin. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 478 p.

Rogozhnikova R. P. *Tolkovyi slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to a word]. Moscow, OOO «Izdatel'stvo Astrel'» Publ., OOO «Izdatel'stvo AST» Publ., 2003. (In Russ.)

Rosenthal D. E. *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoi pravke* [Handbook of spelling and literary editing] 4th ed., Rev. and add. Moscow, 1985. 336 p.

Rosenthal D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po russkomu yazyku: pravopisanie, proiznoshenie, literaturnoe redaktirovanie* [Reference book on the Russian language: spelling, pronunciation, literary editing]. 12th ed. Moscow, Iris-press Publ., 2018. 496 p.

Savelova L. A. [Is slang rich in adverbs?]. *Russkii yazyk v shkole,* 2012, no. 3, pp. 69–75. (In Russ.)

Savelova L. A. *Semantika i pragmatika russkogo narechiya.* Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. [Semantics and pragmatics of the Russian adverbs. Abstract of Dr. philol. diss.]. Arkhangel'sk, 2009. 46 p.

Sazonova I. K. [Discussion of "Proposals for the improvement of Russian spelling" in the publishing house "Soviet Encyclopedia"]. *Russkii yazyk v shkole*, 1964, no. 6, p. 51. [Quoted. by: Arutyunova 2015: 63]. (In Russ.)

Selezneva L. B. *Sovremennoe russkoe pis'mo. Kategorii i edinitsy. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Modern Russian writing. Categories and units]. Ed. 2nd, rev. Moscow, 2004. 223 p.

Shanskii N. M. [Spelling of adverbs]. *Voprosy russkoi orfografii* [Problems of Russian spelling]. Moscow, 1964, pp. 43–50. (In Russ.)

Shapiro A. B. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. 2nd ed., Revised. Moscow, Publishing house of Acad. sciences of the USSR, 1961. 248 p.

Shcherba L. V. *Teoriya russkogo pis'ma* [The theory of Russian writing]. Leningrad, 1983. 134 p.

Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]. V. 1–2. Moscow, 1985.

Ushakov M. V. *Metodika pravopisaniya. Posobie dlya uchitelei srednei shkoly* [Spelling Technique. Handbook for High School Teachers]. Third edition, revised. Moscow-Leningrad, 1947. 167 p.

Valgina N. S., Svetlysheva V. N. *Orfografiya i punktuatsiya. Spravochnik* [Spelling and punctuation. Reference book]. Moscow, 1993. 336 p.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Theory of the Word)]. 2nd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова
Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)
dilyin@volsu.ru, eg_sidorova@volsu.ru

НОРМЫ ОРФОГРАФИИ КАК КОМПОНЕНТ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ*

В статье рассматриваются вопросы реализации действующих орфографических норм при осуществлении топонимической политики, проводимой как на уровне отдельного региона, так и в целом в масштабах страны. Материалом исследования послужили «Государственный каталог географических названий», «Общегородской перечень наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград», «Адресный реестр Волгограда и Волгоградской области». Особое внимание с точки зрения системы письма и с позиции языкового сознания носителя языка уделяется правописанию сложных и составных географических собственных имен в аспекте слитного, дефисного или раздельного оформления топонима, а также при выборе прописной или строчной буквы. Анализ языкового материала свидетельствует о стабильности фиксации ойконимов и большей степени непоследовательности при орфографическом оформлении онимов, номинирующих линейные топографические объекты, расположенные внутри населенных пунктов разного типа.

Ключевые слова: топоним, ойконим, годоним, топонимическое пространство, топонимическая политика, орфографическая норма.

Ономастические работы последнего времени нацелены на исследование структурирования представлений о ландшафтном пространстве территории, оказывающее влияние на топонимическую политику. Запросы социума, которые могут претерпевать изменения в зависимости от многих факторов, и действия органов власти в аспекте топонимической номинации требуют отклика в целях успешного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00217 «Лингвистические коды объектов искусственной номинации в топонимической политике региона: проблемы, противоречия и векторы развития».

позиционирования городского пространства. В свете сказанного важная роль отводится топонимам, являющимся своеобразными маркерами локуса.

Особое внимание при этом уделяется изучению ойконимов, под которыми понимается «собственное имя любого поселения» [Подольская 1988: 89], и годонимов, которые интерпретируются как «название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская 1988: 52]. Названные разряды проприативной лексики являются отражением культурных представлений жителей той или иной местности, их устоев, обычаев и верований, трансформацией ценностных стереотипов и приоритетов социума, информацией о его исторических, идеологических и эстетических вкусах и пристрастиях.

Объектом нашего исследования являются ойконимы и годонимы Волгограда. Источником материала послужили «Государственный каталог географических названий» (далее ГКГН), «Общегородской перечень наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград» (далее Перечень) и «Адресный реестр Волгограда и Волгоградской области» (далее АРВО).

Действующий в настоящее время Федеральный закон «О наименованиях географических объектов», определяющий основы государственной топонимической политики, содержит прямое указание на необходимость соответствия написания наименования географического объекта правилам русской орфографии, а в случаях подобного несоответствия предписывает их переименование (см. ст. 7). Между тем закрепившиеся орфографически непоследовательные написания онимов по-прежнему можно встретить практически в любом регионе страны. Так, в городе Дубовке Волгоградской области существуют улицы, написание которых различается лишь употреблением Ё в одном из вариантов — *улица Березовая* и *улица Берёзовая*, а в селе Верхняя Добринка Жирновского района Волгоградской области и в хуторе Нижнегнутов Чернышковского района имеются переулки с названием *Песчанный*, прямо противоречащим орфографической норме употребления Н - НН в слове. Безусловно, подобные «орфографические недоразумения» редки. Гораздо более очевидны орфографические трудности при написании сложных и составных географических имен собственных, специальные рекомендации по написанию которых были выделены в отдельный раздел лишь в «Полном академическом справочнике» (далее ПАС), впервые опубликованном в 2006 г.

Рассмотрим подробнее с точки зрения системы письма и с точки зрения языкового сознания носителя языка критерии, лежащие в основе последней на сегодняшней день редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» (далее «Правила…»), представленной в ПАС 2019 г.

Наименьшие трудности у пишущих возникают при применении правил, основывающихся на формальном критерии, когда слитное, дефисное или раздельное оформление географического наименования обусловлено наличием в его составе конкретного элемента. Так, рекомендовано слитно писать «названия со вторыми частями *-город, -град, -дар, -бург*» [ПАС 2019: 114] и «названия с первыми частями

Старо-, Верхне-, Нижне-, Средне-, Ближне-, Дальне-, а также *Бело-, Красно-, Черно-* и т. п.» [ПАС 2019: 115]. Стабильность слитного написания топонимов с компонентами *-город, -град, -дар, -бург* объясняется легкостью применения правила для пишущего любого уровня компетенции. АРВО содержит единичные примеры подобных онимов (*город Волгоград, село Райгород*), и их написание не противоречит этой рекомендации.

Написание же топонимов с первыми частями *Старо-, Верхне-, Нижне-, Средне-, Ближне-, Дальне-, Бело-, Красно-, Черно-* и т. п., служащих для наименований населенных пунктов и линейных топографических объектов, находящихся на их территории, не всегда соответствует рекомендации ПАС. Значительная часть подобных топонимов на территории Волгоградской области закрепилась в слитном написании, например: *станица Староаннинская, хутор Староречен-ский, улица Староладожская, улица Старорусская; село Верхнепогромное, хутор Верхнегнутов, улица Верхнебалканская, улица Верхнеднепровская; хутор Нижне-гнутов, хутор Нижнеяблочный, улица Нижнедонская, переулок Нижнеамурский; хутор Среднепокровский, хутор Среднецарицынский, улица Среднехуторская; хутор Ближнемельничный, хутор Ближнеосиновский; хутор Дальнестепной, улица Дальневосточная; поселок Белореченский, село Белокаменка, улица Белоглинская; город Краснослободск, поселок Краснофлотский, улица Красноволжская, улица Красноуфимская; село Чернозубовка, хутор Чернополянский, улица Черноморская, улица Черноярская.* Показательно, что ойконимы Волгоградской области с указанными первыми компонентами полностью соответствую орфографической норме, а среди годонимов отмечены единичные случаи дефисного оформления, например: *улица Верхне-телефонная,* а также впоследствии переименованные *улицы Верхне-Донская* и *Нижне-Добринская*. Между тем анализ ойконимов, зафиксированных в ГКГН, свидетельствует о частотности дефисных написаний подобных онимов, например: *село Старо-Пластиково* (Рязанская обл.), *деревня Верхне-Калинина* (Иркутская обл.), *поселок Нижне-Кубенский* (Вологодская обл.), *село Средне-Воскресенское* (Воронежская обл.), *поселок Ближне-Песочное* (Нижегородская обл.), *село Бело-Безводное* (Республика Татарстан), *деревня Красно-Никольское* (Смоленская обл.). Такое неустойчивое с орфографической точки зрения положение может быть следствием перекодификации. В «Правилах…» 1956 г. «названия населенных пунктов с первой частью *Ново-, Старо-, Верхне-, Нижне-* и т. п.» рекомендовалось писать через дефис, «кроме тех, слитное написание которых закрепилось в справочных изданиях, на географических картах и т. п.» [Правила 1956: 39]. Последовательно в слитном варианте в настоящее время зафиксированы лишь топонимы с первой частью *Черно-*, например: *Чернобаева* (Рязанская обл.)*, Черно-березовка* (Амурская обл.), *Чернолагутинский* (Волгоградская обл.) и др.

На основании того же формального критерия сформулировано правило о дефисном написании «названий с первыми частями *Верх-, Соль-, Усть-*, напр.: *Верх-Ирмень, Соль-Илецк, Усть-Илимск, Усть-Каменогорск* (но: *Сольвычегодск*)» [ПАС 2019: 116]. Топонимическое пространство Волгоградской области не содержит наименований с первыми частями *Верх-* и *Соль-,* имеются лишь единицы

с компонентом *Усть-*. Простота применения этого правила способствовала стабильному написанию топонимов с указанной первой частью, например: *станицы Усть-Бузулукская* и *Усть-Хоперская, села Усть-Грязнуха* и *Усть-Погожье, улица Усть-Бузулукская, переулок Усть-Каменногорский.*

Существенно осложняют выбор пишущим орфографического оформления географического имени собственного Примечания, в которых, с одной стороны, как бы вводится элемент формального критерия (первая часть *Ново-, Северо-, Южно-, Юго-*), а с другой — отсутствует необходимая для орфографического правила императивность. Авторы ПАС только констатируют, что подобные названия «пишутся неединообразно: одни из них по традиции принято писать (в том числе на картах и в документах) слитно, другие — через дефис, напр.: *Северодвинск, Североморск, Северодонецк, Северобайкальск, Южноуральск;* но: *Южно-Курильск, Южно-Сахалинск, Северо-Курильск, Северо-Задонск; Южно-Сухокумск, Южно-Енисейский, Юго-Камский* (поселки)»; «*Новомосковск, Нововязники,* но: *Ново-Переделкино, Ново-Косино, Ново-Огарёво»* [ПАС 2019: 115]. Следствием закрепленной вариантности можно считать большое количество идентичных топонимов, зафиксированных ГКГН в разном написании. Ср.: *Новоалександровка* (Саратовская обл.) — *Ново-Александровка* (Смоленская обл.), *Новоалександрово* (Владимирская обл.) — *Ново-Александрово* (Рязанская обл.), *Новоархангельское* (Тамбовская обл.) — *Ново-Архангельское* (Томская обл.), *Новотроицк* (Омская обл.) — *Ново-Троицк* (Республика Алтай), *Новотроицкое* (Московская обл.) — *Ново-Троицкое* (Смоленская обл.). Топонимическое пространство Волгоградской области не содержит ойконимов с первыми частями *Северо-, Южно-, Юго-,* а географические имена с *Ново-* последовательно закреплены в слитном написании, например: *село Новоалексеевка, город Новоаннинский, поселок Новоберезовский, хутор Новоалександровский.* Годонимы же представлены не столь последовательно с точки зрения их орфографического оформления, ср.: *улицы Северокавказская, Североозерная, Североосетинская, Североуральская — Северо-Крымская; Южноуральская — Южно-Сибирская, Южно-Украинская; Новопреображенская, Новоремесленная, Новосокольническая, Нововознесенская — Ново-Вознесенская*.

На основе семантического критерия сформулировано правило, закрепляющее дефисное написание «названий, состоящих из двух частей, представляющих собой: а) сочетание двух названий, напр.: *Ильинское-Хованское, Спасское-Лутовиново, Орехово-Зуево, мыс Сердце-Камень, Садовая-Спасская улица*» [ПАС 2019: 115]. Это правило лингвистически обосновано соединительной функцией дефиса в системе русского письма, доступно в применении для носителей языка разного уровня компетенций и во многих случаях не противоречит зафиксированным в ГКГН дефисным написаниям подобных онимов: *Глебово-Никольское* (Московская обл.), *Волосово-Дудино* (Калужская обл.), *Иваницкое-Троицкое* (Липецкая обл.), *Камыши-Хвощи* (Пензенская обл.), *Коржовка-Голубовка* (Брянская обл.), *Греково-Степановка* (Ростовская обл.) и т. п. Тем не менее некоторые из подобных по структуре топонимов закреплены ГКГН орфографически непоследовательно даже в пределах одного региона. Ср.: *Покров-Валы — Покров Полянка* (Нижегородская обл.),

Дор-Луконино и *Дор Павлов* (Ярославская обл.), *Слободка-Ивановка — Слободка Корочка* (Курская обл.) и др.

В топонимическом пространстве Волгоградской области число подобных номинаций невелико, и все они последовательно закреплены в дефисном написании: *Алимов-Любимовский, Белужино-Колдаиров, Желтухино-Ширяйский, Рюмино-Красноярский, Труд-Рассвет.* Обращает на себя внимание тот факт, что наименования, образованные из двух самостоятельных названий, не характерны для годонимов. Единственный отмеченный пример *улица Центральная-Общежитие*, по нашему мнению, неудачен, поскольку структурно совпадает с весьма продуктивной моделью словосочетания «прилаг. + сущ.», требующей согласования компонентов не только в числе и падеже, но и в роде. Закрепившееся же наименование в устной речи воспринимается как нарушение грамматической нормы, что может рассматриваться в качестве аргумента к переименованию улицы.

Морфологический критерий, предполагающий орфографическое оформление топонимов в зависимости от частеречной принадлежности производящих компонентов, также обычно не вызывает сложностей у пишущих. На основании данного критерия построено правило о дефисном написании «названий, представляющих собой сочетание существительного с последующим прилагательным» [ПАС 2019: 115]. Анализ топонимических единиц Волгоградской области показал последовательное закрепление данного норматива, например: *хутора Буерак-Поповский, Буерак-Сенюткин, Ильмень-Суворовский, Рог-Измайловский, улица Каменец-Подольская*.

Словообразовательный критерий, предусматривающий установление пишущим наличия в структуре топонима определенного словообразовательного элемента, лежит в основе правила о дефисном написании «названий с соединительной гласной *о* или *е* и второй частью, пишущейся с прописной буквы, напр.: *Николо-Березовка, Троице-Сергиева лавра, Троице-Лыково, Архипо-Осиповка, Анжеро-Судженск»* [ПАС 2019: 115]. Установление наличия соединительной гласной *о* или *е* для носителей языка особых сложностей не составляет, однако решение о маркированности второго компонента онима прописной буквой вряд ли может быть принято автоматически. Анализ топонимического пространства Волгоградской области показал, что сложные топонимы, имеющие соединительную гласную, закрепляются как в дефисном, так и в слитном варианте, например: *хутор Арчедино-Чернушинский — село Горноводяное, хутор Горско-Поповский — хутор Каменночерновский, хутор Русско-Осиновский — село Серпокрылово, село Студено-Яблоновка — село Стрельноширокое, улица Горно-Алтайская — улица Горно-зеленая — улица Горнополянская, улица Рязано-Уральская — улица Шпалозаводская, переулок Серафимо-Дивеевский — улица Лесомелиоративная, улица Мало-Саратовская — улица Малоярославецкая.* Данное правило представляется не вполне релевантным для носителя языка, поскольку у него нет четкой мотивации по использованию прописной буквы во второй части топонима. Иными словами, вопрос, почему последний компонент онимов *Русско-Осиновский, Горско-Поповский, Солдатско-Степное* необходимо маркировать прописной буквой, а следовательно, и писать через

дефис все название, а последний компонент онимов *Горноводяное, Каменночерновский, Стрельноширокое* писать со строчной буквы, а следовательно, и слитно все название, остается открытым. Более того, в топонимическом пространстве Волгоградской области зафиксированы дефисные написания достаточно частотного годонима, второй компонент которого непоследовательно маркируется прописной буквой: *улица Рабоче-Крестьянская* имеется в городах Волгограде, Волжском и Краснослободске, а *Рабоче-крестьянская* — в Михайловке и Урюпинске, а также в поселках Маяк Октября, Новониколаевский и хуторе Грачи. Выбор прописной / строчной буквы для компонентов исследуемых нами онимов представляется далеко не очевидной задачей для пишущих. Рассмотрим существующие рекомендации, касающиеся употребления прописной буквы в географических названиях.

В «Правилах…» 1956 г. употребление прописной буквы в географических именах собственных не выделено в качестве отдельной части, а дается в более общем разделе «Прописные буквы», что, по нашему мнению, адекватно отражает логику научного исследования: материал представлен в направлении от общего понимания (маркированность слов прописной буквой) к частному — прописная буква в топонимах. В то же время полагаем, что применение нормативов, изложенных в «Правилах…», к исследуемому языковому материалу — ойконимическим и годонимическим наименованиям — может вызвать затруднение у пишущего по нескольким основаниям.

Прежде всего отметим, что в «Правилах…» отсутствует единое лингвистическое основание нормируемого материала, поскольку критерии определения правильного написания не связаны между собой: во-первых, собственно денотативный, согласно которому «пишутся с прописной буквы индивидуальные названия астрономических и географических объектов» [Правила 1956: 56], а во-вторых, денотативно-стилистический, в соответствии с которым «образные названия географических объектов… пишутся с прописной буквы» [Правила 1956: 57].

В представленных правилах орфографии задействованы категории неоднопорядковых терминологических систем. В частности, в формулировке правила «если эти названия [астрономические и географические. — *Д. И., Е. С.*] составлены из двух или нескольких слов, то с прописной буквы пишутся все слова, кроме служебных слов и родовых названий» [Правила 1956: 56] находим следующие термины: «индивидуальное название географического объекта», «родовое понятие», «имя собственное», «собственное наименование», — статус которых остается неопределенным, поскольку наблюдается пересечение лингвистической категории (индивидуальное название географического объекта) и логической (родовое понятие), которая не получает при этом языкового содержания. В связи с этим закономерно возникают вопросы: что понимается под индивидуальным названием? Синонимичен ли приведенный в «Правилах…» термин другому — «имя собственное»? Тождественны или нет понятия «индивидуальное название» и «географическое имя собственное»? Что входит в структуру того и иного названия? К сожалению, в «Правилах…» мы не находим ответов на эти вопросы. Кроме того, с достаточной четкостью не охарактеризована роль в географическом названии служебных слов:

входят ли они в состав индивидуального названия, представляющего собой номинацию географического объекта, или являются для имени собственного вспомогательным грамматическим компонентом? Вследствие названных причин представляется затруднительным четко определить компонентный состав географического собственного имени, а следовательно, и однозначно использовать в практике письма предлагаемый в «Правилах…» норматив.

Наконец, в «Правилах…» 1956 г. отсутствуют формулировки о написании географических имен собственных с числительными типа *хутор Подковский 1-й, поселок Лесхоз 5-й, поселок Восьмое М/марта, улица 21 П/партсъезда* или *поселок Восемьдесят П/первый К/километр, хутор Пятый Р/разъезд, поселок Третий Р/решающий, проезд Второй Б/базовый*, географических названий населенных пунктов при организациях, например, *поселок Букановское З/заготзерно, поселок С/совхоза «АМО»*, составных проприативов, в составе которых имеются географические термины, например: *село Дубовый О/овраг, село Каменный Б/брод, хутор Лебяжья П/поляна, улица Р/река Пионерка, улица П/поселок Стройдеталь*.

В ПАС норматив правописания географических названий находит отражение в разделе «Правила употребления прописных и строчных букв», что, безусловно, способствует упорядоченному и логичному представлению материала.

ПАС во многом повторяет формулировку «Правил…» 1956 г.: в § 169 утверждается, что «в географических и административно-территориальных названиях — названиях… населенных пунктов, улиц и т. п. — с прописной буквы пишутся все слова, кроме родовых понятий, служебных слов, а также слов *года, лет*» [ПАС 2019: 150]. Подобная формулировка норматива в совокупности с приведенным иллюстративным материалом, на первый взгляд, не должна вызывать сомнений у пишущего в использовании прописной буквы для всех компонентов имени собственного. Наименования населенных пунктов Волгоградской области, зафиксированные в ГКГН, действительно демонстрируют последовательное маркирование всех компонентов ойконимов (кроме служебных слов, а также слов *года, лет*) прописной буквой, например: *город Петров Вал, рабочий поселок Новый Рогачик, поселок Сады Придонья, село Луговая Пролейка, поселок Восьмое Марта, поселок Вторая Пятилетка, поселок Красные Зори, поселок Белые Пруды, село Прямая Балка, хутор Большая Донщинка.* Совершенно иначе обстоит дело при фиксации годонимов в АРВО и Перечне. Анализ соответствующих онимов показывает значительную неупорядоченность при написании подобных составных наименований. Наряду с нормативными вариантами (*улица Малая Садовая, площадь Павших Борцов, улица Овраг Беленький, улица Лесная Поляна, улица Дубовая Балка, улица Восточная Гора, улица Героев Малой Земли, улица 33-х Героев, улица Сад Мичурина, улица Волжской Военной Флотилии, проспект им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова*) широко представлены годонимы, в которых прописной буквой маркируется только первый компонент (*улица Тунгусский овраг, улица Капустная балка, улица Малая кольцевая, улица Военный городок, площадь Сталинградской победы, улица Полоса отчуждения, улица Колхозная площадь, улица 26 Бакинских комиссаров, улица Первой пятилетки, улица Первой конной*

армии, улица Конный двор). Еще более частотны варианты, в которых, напротив, прописной буквой маркируется только последний компонент, представляющий собой антропоним (*улица им. полковника Батюка, улица им. братьев Игнатовых, переулок генерала Апанасенко, улица им. милиционера Буханцева, улица им. старшего лейтенанта Токарева, улица им. гвардии полковника Добрушина, улица им. академика Комарова, улица им. композитора Прокофьева*), несмотря на то что такое оформление противоречит не только приведенному выше общему правилу, но и Примечанию 4, в соответствии с которым «названия титулов, званий, профессий, должностей и т. п. в составе географических названий пишутся с прописной буквы, напр.: *Земля Королевы Шарлотты* (острова), *остров Принца Уэльского, мыс Капитана Джеральда, улица Зодчего Росси, проспект Маршала Жукова*» [ПАС 2019: 151].

Среди ойконимов существует такая модель, рекомендации по употреблению в которой прописной буквы не нашли отражения ни в «Правилах…» 1956 г., ни в ПАС. Это так называемые отэргономические ойконимы, которые включают в свой состав *квазитопонимы*, т. е. «топонимы, образованные от наименований промышленных и хозяйственных предприятий и учреждений» [Дамбуев 2019: 38]. До сих пор подобные многокомпонентные наименования фиксируются в официальных источниках крайне непоследовательно. Ср.: *поселок отделение № 1 совхоза «Роднички»* (Волгоградская обл.) — *село Центральная усадьба совхоза «Николаевский»* (Волгоградская обл.), *посёлок торфопредприятия «Большое»* (Владимирская обл.) — *деревня Елховское лесничество* (Владимирская обл.), *посёлок отделения № 3 совхоза «Степной»* (Волгоградская обл.) — *поселок Паньшинский плодопитомник* (Волгоградская обл.), *посёлок Дом отдыха «40 Лет Октября»* (Волгоградская обл.) — *посёлок дома отдыха «Горки»* (Московская обл.), *посёлок совхоза Красная Дубрава* (Липецкая обл.) — *посёлок совхоза «Останкино»* (Московская обл.), *посёлок станции Костино* (Московская обл.) — *посёлок Станция Малоархангельск* (Орловская обл.), *посёлок дачного хозяйства «Архангельское»* (Московская обл.) — *посёлок Покровский Спиртзавод* (Орловская обл.), *посёлок фабрики Первое Мая* (Московская обл.). Написание подобных топонимов осложняет выбор для пишущего: сохранять написание родовых слов в топониме-ориентире со строчной буквы или изменять его на прописную букву в соответствии с приобретенной функцией имени собственного в составе нового географического названия? Этот пробел восполнен в правилах, одобренных Орфографической комиссией РАН 2 февраля 2020 года: в ойконимах, «включающих в свой состав наименования организаций, при которых эти населенные пункты были созданы (станции, заводы, санатории, лесничества и пр.), с прописной буквы пишется первое или единственное слово наименования организации… а также собственные имена внутри наименования» [Арутюнова, Бешенкова, Иванова 2021: 33–34]. Данной рекомендации соответствуют зафиксированные в ГКГН названия *поселок Валуевской опытно-мелиоративной станции, поселок Дом отдыха «40 лет Октября»*. В то же время обращает на себя внимание и тот факт, что наряду с выбором прописной/строчной

буквы проявляется проблема, связанная с необходимостью заключения в кавычки названий хозяйствующих субъектов.

Таким образом, в свете реализации топонимической политики проблема соответствия написаний географических объектов орфографическим правилам остается актуальной. Особого внимания со стороны кодификаторов нормы требуют правила написания сложных и составных ойконимов и годонимов. Замечено, что правила о слитном, дефисном и раздельном оформлении онимов, опирающиеся на формальный и морфологический критерии обычно не вызывают трудностей у носителя языка, в то время как нормативы, в основу которых положены семантический и словообразовательный критерии, представляются затруднительными в связи с отсутствием мотивации, в том числе по использованию прописной буквы во второй части географического имени собственного.

Литература

Арутюнова Е.В., Бешенкова Е.В., Иванова О.Е. Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. №1. С. 21–41. DOI: 10.31857/S241377150014006–9

Государственный каталог географических названий [Электронный ресурс] URL:https://rosreestr.ru/site/activity/geodeziya-i-kartografiya/naimenovaniya-geograficheskikh-obektov/gosudarstvennyy-katalog-geograficheskikh-nazvaniy/naimenovaniya-geograficheskikh-obektov-na-territorii-rossiyskoy-federatsii/

Дамбуев И.А. Прописная и строчная буквы в многокомпонентных топонимах // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. науч. конф. / Васильев В.Л. (сост. и ред.). Великий Новгород: ООО «ТПК «Печатный двор». 2019. С. 38–42.

Картографический информационно-справочный сайт Волгограда «Адресный реестр Волгограда и Волгоградской области» [Электронный ресурс] URL: http://www.volgainfo.ru/Streets/address.aspx

Общегородской перечень наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград [Электронный ресурс] URL: http://www.3444077191-Streets.csv.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. М. : Учпедгиз, 1956. 176 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. 432 с.

Федеральный закон от 18.12.1997 г. №152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру : информ.-правовой портал [Электронный ресурс] URL:http://base.garant.ru/12106462/

D. Yu. Ilyin, E. G. Sidorova
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)
dilyin@volsu.ru, eg_sidorova@volsu.ru

SPELLING NORMS AS A COMPONENT OF A TOPONIMIC POLICY

The article deals with the implementation of the current spelling norms in the implementation of toponymic policy, carried out both at the level of a particular region, and in general throughout the country. The research material was the "State catalog of geographical names", "City-wide list of names of elements of the street and road network and elements of the planning structure of the urban district, Hero City Volgograd", "Address register of Volgograd and the Volgograd region". From the point of view of the writing system and from the point of view of the linguistic consciousness of a native speaker, special attention is paid to the spelling of complex and compound geographic proper names in the aspect of continuous, hyphenated or separate toponym design, as well as when choosing an uppercase or lowercase letter. The analysis of the linguistic material indicates the stability of the fixation of oikonyms and a greater degree of inconsistency in the spelling of onyms nominating linear topographic objects located within settlements of different types.

Key words: toponym, oikonym, godonym, toponymic space, toponymic policy, spelling norm.

References

Arutyunova E. V., Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Linguistic foundations of modern spelling of toponyms (to the theory of spelling rule)] // *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2021, vol. 80, no. 1, pp. 21–41. (In Russ.)

Gosudarstvennyi katalog geograficheskikh nazvanii [State catalog of geographical names] Available at: https://rosreestr.ru/site/activity/geodeziya-i-kartografiya/naimenovaniya-geograficheskikh-obektov/gosudarstvennyy-katalog-geograficheskikh-nazvaniy/naimenovaniya-geograficheskikh-obektov-na-territorii-rossiyskoy-federatsii/

Dambuev I. A. [Uppercase and lowercase letters in multicomponent toponyms]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. [Onomastic of the Volga region: materials of the XVII International scientific conference] Velikii Novgorod, 2019. Pp. 38–42. (In Russ.)

Kartograficheskii informatsionno-spravochnyi sait Volgograda «Adresnyi reestr Volgograda i Volgogradskoi oblasti» [Cartographic information and reference site of Volgograd «Address register of Volgograd and the Volgograd region»]. Available at: http://www.volgainfo.ru/Streets/address.aspx

Obshchegorodskoi perechen' naimenovanii elementov ulichno-dorozhnoi seti i elementov planirovochnoi struktury gorodskogo okruga gorod-geroi Volgograd [City-wide

list of names of elements of the road network and elements of the planning structure of the urban district Hero City Volgograd]. Available at: http://www.3444077191-Streets.csv.

Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Second ed. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Russian spelling and punctuation rules]. Moscow, 1956. 176 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Russian spelling and punctuation rules. Complete Academic Handbook]. V. V. Lopatin (ed.). Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2019. 432 p.

Federal'nyi zakon ot 18.12.1997 g. № 152-FZ «O naimenovaniyakh geograficheskikh ob"ektov» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal Law of 18.12.1997 No. 152 «On the names of geographical objects» (as amended and supplemented)]. Available at: http://base.garant.ru/12106462/

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

О. С. Крюкова[1], М. Б. Раренко[2]
[1] МГУ имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
florin2002@yandex.ru
[2] Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН
(Россия, Москва)
rarenco@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДВОЙНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

В статье рассматривается проблема написания двойных согласных в заимствованных словах в современном русском языке как часть комплексной проблемы адаптации заимствованных слов. Двойные согласные, или контактное написание двух одинаковых согласных букв, в корне слов в целом не характерны для исконной лексики русского языка, тем не менее консонантное удвоение достаточно распространено как в давних, так и в новых заимствованиях. Данная проблема представляется актуальной в связи с ее нерешенностью как в теоретическом, так и в практическом плане. Заимствования в настоящее время носят спорадический характер, и часто заимствованная в русский язык единица содержит столько удвоенных согласных, сколько у слова-оригинала, несмотря на то, что языковеды предостерегают от написания заимствованных с одиночной или двойной согласной лишь на основании сопоставления заимствованного слова с лексемой языка-оригинала. Предлагается различать случаи употребления двойных согласных с опорой на «орфографическую оболочку» слова в языке-источнике и случаи употребления двойных согласных, отражающих реальное произношение слова в языке-доноре, а также унифицировать написания двойных согласных в новых заимствованных словах, оставив традиционные написания уже давно освоенных заимствований.

Ключевые слова: заимствованная лексика, орфографическая адаптация, двойные согласные, орфографическая норма, неологизмы.

Онтология слова в языке после заимствования из того или иного языка включает комплексный процесс освоения: графического, орфографического, морфологического, лексического. К проблемам графического освоения заимствованных слов в русском языке относится прежде всего выбор между латиницей и кириллицей:

на начальной стадии освоения заимствованного слова латинские написания преобладают, затем допускаются колебания в выборе графического облика слова и, наконец, слово пишется только кириллицей. Орфографическое освоение заимствованных слов связано с передачей двойных, или удвоенных, согласных; слитным, раздельным или дефисным написанием; выбором между буквами э и е после согласных; написанием отдельных буквосочетаний. Затронутая проблема представляется актуальной в связи с ее нерешенностью как в теоретическом, так и в практическом плане. Необходимость изучения процессов адаптации иноязычной лексики, по мнению Е. А. Зюзиной, обусловлена также тем, что «иноязычные неологизмы отличаются от других категорий слов наличием большого числа вариантов» [Зюзина 2017: 77].

Двойные согласные, или контактное написание двух одинаковых согласных букв в корнях слов, в целом не характерны для исконной лексики русского языка. Большинство слов, в корнях которых встречаются двойные согласные, были заимствованы в разные периоды истории развития языка из самых разных языков, и тем не менее, их в современном русском языке насчитывается довольно большое количество, поскольку в других языках, например немецком, французском, английском, удвоение согласных встречается часто. Исследователи [Нечаева 2013; Суперанская 2014; Турко 2015; Зюзина 2017; Каверина 2017] признают написание заимствованных слов с консонантным удвоением одним из сложных в русской орфографии. «В отношении к словам, заимствованным из чужих языков в новейшее время, главный вопрос касается удвоения согласных», — подчеркивал Я. К. Грот еще в 1873 г. [Грот 1873: 112]. «Написание удвоенных согласных неоднократно обсуждалось на Орфографической комиссии у В. В. Виноградова», — отмечает А. В. Суперанская [Суперанская 2014: 129].

Написание двойных согласных в заимствованных словах регулируется «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956), которые в дальнейшем были уточнены и дополнены. Согласно этим правилам «написание двойных согласных в иноязычных словах определяется в словарном порядке» [Правила 1956: 32].

Несмотря на общие рекомендации, правила не содержат четких инструкций для определения написания двойных согласных при заимствовании иностранных слов русским языком на современном этапе, в связи с чем в правописании заимствованных слов, имеющих в языке-доноре двойные согласные, нередко наблюдаются варианты, отмеченные словарями русского языка. К имеющим в настоящее время вариативные написания, зафиксированные в «Самом новейшем толковом словаре русского языка XXI века» (sic!) [Шагалова 2012], относят, например, следующие лексические единицы: *бипер* (вариант *биппер*), *даунхилл (даунхил), код-грабер (код-граббер), легинсы (леггинсы), мидлы (миддлы), офшор (оффшор), сокер (соккер), шредер (шреддер)* и др. Отметим, что чаще всего заимствование происходит в том случае, если в языке-реципиенте отсутствует единица, обозначающаяся какой-либо предмет или явление, или же когда по каким-то причинам имеющееся слово воспринимается носителями языка (или определенной группой) как неподходящее (устаревшее, сложное для произношения, имеющее дополнительные

значения, слишком сложное или длинное и пр.). В современном быстро глобализирующемся мире, где контакты между языками носят стремительный характер, а словотворчество становится приметой времени, иноязычные слова часто заимствуются по мере необходимости в той же форме, в какой они существуют в изначальном языке, подвергаясь транслитерации на кириллицу, в случае заимствования из языков, использующих латиницу. Заимствования в настоящее время носят спорадический характер, и часто заимствованная русским языком единица содержит столько удвоенных согласных, сколько у слова-оригинала, несмотря на то, что языковеды предостерегают от написания заимствованных с одиночной или двойной согласной лишь на основании сопоставления заимствованного слова с лексемой языка-оригинала.

Иногда двойная согласная может выполнять смыслоразличительную функцию, подобную той, которую выполняет ударение в парах *зАмок — замОк, хлОпок — хлопОк, крУжки — кружкИ* и пр., о — ё в паре *ожОг — ожЁг* и т. д. В «Иллюстрированном толковом словаре иностранных слов» [Крысин 2008] зафиксированы две лексические единицы, различие между написаниями которых заключается в том, что одна из них содержит двойную согласную *б*, а другая — нет: *каббала — кабала* (ударение в обоих словах падает на последний слог). В этом случае двойная согласная в написании может рассматриваться как имеющая смыслоразличительное значение, поскольку слово, имеющее в своем составе двойную согласную *каббала* (от др.-евр. kabbālah), имеет значение «В иудаизме в эпоху Средневековья: учение, считающее, что основу всех вещей составляют цифры и буквы еврейского алфавита, а основу исцеляющих средств — амулеты и формулы» [Крысин 2008: 301], а лексическая единица с одной согласной *б — кабала* (от ср. лат. caballa из араб. kabal) — имеет два значения: первое с пометой историческое, второе с пометой переносное. Первое значение слова *кабала* в словаре представлено следующим образом: «В Древней и средневековой Руси: одна из форм феодальной эксплуатации — договор или письменное долговое обязательство, ставящее работника в личную или имущественную зависимость от заимодавца, а также сама такая зависимость», а второе: «Полная, почти рабская зависимость» [Крысин 2008: 301].

Еще больший интерес вызывает статья словаря, в которой представлены два варианта написания существительного *каббалистика* (вариант написания — *кабалистика*, в обоих словах ударным является третий слог), пришедшего в русский язык через немецкий (нем. Kabbalistik), у которого также фиксируются два значения: «Каббала и связанные с нею магические представления или обряды», «Нечто непонятное, запутанное или загадочное» [Крысин 2008: 301], при этом прилагательное, образованное от данного существительного, фиксируется в словаре в единственном написании — с одиночной "б": *кабалистический* — «характеризующийся кабалистикой (в 1-м и 2-м знач.)» [Крысин 2008: 301].

Пар, подобных паре *каббала — кабала,* в современном русском языке не так много. Можно в качестве примера привести еще пару *балл — бал*: *балл* — «единица измерения степени и силы некоторых природных явлений (ветра, землетрясения

и т. п.)», «цифровая оценка чего-л.» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 57] и *бал* — «большой праздничный вечер с танцами» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 56]. В паре *кол — колл (колл-центр)*[1] *кол* — «короткий шест, заостренный с одного конца» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 438], *колл* — первая часть составного существительного, представляющая собой заимствование по принципу транслитерации из английского языка (англ. call звонить, звонок).

Анализ лексики, зафиксированной в словарях иностранных слов, в частности в «Иллюстрированном толковом словаре иностранных слов» Л. П. Крысина (2008), показывает, что в настоящее время в русском языке нет однозначных правил, которые бы регулировали написание двойных и одиночных согласных в заимствованных словах. Многие лексические единицы, имеющие в языках-донорах двойные согласные, избавились от них после заимствования в русский язык. Примерами «избавления» от двойных согласных в процессе ассимиляции могут служить следующие: *бизнес* (англ. business), *десерт* (фр. dessert), *канонада* (фр. cannonade), *оферта* (лат. offertus ‘предложенный’), *официальный* (лат. officialis), *офицер* (нем. Offizier), *интервал* (нем. Intervall), *дрель* (нем. Drell), *дуэлянт* (нем. Duellant), *вокзал* (англ. Vauxhall), *газета* (ит. gazzetta), *галеты* (фр. galetta), *гастроли* (нем. Gastrolle), *гризли* (англ. grizzly), *грифель* (нем. Griffel), *грифон* (фр. griffon), *грот* («подземелье») (фр. grotte), *багет* (фр. baguette), *бакалавр* (лат. baccalaureus), *бакалея* (тюрк. bakkal), *банкет* (фр. banquette), *банкрот* (нем. Bankrott), *баратрия* (англ. barratry), *барьер* (фр. barriere), *баскетбол* (англ. basketball), *каньонинг* (англ. canyonning), *капут* (нем. kaputt gehen), *капуцин* (ит. cappuccino), *карета* (ит. carreta), *конфета* (ит. confetto), *курьер* (фр. courrier), *ангел* (греч. aggelos) и др.

В то же самое время наблюдаются многочисленные примеры, когда двойные согласные при заимствовании в русский язык сохраняются: *аллея* (фр. allée), *аллитерация* (фр. allitération), *аппарат* (нем. Apparat), *аттестация* (лат. attestatio), *ватт* (англ. Watt), *грамматика* (гр. grammatikē), *грипп* (фр. grippe), *иллюзия* (лат. illusio), *каннибал* (фр. cannibale), *капелла* (ср.-лат. capella), *коллегия* (лат. collegium), *коррекция* (лат. correctio), *миссия* (лат. missio), *пресса* (фр. presse), *раввин* (др.-евр. rabbî), *суббота* (др.-евр. šabbāth), *труппа* (нем. Truppe), *эксцесс* (лат. excessus) и др.

В редких (единичных) случаях, как, например, в слове *гарига* (вариант написания *гаррига*) (фр. garigue), при заимствовании в русский язык у заимствованного слова «прирастает» двойная согласная, которой не было в языке-доноре.

Довольно часто определить язык-источник заимствования, особенно если слово является интернациональным, представляется затруднительным, и составители словарей в качестве слова-источника указывают несколько возможных, как, например, в следующих случаях: *иррациональный* (нем. irrational, фр. irrationnel), *аккредитив* (нем. Akkreditiv, фр. accréditif), *акцентуация* (фр. accentuation, нем. Akzentuation), *акциз* (фр. accise, нем. Akzise). В ряде случаев в написании

[1] В настоящее время наблюдаются варианты написания: кол-центр и колл-центр.

слов-доноров могут встречаться как двойные, так и одиночные согласные, например: *группа* (нем. Gruppe, ит. gruppo, фр. groupe, англ. group), *купол* (нем. Kuppel, фр. coupole).

Довольно часто современным русским языком заимствуются английские процессуальные (отглагольные) существительные с так называемым инговым окончанием: *шоппинг (шопинг), фишинг, митинг, букинг, райтинг, клининг, джоггинг (джогинг),* в написании которых встречаются двойные согласные. Обращает на себя внимание тот факт, что не всегда согласная перед инговым окончанием удваивается в исходном языке (языке-доноре), соответственно, при заимствовании русским языком наличие двойной согласной обусловлено отчасти ее наличием или отсутствием в исходном языке.

Для английского языка наблюдается удвоение согласных на стыке морфем (корневой и суффиксальной), как, например, в словах *shopping, running, swimming, skipping, jogging, getting, sitting,* в отличие от слов *jumping, fishing, checking, printing,* с одной стороны, *reading, keeping, eating, cleaning, cooking, booking, meeting* и *waiting, skating, writing, making, taking*, с другой. В то же самое время следует признать, что в процессе ассимиляции заимствованной лексики на написание двойной / одиночной согласной внутренние процессы русского языка также оказывают свое влияние.

Рассмотрим подробнее эти четыре группы английских слов. В первой группе представлены отглагольные существительные, образованные от глаголов с корневой краткой гласной в закрытом слоге: *shopping, running, swimming, skipping, jogging, getting, sitting*. Согласно правилам чтения в английском языке, произношение гласных в ударных слогах зависит от слога: открыт он или закрыт. В однокоренных словах отмечается тенденция к сохранению звучания корневой гласной, поэтому при прибавлении к корню ингового окончания для сохранения закрытого слога на конце согласная подлежит удвоению. Во второй группе слов (*jumping, fishing, checking, printing)* наблюдается несколько иная картина: корневой слог также краткий, изначально закрыт двумя согласными, поэтому при прибавлении к нему ингового окончания этот слог остается закрытым, и редупликации согласных не требуется. Третья и четвертая группы отглагольных существительных представлены лексическими единицами, корневая гласная в которых представляет собой долгий монофтонг *(reading, keeping, eating, cleaning, cooking, booking, meeting)* и дифтонг (*waiting, skating, writing, making, taking)*, поэтому при прибавлении ингового окончания к корню удвоения конечной согласной не происходит. Поскольку в русском языке качество слога не зависит от закрытости или открытости последнего, то сохранение двойных согласных в заимствованных словах не несет на себе никакой смысловой нагрузки.

Более того, сегодня в русском языке, как и в других языках, наблюдается устойчивая тенденция в сторону упрощения орфографии. В связи с этой тенденцией, возможно, было бы разумным отказаться от использования двойных согласных при новых заимствованиях на *-инг* из английского в русский язык, сохранив при этом традиционное написания заимствованных ранее единиц.

Рассмотрим проблемы графического и орфографического освоения заимствованных слов на примере слова *оф(ф)лайн*. Слово *оффлайн* зафиксировано Национальным корпусом в 2015 г., с удвоенной согласной: *«Ключевым преимуществом нашей* ***оффлайн*** *системы ДБО является то, что клиент получает такой же полный функционал, как и в онлайн-версии системы "Интернет Банк-Клиент"»* [Андрей Возмилов. Дистанционные каналы банковского обслуживания для корпоративных клиентов // «Эксперт», 2015]. В том же 2015 г. Национальный корпус фиксирует отсутствие удвоенной согласной в этом слове: *«Риски любого* ***оф-лайн****-магазина – это стоки, на которых он теряет деньги»* [Лина Калянина, Вера Кузьмина. «Мы привязаны к человеку и его потребностям» // «Эксперт», 2015]. В двух приведенных примерах есть также различия в раздельном в первом случае и в дефисном написании. С распространением дистанционного обучения и переходом многих людей на удаленную работу частотность этого слова значительно возросла. В слове *оф(ф)лайн* двойная согласная находится на морфемном стыке, поскольку иноязычный корень без труда вычленяется при помощи антонима этого слова — *онлайн*, которое также имеет особенности в написании (латиницей, кириллицей, через дефис и пр.).

Аналогичные колебания в правописании двойной согласной были отмечены в слове *оф(ф)шор*, причем В. В. Лопатин предложил писать это слово с одним *ф*, так как другие заимствованные из английского языка слова с приставкой *off-* давно пишутся с одной ф: *офис, офсет, офсайд* [Лопатин 2007: 78].

В качестве орфографической рекомендации группе заимствованных слов А. В. Суперанской предлагается «отмена удвоенных написаний (за исключением сложных и производных слов с ярким морфологическим швом типа *контр-рельс, омметр*), поскольку реально в русском языке согласные произносятся как долгие лишь в интервокальном положении после ударного слога гласного, но в этой позиции удвоение в произношении почти не чувствуется» [Зюзина 2017: 78]. В работах, посвященных передаче удвоенных согласных [Гловинская 1976, Калакуцкая 1965] и определивших сильные и слабые позиции двойных согласных, высказаны преимущественно рекомендации упрощения соответствующих сочетаний согласных.

Разумеется, опора на фонетическую систему русского языка продуктивна и логична, но к этому можно добавить следующее соображение. Представляется, что следует различать случаи с опорой на «орфографическую оболочку» слова в языке-источнике и случаи употребления двойных согласных, отражающих реальное произношение слова в языке-доноре. Новая редакция «Правил русской орфографии и пунктуации» могла бы установить единое правило написания двойных согласных в заимствованных неологизмах (отказ от двойных согласных в словах, заимствованных в XXI веке), оставив традиционные написания уже давно освоенных заимствований. Степень новизны и «возраст» слова в данном случае можно определить по словарным источникам. Разумеется, наша точка зрения отражает лишь один из подходов к решению проблемы консонантных удвоений и не претендует на единственно возможную.

Литература

Большой толковый словарь русского языка. СПб. : НОРИНТ, 2000.

Гловинская М. Я. Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. М. : Наука, 1976.

Грот Я. К. Правописание заимствованных иноязычных слов // Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1873. С. 110–120.

Зюзина Е. А. О правописании заимствований конца XX века в русском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 32. Вып. 3. С. 77–85.

Каверина В. В. Основные тенденции употребления консонантных удвоений в заимствованных словах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 13. С. 435–443.

Калакуцкая Л. П. Орфографическая передача долгих гласных в заимствованных именах собственных // Орфография собственных имен. М. : Наука, 1965.

Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2008. 864 с.

Лопатин В. В. Орфография и структура слова: к проблеме удвоенных согласных на стыке морфем // Современное русское языкознание и лингводидактика: Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского. М., 2007. С. 77–79.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/new/ (дата обращения 04.05.2021)

Нечаева И. В. О «желательном единообразии» в правописании заимствований // От буквы к словарю. Сб. научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота. Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2013. С. 245–250.

Правила русской орфографии и пунктуации. М. : Учпедгиз, 1956. 176 с.

Суперанская А. В. Яков Карлович Грот и современность // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2. С. 125–133.

Турко У. И. Написания с удвоенными согласными в заимствованных словах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 8(50): в 3х ч. Ч. II. С. 192–194.

Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь XXI века: ок. 1500 слов. М. : АСТ; Астрель, 2012. 766 с.

O. S. Kryukova
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
florin2002@yandex.ru
M. B. Rarenko
Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION)
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
rarenco@rambler.ru

ON SPELLING DEVELOPMENT OF BORROWINGS IN MODERN RUSSIAN: DOUBLE CONSONANTS

The article deals with the problem of writing double consonants in borrowed words in modern Russian as part of the complex problem of adapting borrowed words. Double consonants, or the contact spelling of two identical consonant letters, are generally not characteristic of the native vocabulary of the Russian language, however, consonant doubling is quite common in both old and new borrowings. The problem seems relevant due to the fact that it is unsolved both in theoretical and practical terms. Borrowings are currently sporadic, and often a unit borrowed into the Russian language contains as many doubled consonants as the original word, despite the fact that linguists warn against writing borrowed words with a single or double consonant only on the basis of comparing the borrowed word with the lexeme of the original language. It is proposed to distinguish between cases of using double consonants based on the "spelling shell" of the word in the source language and cases of using double consonants that reflect the real pronunciation of the word in the donor language, as well as to unify the rule of writing double consonants in new borrowed words, leaving the traditional spellings of long-mastered borrowings.

Key words: borrowed vocabulary, orthographic adaptation, double consonants, orthographic norm, neologisms.

References

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg : NORINT Publ., 2000.

Glovinskaya M. Ya. [Variaties in the pronunciation of the borrowed words in the modern Russian language] // *Sotsial'no-lingvisticheskie issledovaniya* [Socio-linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)

Grot Ya. K. [Spelling of borrowed foreign words] // Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* [Disputable issues of the Russian spelling from Peter the Great to the present]. St. Petersburg, 1873. Pp. 110–120. (In Russ.)

Zyuzina E. A. [On the spelling of the borrowings of the end of the XX century in the Russian language] // *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2.*

Gumanitarnye nauki. [Bulletin of the Dagestan State Univercity. Series 2. Humanities]. Makhachkala, 2017. Vol. 32. Rel. 3. Pp. 77–85. (In Russ.)

Kaverina V. V. [The main trends in the use of consonant doublings in borrowed words] // *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova.* [Proceedings of the V. V. Vinogradov's Institute of the Russian Language]. 2017. № 13. Pp. 435–443. (In Russ.)

Kalakutskaya L. P. [Orthographic transmission of long vowels in borrowed proper names] // *Orfografiya sobstvennykh imen* [Orthography of proper names]. Moscow, Nauka Publ., 1965. (In Russ.)

Krysin L. P. *Illyustrirovannyi tolkovyi slovar' inostrannykh slov* [Illustrated explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 864 p.

Lopatin V. V. [Orthography and word structure: on the problem of doubled consonants at the junction of morphemes] // *Sovremennoe russkoe yazykoznanie i lingvodidaktika: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAO N. M. Shanskogo* [Modern Russian Linguistics and linguodidactics: A collection of scientific papers dedicated to the 85th anniversary of the birth of Academician N. M. Shansky]. Moscow, 2007. Pp. 77–79. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian language] [Electronic resource]. URL: https://ruscorpora.ru/new/

Nechaeva I. V. [On the «desirable uniformity» in the spelling of borrowings] // *Ot bukvy k slovarju. Sb. nauchnyh statej k 200-letiju so dnja rozhdenija akademika Ja. K. Grota* [From Letter to Dictionary. A collection of scientific papers dedicated to the 200 anniversary of the birth of Academician Ja. K. Grot]. Institute for Linguistic Studies RAS. St. Petersburg, 2013. Pp. 245–250. (In Russ.)

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of Russian orthography and punctuation]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 176 p.

Superanskaja A. V. [Yakov Karlovich Grot and modernity] // *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova.* [Proceedings of the V. V. Vinogradov's Institute of the Russian Language]. 2014. № 2. Pp. 125–133. (In Russ.)

Turko U. I. [Spellings with doubled consonants in borrowed words] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2015. № 8 (50): v 3kh ch. Ch. II. Pp. 192–194. (In Russ.)

Shagalova E. N. *Samyi noveishii tolkovyi slovar' XXI veka: ok. 1500 slov* [The newest explanatory dictionary of the XXI century: about 1500 words]. Moscow, AST; Astrel' Publ., 2012. 766 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

А. С. Кулева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
an_kuleva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОРФОГРАФИИ

Названия растений (фитонимы) представляют собой особую группу лексики. Это слова разного происхождения, разной стилистической окраски, различающиеся функционированием в речи, однако объединенные денотатом. Традиционно они описывались в толковых словарях как подраздел специальной лексики, в толковании акцентировался естественнонаучный, энциклопедический компонент. Такой подход выводит за пределы тематической группы часть названий (устаревшие, областные, неоднозначные и др.), игнорирует объективно существующую стилистическую стратификацию. Кроме того, эта группа слов недостаточно пополняется новыми актуальными единицами. Наличие в словарях неактуальных единиц и отсутствие новых, в том числе употребительных, а также отсутствие системности в их описании приводит к тому, что в узусе накапливаются единицы, употребление которых не упорядочено или даже не кодифицировано. Наиболее важными проблемами можно назвать рост неоправданной вариативности, расхождения между авторитетными источниками (лингвистическими словарями и специальной ботанической литературой), непоследовательность функционирования фитонимов в узусе, размывание нормы. Наиболее заметно отсутствие системного подхода к этой лексической группе проявляется в сфере орфографии (ср. варианты названий в словарях: *акант — аканф*, *аза́лия — азале́я*; в узусе: *буддле́я* vs *бадлея*, *будлейя*, *асфоде́ль* vs *асфоделюс*, *асфоделус*, *же́стер* и *жо́стер* vs *жёстер*).

Ключевые слова: лексикография, Национальный корпус русского языка, орфография, словарь, фитонимы.

Названия растений, как это ни странно, остаются весьма сложным объектом для лексикографирования. Если сравнить данные основных толковых словарей — многотомных [СУ; БАС-1; МАС; БАС-3] и однотомных [ОШ; СШ] — можно обнаружить, что группа слов, называющих растения, со временем сокращается (так,

в СУ можно найти 580 таких единиц, в МАС — 620, в СШ — 390). Во многом это происходит из-за того, что в описании таких лексем преобладает энциклопедический компонент, действует тенденция рассматривать их как подраздел научной терминологии, таким образом, из словника от словаря к словарю исключаются единицы с неконкретным значением, народные названия, некоторые устаревшие номинации, единичные стилистически окрашенные единицы, а также некоторые варианты и синонимы; ср.: *горицвет*, *желтоцвет*, *желтофиоль*, *смородa* (*прост.*; ср. *смородина*), *греча*, *гонобобель*/*гоноболь* (ср. *голубика*).

Однако это нельзя признать оправданным. Исключаемые из словарей единицы встречаются в литературе, продолжают употребляться в узузе. Более того, в язык входят новые слова. В последние десятилетия резко возрос интерес к растительному миру в самых разных аспектах (можно назвать такие сферы, как: продукты питания, садоводство, туризм, экология и др.). В частности, это проявляется в появлении обширной литературы (научной, справочной и популярной), обилии разнообразных интернет-ресурсов и пр. К сожалению, очень часто новые актуальные названия растений, встречающиеся в этих источниках, функционируют в многообразных неустойчивых вариантах, что затрудняет получение информации. Одну из причин роста неоправданной вариативности можно увидеть в том, что такие единицы часто не кодифицированы в словарях.

Толковые словари, консервативные по своей природе, не могут включать совсем новых названий, но в них редко попадают даже устоявшиеся в языке единицы. Часть новых единиц фиксируется словарями иноязычных слов [Захаренко и др. 2008; Крысин 2010], но в наибольшей степени этот разряд слов представлен в орфографическом словаре, что вполне объяснимо и особенно важно.

1. Как отмечалось выше, к сожалению, в сложившейся словарной традиции накопились противоречия, препятствующие адекватному лексикографическому представлению названий растений. При сокращении этой группы слов в толковых словарях и недостаточном пополнении ее новыми единицами, в ней сохраняется сильная вариативность.

Прежде всего, одно и то же растение может называться разными словами (*анемона* / *ветреница*, *аквилегия* / *водосбор*, *календула* / *ноготки* и др.), одно и то же название может относиться к разным растениям (*астра*, *горицвет*, *желтоцвет*, *жасмин*, *мимоза* и др.). Но можно выделить несколько уровней вариативности собственно лексем:

— лексический (*конопля — конопель*, *лопух — лопушник*, *смородина — смородa*, *жасмин — ясмин*);

— грамматический (*анемон — анемона*, *георгин — георгина*, *чинар — чинара*);

— орфографический (*акант — аканф*, *валерьяна — валериана*);

— акцентологический и произносительный (*аи́р — а́ир*, *тёрн — терн*);

— комплексный (*аза́лия — азале́я*, *лилия — лиле́я*, *остропёстр* / *остропестро́*, *рого́з — рогоза́*; *георгин* / *георгина — далия*, *гонобобель* / *гоноболь — голубика*).

В самом широком смысле все эти варианты попадают в сферу орфографии.

В словарях варианты могут даваться в одной словарной статье (т. е. признаваться вариантами, ср.: *гонобобель* и *гоноболь* [МАС]); иногда один из вариантов специфицируется с помощью постановки пометы (ср.: *аза́лия* и (*спец.*) *азале́я* [СШ]), но чаще в более поздних словарях редкие варианты просто исключаются. С другой стороны, некоторые неупотребительные варианты, в силу лексикографической традиции, кочуют из словаря в словарь (ср.: *аканф*, *азале́я*). Некоторые вновь вводимые единицы тоже даются с вариантами, и не всегда оправданными (ср.: *базили́к* — *базили́ка* [РСС, I: 537]). Наличие вариантов само по себе не является недостатком системы. Оно становится существенной проблемой при отсутствии осмысления вариативности, стратификации вариантов, игнорировании связи между единицами, а главное — при отсутствии актуальной лингвистически обоснованной нормы для значительной части сравнительно компактной группы, которую составляют названия растений.

2. Все отмеченные проблемы значительно усложняются за пределами словарного жанра. Важной причиной непоследовательности в функционировании названий растений можно назвать междисциплинарный аспект. Сталкиваются разные сферы интересов и соответственно разные подходы, причем на границах этих сфер обнаруживаются не только конфликты интересов, но и существенные лакуны.

С одной стороны, кажется, что основной точкой зрения здесь должна стать позиция ученых-ботаников, систематиков. Но для них принципиально важна научная и терминологическая точность, согласно которой у растения должно быть строго одно истинное название, в роли которого выступает латинская номенклатура. Таким образом, русские названия растений не находятся в центре внимания биологических дисциплин, а объективно существующая вариативность игнорируется.

С другой стороны, растения и их названия являются частью наивной картины мира, которая во многом не совпадает с научной. Массовой сферой функционирования таких лексических единиц оказывается не столько научный дискурс, сколько повседневная речь. Но именно отсутствие необходимой нормализации в этой сфере приводит к коммуникативным неудачам. Возникает совершенно ошибочное наивное представление о том, что у растения существует единственно верное название, а все остальные варианты по определению ошибочны, что приводит к нетерпимости в публикациях, бессмысленным и часто агрессивным спорам в тематических сообществах и существенным лакунам в специальной литературе. Так, среди садоводов-любителей постоянно идут яростные споры о том, что они выращивают — *клубнику*, *землянику* (*садовую* / *ананасную* и т. п.) или *викторию*. В повседневной речи *жасмином* называется распространенный кустарник, который в специальной литературе обозначается исключительно как *чубушник* (тогда как *чай с жасмином* имеет отношение к совершенно другому растению).

Целый ряд трудностей можно обнаружить при системном сопоставлении «разнонаправленных» источников, среди которых:

1) лингвистические словари (орфографический, толковые, словари иноязычных слов и др.);

2) специальная ботаническая литература (конспекты флоры, атласы-определители растений и др.);

3) специальная и популярная литература о растениях (в частности, по садоводству);

4) популярные справочные источники (Википедия и др.);

5) корпусные данные (НКРЯ) и узус (тематические сайты, блоги и др.).

Как представляется, наиболее адекватным подходом к этой группе лексики призван стать лингвистический взгляд.

Отсутствие лингвистически обоснованной нормы значительно усложняет существующую ситуацию. Во-первых, многочисленные источники — научные, справочные, популярные (в том числе переводные) — во многом не согласуются между собой, что снижает их полезность. Во-вторых, отсутствие многих употребительных названий в словарях или противоречия между зафиксированной, но не всегда актуальной нормой и узусом отнюдь не поддерживает авторитет словарей у современного носителя языка. В-третьих, отсутствие нормы (или авторитетного источника нормы) приводит к тиражированию не самых оправданных вариантов и закреплению их в узусе. Кроме того, в отличие от других источников, именно лингвистические словари обязательно включают произносительную и грамматическую информацию, т. е. отсутствие в них востребованных лексических единиц приводит к появлению лакуны в этой области.

С этой точки зрения самой важной и острой проблемой оказывается орфографический аспект. Установление системных отношений и стратификация (хронологическая, стилистическая, функциональная) лексических вариантов может стать интересной задачей, но она должна базироваться на единообразной орфографической (и орфоэпической) норме.

3. Растения, безусловно, являются важной составляющей человеческой жизни, однако лишь небольшая часть используемых названий относится к исконной лексике — это базовые единицы: названия деревьев, культурных растений и пр. Значительную долю фитонимов составляют иноязычные единицы — пришедшие преимущественно из научной номенклатуры (т. е. из латинского и греческого языков), но также и из других источников. С точки зрения орфографических проблем это сближает рассматриваемый лексический слой с другими типами иноязычных единиц, правописанию которых посвящена, особенно в самые последние годы, обширная научная литература (анализ которой остается за пределами этой статьи). Однако приходится признать, что названия растений — это специфическая группа слов, до сих пор не получившая системного анализа и описания. Возрастание роли иноязычных названий растений можно соотнести, в частности, с изменением роли растений в жизни современного человека. Если изначально, действительно, растения были либо частью среды обитания, либо составляющей хозяйственной деятельности человека (пищевые, масличные, текстильные и др. культуры), то для современной урбанизированной постиндустриальной культуры стал иным состав пищевых культур, возросла роль декоративных растений, стали доступнее

и известнее растения других регионов и т. д. Таким образом, в активное употребление вошли названия овощей и фруктов (*брокколи*, *цукини*, *рукола*; *папайя*, *помело*, *маракуйя*), садовых и комнатных растений (*хоста*, *гейхера*, *драцена*, *непентес*), срезочных цветов (*гербера*, *фрезия*) и др.

Особый интерес представляют промежуточные группы слов: давно вошедшие в русский язык и зачастую не осознаваемые как заимствования (*свекла*, *ромашка*) или заимствованные как кальки (*водосбор* / *орлик*, ср. *аквилегия*), а также заимствованные через посредство другого языка (*авокадо*, *квебрахо*, *маракуйя*, *папайя*).

Существенно, что многие единицы, ставшие актуальными в самое последнее время, оперативно включаются в [РОС], ср.: «бро́кколи, *нескл*., *ж*.; поме́ло, *нескл*., *м*. и *с*. (*фрукт)*». Более того, по мере формирования узуса при необходимости корректируется словарная подача, ср.: «асти́льбе, *нескл*., *с*. и асти́льба, -ы; ру́кола, -ы [изменено, ср. РОС 2012: ру́ккола]» и др.

При сравнении данных РОС и популярной справочной литературы, посвященной растениям, находим многочисленные неустойчивые написания: *антирри́нум* [РОС] vs *антиринум*, *антириум* (Antirrhinum, традиционно — *львиный зев*); *будлéя* vs *бадлея*, *будлейя* (Buddleja); *гéйхера* vs *геухера*, *хеухера* (Heuchera); *дескурéния* vs *дескурайния* (Descurainia, *кружевница*); *обриéта* vs *аубриета* (Aubrieta); *форзи́ция* vs *форсайтия* (Forsythia) и др. При сопоставлении источников можно проследить своего рода становление нормы, ср.: *асфодéль* vs *асфоделюс*, *асфоделус*.

В тех случаях, когда единица еще не зафиксирована в РОС, отсутствие нормативного ориентира проявляется еще ярче: *абелиолистник*, *абелиофиллум*; *агремон*, *агремона*; *аметистея*, *аметистка*; *бродиея*, *бродиэя*; *газания*, *гацания*; *галинзога*, *галинсога* и др.

Интересно, что расхождения существуют и среди достаточно устоявшихся названий, причем даже в авторитетных источниках, ср. *бедренéц*, *бекмáния*, *васили́**стн**ик* [РОС] vs *Бéдренец*, *Бекмáнния*, *Васили́**сн**ик* [Маевский 2014].

4. Хотя соответствие между словарной кодификацией и функционированием в узусе трудно проследить однозначно, кажется, что даже опосредованная корреляция заслуживает внимания. Так, в последние годы стало популярным садовое растение *гейхера*. Само это название было зафиксировано раньше: *Гéйхера* (лат. Heuchera), причем в авторитетной специальной литературе, включая [БЭС, 6], ср. [Головкин и др. 1986: 161–162]. Однако в орфографическом словаре до недавнего времени слово отсутствовало, сейчас в [РОС]: «гéйхера, -ы». В популярной литературе по садоводству название *гейхера* употреблялось [Воронцов 2013] наряду с вариантами *геухера* и *хеухера* (ср. [Хессайон 2014] и flower.onego.ru). На данный момент при поиске в интернете эти варианты встречаются преимущественно на малоавторитетных вторичных сайтах, в НКРЯ они отсутствуют, ср. *гейхера* — 19 вхождений:

Мы не представляем себе сад без оранжевых и желтых пятен купальницы, красных гравилата, гейхеры, агристемы. изящных аквилегий, гайлярдий,

разнообразных ирисов, лилейников [Осенние заботы // «Работница», 1988]; *В последние годы появилось много изумительных по красоте, бесконечно различающихся по форме и цвету теневыносливых растений. Это хосты и клопогоны, гейхеры и папоротники, колокольчики и примулы* [В. Ильина. Не скучный сад // «Наука и жизнь», 2008].

Таким образом, название, ранее известное только специалистам, сейчас входит в узус в нормативном написании.

5. Хотя может сложиться впечатление, что основные сложности вызывает правописание иноязычных единиц, можно отметить, что зыбкость нормы возможна и среди исконных названий. Ср. название кустарника сем. крушиновых: «жéстер, -а и жóстер, -а» [РОС], в толковых словарях: ЖÓСТЕР ‘Иное название крушины’ [БАС-1] и ЖЕ́СТЕР, ЖÓСТЕР ‘Кустарник или небольшое дерево сем. крушиновых’ [БАС-3], но при этом в ботанической литературе — преимущественно *Жёстер* [Маевский 2014] (но *Жестер* в [Флора 2016]).

Как представляется, важными шагами к адекватному лексикографированию названий растений должны стать

— признание разнородности и многоаспектности этой лексической группы;

— анализ и стратификация существующих вариантов;

— выработка системных принципов кодификации однородных единиц;

— кодификация лингвистически оправданной нормы;

— выработка толкования, фиксирующего наивную картину мира, с добавлением необходимой энциклопедической (специальной) информации.

Так, в популярных садоводческих источниках нередко иноязычные единицы предпочитаются традиционным, даже хорошо известным и употребительным (*тагетес* vs *бархатцы*). Иногда в этом можно увидеть желание заменить более «престижным» вариантом название неблагозвучное или слишком обыденное (*цимицифуга* vs *клопогон*, *аюга* vs *живучка*), далеко не во всех случаях с этим можно согласиться. Бывают и более сложные случаи. Например, встречается *галантус* или *галянтус* вместо *подснежник*. В этом есть логика, поскольку *подснежником* могут назвать не только конкретное растение, но и любые другие самые ранние цветы, и не только белые (*пушкиния*), но и синие, лиловые и др. (*пролеска*, *прострел*, *печёночница*). Ср.: *Этот симпатичный уголок дополнили* ***подснежники, галантусы****, нарциссы, таким образом весеннее цветение стало разнообразным* [Наталия Шевырева. Разрешите пригласить! // «Сад своими руками», 2003.09.15].

Важно, что эта неоднозначность уже отражена в лексикографии: «1. Луковичное растений сем. амариллисовых, с белыми цветками, распускающимися сразу после таяния снега; 2. *Разг*. Название ряда травянистых растений, зацветающих сразу после таяния снега» [МАС]. Кодифицирован и специальный вариант: «гала́нтус, -а» [РОС], ср. *Гала́нтус*, *Подсне́жник*, *Galanthus* [Маевский 2014]. Однако в узусе встречается и *галянтус*, и на примере этого варианта хорошо видна

проблема системности, так характерная для названий растений. Во-первых, существует вариативность типа *ла*/*ля* (*лу*/*лю*) при передаче латинского *l*, ср. «аблати́в, -а и аблятúв, -а; абла́ут, -а и абля́ут, -а» [РОС]. Кажется, что в названиях растений вариант с *-ла-* предпочтительнее как более распространенный и современный (ср. в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона устаревший вариант: *Альхемилля* vs *Манжéтка* Alchemílla). В НКРЯ *галантус* — 10 вхождений, *галянтус* — 0. Во-вторых, в традиционной передаче конечное латинское *-us* обычно не сохраняется (*акант* Acanthus, *амарант* Amaranthus), однако это не распространяется на недавно русифицированные названия (*калакантус* Calacanthus, *мискантус* Miscanthus).

Если изменять уже кодифицированные названия нерационально, то выработать на их основе образец для вновь входящих в язык единиц было бы целесообразно (ср. *Гайлярдия* / *Гайлардия* / *Гайллардия* / *Гайардия* / *Гейллардия* Gaillardia).

Возможно, для решения всего комплекса накопившихся вопросов было бы перспективно составление толково-орфографического словаря названий растений.

Источники

БЭС — Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.

Головкин Б. Н., Китаева Л. А., Немченко Э. П. Декоративные растения СССР. М. : Мысль, 1986.

Хессайон Д. Г. Всё о хвойных и вечнозеленых растениях. М. : АСТ, 2014.

Маевский П. Ф. Флора средней полосы европейской части России. 11-е изд. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014.

Флора средней полосы России. Атлас-определитель / Киселева К. В., Майоров С. Р., Новиков В. С. / Под ред. проф. В. С. Новикова. М. : Фитон XXI, 2016.

Воронцов В. В. Садовые растения от А до Я. М. : Фитон XXI, 2013.

Литература

БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М., 1948–1965.

БАС-3 – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. СПб. : Наука, 2004–.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. Изд. 3-е. М. : Азбуковник, 2008. 1040 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2010. 939 с.

МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 10.05.2021).

ОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1998.

РОС – *Лопатин В. В., Иванова О. Е.* (ред.). Русский орфографический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://orfo.ruslang.ru/ (дата обращения 10.05.2021).

РСС – Русский семантический словарь / Под общ. ред. акад. Шведовой Н. Ю. Т. I. М. : Азбуковник, 2002.

СУ – Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Под. ред. Д. Н Ушакова. М., 1935–1940.

СШ – Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

A. S. Kuleva
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
an_kuleva@mail.ru

PLANT NAMES IN DICTIONARIES: ORTHOGRAPHY ISSUES

Plant names (phytonyms) constitute a special lexical group. Traditionally, they were described in explanatory dictionaries as a sub-section of special vocabulary, with an emphasis on the natural-science, encyclopedic component. This approach removes some of the names (obsolete, regional, ambiguous, etc.) from the thematic group, and ignores current stylistic stratification. Plant names group has to be sufficiently updated. The presence of irrelevant lexemes in dictionaries and the absence of new ones, as well as the lack of consistency in their description cause the lexical usage disorder. When variability grows and reliable sources differ, the norm is being destroyed. The lack of a systematic approach to this lexical group leads to orthography inconsistency; cf. variants in dictionaries: *акант — аканф* (Acanthus), *аза́лия — азале́я* (Azalea); cf. also: *буддле́я* vs *бадлея*, *будлейя* (Buddleja), *асфоде́ль* vs *асфоделюс*, *асфоделус* (Asphodelus), *же́стер* и *жо́стер* vs *жёстер* (Rhamnus).

Key words: dictionary, lexicography, orthography, phytonyms, Russian National Corpus

References

Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka [Large academic dictionary of the Russian language]. T. 1–. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004–.

Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 939 p.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (ed.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. Available at: http://orfo.ruslang.ru/ (accessed 10.05.2021).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed 10.05.2021).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998.

Russkii semanticheskii slovar' [Russian semantic dictionary]. Shvedova N. Yu. (ed.). Vol. I. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002.

Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozh- denii slov* [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 1–4. The 2nd edition. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1981–1984.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [A dictionary of modern standard Russian]. Vol. 1–17. Moscow, 1948–1965.

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, 1935–1940.

Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V. *Novyi slovar' inostrannykh slov* [New Dictionary of Foreign Words]. The 3rd edition. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1040 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Е. М. Лазуткина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lazutkelena@yandex.ru

ПРАВОПИСАНИЕ КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОФОРМЛЕННОСТЬ СЛОВА

В статье рассматриваются актуальные проблемы правописания с точки зрения современной функциональной лингвистики. Ее основным принципом является моделирование деятельности носителя языка, которая обусловлена интерпретативными процессами и коллективной языковой практикой.

Автор анализирует проблемы орфографии в аспекте действия языковой универсалии фразеологизации, которая является прагматическим механизмом языка, элементом категории выделения. К элементам категории выделения автор относит также иероглифические знаки — кавычки, курсив, прописную букву в именах собственных.

Автор показывает, что фразеологизация проявляет свое действие на уровне синтагматики морфем, формирует лексическое значение слова и определяет его парадигматические связи.

В статье рассматривается вопрос определения границы производного слова. Автор утверждает, что для правильного толкования значения производного слова необходим анализ структурно-семантических отношений его частей, поскольку словообразовательные форманты лишь намечают его возможную морфемную членимость. Автор определяет флексию как средство грамматической семантики, а не как формальную словоизменительную категорию.

Результатом фразеологизации являются смысловые единства, которые в качестве самостоятельных единиц участвуют в линейной организации высказывания. Лексемы, закрепившиеся в системе в результате лексико-синтаксического способа словообразования, демонстрируют низкую степень морфемного членения и высокую степень идиоматичности.

В статье большое внимание уделено проблеме слитного / раздельного написания слов с отрицательной частицей «не». Автор описывает слова с лексикализацией отрицания, производные слова, прошедшие процесс опрощения, анализирует значение лексических комплексов «отрицание + глагол» в конструкциях с ассертивным смыслом.

Ключевые слова: языковая норма, правописание, производные слова, фразеологизация морфем, лексическое значение, грамматическая форма.

Под правописанием понимается система правил написания слов (орфография) и пунктуация. Существующая система правил в русском языке XXI века — это результат исторических закономерностей развития языка, ценное наследие гуманитарной культуры предшествующих поколений.

I. Орфография как пространство смысла

1. Понятие нормы в орфографии

Орфография представляет собой систему особого уровня русского языка: это правила представления русской речи в письменной форме, предписание способа буквенной передачи звукового состава слов как в абсолютивном употреблении лексем, так и в их формах в связной речи. По заключению И. А. Бодуэна де Куртенэ, «в письменности отражается не только объективная фонетика, но тоже объективная морфология и объективная семасиология языка» [Бодуэн де Куртенэ 2019: 22].

Языковые нормы этого системного уровня носят название *правил правописания, формул.* Мы понимаем орфографические правила как объективно данную систему предписаний, которая является результатом сложного процесса кодификации, плод работы ученых, сознательного воздействия на речевую практику на протяжении многих веков. См.: «Роль кодификаторов в орфографии больше, чем в любой другой области, чаще они выступают и как нормализаторы» [Бешенкова, Иванова 2014: 123].

В отношении работы орфографов М. В. Панов употребляет такой термин, как «взгляд на орфографию», подчеркивает, что это понятие не совпадает с понятием принципа орфографической системы языка. Характер и состояние системы орфографии определяется теоретическим подходом ученых, их установкой: «В орфографии важнее всего культурно-исторический принцип» [В. В. Виноградов 1964: 17]; «Культурно-исторический взгляд на орфографию <…> похож на закон об охране архитектурных памятников» [Панов 2004в: 514]; «культурно-исторический подход к орфографии — это учет в каждом случае, не приведет ли правописное новшество к разрушению текстов, составляющих гордость нашей культуры — к разрушению их как целостности, смысловой и фонетической» [Там же: 520].

Данная теоретическая установка предполагает высокий уровень лингвистических знаний кодификаторов, особую ответственность составителей орфографических словарей и справочников, их способность противостоять квазинаучным позициям или ошибочным, хотя и широко распространенным мнениям, поскольку даже наличие большого количества заблуждений не может влиять на принятие решения по той или иной орфографической проблеме. В. З. Демьянков считает, что ученые не должны следовать расхожему мнению *все так говорят, все так пишут*: «***академические*** грамматики и словари по своему смыслу должны быть категоричными».

<…> Решая проблемы кодификации, авторы словарей должны вместе с констатацией нормы указывать мотивировку выбора правильного варианта. <…> Нормализаторы должны думать о том, какой прецедент они создают, вводя новую норму. Или (что гораздо болезненнее для самолюбия) совершать время от времени ритуал покаяния и отказа от легкомысленно принятых стандартов» [Демьянков 2008: 51–58].

2. О методе исследования

Для научного анализа многих актуальных вопросов правописания необходимо применение принципов современной функциональной лингвистики, которая ставит следующие теоретические задачи: «Вместо задачи описания языка задача построения объяснительной науки о языке, вместо процедур открытия речевых регулярностей моделирование деятельности носителя языка. <…> Принимается постулат о том, что языковая форма всегда, в конечном итоге, мотивируется смыслом, но эта мотивация может быть стерта, и надо искать исходное состояние, обращаясь к диахронии» [Алпатов 2018: 148–150].

Функциональная лингвистика предполагает когнитивно-прагматический подход к языковым фактам, при котором происходит описание языка в модальности субъекта речи: значимые единицы языковой системы, коммуникативные стереотипы языка, ориентированные на восприятие адресата, трактуются как способ видения коллективного субъекта, как интерпретативные структуры. Функция понимается нами как системное предназначение определенного элемента на разных уровнях его функционирования; см.: [Гак 1998: 180].

Черты функционального подхода мы находим уже в работах отечественных ученых XIX века так называемого психологического направления, которых В. З. Демьянков называет первыми функционалистами [Демьянков 2000: 55]. Высокую оценку этим исследованиям дает О. Н. Селиверстова, она считает справедливыми «прозрения лингвистов психологической школы конца XIX и начала XX веков о том, что концепты [значения языковых единиц] соответствуют не уровню восприятия, а сформировались на более высоком уровне обработки и переработки (переосмысления) получаемой извне информации» [Селиверстова 2002: 21–24].

Принципы функционализма прослеживаются уже в главах «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М. В. Ломоносов впервые при составлении правила написания слов (слитное / раздельное написание с предлогом) привлек морфологическую парадигму слова (*предместье, предместью* и т. д.), т. е. использовал характеристики его состава в связной речи. См. в «Российской грамматике» — в Наставлении первом, в Главе пятой, в 129-м параграфе: «<…> предлоги раздельные весьма легко распознать можно склонением от слитных, ибо слитные склоняются во всех падежах <…>. От глаголов предлоги никогда не отделяются: *отдаю*, *приношу*, а не *отъ даю*, *при ношу*» [Ломоносов 2011: 341]. Ср. близкое по смыслу указание ученого середины XX века: «Зачастую трудно разграничить приставочные и предложные единицы. Исходить надо из понятия слова, противопоставляя его понятию сочетания слов» [Панов 2004в: 531].

Н. В. Николенкова подчеркивает «грамматический принцип» в орфографических правилах «Российской грамматики» М. В. Ломоносова: «Правописание в понимании Ломоносова оказывается не только отражением понимания фонетического устройства русского языка, но и, что важнее, понимания грамматической его структуры» [Николенкова 2011: 217].

Исследование правописания, как и анализ значимых единиц разных уровней языка, имеющих определенную грамматическую оформленность, можно рассматривать в аспекте методологии новой теории гуманитарного знания, в которой используется триада понятий — «интерпретация», «репрезентация», «конвенция» [Микешина 2016: 85–94]. В языкознании параметр «конвенция» понимается как основное положение современной теории культуры речи, которое проявляется в действии законов ортологии.

Акцентирование роли диалоговой основы языка, личности говорящего и мира адресата в современной эпистемологии и психолингвистике свидетельствует об обогащении этих смежных наук идеями металингвистики М. М. Бахтина, постулатами функциональной лингвистики и отечественной теории речевой деятельности.

3. Границы слова

1) Лексическая и грамматическая оформленность производного слова

Письменная речь представляет собой формализацию смысла, и графический облик слова, его синтаксическая позиция и парадигматические связи обеспечивают его узнаваемость как смыслового фрагмента речи. Пробел в письменной фиксации речи не всегда значим для определения границы слова.

Бесспорны следующие признаки слова, описанные Ф. Ф. Фортунатовым в 1901 году: «Отдельным словом является такой комплекс звуков речи, который имеет в языке значение отдельно от других звуков и звуковых комплексов, являющихся словами, и который при этом не разлагается на два или несколько отдельных слов без изменения или без утраты значения хотя бы той или другой части звукового комплекса» [Фортунатов 2010: 112]. Т. В. Булыгина в своем определении делает акцент на отношении планов содержания и выражения: «Слово представляет сложную структуру, не элементарный знак, а сочетание элементарных знаков, т. е. комплексную знаковую единицу с означаемым, членимым на элементы, которые сами являются означаемым, и, соответственно, с означающим, членимым на элементы, которые сами являются означающими» [Булыгина 1977: 55]. В этом ключе и общее определение слова М. В. Панова: «Слово — это то, что грамматически оформлено, т. е. то, что имеет грамматическую форму... Грамматическая форма всегда связана с передачей определенного грамматического значения» [Панов 2004б: 58]. Морфологические характеристики слова М. В. Панов считает недостаточными для определения целостности слова; языковое поведение слова — его членимость, парадигматические связи, словообразовательные модели и синтагматические свойства — являются неотъемлемыми свойствами его номинативной

сущности, которую он связывает с «лексической законченностью» [Панов 2004б: 57–58]. М. В. Панов идет от грамматического оформления значения — к акцентированию такого качества слова, как смысловая неразложимость его состава: «Смысловое единство, части которого не составляют свободного сочетания» [Панов 2004б: 69].

2) Словообразовательная структура слова и его морфемная членимость

Соотношение частей производного слова является способом существования его значения, *внутренней формы* слова, т. е. образа значения [Потебня 1958: 66]. Правильное толкование слова невозможно без определения его морфемной членимости, поскольку словообразовательные форманты лишь намечают возможную интерпретацию значения лексемы. Ср.: «Всякое сложное по своему составу слово есть фразеологизм. <…> Слово как целое почти всегда значит больше, чем его части. Как сказано, это признак фразеологизма» [Панов 2004б: 68–69].

Постулат В. Н. Телии о том, что фразеологичность является универсальным свойством языка, открывает перспективу рассмотрения структурных отношений морфем в составе слова, изучения общих свойств грамматической формы как элемента в системе синтагматики и парадигматики. См.: «Идиомообразование — это процесс, в некотором смысле обратный “образованию” новых значений слов: он сходен с явлением опрощения, а не с лексической номинацией» [Телия 1977: 153]; «Специфика связанного значения неразрывно сопряжена не только с лексическим составом языка, но и с грамматическим его строем» [Телия 1981: 3].

Объясняя механизм образования фразеологизмов, В. В. Виноградов пишет о ведущей роли ключевых элементов в несвободных сочетаниях [Виноградов 1977: 137]. Семантика одного из компонентов словосочетания или высказывания оказывается в тени семантически главенствующего слова, в то время как этот компонент выполняет роль средства грамматического оформления.

При фразеологизации формируется смысловое единство, которому соответствует определенная грамматическая форма.

II. Флексия как средство грамматической семантики и лексической законченности слова

1. Флексия — значимая единица языковой системы

Топонимы *Брянщина, Владимирщина, Вологодчина, Полтавщина, Смоленщина, Детчина* (от словосочетания *Детская земля*) образуются непосредственно от прилагательных с суф. *-ск-*, а опосредствованно мотивированы существительными, представляющими собой географические или этнические наименования. Суффиксы *-щин(а) /-чин(а)* обусловливают появление в слове средства грамматической оформленности — флексии *-а* и квалификацию слова как существительного женского рода. В данном случае правильное написание топонима — это указание на грамматическое значение, которое имеет статус обязательности. Эти топонимы

находятся в одной парадигме, а «парадигма не противопоставляет, не разграничивает единицы языка, входящие в ее состав, а их отождествляет, функционально снимает различия» [Панов 2004а: 29].

Если слово с данным суффиксом не получает оформления как существительное женского рода, то это свидетельствует о нарушении грамматической нормы, об изменении морфемного состава этих слов. Ср. неправильное написание подобных наименований с флексией *-о* — *Сабуровщино, Детчино*, которое свидетельствует о потере внутренней формы топонима, материальным носителем которой является суффикс. К этому случаю уместно привести слова М. Холквиста: [Существует] «опасность полного *отрешения языка от материала*, т. е. формы выражения от выражаемого и выражающего» [Холквист 2002: 271].

Топоним с флексией *-о* соотносится с родовым словом “село, поселение” и, как приложение, входит в иной парадигматический ряд — в разряд наименований среднего рода с суффиксом *-ин(о)*, например: *Гущино, Пущино, Рощино*.

Сохранение в топонимах флексии *-а*, предсказанной суффиксом *-щин(а)* / *-чин(а)*, ввело бы их в разряд наименований женского рода с родовым словом “деревня”; например: *Бухловка, Лобня, Сабуровщина, Детчина*.

2. Флексия как образное стилистическое средство

В узусе встречаются случаи оформления одушевленного существительного как существительного (или местоимения) среднего рода — с флексией *-о*; например: *блондинко, мужчино, оно, это*. Флексия указывает на то, что образование внутренней формы этих лексем обусловлено отрицательной оценкой говорящих, их желанием «расчеловечить» объект оценки. Так, муж актрисы Натальи Андрейченко сказал в шутку ее бывшему мужу М. Дунаевскому: «Я на тебя подам в суд, потому что ты не предупредил меня, что даешь мне *это*» (ТВ, ноябрь 2019).

Таким образом, грамматическая семантика флексии может служить базой создания новой смысловой сферы. Ср.: «Нет абсолютных границ между планом выражения и содержания: промежуточным слоем является г р а м м а т и к а, которая есть не что иное, как часть плана содержания, служащая оформлению всей остальной части содержания» [Степанов 1998: 175].

III. Отрицательная частица «не» как компонент внутренней формы слова. «Внешнее» и «внутреннее» грамматическое оформление ассертивного смысла

Для анализа этого вопроса актуальны слова Э. Бенвениста о том, что смыслообразующим элементом любого высказывания является ассерция: «К грамматической связи, объединяющей члены высказывания, имплицитно добавляется “это есть!”, которое устанавливает связь между языковым рядом и системой действительности» [Бенвенист 1974: 170]. Это мнение согласуется с положением когнитивной лингвистики, в соответствии с которым концепт «отрицание» в онтогенезе существует вкупе и во взаимодействии с концептом «утверждение».

У некоторых глагольных слов отрицательная частица является элементом ее внутренней формы, т. е. облик слова и его морфемная членимость могут быть явлениями разного порядка — орфографической традиции и особого значения лексемы. Смысловое единство, которое сформировано процессом фразеологизации, участвует в линейной организации речи, выполняет определенную синтаксическую функцию; ср.: *Коту* ***недостает*** *ласки; Коту* ***не хватает*** *ласки.*

Рассмотрим следующие случаи слитного и раздельного написания.

1) **Слитное написание слова с отрицательной частицей,** которая входит в состав лексемы, формируя ее качественное значение, обусловливая ее толкование как словарной единицы: *неприятный запах, невидимый соперник, непромокаемый плащ, незнакомый посетитель.* См. примеры «одного слова» у Ф. Ф. Фортунатова: *неприятель, неправда* [Фортунатов 1956: 173]. Ср. разбор М. В. Пановым словосочетания *неудовлетворительная отметка*: «*Неудовлетворительная* — одно целостное слово <…> оно фразеологично, оно не только отрицает, но и утверждает» [Панов 2004б: 81].

2) **Слова с высокой степенью идиоматичности.** Низкую степень морфемного членения и высокую степень идиоматичности демонстрируют лексемы, закрепившиеся в системе в результате лексико-синтаксического способа словообразования; например: *Нет ни в чем вам благодати, С счастием у вас разлад: И прекрасны вы* ***некстати****, И умны вы* ***невпопад*** (А. С. Пушкин).

К этому разряду слов относится и уступительный союз *несмотря на*, который прошел процесс опрощения своей структуры. Ученые квалифицируют его орфографический облик как «слитное закрепившееся написание первой части составного союза» [Бешенкова, Иванова, Чельцова 2015: 553].

3) **Производные глаголы, прошедшие процесс фразеологизации.** Устойчивые коммуникативные образцы глагольных предложений способствуют фразеологизации глагольного слова. Как правило, слитное написание глагола с частицей «не» закрепляется в системе, если в лексическом значении глагола преобладают модальные компоненты, оно близко словам категории состояния, предикативам; если глагол употребляется в составе безличного предложения в строго определенной морфологической форме (формах); например: *Ему несдобровать; Нам этого недоставало.*

В некоторых глаголах, прошедших процесс опрощения своей структуры, невозможно выделить морфемы. Ср. безличный глагол несовершенного вида *неймется,* который не имеет формы прошедшего времени. Без отрицательной частицы «не» основа не существует и у однокоренного глагола *неймет — Видит око, да зуб неймет* (пословица).

Глагол *неймется* содержит отрицательный модальный компонент: предложения с этим глаголом обозначают неконтролируемые, стихийные процессы и состояния, которые не зависят от воли человека. Так говорят о беспокойном поведении кого-то, о его нетерпеливом желании делать что-то; о том, кто не может (не в силах) уняться, угомониться; ср.: [Дикой:] *Раз тебе сказал, два тебе сказал… тебе все* ***неймется****!* (А. Островский).

4) **Лексический комплекс «отрицание + глагол» в конструкциях с ассертивным смыслом.**

Отрицательная частица не входит в состав слова, но синтаксические образцы показывают процесс лексикализации комплекса «отрицание + глагол».

Следующие примеры иллюстрируют системно закрепленный экспрессивный способ выражения утверждения, категорий «Бытие», «Наличие», «Обладание».

а) Предложения с глаголами, имеющими значение «отрицательно оцениваемый говорящим признак». Частица «не» сообщает высказыванию положительный смысл. Как правило, глагол обнаруживает морфологическую ригидность: это формы несовершеннного вида настоящего времени (реже — прошедшего); например: *Старуха его работала санитаркой в больнице, поэтому спирт у них никогда* ***не переводился*** *и никогда не переводился зря* (С. Соколов), т. е. был в наличии; *Пускай говорит. От его слов тебя* ***не убудет****!* (А. Островский); *Улыбка* ***не сходила*** *с его лица; Вчерашний случай* ***не идет*** *из головы.*

б) Устойчивые выражения с подчеркнутым положительным модальным компонентом в глаголе: *Он* ***не преминул сказать*** *об ошибках прежнего председателя правления; Они* ***не упускали случая*** *напомнить об обещаниях комиссии.*

в) Предложения характеризации, имеющие общее значение “утверждение отрицательного предикативного признака как свойства, качества субъекта”; глаголы с низкой степенью членимости и высокой степенью фразеологизации; например: *Время* ***не ждет****; Работа* ***не стоит*** (Работа продолжается); *Парень* ***не подкачает****; За мной* ***не заржавеет****; На небе звезд* ***не счесть*** (много).

г) Предложения, обозначающие вневременное, постоянное свойство субъекта (как правило, глаголы в форме наст. времени); например: *Эта ткань* ***не мнется****; Сосед* ***не пьет****,* ***не курит****; Бумага* ***не салилась.***

д) Предложения с отрицательным модальным компонентом в глаголе, характеризующие лицо; например: *Он* ***не водил машину*** (“не умел водить”); *Девушка* ***не готовит*** (“не умеет готовить еду”).

е) Предложения, обозначающие отрицательную характеристику работы механизмов, неисправность приборов, приспособлений, их поломку; например: *Машинка* ***не шила****; Почта* ***не ходит****; Молния* ***не застегивается****.*

Вопрос о необходимости слитного написания отрицательной частицы с данными глаголами не стоит, поскольку эти лексемы в других случаях или в высказываниях с другими дейктическими координатами не имеют компонента «отрицание» в своем значении и употребляются без частицы «не»; например: *Сейчас девушка не готовит, она шьет*. Подобным образом рассуждает М. В. Панов: «Боязнь вариантных написаний отчасти имеет свои основания: орфография, состоящая сплошь из вариантных написаний, перестает быть орфографией» [Панов 2004в: 533].

Степень связности этой частицы с глаголом в данных комплексах выше, чем в предложении с отрицанием, относящимся ко всему составу сказуемого: глагольная лексема использует отрицание «не» для показа своей лексической законченности. Такие значения должны отмечаться в толковых словарях — в словарных статьях полисемантичного глагола — как самостоятельные.

IV. Употребление средств категории выделения — кавычек и курсива

Известно, что строение высказываний не только отражает действительность или мыслительные конструкты, но и выражает отношение говорящего, его эпистемические и эмотивные оценки разными способами [Бахтин 1996: 303–323]. Типы оценок описываются как модусы высказываний. Н. Н. Болдырев вводит понятия «модусные концепты» и «модусные категории» [Болдырев 2018: 264].

Кавычки являются сложным знаком: они выполняют роль средства категории выделения, а также используются в качестве приема смыслового расширения текстового пространства, модификации информации.

Л. В. Щерба называл кавычки иероглифом: «Такой знак, как кавычки, надо, конечно, считать иероглифом, так как он решительно ничего не выражает фонетически» [Щерба 1974: 193]. (Однако в истории возникновения алфавита был период, когда у графем, которые назывались иероглифами, присутствовала связь со звуками. См.: «Внутри известных иероглифических систем письма наблюдается тенденция к постепенному появлению все большего числа знаков, обозначающих также и звуки» [Иванов 2017: 135]). И. А. Бодуэн де Куртенэ также видит иероглифическую природу знаков категории выделения: «С семасиологическими представлениями ассоциируются некоторые знаки препинания: кавычки, подчеркивание, курсив, большие буквы в начале собственных имен или других привилегированных слов» [Бодуэн де Куртенэ 2019: 24–25].

В современном русском языке графический знак «кавычки», как правило, указывает на необычное значение лексемы, на особую ее трактовку в данном тексте. Ср.: «Кавычками выделяются слова, чуждые лексикону пишущего, употребляемые в необычном (специальном, профессиональном) значении, слова, принадлежащие особому, часто узкому кругу общающихся: *Я ткнул веслом, щучонок «дал вар»* (М. Пришвин)» [Правила 2006: 311–313].

Кавычками выделяются «узкоспециальные слова, которые нуждаются в объяснении: *Ранней весной … начинаются «палы», или лесные пожары* (Аксаков)» [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 2005: 290].

Кавычки могут указывать на неочевидный смысл и особую тональность интерпретации, на иронию, перифразу, отсылку к событию, чужому мнению или к известным всем случаям употребления этого слова; например: *«Злоба дня», иными словами понятие современности, не может существовать без теснейшей связи со всем, что предшествовало нашему времени и что в какой-то мере его определило* (К. Паустовский).

Слово в кавычках может показываться как чужое выражение и как предмет оценки автора. См.: «Кавычками выделяются чужие слова, включенные в авторский текст, когда обозначается их принадлежность другому лицу: <…> *Иордан любил Кипренского и называл его «предоброй душой»* (К. Паустовский)» [Правила 2006: 311].

Не следует употреблять кавычки при выделении:

1) лексем, имеющих вторичное значение с общеязыковой сигнификацией. См. ошибочное употребление: *Земля, ты нас взглядом апрельским проводишь, лежишь на спине, по-ночному безмолвная. По гаснущим рельсам бежит паровозик, как*

будто сдвигают застежку на ***«молнии»*** (А. Вознесенский). Толковые словари показывают, что одно из значений слова *молния* — “застёжка”;

2) слов с образным значением, смысл которых очевиден; например: *Археологическое* ***бродяжничество*** *окончилось в Мраморной бухте около Георгиевского монастыря* (К. Паустовский);

3) слов-символов. Так, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» концепт *свет* развивает не одно символьное значение, образуя сложную смысловую ткань текста. В философском плане этот концепт предстает как символ божественного, святого, безгрешного. См.: [Воланд] — *А что ж вы не берете его* [Мастера] *к себе в* ***свет****? — Он не заслужил* ***света****, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий.*

См. ошибочное употребление: *Кто мы — фишки или великие? Гениальность в крови планеты. Нету* ***«физиков»****, нету* ***«лириков»*** *— Лилипуты или поэты* (А. Вознесенский). Выражение *физики и лирики* в системе русского языка приобрело обобщенное, символьное значение.

Использование этикетных слов, формул, оборотов не в речевой ситуации с дейктическими координатами «я-ты-здесь-сейчас», а в письменной речи в других речевых ситуациях сопровождается кавычками или курсивом, поскольку происходит информационное преобразование этих этикетных формул, их «цитирование», «опредмечивание»; например: «Пустое *вы* сердечным *ты* она, обмолвясь, заменила» (А. С. Пушкин); « –Ничего не случилось. Просто пора уже сказать “до свидания”» (Ю. Бондарев).

Термины в специальной литературе могут выделяться курсивом или кавычками, если они выполняют функцию приложения и стоят после определяемого слова; см. например: «М. М. Бахтин ввел в лингвокультурологию и в теорию языкознания понятия “речевой поступок”, “оценка говорящего”, “диалог” как феномен мысли-речи»; «В лингвистической литературе термины *концепт* и *когнитивная категория* употребляются как синонимичные».

По заключению М. В. Панова, в литературном языке «нет безразличного равенства вариантов» [Панов 2004г: 91], но в целом ряде случаев при употреблении кавычек разного вида и курсива допускается вариативность, ввиду одинаковой роли этих знаков и широкой палитры модусных планов в текстах.

Использование в тексте кавычек разного вида предполагает следующий порядок: а) толкование значения слова заключается в кавычки-лапки; б) при выделении слова или группы слов внутри высказывания используются кавычки-лапки, а внешний контур высказывания оформляется кавычками-елочками; например: «Топоним с флексией *-о* соотносится с родовым словом “село, поселение”».

V. Прописная буква в собственном имени существительном

По мнению Л. В. Щербы, прописные буквы при написании собственных имен также могут считаться иероглифами: «Что касается прописной буквы имен собственных, то она, конечно, является иероглифическим элементом» [Щерба 1974: 193].

Высокая употребительность некоторых имен собственных, их образное осмысление, метафорические и метонимические переносы способствуют тому, что у них развивается значение, которое сопровождается ослаблением или потерей связи слова с единственным денотатом (лицом, топонимом, датой и т. п.); например: *галифе, кольт, маузер, сакс* (*саксофон*)*, вольт, ампер.* В результате это наименование, имеющее уже общеязыковую сигнификацию, становится нарицательным именем существительным и входит в парадигматические отношения с другими именами существительными.

Прописная буква некоторых имен собственных сохраняется, если слово становится явлением социокультурной памяти народа, то есть переходит в разряд *культурных концептов.* Ю. С. Степанов определяет такой концепт как «сгусток культурной среды в сознании человека», считает, что он обладает сложной структурой [Степанов 1997: 41–42]. Происходит обогащение имени собственного ценностными смыслами, важными для всех членов общества, интеллектуальными и эмотивными оценками, оттенками предшествующих контекстов его употребления; например: *Нагорный Карабах; Чернобыль; Ледовое побоище*; *Плюшкин.*

Вывод. Семантический анализ с применением методологического конструкта «фразеологизация» объясняет особенности синтагматики значимых единиц языка разного уровня, выявляет сложившиеся и складывающиеся парадигматические системные отношения, делает возможным решение проблем лексикологии, правописания и дискурсной нормы.

Исследование позволяет дать рекомендации лексикографического представления в толковых словарях отдельных групп глаголов характеризации, бытия, наличия с «внешним оформлением» ассертивного смысла — с помощью отрицательной частицы «не». Словарная статья должна быть руководством при употреблении этих глаголов для адекватного выражения замысла говорящих и содержать указание на частицу «не», на морфологические характеристики глагола.

Показаны особенности употребления знаков категории выделения — кавычек, курсива, прописной буквы в именах собственных: они используются также в качестве приема модификации информации и смыслового расширения текстового пространства.

Литература

Алпатов В. М. Структурализм и современная лингвистика // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 5. С. 146–150.

Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940-х — начала 60-х годов. М., Русские словари, 1996. С. 303–323.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: «Прогресс», 1974. 448 с.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Проблемы нормы и кодификации правописания сложных существительных // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 1. М., 2014. 456 с. С. 119–198.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Чельцова Л. К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 592 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку // Современное русское письмо. Графика, орфография, пунктуация. Хрестоматия научных работ. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 10–36.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 480 с.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. 287 с.

Виноградов В. В. О необходимости усовершенствования нашего правописания // Вопросы русской орфографии. М.: Наука, 1964. С. 5–22.

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Избранные работы. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 118–139.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

Демьянков В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века // Дискурс, речь, речевая деятельность. М.: ИНИОН РАН. 2000. С. 26–136.

Демьянков В. З. О стратегиях нормирования русского языка // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко. М.: Институт языкознания РАН, 2008. С. 50–61.

Иванов Вяч. Вс. От буквы и слога к иероглифу. Системы письма в пространстве и времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. 272 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собр. соч. в 10-ти томах. 2-е изд., испр. и доп. Т. 7. Труды по филологии. М. — СПб.: Наука, 2011. С. 305–461.

Микешина Л. А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. 2016. №2. С. 85–94.

Николенкова Н. А. Правило слитного и раздельного написания в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова как отражение грамматического подхода к орфографическим правилам // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. 24–25 ноября 2011 г. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 217–218.

Панов М. В. О парадигматике и синтагматике // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004а. С. 17–29.

Панов М. В. О слове как единице языка // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004б. С. 51–87.

Панов М. В. О культурно-историческом подходе к орфографии // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004в. С. 513–521.

Панов М. В. О литературном языке // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004г. С. 88–102.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 2-е изд. испр. М.: Айрис-пресс, 2005. 768 с.

Селиверстова О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 12–26.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 129–221.

Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанные значения слов в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.

Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. М.: Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 472 с.

Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс. М.: Красанд, 2010. 184 с.

Холквист М. Диалог истории и поэтики // Михаил Бахтин. Pro et contra. Антология. Том II. Санкт-Петербург, 2002. С. 229–276.

Щерба Л. В. Теория русского письма // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука: 1974. С.191–228.

E. M. Lazutkina
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
lazutkelena@yandex.ru

SPELLING AS LEXICAL AND GRAMMATICAL COMPLETENESS OF THE WORD

The article deals with the actual problems of spelling from the point of view of modern functional linguistics. Its main principle is the modeling of the native speaker's activity, which is caused by interpretive processes and collective language practice.

The author analyzes the spelling practice in the aspect of the action of the linguistic universal of phraseologization, which is a pragmatic mechanism of language, an element of the category of selection. The author also refers to the elements of the selection category as hieroglyphic characters — quotation marks, italics, and capital letters in proper names.

The author shows that phraseologization manifests its effect at the level of syntagmatics of morphemes, forms the lexical meaning of a word and determines its paradigmatic connections.

The article deals with the issue of determining the boundary of a derived word. The author argues that for the correct interpretation of the meaning of a derived word, an analysis of the structural and semantic relations of its parts is necessary, since word-forming formants only outline its possible morphemic division. The author defines inflection as a means of grammatical semantics, and not as a formal inflectional category.

The result of phraseologization is semantic unities, which, as independent units, participate in the linear organization of the utterance. Lexemes that are fixed in the system as a result of the lexical-syntactic method of word formation show a low degree of morphemic division and a high degree of idiomaticity.

In the article, much attention is paid to the problem of fused / separate spelling of words with a negative particle "not". The author describes words with the lexicalization of negation, derived words that have passed the process of simplification, analyzes the meaning of lexical complexes "negation + verb" in constructions with an assertive meaning.

Keywords: language norm, spelling, derived words, phraseologization of morphemes, lexical semantics, grammatical form.

References

Alpatov V. M. [Structuralism and modern linguistics]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN,* 2018, no 5, pp. 146–150. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Sobr. soch*. [Collected works: Works of the 1940s-early 60s.]. V. 5. Moscow: “Russkiy slovary” Publ., 1996. Pp. 303–323.

Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, “Progress” Publ., 1974. 448 p.

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Problems of the norm and codification of the spelling of complex nouns]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, no 1. Moscow, 2014, pp. 119–198. (In Russ.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E., CHel'tsova L. K. *Ob''yasnitel'nyi russkii orfograficheskii slovar'-spravochnik.* [Explanatory Russian spelling dictionary-reference]. Moscow: “AST-PRESS KNIGA” Publ., 2015. 592 p.

Boduen de Kurtene I. A. [Russian Russian letter's relation to the Russian language]. *Sovremennoe russkoe pis'mo. Grafika, orfografiya, punktuatsiya. KHrestomatiya nauchnykh rabot*. [Modern Russian writing. Graphics, spelling, punctuation. Chrestomatiya nauchnykh raboty]. St. Petersburg. Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019, pp. 10–36. (In Russ.)

Boldyrev N. N. *YAzyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka.* [Language and knowledge system. Cognitive theory of language]. Moscow: “Izd. Dom YASK” Publ., 2018. 480 p.

Bulygina T. V. *Problemy teorii morfologicheskikh modelei*. [Problems of the theory of morphological models]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 287 p.

Dem'yankov V. Z. [About Russian language rationing strategies] *Lingvodidaktika. Sotsiolingvistika. Yazyki mira. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I. F. Protchenko.* [Linguodidactics. Sociolinguistics. Languages of the world. To the 90th anniversary

of the birth of Academician I. F. Protchenko]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2008, pp. 50–61. (In Russ.)

Dem'yankov V. Z. [Functionalism in foreign linguistics of the late XX century]. *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost'*. [Discourse, speech, speech activity]. Moscow: INI-ON RAS Publ., 2000, pp. 26–136. (In Russ.)

Fortunatov F. F. *Izbrannye trudy.* [Selected works]. V. 1. Moscow: "Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo" Publ., 1956. 472 p.

Fortunatov F. F. *Sravnitel'noe yazykovedenie. Obshchii kurs*. [Comparative linguistics. General course]. Moscow: "Krasand" Publ., 2010. 184 p.

Gak V. G. *YAzykovye preobrazovaniya*. [Language transformations]. Moscow: "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1998. 768 p.

Ivanov Vyach. Vs. *Ot bukvy i sloga k ieroglifu. Sistemy pis'ma v prostranstve i vremeni*. [From letter and syllable to hieroglyph. Writing systems in space and time]. Moscow: "Yazyki slavyanskoi kul'tury" Publ., 2013. 272 p.

Kholkvist M. [Dialogue of history and poetics]. *Mikhail Bakhtin. Pro et contra. Antologiya.* [Mikhail Bakhtin. Pro et contra. Anthology]. Vol. II. St. Petersburg, 2002, pp. 229–276. (In Russ.)

Lomonosov M. V. [Russian Grammar] Lomonosov M. V. *Polnoe sobr. soch. v 10-ti tomakh. 2-e izd., ispr. i dop. T. 7. Trudy po filologii.* [Complete collected works in 10 volumes. 2nd ed., ispr. and additional Vol. 7. Trudy po filologii]. Moscow — St. Petersburg: Nauka Publ., 2011, pp. 305–461.

Mikeshina L. A. [Phenomenology and the enrichment of concepts in epistemology]. *Voprosy filosofii.* 2016, no 2, pp. 85–94. (In Russ.)

Nikolenkova N. A. [The rule of combined and separate spelling in the "Russian Grammar" by M. V. Lomonosov as a reflection of the grammatical approach to spelling rules] *Tekst: problemy i perspektivy. Aspekty izucheniya v tselyakh prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu so dnya rozhdeniya M. V. Lomonosova. Moskva, filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova. 24–25 noyabrya 2011 g.* [Text: problems and prospects. Aspects of learning for the purpose of teaching Russian as a foreign language. Materials of the V International Scientific and Practical Conference dedicated to the 300th anniversary of the birth of M. V. Lomonosov. Moscow, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. November 24–25, 2011]. Moscow: "MAKS Press" Publ., 2011, pp. 217–218. (In Russ.)

Panov M. V. [About paradigmatics and syntagmatics] Panov M. V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. 1.* [Works on general linguistics and the Russian language]. V. 1. Moscow: "Yazyki slavyanskoi kul'tury" Publ., 2004a, pp. 17–29. (In Russ.)

Panov M. V. [About the word as a unit of language] Panov M. V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. 1.* [Works on general linguistics and the Russian language]. V. 1. Moscow: "Yazyki slavyanskoi kul'tury" Publ., 2004b, pp. 51–87. (In Russ.)

Panov M. V. [On the cultural and historical approach to spelling] Panov M. V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. 1.* [Works on general linguistics and

the Russian language]. V. 1. Moscow: “Yazyki slavyanskoi kul'tury” Publ., 2004v, pp. 513–521. (In Russ.)

Panov M. V. [About the literary language] // Panov M. V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. 1.* [Works on general linguistics and the Russian language]. V. 1. Moscow: “Yazyki slavyanskoi kul'tury” Publ., 2004g, pp. 88–102. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike*. [From notes on Russian grammar]. V. I-II. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. 536 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik. [Rules of Russian spelling and punctuation. The Complete Academic Handbook]. Moscow: “Eksmo” Publ., 2006. 480 p.

Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po russkomu yazyku: pravopisanie, proiznoshenie, literaturnoe redaktirovanie*. [Reference book on the Russian language: spelling, pronunciation, literary editing]. 2nd ed. ispr. Moscow: “Irispress” Publ., 2005. 768 p.

Seliverstova O. N. [Cognitive semantics against the background of the general development of linguistic science]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2002, no 6, pp. 12–26. (In Russ.)

Shcherba L. V. [Theory of Russian writing]. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'.* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka Publ., 1974, pp.191–228.

Stepanov Yu. S. *Konstanti: slovar russkoi kulturi. Opit issledovaniya.* [Constants: Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow: “Yazyki russkoi kul'tury” Publ., 1997. 824 p.

Teliya V. N. [Secondary nomination and its types]. *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovanii*. [Language category. Types of names]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 129–221. (In Russ.)

Teliya V. N. *Tipy yazykovykh znachenii. Svyazannye znacheniya slov v yazyke.* [Types of language values. Related meanings of words in the language]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 269 p.

Vinogradov V. V. [About the need to improve our spelling. *Voprosy russkoi orfografii.* [Questions of Russian Orthography]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 5–22. (In Russ.)

Vinogradov V. V. [Basic Concepts of Russian Phraseology as a Linguistic Discipline]. Vinogradov V. V. *Izbrannye raboty. Leksikologiya i leksikografiya.* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 118–139. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Е. В. Маринова
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Россия, Нижний Новгород)
marinova@list.ru

«ОЛБАНСКИЙ» ЯЗЫК В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: АСПЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются особенности использования «олбанского» языка в художественных целях — в качестве средства создания картин современности (активного сетевого общения, агрессивной коммуникационной среды в Интернете и др.), образа современного человека (пользователя Сети). Отражение на страницах литературных произведений такой специфической черты языка «падонков», как «антиграмотное» письмо, объясняется формирующейся в художественном творчестве тенденцией как можно более аутентично изображать виртуальную жизнь человека XXI в. Выявляется идентифицирующая функция олбанского языка, который, наряду с ником — нередко единственным именем героя книги, становится средством создания нового типа литературного героя — виртуального персонажа. Отмечаются сюжетообразующая и комическая функции специфического сетевого языка в художественном тексте. Воссоздание графических особенностей языка падонков как в речи персонажей, так и в речи повествователя (рассказчика) является важным изобразительным средством в современной литературе. Включение в художественную речь текстовых единиц, восходящих по своему генезису к интернет-дискурсу, с одной стороны, обновляет её, с другой — закрепляет доминирующий в цифровую эпоху принцип восприятия информации — принцип визуализации. Материалом исследования послужили тексты отечественных авторов, использующих в качестве нового композиционного приёма сетевой диалог героев.

Ключевые слова: олбанский, художественный дискурс, виртуальный персонаж, речевое поведение, идентифицирующая функция, визуализация.

«Олбанский», или «язык падонков», в самой Сети был чрезвычайно популярен в нулевых годах XXI в. (см. об этом, напр. [Лутовинова 2007; Ильина-Соловьёва 2010; Кронгауз 2013]). Затем интерес к нему со стороны сетян стал затухать: «падонки» повзрослели, игрушка надоела, мода на «антиграматнасть» прошла.

Однако нельзя недооценивать роль этого субъязыка в сетевой культуре, да и культуре в целом. Отдельные слова и выражения вышли за пределы Рунета и сохранились до сих пор в разговорной и медиа-коммуникации (*аффтар жжот*[1]*, красавчег, многа букаф, зачот* и др.).

Почему же специфическое явление сетевой субкультуры оказалось столь живучим? Дело в том, что язык «падонков» по сути представлял собой более-менее последовательно реализуемый приём **языковой игры**. Игровая природа этого явления, на наш взгляд, и привлекала внимание[2] — нередко отталкивая своей эпатажной непривычностью и в то же время вызывая как минимум улыбку и интерес. Основными средствами языковой игры на «олбанском» стали графика и орфография русского языка. Не случайно сам принцип письма в духе «падонков» в научной литературе был определён как «антиорфография» [Дедова 2007; Литневская 2010] или «новая орфография» [Вепрева 2011]. За вопиющими неправильностями «олбанского» языка, шокирующими широкую общественность, стояла не безграмотность как отсутствие знаний в области правописания, а, напротив, достаточно системное представление об орфографическом облике того или иного слова, знание нормы — во всяком случае, идеологами самой контркультуры (подробнее об этом см.: [Кронгауз 2013: 83, 90–105]; см. также: «Создатели данного стиля прекрасно чувствуют все те языковые возможности, которые могут быть использованы для создания *падонкаффских* написаний, включая достаточно тонкие (такие как, например, *пейсатель* — действительно, на месте сочетания *ей* в первом предударном слоге возможно произношение [и], например в словах *рейтузы*, *действительно*) [Князев, Пожарицкая 2007: 347]).

При всей кажущейся неупорядоченности и вариативности письменных текстов (на языке «падонков») можно, тем не менее, говорить о том, что их антиграмотность строилась на основе бытующих в русской письменной культуре графико-орфографических явлений. Одно из них связано с действием фонетического принципа русской орфографии, который в «олбанском» расширяет сферу влияния. Так, в области гласных он распространяется, напр., на ударные, стоящие после шипящих (*жжош, зачот, жырный, шышки*), а также на безударные, реализующие фонемы <о>, <а>, <э>, <и> (*нарачитый, ужос, нимагу, песатель*). В области согласных фонетизация письма проявлялась в регулярной замене букв, обозначающих парный по звонкости–глухости звук, в соответствии с произношением:

---

[1] Название развлекательной передачи на «Первом канале»; под этим же названием известна книжная серия.

[2] Для сравнения: в предшествующие эпохи игры с орфографией — явление редкое. В. З. Санников, отмечая этот факт, пишет: «…возможности здесь весьма ограничены: написание *чю* вместо *чу*, удвоение или утроение гласных (для передачи манерности или длительности звучания) и согласных (для передачи грубости или надрывности) — вот, пожалуй, весь арсенал средств, используемых разными авторами» [Санников 2002: 55], иллюстрируя сказанное всего шестью примерами. См. также мнение И. Т. Вепревой: «Меньше всего [языковая] игра касалась нашей орфографии, поскольку самоцензура русского пишущего строга к любым орфографическим отклонениям. Современный Интернет раскрепостил и эту часть системы» [Вепрева 2011: 134].

в результате оглушения на конце слова (*моск*, *делоф*) или в результате ассимиляции (*фтыкать*, *фтопку*, *упафшый*). Принцип «писать, как слышится» последовательно применялся при передаче сочетаний *дс, тс*, *тьс* (*аццкий, ашыбицца, баицца*); при написании слов с непроизносимым согласным (*радасна*); проявлялся он и в отсутствии мягкого знака в нефонетической функции (*жжош*). В силу этого же принципа нередко отказывались от пробела в передаче «фонетического слова» — сочетания полнозначного слова со служебным: *штоле, ниасилил, апстену, дасвиданья, нипадеццки* и т. д.[3]

Наряду с этим, фонетическим принципом письма действовал иной, «антифонетический», по своей природе напоминающий гиперкоррекционное письмо (см. об этом также: [Литневская 2010: 209]). Согласно этому принципу, слово можно записывать любым, кроме нормативного, составом букв, лишь бы при этом его произношение не менялось. Отсюда: *превед, кросафчег, мальчег, чибуражка, чирипажко, исчо, сопог, случяйно, чювак, абычьно, смеялсо* и т. п., а также написания с удвоением согласных типа *аффтар* или *креатифф,* передача йотированных гласных через сочетание с *й* (*панимайу*, *байан, йожыг*). Искажение нормативного орфографического облика слова при такой записи не нарушает существующие в русской графике принципы передачи звуков (как и в тех случаях, когда мы имеем дело с гиперизмами), хотя отдельные, правда немногочисленные, эрративы, созданные в языковой среде «падонков» и их последователей, преобразуют также и фонемный состав узуального слова (*медвед*, *котэ, кагбэ*).

Помимо игрового использования графических средств русского языка, жаргон «падонков» отличался и другими особенностями, о чём будет сказано далее. Подчеркнём, что словесный «креатифф» этого интернет-сообщества, как и стиль письма, находился в центре внимания лингвистов с самого начала его распространения в Интернете. Лингвистический феномен не оставили без внимания и писатели. Тем более некоторые писатели были, можно сказать, представителями и теоретиками этой субкультуры. Мы имеем в виду Алексея Андреева (литературный псевдоним — Мерси Шелли), известную сетевую личность, блогера, который в своём романе-антиутопии «Паутина» (2002) упоминает созданный им в 1999 г. «Манифезд Антиграматности», объясняя, что *все это придумал наш Пушкин еще в XIX веке, когда сказал «без грамматической ошибки я русской речи не люблю».* По мнению автора романа, «Манифезд…» объединял художников в борьбе «с засилием спелчекеров» — программ проверки правописания. «*Все художники русскава слова далжны бросить вызав убиванию нашива живова изыка биздушными атаматами!*» — говорилось в этом весёлом документе, положившем, однако, начало всей этой нашумевшей истории олбанского языка. И художники вызов бросили! Вставки, созданные на олбанском,

[3] Отказ от пробелов при написании синтагм или предложений приводил, как правило, к лексикализации эрративов (см. *ржунимагу* как оценочное слово). Более поздние, появившиеся в Сети написания, игнорирующие пробелы (*крымнаш*, *сидидома* и т. п.), к приёмам «олбанского» языка отношения не имеют; они созданы так наз. хештеговым способом деривации (подробнее см. [Маринова 2021: 23]).

обнаружены нами в 20 литературных произведениях современных отечественных авторов.

Рассмотрим, с какой целью используют писатели эти весьма специфичные средства сетевого общения.

По нашим наблюдениям, прежде всего таким образом строится **речь персонажа**, общающегося с другими героями только в Сети. Напр., в романе Виктора Пелевина «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре» (2005), полностью построенном как чат и представляющем собой последовательность сообщений героев друг другу, один из девяти чатлан, под ником Sliff, делает свои записи исключительно на олбанском. Это, во-первых, «антиграмотное» написание как самых обычных слов, так и сетевых сленгизмов (*зачот*, *плюс адин, имеицца, типо, нисмишно* и многие др.); во-вторых, «**олбанизмы**» — специфические словечки и речевые клише языка падонков, включая слово в названии книги (*креатифф*, *жывотное*, ***жызненно,*** *аццкий сотона*); в-третьих, обсценная лексика, также записанная нарочито с искажениями или элементами языковой игры. Герой, благодаря олбанскому, сразу становится легко узнаваемым среди других персонажей.

Функцию речевой характеристики персонажа выполняет олбанский и в романе Алексея Иванова «Комьюнити» (2012). Один из виртуальных собеседников главного героя книги Глеба Тяженко, общающийся с ним в чате их общей группы (комьюнити) под ником D-r_Pippez, излагает свои мысли как типичный сетевой «падонок»: *Как жы тагг!!! Я собралсо ждать конецвето 12.12.12, а люди говорят рано исчо??!!* В его сообщениях так же, как это принято у носителей этой субкультуры, есть и клише (*аццкий сотона, многа букафф, стопицот*), и неявный мат (*Оййопт!*), и языковая игра. Обилие восклицаний и оценочных высказываний в сочетании с комичностью ника создаёт образ излишне эмоционального, но безобидного сетевого хулигана. Однако в какой-то момент, близкий к развязке сюжета, D-r_Pippez, которого читатели, как и Глеб, воспринимают лишь по текстам в Сети, т. е. по его речи, с олбанского переходит на обычный, грамотный русский, что даёт основание Глебу заподозрить, что его собеседнику грозит серьёзная опасность (от «виртуальной чумы»). Таким образом, языковой переход «сленг → литературный язык» становится одним из сюжетообразующих элементов (в конце романа мы узнаём о том, что все участники «комьюнити о чуме» погибли).

Следует отметить один очень важный момент: и девять персонажей романа Пелевина, общающихся в чате, и одиннадцать персонажей книги Иванова, переписывающихся в своей группе, в структуре текста существуют только в виде ника и записей в чате. Именно так авторы передают идею **виртуальности** этих персонажей — мы не видим их как живых людей со своей индивидуальностью, в текстах отсутствуют такие способы создания образа, как портрет, описание действий героя, авторская характеристика и под. Герои, скрывающиеся под никами и представленные только как виртуальные собеседники в Сети, подобны вымышленным персонажам эпистолярного жанра (адресат — получатель), образы которых также не предполагают непременного формирования визуального облика героя. Исходя из этой особенности индивидуализация каждого виртуально существующего (по

сюжету книги) персонажа становится возможна благодаря речевым особенностям героя. В этом отношении олбанский язык выполняет важную **функцию идентификации персонажа по его речи**.

Такой же «виртуальной» по отношению к читателю является секретарша акунинского героя Николая Александровича Фандорина Валя, которая, не имея возможности очно общаться с шефом во время его отпуска, пишет ему на его блог (Борис Акунин. Сокол и Ласточка. 2009). Все её комментарии к записям шефа передаются по принципу письма языка «падонков», т. е. с нарочитым нарушением традиционного графического облика слова, что оказывается резким контрастом по сравнению как с литературно написанным интернет-дневником Фандорина, так и с грамотными комментариями его жены. См., напр.: *Шев, бидняжичко, каг йа зо ваз пирижывайу!* и под. В результате создаётся комическая тональность повествования этого детективно-приключенческого романа.

Чисто комическую функцию выполняет вставка на олбанском в юмористическом рассказе Виктора Точинова «Пляшущие человечки» (2004). Название отсылает нас к известной истории о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне. Современные «версии» знаменитого сыщика и его помощника расследуют дело, нити которого ведут в Сеть. Привлекается переписка двух подруг по электронной почте, одна из которых пишет: «*Превед кисулька Джесси! Твой ящик не фурытчит пасылаю на тваво старава…»* и т. д. Комизм ситуации заключается в том, что и сыщик, и заказчик, заподозривший что-то неладное с молодой женой, настолько далеки от реалий Интернета, что не могут понять ни слог письма (видят такой чудовищный русский впервые), ни *пляшущих человечков* (так они восприняли текст электронного письма в нечитаемой кодировке). Таким же «чайником», по всей видимости, является и местный книготорговец, у которого писатель время от времени заказывает книги: *в качестве бонуса за оптовую закупку* [он] *приложил ещё и* ***учебник албанского языка****, на изучение которого в последнее время распространилась непонятная мода.* (Шутка здесь строится на игре с многозначностью: в отличие от продавца книг, читатели понимают, что албанский язык в учебнике, и албанский, который в моде, два разных языка.)

Можно отметить также роль олбанского языка, точнее его имитации разными авторами, в создании **образа современности**, колорита времени. Прежде всего, с этой целью в структуру текста включаются фрагменты, по форме и содержанию представляющие собой обмен сообщениями в Сети, что отражает реальную картину сегодняшнего мира: коммуникация в Интернете становится едва ли не самой важной частью общения. Сами по себе эти фрагменты текста, с точки зрения композиции литературного произведения, оказываются **новыми** для словесного творчества. Некоторые из них — напр. блог или запись в соцсетях, которые ведут герои книги, — подобны традиционным композиционным частям художественного текста (дневник, переписка героев). Однако в этом отношении можно говорить именно о подобии, а не тождестве (подробнее об этом мы пишем в [Маринова 2021: 210–216]). Сообщения, которые получает по Сети тот или иной герой произведения, не всегда приходят от знакомых или от «френдов»: это могут быть сообщения

от незнакомых, чужих, нередко враждебно настроенных «юзеров». Писатели таким образом воспроизводят важные особенности общения в Сети, не всегда желательного, создавая узнаваемую картину действительности. Вставки на олбанском в тех частях текста, где речь идёт о сетевой жизни героя, являются своего рода кодом, переключающим внимание читателя с реальной жизни героя на его виртуальную жизнь.

Так, в романе Александра Житинского «Flashmob! Государь всея Сети» (2007) герои узнают о реакции жителей страны на реализуемый ими грандиозный проект (создание в России виртуальной монархии), изучая записи пользователей «Живого Журнала». Все негативные комментарии в их адрес включают олбанизмы: *«Юноша, у Вас не все дома, хоть Вы и красавчег…»*; *«Кирилл, выпей йаду!»*; *«Чувак жжот»* и др. Так создаётся **образ агрессивной коммуникационной среды**, с которой может столкнуться человек в Сети. Подобное находим и в других произведениях. В пьесе Алексея Синяева «Взломанный [Блог Экста]» (2018) герой, молодой человек, попавший под влияние террористической организации, ведёт последнюю запись в своём видеоблоге, цитируя в какой-то момент «комменты» своих бывших подписчиков и тут же отвечая им: *Мазафакер две тысячи четыре пишет: «Это лучший видос на ютьюбе, у меня взорвалась башка, аффтар, убей себя об стену»* и под. Грубоватая стилистика молодёжного общения в Сети передана здесь весьма правдоподобно. Проявления агрессивности в онлайне, переходящей затем в реальную жизнь подростков, «подсевших на игру», становятся фоном для повествования в романе Никиты Балашова «Zelda. Книга о новых героях» (2010). Резкие, оценочные сообщения в сетевой переписке геймеров, относящихся к разным игровым «кланам», также содержат олбанизмы, см., напр.: *Балдейка так жестко стебать начинает, что сразу понимаешь, что ты аццтой.*

Таким образом, олбанский язык, включённый в **речь виртуальных персонажей** — героев, существующих по воле автора лишь в онлайне, — может выполнять самые разные функции: идентифицирующую, изобразительную, сюжетообразующую и, конечно, комическую, включая **травестирование**. Так, в пелевинском «Шлеме ужаса» характерные для творчества писателя философские рассуждения в духе его любимого «критического солипсизма» ведёт в том числе и «падонок» Sliff. Это авторское решение (снижение «высокого» посредством неподобающе низкого слога) вызывает улыбку читателей и воспринимается как своеобразная самоирония писателя: *Фсе зделано изтово кто смотрет. Потому что издругово это сделать нельзя. Без таво кто смотрит не будет* [ничего]. Как мы помним, на подобном стилистическом эффекте строился и «Манифезд Антиграматнасти», в котором вполне серьёзные положения о защите русского языка и художественного творчества последовательно облекались в хулиганскую языковую форму.

Гораздо реже используется язык «падонков» **в речи повествователя**. В этом случае олбанизмы представляют собой единичные включения, которые на самом деле принадлежат лексикону самого героя, характеризуют именно его речь, а не речь повествователя. Так, Майя Кучерская в романе «Тётя Мотя» (2017), давая характеристику мужу главной героини Коле, сисадмину, пишет: *Давным-давно*

ацтойные *«корзина», ... «мои документы», «рабочий стол» и прочие ярлычки он сменил на собственные варианты — «мусоропровод», «не твои документы», «парта».* Здесь так и слышится речь, манера изъясняться в своей профессиональной среде «крутого» компьютерщика. Описывая успехи Коли в блогосфере, автор замечает: *Через полгода он стал* ***тысячнегом.*** И это вновь «чужое слово» (слово из лексикона героя) в речи повествователя. Сленгизм *тысячник* ‘блогер, имеющий тысячу или более подписчиков’, записанный «по-олбански», наряду с другими интернет-словечками, создаёт представление о герое как о продвинутом пользователе, опытном блогере. Тот же приём можно обнаружить и в текстах других авторов. В рассказе Александра Зорича «Пасифая.doc» (2007) даётся короткая характеристика общению главной героини Фаины, всё рабочее время проводящей на сайте знакомств, с коллегой-компьютерщиком: *Кроме «Саус парка»* (американского мультсериала. — *Е. М.*)*, целиком посвященного* ***ацкому отжигу*** *американских младших школьников, говорить им было, в сущности, не о чем.* Фаина не заинтересована в своём сослуживце как в партнёре, но она способна понять его язык, так как и сама много времени проводит в Сети.

Включаются олбанизмы и непосредственно в **речь героя-рассказчика**, от чьего лица ведётся повествование. Студент-филолог Саша Берсеньев (Татьяна Шахматова. Унесённые блогосферой. 2017) свободное время проводит в Сети, общаясь со своими друзьями во «ВКонтакте». Остроумно отвечая на вопросы, время от времени предлагаемые «френдами» для обсуждения, Саша признаётся: *…парни опять назовут меня «дипломатическим пАдонком»* (сохранена орфография автора книги. — *Е. М.*). В уже упоминавшемся романе А. Житинского «Flashmob!» рассказчик, напротив, далеко не молод. Алексей Донников, выйдя на пенсию, начинает вести блог в ЖЖ и вскоре с помощью своих «френдов» организовывает масштабный проект по переустройству страны. Появляющиеся постепенно в его лексиконе сетевые словечки, в т. ч. олбанизмы, становятся показателем степени погружения в виртуальную реальность. Первоначально он лишь воспроизводил эти непривычные для него *превед*, *красавчег* как цитаты из анонимных сообщений на своём блоге, а затем пользовался уже некоторыми из них как единственными обозначениями сетевых реалий — напр., *тысячнеги* (слово в романе звучит неоднократно) вместо *тысячники*. Единомышленники Донникова пишут, да и говорят, на том же языке. Изображая языковую среду Сети, Житинский показывает, как всё более «сетевой» оказывается страна — настолько «сетевой», что по-олбански начинают петь уже известные рок-музыканты, см.: *В колонках «Газели» мягко и вкрадчиво пел БГ: Поколение* ***дворнегов*** *и сторожей…* И хотя история, рассказываемая Донниковым, воспринимается как фантастическая, многие ситуации оказываются узнаваемыми и вполне достоверными: от самой идеи романа — о безграничных возможностях сетевой коммуникации — до небольших внесюжетных зарисовок вроде приведённой выше.

Итак, в художественном тексте «олбанский» используется для создания вполне реалистичных картинок современной жизни, даже если писатель рассказывает фантастические или мистические истории. При этом изображение речевого поведения

героев в Сети, как правило, становится выделенным композиционным элементом текста, одним из способов организации нарратива, а также создаёт особый стиль произведения (заметна сознательная установка авторов на языковую моду, экспрессию новизны и даже некоторую эпатажность). Воспроизведение графических особенностей специфического сетевого языка заметно обновляет художественный дискурс, приближая его с точки зрения плана выражения к интернет-дискурсу: страница книги напоминает читателю страницу на экране его технического устройства. **Визуализация** как доминирующий способ восприятия информации в эпоху компьютера и Интернета распространяется и на художественные тексты. В этом смысле заметна апелляция авторов к подготовленному читателю — пользователю компьютера и Интернета.

Литература

Вепрева И. Т. Принципы формирования «новой» орфографии в Рунете // Вопросы культуры речи / Отв. ред. А. Д. Шмелёв. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. С. 129–135.

Дедова О. В. Антиорфография в Рунете // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 342–343.

Ильина-Соловьёва Н. Особенности компьютерного сленга (олбанский язык) // II Congreso Internacional «La lengua y literature rusas en espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». II Международный конгресс «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: текущее состояние и перспективы». Granada, 2010. С. 110–115.

Князев С. В., Пожарицкая С. К. Орфография интернет-блогов как источник лингвистической информации // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 346–347.

Кронгауз М. Самоучитель олбанского. М.: АСТ, 2013. 416 с.

Литневская Е. И. «Антиорфография» как лингвистический феномен и как письменная речевая субкультура // Ярославский педагогический вестник. 2010. №4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 208–212.

Лутовинова О. В. Современный виртуальный креатифф: о некоторых особенностях жанра Рунета // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 394–395.

Маринова Е. В. Язык Рунета в Сети и за её пределами: От вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2021. 304 с.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: «Языки славянской культуры», 2002. 552 с.

E. V. Marinova
Linguistics University of Nizhny Novgorod
(Russia, Nizhny Novgorod)
marinova@list.ru

"OLBANIAN" LAGUAGE IN THE STRUCTURE OF LITERARY TEXT: ASPECTS OF IMPACT

The article describes peculiarities of using the "Olbanian" language for stylistic purposes — as a means of creating pictures of modern life (active Internet communication, aggressive communication environment in the Internet, etc.); the image of modern person (Internet user). Reflection of such specific feature of Padonkaffsky jargon (*yazyk padonkaff*) as "anti-literate" spelling on the pages of literary works is explained by the new tendency in literature — to portray the virtual life of a XXIst-century person as authentically as possible. The study reveals the identifying function of the "Olbanian" language, which, together with the nick, which is often the only name of the main character, becomes a means of creating a new type of literary character — the virtual personage. The author also notes the plot-forming and comic functions of the specific net language in literary text. Reconstruction of graphic peculiarities of Padonkaffsky jargon both in the speech of the characters and in the language of the narrator presents an important stylistic means in modern literature. Inclusion of text units originating from the Internet discourse into literary speech, on the one hand, renovates it, on the other hand — consolidates the principle of information perception that dominates in the digital epoch — the principle of visualization. The article presents a case study of texts by Russian authors who use the Internet dialogue of the characters as a new compositional technique.

Key words: Olbanian, literary discourse, virtual personage, speech behavior, identifying function, visualization.

References

Dedova O. V. [Anti-orthography in Ru-net] *Russkii jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei pusskogo jazyka. Trudy i materialy* [The Russian language: history and modernity. III International congress of Russian language researchers. Works and materials]. Moscow, 2007, pp. 342–343. (In Russ.)

Iljina-Solovjeva N. [Peculiarities of computer slang (Olbanian language)]. *II Congreso Internacional «La lengua y literature rusas en espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas»* [II International congress "Russian language and literature in international educational environment: current state and pespectives"]. Granada, 2010, pp. 110–115. (In Russ.)

Knjazev S. V., Pozharitskaia S. K. [Internet blogs spelling as a source of linguistic information] *Russkii jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei pusskogo jazyka. Trudy i materialy* [The Russian language: history

and modernity. III International congress of Russian language researchers. Works and materials]. Moscow, 2007, pp. 346–347. (In Russ.)

Krongauz M. *Samouchitel' olbanskogo* [Olbanian self-study book]. Moscow: AST Publ., 2013. 416 p.

Litnevskaia E.*I.* ["Anti-orthography" as a linguistic phenomenon and as a written speech subculture]. *Jaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2010, no. 4, t. 1 (Humanities sciences), pp. 208–212. (In Russ.)

Lutovinova O.V. [Modern virtual "creatiff": some features of the Ru-net genre]. *Russkii jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei pusskogo jazyka. Trudy i materialy* [The Russian language: history and modernity. III International congress of Russian language researchers. Works and materials]. Moscow, 2007, pp. 394–395. (In Russ.)

Marinova E.V. *Jazyk Runeta v Seti i za eje predelami: Ot verbalizatsii kljuchevykh idei internet-prostranstva do obnovleniia khudozhestvennogo diskursa* [The language of Ru-net within the Net and beyond: From the verbalization of key ideas of Internet sphere to the upgrading of literary discourse]. Moscow, LENAND Publ., 2021. 304 p.

Sannikov V.Z. *Russkii jazyk v zerkale jazykovoi igry* [Russian language in the mirror of language-game]. Moscow, "Jazyki slavjanskoi kul'tury" Publ., 2002. 552 p.

Vepreva I.T. [The principles of forming of «new» orthography in Ru-net]. // *Voprosy kul'tury rechi. Otv. red. A.D. Shmelev* [Questions of speech culture]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2011, pp. 129–135. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

И. В. Нечаева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
inechaeva@mail.ru

ПОЛИКОМПОНЕНТНЫЕ ОНИМЫ И ИХ РЕГИСТРОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

В статье речь идет об орфографии собственных имен и наименований, состоящих из нескольких слов. Существуют собственные имена в узком смысле слова, в которых все компоненты пишутся с прописной графемы (антропонимы, зоонимы, топонимы, астронимы), и составные наименования, в которых с прописной пишется, как правило, только первое слово (историонимы, политонимы, эргонимы и др.); также существуют переходные случаи, составляющие зону орфографической неоднозначности.

Однако общего правила для стандартизации правописания поликомпонентных онимов оказывается недостаточно. Вопреки традиционному подходу, в статье ставится вопрос об орфографических свойствах поликомпонентных онимов не в зависимости от их понятийной соотнесенности (связи с именуемыми объектами внеязыковой реальности), а обусловленных структурными особенностями: наличием родового термина (апеллятивного идентификатора), местом родового термина в составе номинации (в препозиции или постпозиции к собственно названию), что определяется грамматическим типом словосочетания: адъективным (напр., *Карибское море, Викторианская эпоха, Нобелевская премия*), генитивным (*море Лаптевых, династия Габсбургов, эпоха Возрождения*), аппозитивным (*озеро Байкал, династия Сун, партия «Подемос», премия «Оскар»*) или структурно неоднородным (*Великая хартия вольностей*). Отмечаются случаи, когда начальное положение родового термина, требующее графического выделения, входит в противоречие с его апеллятивным статусом.

В номинациях без родового термина в составе имеет значение характер начального компонента (напр., *р/Раннее Возрождение, с/Старый Новый год, з/Зимняя Олимпиада, «б/Большая семерка», б/Бедная Лиза*); также важна степень фразеологизации проприальной единицы, степень ее возможной разложимости на компоненты без изменения значения.

Ключевые слова: орфография, прописная буква (графема), собственное имя, оним, апеллятив, проприальная номинация, многокомпонентное название.

Предметом данного исследования является правописание проприальных неоднословных наименований разного типа, неисчислимое множество и бесконечное разнообразие которых осложняет их орфографическую регламентацию. Различают собственные имена «в узком смысле» этого слова (антропонимы, зоонимы, топонимы, астронимы) и наименования — продукты вторичной сознательной номинации (см., например, [Васильева 2009: 16]). И те и другие могут быть представлены двух- и многокомпонентными словосочетаниями.

При «“эталонном” подходе к имени», который был распространен в 1970–1980-е годы, как пишет Е. Л. Березович, «наиболее типичные имена являются немотивированными этикетками» [Березович 2001: 41]. Но далеко не все онимы таковы. Для многих проприальных номинаций характерно наличие «образа, просвечивающего в названии», т. е. мотивированность. «Не следует рассматривать мотивационную специфику проприальной лексики на иных основаниях, нежели лексики апеллятивной: в обеих этих системах наблюдаются два противонаправленных процесса — процесс забвения внутренней формы и процесс ее сохранения либо восстановления» [там же: 42]. Обратившись к типологии имен собственных, можно заметить, что разным собственным именам «свойство быть собственным именем» присуще в различной степени. При этом граница между мотивированными наименованиями и «настоящими» онимами тоже оказывается не слишком четкой (как и большинство разграничений в ономастике); в качестве примеров можно привести антропонимы «прозвищного» характера, наделенные характеризующей функцией (*Вильгельм Завоеватель, Сулейман Великолепный*, *Всеволод Большое Гнездо*), хотя антропонимы как разряд собственных имен составляют ядерную область ономастикона.

Водораздел между онимами в узком смысле слова и индивидуальными вторичными наименованиями в целом проходит и в орфографической плоскости: неоднословные онимы в узком смысле пишутся с прописными во всех знаменательных словах; что касается наименований, то для русской письменной традиции, как правило, нехарактерно повышение регистра начальных букв всех компонентов номинации (в отличие, например, от английской письменной традиции), хотя подобное иногда и встречается в стихийном узусе (ср. *Северный* ***Л****едовитый океан, Главный* ***К****авказский хребет, Большой* ***З****наменский переулок, Саксен-****К****обург-****Г****отская династия, пролив Маточкин* ***Ш****ар, горы Малая* ***Ф****атра*, с одной стороны, — и *Великая* ***ф****ранцузская революция, Столыпинская* ***з****емельная реформа, Африканский* ***н****ациональный конгресс, Всемирное* ***а****нтидопинговое агентство, движение «В защиту* ***ж****изни», партия «Европейская* ***с****олидарность»*, с другой). Однако и в этом правиле могут быть исключения в силу действия различных факторов (о некоторых из них пойдет речь ниже). Тем самым при структурной многокомпонентности усиливается орфографическая неоднозначность.

Предметное погружение в языковой материал показывает, что общего правила для стандартизации правописания поликомпонентных онимов, безусловно, недостаточно. Составные онимы различаются лингвистически — по структуре, грамматической принадлежности, языку происхождения — и экстралингвистически — по связи с именуемыми объектами. Как собственные имена в узком смысле, так

и наименования могут употребляться в обязательном или предпочтительном сочетании с нарицательным словом (чаще всего обозначающим родовое понятие) — и вне такого сочетания. В первом случае нарицательное слово приходится рассматривать как один из компонентов комплексного наименования, что требует специальных оговорок в орфографическом аспекте.

Следует также отметить, что функциональная нагрузка прописной графемы у многокомпонентных наименований несколько отличается от однословных собственных имен, поскольку выделению подлежит отрезок текста (в этом плане семантическая функция прописной в определенном смысле сближается с ее синтаксической функцией[1]). Выделение связано со значением, но требует обозначения синтаксических границ выделяемого отрезка — поликомпонентной номинации. В некоторых случаях одного графемного выделения оказывается недостаточно и на помощь приходят кавычки, обособляющее индивидуальное наименование в составе предложения.

Рассмотрим различные случаи орфографического оформления поликомпонентной номинации из ряда тематических областей русского ономастикона. Классификация собственных имен по понятийной соотнесенности, принятая в кодифицирующих источниках, скрывает лингвистические особенности словосочетаний, но облегчает опознавание материала. Поэтому мы будем сочетать два подхода: тематический — по связи с именуемыми объектами — и структурно-языковой, но все же идя в первую очередь от языка, а не от внеязыковой реальности. Рассмотрим отдельно номинации с родовым термином в составе и без него.

1. Многокомпонентные названия относятся к разным классам понятий. Класс понятий обозначается с помощью родового наименования.

Номинации, включающие родовое наименование, различаются структурно-грамматически: они могут быть а) адъективными, б) генитивными, в) аппозитивными; тем самым родовое наименование (апеллятивный идентификатор) находится либо в постпозиции, либо в препозиции к собственно названию и в соответствии со своим статусом должно писаться со строчной буквы. Всегда ли это соблюдается? Приведем примеры из разных областей ономастикона:

а) адъективные словосочетания, родовой термин в постпозиции: *топонимы Карибское море, Калифорнийское течение, Тверская улица; антропонимы Савойская династия, Снежная королева; историонимы Викторианская эпоха, Северная война, Берлинский пакт, Морозовская стачка, Нюрнбергский процесс*; *политонимы Лейбористская партия, Патриотический фронт, Новый фламандский альянс*, *Священный союз*; *Всемирное антидопинговое агентство, Международная морская организация*; *названия премий Нобелевская премия, Пушкинская премия, Гонкуровская премия; названия литературных произведений и памятников Супрасльская рукопись, «Театральный роман»* и др.

[1] Семантическая функция относится к обозначению особого типа лексических единиц (прежде всего собственных имен и наименований, а также аббревиатур); синтаксическая функция связана со строением речи (чаще всего это употребление в начале предложения, а также в начале стихотворной строки).

б) генитивные словосочетания, родовой термин в препозиции: *топонимы море Лаптевых, залив Туфолда, проспект Мира; антропонимы династия Рюриковичей, Царица Ночи; историонимы эпоха Возрождения, война Алой и Белой розы, пакт Молотова — Рибентропа, восстание Спартака, движение Сопротивления, дело Дрейфуса; политонимы «Партия Разума»* (Германия), *Партия реформ Вьетнама, Движение перемен* (Греция); *названия премий премия Тёрнера, премия Марселя Дюшана; названия литературных произведений и памятников «Повесть временных лет», «Поэма горы»* и др.

в) аппозитивные словосочетания, родовой термин в препозиции: *топонимы озеро Байкал, течение Гольфстрим, пролив Ла-Манш, улица Балчуг, площадь Пикадилли; антропонимы династия Валуа, династия Сун, доктор Айболит, старик Хоттабыч, царь Салтан; историонимы эпоха Эдо, эпоха Хань, восстание «Ника»; политонимы движение «Фронда», партия «Подемос»* (Бразилия), *партия «Слуга народа»* (Украина); *названия премий премия «Букер», премия «Золотой орёл»; названия литературных произведений и памятников роман «Война и мир», поэма «Мцыри»* и др.

Встречаются структурно неоднородные номинации:

г) адъективно-генитивные, родовой термин внутри названия: *Заграничный поход русской армии*, *Босфорская экспедиция русского флота*; *Международное бюро мер и весов, Африканская зона свободной торговли, Консервативная партия Великобритании, Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, Международная федерация тенниса, Великая хартия вольностей;*

д) адъективно-аппозитивные, родовой термин внутри названия: *Международная независимая экологическая организация «Гринпис», Международная организация франкоязычных стран «Франкофония», Всероссийское общественное движение «Матери России»* и др.

Орфографическое противопоставление родового термина собственно названию идет от трудов Я. К. Грота; правда, у Грота это положение иллюстрируется почти исключительно адъективными топонимами (топонимы вообще и по сей день принадлежат к наиболее изученному и орфографически регламентированному разряду ономастической лексики):

«Когда название состоит из прилагательного и существительного, то различаются два случая: а) если существительное означает вид, к которому принадлежит предмет, то с большой буквы пишется только прилагательное: *Белое море, Тверская губерния, Троицкий собор, Ладожское озеро, Черная речка, Зимний дворец, Летний сад, Чернышев переулок, Красный мост;* б) если существительное не означает вида, под который подходит именуемый предмет, то и оно, как имя собственное, пишется с большой буквы: *город Царское Село, Великие Луки, село Черная Грязь*» [Грот 1888: 89].

Приведенная рекомендация академика Грота представляет общий подход к письменной регламентации многокомпонентных названий с родовым словом в своем составе. Последнее замечание Грота, в котором речь идет о родовых

понятиях, теряющих свой понятийный статус, также давно учитывается в кодифицирующих орфографических источниках.

Я. К. Гроту принадлежит и следующее положение:

«Относительно названий, состоящих из нескольких слов, возникает вопрос: все ли эти слова писать с большой буквы, или только главное из них?

Держась принятого принципа не расточать больших букв, следует начинать такою буквою только первое слово подобных названий, напр. *Государственный совет, Академия наук, Преображенский полк, Тульская губерния, Министерство внутренних дел, Зимний дворец, Сенная площадь, Каменный мост, Страстная неделя, Морской корпус, Штурманское училище.* Правда, и тут есть неудобство: можно сказать, что имена *академия, министерство* — не собственные имена, и однако ж пишутся по общему правилу с большой буквы; но это замечание устраняется тем, что целое название все-таки может считаться собственным именем и что предлагаемое правило писать с большой буквы первое слово всего проще и определительнее. Только тогда, когда название состоит из двух имен, из которых каждое употреблено как собственное, второе также должно писаться с большой буквы, напр. *Иоанн Грозный, Царское Село, Воспитательный Дом, Черная Грязь* (селение)» [Грот 1876: 360–361].

Кодификаторские положения Грота были унаследованы Правилами 1956 года и в своей основе действуют до сих пор.

Существует, однако, трудноустранимое противоречие между представлением о родовом наименовании как нарицательном слове и положением первого слова в составе поликомпонентного названия. Приведенные примеры показывают, что в современном русском языке существует немало разноструктурных названий, не укладывающихся в общую схему, и встречаются родовые наименования, не теряющие своей идентифицирующей апеллятивности и при этом пишущиеся с прописной. Это касается ряда генитивных и аппозитивных конструкций, в которых родовое слово стоит в препозиции к собственно названию. В узусе отмечается не вполне четкое интуитивное распределение между *(a)* проприальными словосочетаниями с отделяемым родовым наименованием и *(b)* словосочетаниями, в которых первое (оно же родовое) слово неотделимо и входит в состав самого названия; также существует *(c)* зона неоднозначности.

Примеры *(a): море Лаптевых, острова Зеленого Мыса, улица Достоевского, династия Габсбургов, эпоха Возрождения; острова Антигуа и Барбуда, город Великие Луки, пролив Ла-Манш, династия Сун, доктор Айболит, старик Хоттабыч, партия «Альтернатива для Германии», премия «Оскар»;*

(b) Фронт национального освобождения (Алжир), *Союз правых сил* (Россия), *Партия регионов* (Украина), *Битва народов* (1813), *Пакт Рериха, Царица Ночи;*

(Свободную отделяемость родового слова в группе *(a)* иллюстрируют следующие примеры: *жить на Достоевского, принадлежать к Габсбургам, художники Возрождения, подплыть к Антигуа и Барбуда, обозначить Великие Луки на карте, переплыть Ла-Манш, правление Сун, сказка про Айболита, проголосовать за «Альтернативу для Германии», получить «Оскар».* Подобные употребления

невозможны с примерами группы *(b)*. Что касается первых двух примеров — топонимов *море Лаптевых, острова Зеленого Мыса*, — то употребление их без родового термина (апеллятивного идентификатора) действительно затруднено, но поскольку они относятся к онимам в узком смысле слова, то отделение родового слова от собственно названия не составляет проблемы.)

(c) пакт Молотова — Рибентропа, Пакт о ненападении, восстание Спартака, движение Сопротивления, «Движение перемен» (партия в Греции), *революция 1905–1907 годов, восстание декабристов, война Алой и Белой розы, война Севера и Юга, война за испанское наследство*; *Тройственный (тройственный) пакт, Корейская (корейская) война, Пелопоннесская (пелопоннесская) война*, *Крестьянская (крестьянская) война в Германии; поселок Кирпичного завода № 1, поселок Быстрицкий тубсанаторий, село Судоремонтная техническая станция, деревня Подсобное хозяйство.*

Колебания в написаниях названий войн с родовым словом в препозиции иллюстрируются словарными кодификациями. Так, в словаре-справочнике Д. Э. Розенталя «Прописная или строчная?» 1986 года слово *война* в этих названиях пишется со строчной буквы, а в «Русском орфографическом словаре» всех изданий — с прописной. Что касается отэргонимических дескрипций типа *поселок Кирпичного завода № 1*, удачно названных И. А. Дамбуевым квазитопонимами [Дамбуев 2019: 41], то здесь колебания в написаниях касаются не только родового слова всего географического названия (*поселок*), но и тех родовых апеллятивов, которые входят в собственно название и употреблены в своем обычном значении (в данном случае — *завод*), т. е. проблема проистекает из «двухъярусного» характера квазитопонима. Автор упомянутого исследования объясняет данный орфографический казус «наличием кодификационных лакун» [там же: 39]; на наш взгляд, дело здесь в переходном характере самих названий такого рода: орфографические правила не формируют норму, они ее фиксируют. Правило вторично по отношению к норме, а не наоборот.

Неоднозначность написаний, иллюстрируемая названиями пункта *(c)*, имеет общие обоснования. Это 1) неясность статуса родового термина: понятийность семантики и начальная позиция входят в орфографическое противоречие, что характерно для генитивных и описательных грамматических конструкций (*движение Сопротивления, Движение перемен* (партия в Греции), *Движение за права женщин* и т. п.); при этом у наименований, в отличие от онимов в узком смысле этого слова, усиливается орфографическая значимость начальной позиции, поскольку граница между родовым термином и собственно названием здесь более условна, чем у «эталонных» собственных имен; 2) неясность семантического статуса адъектива (в адъективных наименованиях) в связи с прозрачностью его внутренней формы (мотивированностью) и недостаточной степенью онимизации (как уже говорилось, собственным именам и наименованиям «свойство быть собственным именем» присуще в различной степени) (например, *Тройственный (тройственный) пакт, Корейская (корейская) война* и т. п.).

Таким образом, можно констатировать, что, помимо многочисленных частных особенностей наименований, на орфографическое распределение прописная

графема ~ строчная графема влияют и некоторые общие языковые закономерности, выявление которых, а также распознавание орфографической роли которых является задачей орфографиста-исследователя. Поэтому трудно согласиться с представлением о том, что недостатком правил об употреблении прописной буквы является «усложненность» и «излишняя детализация» [Протченко, Суперанская 1964: 132]: в данной области на правописание влияет множество факторов и языковых нюансов, стихийно отображаемых узусом, которые невозможно не учитывать.

Очевидно, что употребление прописной графемы в сложных случаях определяется не столько тематическими (принадлежностью к экстралингвистической сфере), сколько языковыми особенностями номинации.

2. Многие поликомпонентные названия без родового термина в своем составе также составляют проблемную зону орфографического нормирования. С чем это связано? Попробуем разобраться.

В приведенном высказывании Я. К. Грота о названиях, состоящих из нескольких слов, говорится о выделении большой буквой «главного слова» такого названия, а затем — только первого слова [Грот 1976: 360–361] (за исключением названий, в которых все слова — имена собственные). Но дело в том, что главное слово поликомпонентного названия не всегда стоит на первом месте. Это также вызывает орфографическую коллизию.

В двухкомпонентных номинациях *р/Раннее Возрождение, п/Позднее Возрождение, с/Северное Возрождение* главным словом (несущим основную семантическую нагрузку) является слово *Возрождение*. А какую роль выполняет предшествующее ему прилагательное: роль свободного определения или начального компонента номинации? Решение этого вопроса имеет определенное орфографическое значение. Ясно, что данное определение не вполне свободное, бикомпонентная номинация представляет собой устойчивое терминологическое словосочетание. Но должно ли на него распространяться правило первого слова? Это неочевидно. В подобных неоднозначных случаях не следует считать серьезной ошибкой ни одну из альтернативных орфограмм (но предпочтение все же лучше отдать строчной графеме). Тот же вопрос можно задать в отношении ряда устойчивых названий иной тематической принадлежности: *л/Летние (з/Зимние) Олимпийские игры, л/Летняя (з/Зимняя, б/Белая) Олимпиада, с/Старый Новый год, б/Бедная Лиза, к/Крошка Цахес* и др. Относительно двух последних коллокаций — антропонимов, денотаты которых не существуют в действительности, но представляют некий культурный артефакт, — подробнее см. [Нечаева 2020: 48].

Проблему представляют также написания политонимов *«б/Большая семерка»*, *«б/Большая восьмерка», «б/Большая двадцатка»*, а также *«и/Исламская восьмерка»*. Онимо-апеллятивный статус этих номинаций не вполне определен, в узусе встречаются разнообразные написания. Возможно, здесь следует ограничиться кавычками.

Другой случай — когда начальное слово номинации не вызывает вопросов по написанию; орфографические нюансы связаны со вторым или третьим компонентом названия. Приведем несколько частных примеров.

Имена *Джордж Буш — старший, Александр Лазарев — младший, Галкин-старший, Райкин-младший*[2], с одной стороны, и *Плиний Старший, Плиний Младший*, с другой стороны, похожи только на первый взгляд. В первом случае адъективы *старший, младший* представляют собой определение пояснительного характера, во втором — неотъемлемый компонент антропонима, закрепленный традицией, что отражается в правописании.

Прозвищные антропонимы *Орлеанская дева, Железный хромец, Желтый император,* а также литературные имена *Бременские музыканты, Снежная королева, Спящая царевна,* характеризующиеся большей степенью фразеологизации, нежели генитивные проприальные коллокации *король Артур, мистер Твистер* и под. (можно сказать *король по имени Артур*, употребить *Твистер* без *мистер*, но нельзя сказать *королева* по имени *Снежная*, *император* по прозвищу *Желтый*), всё же уступают в этом отношении метонимическим (синекдохическим) образованиям типа *Железная Маска, Красная Шапочка, Синяя Борода* (именующим целое по его части) [Нечаева 2020: 48–49], поэтому и пишутся по-разному. Это говорит о том, что степень фразеологической связанности компонентов номинации (и, следовательно, утрата нарицательным словом статуса апеллятивного идентификатора) является существенным фактором для употребления прописной графемы.

Особый частный случай — транскрибированные иноязычные названия, представляющие собой цельные непереводимые образования: «*Шинн Фейн*» (партия в Ирландии), «*Мас Паис*» (партия в Испании), *Маджлиси Оли* (парламент в Таджикистане), *Дойл Эрен* (нижняя палата парламента Ирландии) и др. В условиях отсутствия русской письменной стандартизации подобных номинаций есть смысл отобразить орфографию языка-источника в отношении прописной графемы при допустимой вариантности.

Исходя из укоренившейся в русской орфографии традиции «не расточать больших букв», при письменной регламентации составного названия встает вопрос о выборе главного компонента проприальной номинации для его графического выделения. При этом важно различать названия, включающие апеллятивный идентификатор (родовое слово, обозначающее класс наименований) и названия без него. Для орфографии имеет значение также положение идентификатора в составе поликомпонентной номинации (в препозиции или постпозиции к собственно названию) и то, в какой степени он сохраняет свою апеллятивность. Это определяется грамматическим типом словосочетания, его структурой. При отсутствии апеллятивного идентификатора важна степень фразеологизации проприальной единицы, степень ее возможной разложимости на компоненты без изменения значения.

Особый тип поликомпонентной номинации представляют дефисные конструкции; вопрос об их правописании требует отдельного исследования.

---

[2] Характеризующий родственные отношения адъектив присоединяется с помощью дефиса к одночленному антропониму и с помощью знака тире — к двучленному.

Литература

Березович Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. т. 60. №6. С. 34–46.

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.

Грот Я. К. Русское правописание. 7-е изд. СПб., 1888. 120 с.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876. 461 с.

Дамбуев И. А. Прописная и строчная буквы в многокомпонентных топонимах // Ономастика Поволжья. Теория и методы ономастических исследований. Великий Новгород, 2019. С. 38–42.

Нечаева И. В. Синяя борода и *Мальчик-с-пальчик*, или Проблема орфографического оформления неоднословных индивидуальных наименований. // Русская речь. 2020. №6. С. 40–53.

Протченко И. Ф., Суперанская А. В. Прописные буквы (проект правил для орфографического свода) // Проблемы современного русского правописания. М.: Наука, 1964. С. 131–140.

I. V. Nechaeva
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
inechaeva@mail.ru

POLYCOMPONENT ONYMS AND THEIR SPELLING

The paper deals with the orthography of proper names and names consisting of several words. There are proper names in the narrow sense of the word, in which all components are written with an uppercase grapheme (anthroponyms, zoonyms, toponyms, astronyms), and compound names in which, as a rule, only the first word is capitalized (historiconyms, politonyms, ergonyms, etc.); there are also transient cases that make up the spelling ambiguity zone.

However, the general rule for standardizing the spelling of multicomponent onyms turns out to be insufficient. Contrary to the traditional approach, the article raises the question of the spelling properties of multicomponent onyms not in relation to their conceptual correlation (connection with the named objects of extra-linguistic reality), but due to structural features: the presence of a generic term (appellative identifier), the place of the generic term in the nomination (in preposition or postposition to the name itself), which is determined by the grammatical type of the phrase: adjective (for example, *Карибское море, Викторианская эпоха, Нобелевская премия*), genitive (*море Лаптевых, династия Габсбургов, эпоха Возрождения*), appositive (*озеро Байкал,*

династия Сун, партия «Подемос», премия «Оскар») or structurally heterogeneous (*Великая хартия вольностей*). There are cases when the initial position of a generic term, which requires graphic highlighting, conflicts with its appellative status.

In nominations without a generic term in the composition, the nature of the initial component matters (eg, *р/Раннее Возрождение, с/Старый Новый год, з/Зимняя Олимпиада, «б/Большая семерка», б/Бедная Лиза*); also important is the degree of phraseologization of the proprietary unit, the degree of its possible decomposability into components without changing the meaning.

Keywords: orthography, capital letter (grapheme), proper name, onym, appellative, proprietary nomination, multicomponent name.

References

Berezovich E. L. [Russian onomastics at the present stage: critical notes]. Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka. 2001. v. 60. no 6. pp. 34–46. (in Russ.)

Dambuev I. A. [Uppercase and lowercase letters in multicomponent toponyms]. Onomastika Povolzh'ya. Teoriya i metody onomasticheskikh issledovanii. Veliky Novgorod, 2019. pp.38–42. (in Russ.)

Grot Ya. K. *Russkoe pravopisanie.* [Russian spelling]. 7th ed. St.Petersburg, 1888. 120 p. (in Russ.)

Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne.* [Moot points of russian orthography from the time of Peter the Great to this day]. St.Petersburg, 1876. 461 p. (in Russ.)

Nechaeva I. V. [*Синяя борода* and *Мальчик-с-пальчик*, or the Problem of spelling of multiple-word individual names]. Russkaya rech'. 2020. no 6. pp. 40–53. (in Russ.)

Protchenko I. F., Superanskaya A. V. [Uppercase letters (draft rules for spelling rulebook)]. Problemy sovremennogo russkogo pravopisaniya. [Problems of modern Russian spelling]. Moscow, Nauka, 1964. pp. 131–140. (in Russ.)

Vasil'eva N. V. *Sobstvennoe imya v mire teksta.* [Proper name in the world of text]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. 224 p. (in Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Е. Ю. Протасова
Хельсинкский университет
(Финляндия, Хельсинки)
ekaterina.protassova@helsinki.fi

РАЗНООБРАЗИЕ ИНОЯЗЫЧИЯ В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Запись слов и выражений придуманного или иного языка в русском тексте представляет определенные сложности с точки зрения существующей орфографии. В статье на примере нескольких современных романов (Павла Крусанова «Мертвый язык», Владимира Сорокина «Манарага» и Виктора Пелевина «Смотритель») рассматривается проблема употребления иноязычных слов и выражений в русском художественном тексте. Анализируется, какие именно случаи встречаются у данных авторов, с какими целями они могут их применять, чем отличается переключение кода у одного автора от этого же явления у другого автора. Общим для этих писателей является создание некоего воображаемого мира, которому подходит свой особый язык, и им было необходимо предложить некоторые маркеры нетривиальных обстоятельств, черпая из исторических и современных событий и символических систем. Важно, что заимствования чередуются с придуманными словами, а толчком для мыслей об устройстве будущего мира служат как хорошо описанные международные языки, так и малораспространенные. Каждое из метко найденных авторами выражений обладает рядом оригинальных ассоциаций, превращающих текст в пародийное произведение, написанное в саркастическом ключе. Сочиненные ситуации и миры показывают, что человеческая сущность может иметь множество в том числе и словесных обличий, а суть останется неизменной.

Ключевые слова: переключение кода, иноязычные вкрапления, придуманные слова, дистопия, языковое многообразие.

Большое высказывание, равное роману или повести, отражает среду, складывающуюся вокруг автора, а также, возможно, некий воображаемый мир, в котором функционируют либо такие же, либо иные законы, пронизывающие все общество. Решая художественную задачу показа небывалого, автор нередко пользуется соединением элементов, которые не могли бы встретиться вместе в реальности. В частности, таким приемом может быть переход с языка на язык, когда общение

происходит в дистопии или когда коммуницируют протагонисты, которые в действительности не могли бы оказаться в одном месте. Возникающие при этом орфографические проблемы можно решать разными способами, например как это предлагают И. В. Нечаева [2014] или А. Ч. Пиперски [2017]. Рассмотрим варианты, предлагаемые некоторыми русскими писателями.

Под переключением кода в ситуации языкового контакта понимают смену языков или их вариантов [Stell 2019]. Это историческое явление только в том смысле, что отражает ту эпоху, в которую происходит или которую характеризует. Оно может быть намеренным, случайным, производиться с разными целями. В настоящем исследовании мы рассмотрим, как применяется использование вкраплений и прием переключения кода, на каких языках это происходит, как авторы рассуждают о языке, о связанной с ним культуре, иногда о понятиях страны и речи, а также какой орфографией пользуются. Работа с языком — важный аспект писательского труда, а отсылки к чужим словам и выражениям нагружены дополнительным смыслом. Создавая особый мир, выделяя некоторую общину или коммуну, автор стремится отделить ее от других, в том числе и при помощи особого языка, но не может избежать определенных правил, часто им самим и обозначенных. Создание специфических подъязыков вообще типично для дистопий [Hopkins 2006, Sands, Wolf 2018], в том числе и для русскоязычных [Bodin 2016, Uffelmann 2020]. Такие попытки — придумывания альтернативы обыденной жизни — всегда вызывают интерес у публики.

Можно интерпретировать заглавие книги **П. Крусанова «Мёртвый язык»** (СПб., 2009) несколькими способами. Во-первых, здесь часто встречаются заимствования из латыни — биологические названия и заголовки. Во-вторых, рассказывается о сидячих погребениях Водской земли на Ижорском плато, о могильниках с названиями «Бегуницы, Волговицы, Вердия, Даймище, Великино, Гостилицы, Дятлицы» (с. 226). Заканчивается роман созданием нового мира-паразита, где разговоры ведутся при помощи ономатопей *чит-чит-чит, тяв-тяв, цить-цить-цить, киа-кья-киа*, где всем имена придумывает Адам. Фиксация звукоподражаний в письменной речи всегда вызывает затруднения: здесь часты нестандартные звуки и формы слога, а в данном случае по звукосочетаниям следует восстановить произношение. Вообще говоря, мёртвым языком можно считать тот, на котором написано само это произведение, потому что мир, в котором он использовался, перестал существовать. Для петербуржцев финно-угорский контекст особенно актуален, и они чувствуют, что кто-то жил в Ленинградской области веками до начала Нового времени. Топонимика воздействует на сознание даже в русифицированном варианте.

В романе **В. Сорокина «Манарага»** (М., 2017) сообщается, что в переводе с ненецкого это слово означает ‘медвежья лапа’. Автор изобретает англоязычный термин, которому не дается перевода на русский: *book’n’griller / book’n’grill chef*. Разработано профессиональное арго (*читать, бабочка, полено, дрова, брикет, кладня, головешка, букинист, почтальон, графоман* и т. п.). Сорокин придумывает и русскоязычные термины или придает словам новые смыслы, часто выделяя такие

случаи курсивом: *шеф-гастролер, похорошо, мягкая пуля / праща / радость / умница / мягкий кокон, читать, умная блоха / подушка / серьга*, *почтальон, зеленая умница, голый, чувствователь* и др. Действие происходит в будущем, где перемешиваются имена, люди и животные, страны, религии, живое и неживое, названия блюд, напитков, танцев. В гибридном мире следует ожидать и эклектичной орфографии. Интересны также междометия, в частности, *йе-йе, вах, пак*, *эва*. Материал *мормолон* встречается в разных произведениях автора. Возможно, придумано слово *сиентитат*.

Во вставном рассказе «Толстой» в русской деревне живут русские, сомалийцы, грузины, татары, чеченцы, албанцы и эфиопы. В имитацию народной речи (включающей лексемы типа *таперича, подоспело*) вкраплены акцентно окрашенные реплики вроде: *Пришел, батьюшко, не забьил нас* (старая эфиопка), *Откущяй, батьюшка, на здоровье!* (молодая сомалийка), а также количественно преобладающие реплики без акцента и с акцентом без указания на то, кому они принадлежат, на разном, так сказать, расстоянии от оригинала: *Будем делать! Будэм дэлат! Бьютэм тэладь!* Приводятся высказывания на своих языках, например *Даидзра!, Гамарджоба, дорогой!* (грузины), *Э-э-п!* (албанцы), *Мшинди ва барафу умефика; Хелло, мту мкубва!* (без атрибуции). Непонятна этимология *йоха-воха* (возможно, от ругательства), в модной прозе *zuue,* и неясно, где географически находится архипелаг / империя *Holo*, где раньше на Сахалине жили *holo-маги*, сейчас производятся *holo-продукты*, есть *holo-girls, holo-stars*.

Отец протагониста Гезы читал лекции по-английски, дома родители говорили по-польски, отец ругался по-русски и по-белорусски, немного знал по-венгерски (*nem tudom* ‘я не знаю’). После четырех классов венгерской школы семья нашла приют в Баварии. Главный герой, родившийся в Будапеште в семье белорусского еврея и польской татарки, признается: «Вообще, кроме главного языка мира, я сносно говорю по-французски, по-немецки и по-баварски, неплохо знаю венгерский и польский, а при помощи блохи свободно читаю еще на двенадцати языках. Вот с устным русским у меня проблемы. Это естественно — встретить русскоговорящего человека теперь уже трудно. Я помню русских только в детстве, когда они приезжали к нам в Будапешт за работой» (с. 21). Такое положение дел объясняется тем, что в постсоветской России русские распяли в себе человека и были рассеяны по миру и, потеряв свой *мір* (этот вариант написания встречается и в других местах книги), ассимилировались (как Лео Волкофф, жарящий на английских романах). Вообще, русским называют не по этничности, а того, кто жарит (*читает*) на произведениях русских писателей, немцем — немецких и т. п. Переименования вызывают дополнительные ассоциации.

Вкраплений достаточно много: *O tempora, o mores!; Homo sapiens; Mea Culpa; Memento mori;* наименования растений — из латыни. *Bon appétit!; Bon appétit, monsieur; amour à trois; pardon; C’est la vie!; le public éclairé; Salut, Henri!; Sacré Geza, toujours en forme?; Merci bien; Le Château de Mauve-Brise; à la naturelle; voilà; Grand Opéra; Bonjour; Oh-là-là!; mon cher* — из французского. *Spectacle; Hi!; watch your back, Mister; What would you prefer, sir?; Certainly, sir; As you wish, sir!; At*

your service, sir!; yes-s-s-s; fusion; trip; Fuck!; Fuck you!; fuck you slowly; Fuck off, bitch!; Grey Eagles — из английского. *Айнзацкоманда; Himbeergeist; Mein Kampf; Ordnung muss sein; Haben Sie Feuer?; Übertreibung; Ewige Wiederkunft!; Ewige Wiederkehr!; DIE GROSSE WENDE; prosit; ja-a-a-a-a; ade, mein schönes Vaterland* — из немецкого (заметны различные подходы к передаче слов на письме). *Finite; Vittoria finale! Fortissimo; Grazie mille; al diavolo; dolce vita; La Grande Abbuffata* — из итальянского, *anathema maranatha* — из греческого, *Sziget* — из венгерского, *lutefisk* — из норвежского, *Азохен вей* — из идиша. Латиницей пишется имя наставника *Zokal*, повара *Mohno*, наименования в меню *pirozhki, solyanka, kulebyaki*, хотя *водка* и *икра* — всегда кириллицей. Происходит попытка смоделировать русский *moroz* — транслитерация русских слов латиницей приводит снова к дополнительным смыслам. Латиницей даются названия фирм *Vulcanus, Hermès,* судна *Proxima-B*, учреждения *PSG-клиника*, наименования клуба *BLEIBTREU*, сигары *Arturo Fuente Opus X*, издательства *McGraw-Hill,* огнемета *Smaug 4*, ракетомета *Valhalla SM*, самолета *Northrop B-2 Spirit*, а также фамилия певицы *Viazemskoy*. Названия игр: *Blub, Red Lizard, Dŭdыl, NOVA RODZINA 4, OBOROBO-3* — представляют собой отчасти вызов традициям.

Цитируется известная песня на английском *Love me tender*…, стихотворение А. Рембо на французском *La tempête a béni mes éveils maritimes*... Автоцитирование встречается при упоминании оперы “The Children of Rosenthal”. На ломаном английском поют песню вьетнамские девушки. Главный герой обращается к самому себе по-английски: *Relax, relax, book’n’grill chef*. Диалоги ведутся по-немецки с проститутками (с. 20–21), по-французски с букинистами (с. 26–27). Есть противоречие между тем, что написанное современным языком произведение говорит о языке будущего, так что возникает ощущение, что им будет русский со множеством заимствований, использующий одновременно два алфавита — кириллицу и латиницу.

Богатый международный опыт автора позволяет ему остраненно воспринимать любую действительность, ведь это только слова для обозначения независимого от воли конкретного человека течения жизни. Но воля того же конкретного человека способна создать новую, переименованную, готовую к разнообразным превращениям и трансформационным сближениям реальность, хотя бы только на бумаге. Отвлечение от сиюминутной достоверности может быть ступенчатым, и это очень выпукло демонстрируют заимствования и авторские неологизмы. Степень адаптации иного к русскому языку также варьирует.

В дилогии **«Смотритель»** (Кн. 1. Орден желтого флага; Кн. 2. Железная бездна; М., 2015) **В. Пелевин** создает мифологию, протыкая историческое пространство, пользуясь структурными элементами разных эпох и стран. Стилизация носит условный характер, мудрый читатель выискивает объяснения, трансформируя запись на одном языке в слова на другом. Главный герой Алексис де Киже отсылает не к тыняновской повести, а к анекдоту, приведенному еще В. Далем, где фамилия несуществующего персонажа пишется «Киж». Утверждается, что она исконно русская. В мультикультурном мире Пелевина Киж наследует Никколо Третьему,

так что мог бы зваться Алексеем Николаевичем, и его двойник с таким именем возникает на Ветхой Земле. Множащиеся миры не позволяют найти истинную точку отсчета. Сосуществуют и находятся в постоянном общении представители разных народов и поколений, исторические и вымышленные фигуры, многие из которых, видимо, мальтийские рыцари, иллюминаты и масоны, и употребляются разнообразные символы и цитаты. Характеризуя то, как Павел придумывал новый мир, автор пишет, что он сплетал разные религии, веяния науки, реплицируя их в своем мираже, играл с идеями, настроениями, новыми словечками, *с энтузиазмом цитировал новую культуру со всеми ее неологизмами, клише, суевериями и мифами, кидая в окрошку своего мира цитаты из понравившихся ему книг и анекдотов, а позже и фильмов* (кн. 1, с. 281). В конце второй книги герой размышляет, что некоторые считают, что для Ветхой Земли Идиллиум представляет собой одно из верхних пространств, *бутик-лока* (отель с таким названием вроде бы есть в Турции).

Автор с сарказмом описывает критерии правильности речи. Характеризуя глупую красавицу, Пелевин уточняет: *Она не только не умела писать — она по сути не могла даже говорить, потому что изъяснялась на южном диалекте, и ее кое-как понимали одни лишь големы да служанки* (кн. 1, с. 78).

Павел I Алхимик, подписывающийся Paulus Primo, якобы пишет дневник на латыни, в читаемом нами тексте по-латыни лишь названия абзацев — De Docta Ignorantia, Aurora Borealis. Его духу свойственна *mania grandiosa*. На этом же языке и по-русски приводится название дистопии (страны и ее столицы) *Idyllium* (альтернативными названиями для города, согласно автору, были бы *Пауловилль, Архатопавловск* и *Святопавловск*) и собрание сочинений писателей и поэтов *Corpus Anonymous*. Перу Павла принадлежат каллиграфии *SCIA ME NIHIL SCIRE* и *SCIRE OMNIA EST NIHIL SCIRE*. В конце произведения приводится другая цитата: *Omnia est nihil. Nihil est omnia*. Вероятно, размер букв отражает значимость выражения или его исконность (исторически капитель предшествует минускулу).

По-французски называют американского посланника в Париже Бенджамина Певца Франклина *Le Duc des Antipodes* и путешествующего инкогнито самого Павла, графа Северного *Le Comte du Nord*, они образуют пару через союз *et*. Звучит призыв к молчанию: *chute, monsieurs, chute…* (с ошибкой, надо *messieurs*), *point d'honneur* ‘дело чести’, ритуал *Saint Rapport*, устройство *baquet* (сокращенно *бак*), закон об оскорблении величества *lese majeste* (должно быть либо лат. crimen laesae majestatis, либо фр. lèse-majesté), *le bougre*.

Почему-то по-итальянски, а не по-французски, дается ругательство *ciarlatano*, возможно, что из-за того, что этимологически итальянский вариант ‘болтун’ старше, чем французский *charlatan*. *Аничча ди Чапао* — видимо, Анка-пулеметчица, здесь — племянница солика и авантюриста *Базилио ди Чапао*, написавшего трактат о медитации «К Ниббане на одном дыхании», что отсылает к книге Пелевина «Чапаев и Пустота», но указано, что на языке пали (один из древних индийских) имя *Аничча* означает ‘непостоянство’. Имеется надпись *Museo di ordine militare di Malta*.

Из английского происходит пародийное *coming in / каминг ин*, т. е. создание своего мира при содействии Флюида; стеклянный органчик *colour revolution*; непостижимая мечта или безумный план *pipe dream*; фирменное блюдо *speciality of the house;* имя демонической патронессы *LADY GAGA*; определение *crazy*. Перечисляются фильмы: *Interstellar, Moon, Star Trek, Planet of the Apes*. Пародируются Фейсбук как *каббалистический гроссбух* и пишущий в нем как *спирит-лицекнижник*.

К специальной терминологии данного мира относится также гибридное слово *солик*: *solus* + *стоик* (соль четырех элементов). В качестве денег используются *глюки* от нем. *Glück* (почему-то в женском роде — как название валюты, хотя само слово ‘счастье’ по-немецки среднего рода), обеспеченные непосредственно переживаемым счастьем, а когда монета погашена, на ней проступает символ *C*; для получения счастья нужен прибор *глюкоген* (похоже на название вещества или гормона), с ними работают *глюкассаторы*. Упоминаются надписи на отсеках изображения человеческой головы на немецком языке. В замке золотой вензель *D* при помощи лазурных ножек превращается в *P*, так что возникает акроним титула *Далай-Папа*. Возникает синяя буква *V*. Замечательно изобретение слов *Хад* (молитвенный барабан) и *Цоф* (заклинания), происходящих от hard- и software. Несколько строк на экране начинаются со слова *if*, написан *Source code* мира, *айклауд* означает ‘я облако’.

Новый смысл придается старым словам: *внутренние территории* — места для практики свободы, воли и фантазии, *фаланстер* — тип монастырской школы (где учат, в частности, древним языкам), *невозвращенец,* или *зауряд-архат*, — чин духовного совершенства, предшествующий *архату,* как и *анагамин*, термин из буддизма, но вот *флигель-анагамин*, кажется, — измышление писателя. Встречаются идеи из разных религий и магических практик. Многое связано с божеством Францем-Антоном Месмером, прежде всего французские вставки *mesmerisme*, месмеризм, *magnetisme* (должно быть *mesmérisme, magnétisme*).

У предметов, имеющих аналоги в современном мире, свои наименования*: вычислитель, умофон, шлем-резонатор, благодать, жесткие лучи Абсолюта* и пр., с которыми сосуществуют анахронизмы типа *монгольфьер, памад*. Придуманы термины *Единый культ, гражданский ритуал, совершить простирание, Трансмиграция, таблицы модусов, Неботрога, зеленка* (сокращение для обозначения фрейлины *Зеленые Рукава*, вероятно, от мелодии *Green Sleeves*) и пр. К Смотрителю можно обращаться *Ваше Переменчество, Ваше Безличество, Ваше Страдальчество,* а неофициально — *ваша экселенция*. К Ангелу Воды герой обращается *Ваша Текучесть*. Можно попробовать проинтерпретировать заглавные буквы. В конце рукописи, когда раскрываются некоторые секреты и символы, упоминаются *многочисленные словесные заимствования из современного русского (часто с полной заменой оригинального смысла)* (кн. 2, с. 243). В качестве примера приводится слово *однопалочница* в Идиллиуме и в ветхом значении. Каждый неологизм отзывается в багаже знаний читателя многочисленными мотивами.

Когда мы встречаемся с элементами заимствований в концентрированном виде, то лучше понимаем, каков арсенал писателя, из каких источников он черпает

лексику, как работает его желание представить парадоксальность альтернативной истории по сравнению с подлинной. Вкрапления, гибридные слова, устойчивые реплики, аллюзии и переделки сочетаются с известными ready-made-текстами, которые также внедряются в ткань повествования и на миг как бы возвращают в естественный мир, напоминая, что всякий искусственный конструкт выстроен из кирпичиков настоящего. Поскольку в отношении языков и народов у современного читателя сложились еще до знакомства с текстом собственные стереотипы, он может попытаться приложить к ним свою прежнюю мерку — но окажется, что тут от него требуется домысливание или перестройка устоявшейся иерархии приоритетов.

В заключение можно отметить, что если выделять в исследуемых нарративах только рефлексии о языке, случаи переключения кода, заимствований и придумывания новых слов, то в таком ракурсе оценка текста сильно зависит от лингвотипологической, интеркультурной и общегуманитарной подготовки автора, который либо ограничивается в своей работе по созданию воображаемого мира небольшим общеизвестным запасом заимствований, либо старается разработать свою легенду и тогда опирается на все богатство знакомых ему наделенных смыслами лексем или изобретает новые. По количеству и составу заимствований доминирует английский, но писатели стараются привлечь материал и других, в том числе малых и экзотических языков. От читателя также требуется подготовленность: он должен захотеть вникнуть в переклички и созвучия, отгадать намеки, ощутить сарказм и подивиться таланту автора.

Арсенал передачи заимствований в орфографии не так уж велик. В принципе, это разного вида кавычки, курсив и другие средства выделения, простое заимствование, гибридное образование, а наиболее интересный подход (из-за разнообразия способов) — транслитерация и дублирование при помощи перевода, когда возникает игра между правильным и неправильным истолкованием явления иного языка. Следует отметить, что не только обрусевшие заимствования на самом деле входят в состав русского языка, но и многие буквы, цитаты и реплики на иностранных языках, которые продолжают восприниматься как иноязычные слова и могут по своему значению постепенно дрейфовать в сторону от исконного. На письме они передаются по-разному, единых требований тут как бы нет.

Литература

Нечаева И. В. Иноязычные неологизмы в русском языке и проблема орфографической нормы. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 143 с.

Пиперски А. Ч. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 224 с.

Bodin P.-A. The Russian language in contemporary conservative dystopias // The Russian Review, 2016. Vol. 75. No. 4. Pp. 579–588.

Hopkins C. English fiction in the 1930s: Language, genre, history. London: Continuum, 2006. 284 p.

Sands P. Utopias and dystopias // Wolf M.J.P. (ed.) The Routledge Companion to Imaginary Worlds. New York: Routledge, 2018. Pp. 177–183.

Stell G. Code-switching // Darquennes J., Salmons J., Vandenbussche W. (eds.) Language Contact. An International Handbook. Vol. 1. Berlin: De Gruyter Mouton, 2019. Pp. 159–171.

Uffelmann D. Vladimir Sorokin's discourses: A companion. Boston, MA: Academic Studies Press, 2020. 234 p.

E.Yu. Protassova
University of Helsinki
(Finland, Helsinki)
ekaterina.protassova@helsinki.fi

LINGUISTIC DIVERSITY IN THE MODERN RUSSIAN LITERATURE

Writing words and phrases from an artificial or a different language inside a Russian text provides several challenges due to the current spelling. The article analyzes the language of several modern novels (Pavel Krusanov “Dead Tongue”, Vladimir Sorokin “Manaraga” and Victor Pelevin “Caretaker”). It specifically considers the problem of inserting foreign words and expressions into the text, the cases in which this occurs, commonalities and discrepancies between the authors. It is evident that the purposes of the authors are to create an imaginary world with its particular language, non-existing and somehow recognizable on different levels of comprehension in dependance of the richness of associations of the reader. They need to offer some markers of non-trivial circumstances, drawing from historical and modern events and symbolic systems. It is important that borrowings alternate with invented words, and the impetus for thinking about the structure of the future world is both based on the well-described international and sparsely documented small languages. Each of the aptly found expressions retrieves a number of original allusions that turn the text into a parody work written in a sarcastic way. Imaginary situations and worlds show that the human essence can have many guises, including the verbal ones, yet the human essence will remain unchanged.

Key words: code switching, foreign language insertions, invented words, dystopia, linguistic diversity

References

Bodin P.-A. The Russian language in contemporary conservative dystopias. *The Russian Review*, 2016. Vol. 75, no. 4, pp. 579–588.

Hopkins C. *English Fiction in the 1930s: Language, Genre, History.* London: Continuum, 2006. 284 p.

Nechaeva I. V. *Inojazychnye neologizmy v russkom jazyke i problema orfograficheskoj normy.* [Foreign-language neologisms in the Russian language and the problem of spelling norms]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 143 p.

Piperski A. Ch. *Konstruirovanie jazykov: ot esperanto do dotrakijskogo.* [The construction of languages: from Esperanto to Dothraki]. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2017. 224 p.

Sands P. Utopias and dystopias. In: Wolf M. J.P. (ed.) *The Routledge Companion to Imaginary Worlds*. New York: Routledge, 2018, pp. 177–183.

Stell G. Code-switching. In: Darquennes J., Salmons J., Vandenbussche W. (eds.) *Language Contact. An International Handbook.* Vol. 1. Berlin: De Gruyter Mouton, 2019, pp. 159–171.

Uffelmann D. Vladimir Sorokin's Discourses: A Companion. Boston, MA: Academic Studies Press, 2020. 234 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Л. Г. Смирнова
Смоленский государственный университет
(Россия, Смоленск)
naksemit@gmail.com

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

В статье рассматриваются орфографические нормы как ценностные установки, в которых отражен совокупный общественный и культурный опыт. Отмечается роль письма в социальном и культурном объединении общества. Подчеркивается значимость основных принципов русской орфографии: фонемного (морфологического), фонетического, традиционного. При усвоении данных принципов обучающиеся письму получают представление о фонемной и грамматической системах языка, о словообразовательных и лексических связях.

В статье констатируется явное снижение уровня грамотности молодых людей, которое связано с общими неблагоприятными тенденциями в развитии языка: с проявлением антинормализаторства в речи, со снижением требований к нормативному оформлению текстов, с иноментальным и инокультурным влиянием, с широким распространением интернет-технологий, заменяющих самостоятельный поиск решения орфографических задач. Снижение грамотности выпускников школ обусловлено также заменой системного изучения орфографии установкой на усвоение алгоритмов выполнения заданий единого государственного экзамена. В статье проанализированы результаты проведенного со студентами диктанта и опроса, на основании которых делается вывод о существующих орфографических трудностях, традиционных для носителей языка. Одновременно констатируется достаточно высокий авторитет орфографических норм у представителей молодого поколения.

Ключевые слова: нормативность языка, орфография, принципы орфографии, антинормативные тенденции, орфографические ошибки, авторитет орфографических норм.

Основным объектом изучения в современной антропоцентрической парадигме языкознания является Человек Говорящий, важной деятельностной реализацией которого является письмо. При анализе письменной речи значимы не только

форма и содержание речи (тексты), но и отношение пишущего к нормам и правилам оформления речи (прежде всего к орфографии).

Письменная речь — важный культурный фактор объединения общества. Социальную значимость этой формы речи отмечал в свое время Л. В. Щерба: «… язык — явление социальное и по своему существу служит для общения между людьми, сплачивает группы, а письмо и подавно по самому существу вещей еще, может быть, больше, чем устный язык» [Щерба 1957: 47].

Письменные тексты — важный компонент окружения каждого человека, главный источник пополнения его знаний о мире. Письменная форма языка является необходимым условием существования высшей формы национального языка — литературного языка, основополагающей характеристикой которого выступает нормативность. В «Русской грамматике» 1980 г. отмечается: «Общество проявляет высокую чувствительность к языковой норме как к показателю своей культуры и своего коллективного интеллекта. Поэтому одновременно с тем, что норма существует объективно, общество предписывает ее своим носителям как категорию обязательную. Нарушения нормы остро воспринимаются обществом, фиксируются им и осуждаются» [Русская грамматика 1980: 10].

Правила написания исторически своеобразны и отличаются даже у близких по языку народов (например, сербская и белорусская орфографии основаны на фонетическом принципе). Орфографические нормы складываются постепенно и овладение ими каждым следующим поколением — важное условие его социализации.

Орфографическая и пунктуационная грамотность — значимый компонент того общего знания, которое ребенок получает в школе. Требования к овладению письменной формой языка различаются в каждом национальном сообществе. Например, в общеобразовательной английской школе предмет «английский язык» отсутствует. В русской школе родному языку уделяется большое внимание. Даже сегодня, в период, когда традиционные культурные нормы проходят испытание на прочность, ЕГЭ по русскому языку остается обязательным.

Можно предположить, что в той или иной мере нормативная орфография и пунктуация обусловливают некоторые качества носителей языка. Например, признаваемая всеми старательность, хорошая память китайцев тренируется в процессе овладения логографической системой письма. Кроме того, письменный язык в Китае при наличии большого количества диалектов служит объединителем нации.

Для русских владение нормами письма во многом является мерилом культурного уровня человека. Поэтому школьная программа (по крайней мере, в практике ее реализации) преимущественно направлена на изучение орфографии и пунктуации, иногда в ущерб развитию устной речи. Овладение нормами письма требует развития навыков алгоритмического мышления и предполагает достаточно глубокое погружение в языковую проблематику.

Современное письмо является исторически сложившейся системой, отражающей фонемный состав русской речи. Приобщение через орфографию и пунктуацию к пониманию фонологического и грамматического строя языка, словообразованию,

выявление лексических связей способствует всестороннему лингвистическому (и не только) развитию личности. По мысли В. Ф. Ивановой, «единообразное грамотное письмо — это орудие культуры, и недаром слово неграмотный стало синонимом слова и понятия необразованный» [Иванова 1976: 11].

Глубокое вовлечение обучающихся в общеязыковую проблематику обусловлено прежде всего существующими принципами русской орфографии, о социальной роли которых писал Л. В. Щерба. Он выделял четыре принципа орфографии: 1) фонетический, 2) этимологический, или словопроизводственный, иначе морфологический, 3) исторический и 4) идеографический [Щерба 1957: 46]. Каждый из принципов, по мнению Л. В. Щербы, играет свою роль в приобщении через обучение письму к национальным языковым богатствам: «…фонетический принцип “пиши, как говоришь” является, конечно, самым демократическим принципом, самым легким, самым простым»; «этимологический принцип дает объяснение правописания в самом языке», «…является возбуждающим мышление, возбуждающим интерес»; «исторический принцип в орфографии ясным образом имеет значение связи с прошлым; здесь очень важно то, что он соединяет нас с опытом предков» [Щерба 1957: 47–49]. Сочетание в орфографии разнообразных принципов, несомненно, является уникальной лингвокультурной ценностью.

Русское письмо предполагает прежде всего обнаружение орфограмм, что само по себе требует интеллектуальных усилий: «…орфограмма — это написание, выбранное или еще искомое, в том случае, где пишущему предоставлен выбор букв для обозначения того или иного звука (фонемы)» [Иванова 1976: 134–135]. Наиболее частотные в любом тексте орфограммы связаны с основным принципом русской орфографии, который определяется как фонематический (фонемный) (с позиций Московской фонологической школы) или как морфологический (с позиций Ленинградской (Петербургской) фонологической школы). Решение орфографических задач предполагает серьезное рассуждение, требующее специальных лингвистических знаний. Необходимость подобных рассуждений в бытовой ситуации письма обусловливает своеобразную гибкость ума, сообразительность, присущую русским людям. Орфография и пунктуация, таким образом, является одним из факторов, формирующих национальные черты.

Каждый из принципов орфографии формирует у пишущего различные типы умений. Основной (фонемный) принцип обязывает научиться определять позицию гласного или согласного звука (слабую и сильную), выявлять родственные слова, выбирать проверочное слово. Кроме того, пишущий должен разграничивать позиционные и непозиционные (исторические) чередования звуков и решать вопрос об отражении или неотражении этих чередований на письме. Фонетические написания требуют развития речевого слуха пишущего, традиционные написания, помогающие разграничить слова на письме, формируют зрительную память.

Действующие сегодня правила орфографии вырабатывались в течение длительного времени и окончательно были зафиксированы «Правилами русской орфографии и пунктуации», принятыми в 1956 г. В предисловии к Правилам отмечается историческая ценность сложившейся орфографической системы и их способность

адекватно выполнять задачи по нормализации письма в соответствующий период: «Современное русское правописание, подвергшееся упрощению в 1918 г., **<…>** нельзя рассматривать как устарелое и отсталое в своих основах или во всех своих частях. Поэтому нет необходимости ни отменять его, ни реформировать. Современная русская орфография нуждается лишь в упорядочении, в улучшении» [Правила 1956: 3]. Отметим, что и сегодня это положение представляется справедливым. Не случайно попытки изменения правил орфографии (проект 1964 г.) не был реализован.

Однако, несмотря на общее понимание культурной ценности орфографических норм, уровень владения ими снижается, это снижение характерно прежде всего для современных школьников и студентов.

Во многом такая ситуация связана с ослаблением системы всех норм, скрепляющих общество: юридических, морально-этических, культурных.

Многие лингвисты отмечают кризисное состояние речевой культуры, общую деградацию языковой личности. И. А. Бубнова предполагает, что «…происходящие сегодня изменения в содержании русской языковой личности являются следствием постепенного исчезновения у людей, входящих в русское лингвокультурное сообщество, чувства непрерывности языка, что связано с уменьшением чувства национального самосознания и ослаблением связей внутри нации как отдельной социальной группы…» [Бубнова 2016: 54].

Деструктивным явлением Е. М. Лазуткина называет намеренный отказ от нормированной речи: «Формирование “моды” на неграмотную речь, просторечие и использование языка только на бытовом уровне сказывается на чувстве стиля и на грамотности, увеличивая разрыв между представителями элитарной языковой культуры и малограмотными людьми, а в целом — на состоянии языковой системы» [Лазуткина 2018: 27].

Как и другие исторически сложившиеся системы норм национальной культуры, орфографические нормы подвергаются сегодня серьезным испытаниям. Значимое иноментальное влияние, выражающееся, в частности, в установке на возможность и даже необходимость самовыражения во всех областях жизни, приводит к разрушению представлений о необходимости соблюдать правила. «Креативным» приемом стало сегодня соединение графических элементов латиницы и кириллицы в рекламных названиях: (***in****формат,* ***LADA D****еталь* и т. д.). В некоторых важных для современного человека текстах латиница полностью вытеснила русский алфавит (в адресах сайтов, электронной почты и др.).

Расширяются рамки «терпимости» к проявлениям элементарной безграмотности, отсутствию культуры, что выражается в увеличении количества ошибок в текстах, доступных массовому обозрению, например в городской рекламе (*травм****о****толог, педиат****о****р, пат****а****логии, по****л ц****ены; Солнце буд****е****т по утрам* (реклама штор) и др.). Практически исчезла сегодня профессия корректора, что сказалось на качестве языкового оформления книг и периодических изданий.

Серьезный удар по орфографической грамотности наносит тенденция свести курс русского языка в школе к подготовке к сдаче ЕГЭ. При этом систематическое

изучение орфографии заменяется усвоением алгоритмов выполнения заданий, связанных с орфографическими нормами (из 26 заданий ЕГЭ таких заданий только семь). В школе диктанты вытесняются тестами, которые не предполагают развития речевого слуха, формирования навыка соотнесения звукового облика слова с его графико-орфографической формой.

Определенный вклад в снижение уровня грамотности вносит широкое использование гаджетов, снабженных системой проверки орфографии. Подобные системы, психологически настраивают пишущего на гарантированную грамотность текста, «отключая» при этом логику решения орфографической задачи. Следует отметить, что далеко не все орфограммы могут быть проверены подобными системами, например слитное-раздельное написание, правописание частиц *не* и *ни*, правописание падежных форм и др.

Ослабление нормативных предписаний ведет к самому отвержению нормы. Ярким примером демонстративного антинормализаторства является так называемый «олбанский язык» («язык падонкаф»), описанный М. А. Кронгаузом в книге «Самоучитель олбанского» [Кронгауз 2013]. Данная форма письменной речи, бывшая в течение нескольких лет довольно популярной в интернет-коммуникации, представляла собой вариант фонетического письма, неадекватность которого для передачи русской речи была убедительно продемонстрирована в свое время М. В. Пановым [Панов 1964]. Пример подобного текста: «*Асилели? Тада пагнали дальшэ. Естессна, пастаяннае каверканье арфаграфии сильна утамляет васприятийе, поэтому мы переходим обратно на старый добрый литературный язык с небольшими вкраплениями ПТУ-стайла*» (цит. по [Кронгауз 2013: 23]).

Хотя в последнее время подобные формы антинормативности идут на убыль, выразительные средства письменной речи, заключающиеся в нарушении нормы, достаточно широко используются и сегодня с различными прагматическими целями.

Для иллюстрации современного состояния уровня грамотности приведем результаты диктанта, написанного студентами третьего курса университета. В написании диктанта и опросе принимали участие 40 студентов Смоленского государственного университета, из которых 31 человек обучается по специальности «Русская филология». Диктант взят из классического сборника диктантов В. Ф. Мазиловой [Мазилова 1971]. Допущенные ошибки выделены жирным шрифтом. Цифра в скобках указывает на общее количество ошибок во всех диктантах.

Весна

Куда н**е**(8) ступишь, куда н**е**(8) посмотриш**ь**(1) — повсюду вода. Над пропита**н**(1)**ом**(4) водою еще не(3) ра**сс**(2)та**е**(1)вш**ем**(5) снегом в овражке п**а**(5)рхает первая бабочка, **буд-то**(1) лимонн**о ж**елтый(1) листочек. Многочисленные ручейки и реч**ё**нки(6) объед**е**(2)няются в пен**и**(5)щиеся беше**нн**ые(9) потоки.

Птицы, возвративши**е**ся(1) из **д**алека(9), уже приглядывают места для буду**ю**щих(3) гнезд. **В**течени**и**(6) апреля многие из них смастерили гнездышки и внутри

вы**сл**али(5) пухом и шерсткой. А у в**а**ронихи**(1)** вылупилось шесть прож**ё**рливых(5) птенцов, и из гнезда слыш**е**тся(3) их н**и**(8[1])см**а**(1)лкающий н**е**(1) на минуту требовательный писк.

На проталинке **в н**изу(1) под кустом копошится серенький пушистый комочек — это зайч**ё**нок(2). Он совсем недавно родился, очень забавен, но уже умеет прятаться от врагов в прошлогодней траве.

В конце апреля осинник и орешник сплош(1) увеша**нн**ы(6) длинными сережками, в лужицах и к**о**навах(3) огромные комья студ**и**нистой(4) лягушиной икры.

У самой дорог**е**(1) — муравьиная куча, близ**ь**(3) которой взад и вперед бегают тысячи маленьких труже**нн**иков(11). Кажется, будто вся куча движ**и**тся(3) и кипит.

(По Г. Скребицкому)

Анализ диктантов показал, что орфографические ошибки являются вполне традиционными, однако их количество «в расчете на одного пишущего» явно возросло. Наибольшее количество ошибок допускается в тех орфограммах, которые связаны с традиционным принципом написания (правописание частиц и приставок *не* и *ни*, правописание одной и двух *н*, правописание предлогов и т. д.). Именно этими орфограммами в основном насыщены тексты, предназначенные для диктовки. Меньше ошибок допущено в орфограммах, основанных на фонемном принципе. Установка на поиск проверочного слова присутствует в сознании пишущих, хотя и в этом случае алгоритм поиска правильного решения дает сбои.

Наряду с диктантом был проведен опрос, целью которого было выявить отношение пишущих к необходимости соблюдать орфографические нормы. Несмотря на ограниченность количества респондентов, анализ их ответов представляет определенный интерес. Студентам была предложена анкета, ответы на вопросы которой должны были выявить отношение к культурной ценности орфографических норм и к возможности нарушения норм в определенных целях.

Абсолютное большинство респондентов (34 против 6) отметило свое стремление соблюдать орфографические нормы при написании текстов даже неофициального характера: в социальных сетях, в Вацапе или Вайбере.

Опрос обнаружил, что «олбанский язык» почти незнаком современным студентам. Однако половина опрошенных признала возможным нарушать орфографические нормы в целях создания юмористического эффекта, индивидуализации стиля письма. Наконец, о необходимости реформирования русской орфографии с целью ее упрощения заявили лишь восемь респондентов, остальные высказались в пользу сохранения современных норм.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что орфографическая грамотность продолжает оставаться безусловной ценностью для носителей русского языка, несмотря на определенное расширение свободы обращения с нормами. Сознание лингвокультурной значимости исторически сложившихся к настоящему времени орфографических норм, их почти исчерпывающая фиксация, несомненно,

[1] Слитное написание.

способствуют сохранению национальной идентичности носителей русского языка. Однако поддержание «безопасного» для нации уровня грамотности требует усилий государственных, образовательных учреждений, а также должным образом организованного лингвистического контроля.

Литература

Бубнова И.А. Язык и специфика национального миропонимания в России XXI века: современные тенденции исследования // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. // М. : МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 48–55.

Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1976. 288 с.

Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М. : АСТ: CORPUS, 2013. 416 с.

Лазуткина Е.М. Мишени глобализации: от прагматикона языковой личности — до менталитета нации // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М. : МАКС Пресс, 2018. Вып. 58. С. 20–30.

Мазилова В.Ф. Практикум по русскому языку : пособие для студентов-заочников пед. ин-тов. М. : Просвещение, 1971. 214 с.

Панов М.В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М. : Наука, 1964. 167 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.

Русская грамматика. Т.I. М. : Наука, 1980. 783 с.

Щерба Л. В Основные принципы орфографии и их социальное значение // Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957. С. 45–49.

L. G. Smirnova
Smolensk State University
(Russia, Moscow)
naksemit@gmail.com

SPELLING LITERACY AS A LINGUISTIC AND CULTURAL VALUE

The article considers the spelling norms of the language as values, that reflect the combined social and cultural experience. The role of writing in the social and cultural association of society is noted. The significance of the main principles of Russian spelling is emphasized: phonemic (morphological), phonetic, traditional. When assimilating these principles, students who study writing get an idea of the phonemic and grammatical systems of the language, about word-forming and lexical connections. The article states a clear decrease in the literacy rate of young people, which is associated with general unfavorable trends in the development of the language: with the manifestation of anti-normalization in speech, with a decrease in the requirements for the normative design of

texts, with insidious and non-cultural influence, with the widespread spread of Internet technologies that replace the independent search for a solution to spelling problems. The decrease in literacy of school graduates is also due to the replacement of the system study of spelling by the installation of algorithms for performing tasks of a single final exam. The article analyzes the results of the dictation and survey conducted with students, on the basis of which it is concluded that there are spelling difficulties traditional for native speakers. At the same time, the authority of spelling norms among representatives of the younger generation is quite high.

Key words: Normativity of language, spelling, principles of spelling, antinormative trends, spelling errors, authority of spelling norms.

References

Bubnova I. A. [Language and specific features of national world's view in Russia of the 21st century: modern approaches to investigation]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : cb. statei* [Language, consciousness, communication : collection of articles]. Moscow, MAKS Press Publ., 2016, Iss. 53, pp. 48–55. (In Russ.)

Ivanova V. F. *Sovremennyi russkii yazyk. Grafika i orfografiya : uchebnoe posobie* [Modern Russian. Graphics and spelling : schoolbook.] (2nd ed.). Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 288 p.

Krongauz M. A. *Samouchitel' olbanskogo* [Olbanian self-teacher]. Moscow, AST: CORPUS Publ., 2013. 416 p.

Lazutkina E. M. [Targets of Globalization: from the pragmatic level language personality — to the mentality of the nation]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : cb. statei* [Language, consciousness, communication : collection of articles]. Moscow, MAKS Press Publ., 2018, Iss. 58. pp. 20–30. (In Russ.)

Mazilova V. F. *Praktikum po russkomu yazyku : posobie dlya studentov-zaochnikov ped. in-tov* [Russian Language Workshop : Guide for Peda Students]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 214 p.

Panov M. V. *I vse-taki ona khoroshaya! Rasskaz o russkoi orfografii, ee dostoinstvakh i nedostatkakh* [And yet she's good! A story about Russian spelling, its advantages and shortcomings]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 167 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Basic principles of spelling and their social significance]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 176 p.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. T. I. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.

Shcherba L. V [Basic principles of spelling and their social significance]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, pp. 45–49. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

С. Д. Шелов, Т. Д. Четверикова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
volehs@mail.ru, tchetverikova@mail.ru

ОБ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЛЕКСИКИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Цель настоящей работы — описать случаи варьирования лексики терминологического и профессионального характера, включенной в авторитетные толковые словари русского языка (в частности, словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой и словарь под ред. А. П. Евгеньевой) и имеющей, согласно данным Национального корпуса русского языка, достаточно активное употребление.

Типология орфографической вариативности слов терминологического и профессионального характера в целом повторяет или является частью типологии орфографической вариативности лексических заимствований в русском языке. В целом такое положение вполне естественно: многие лексемы, близкие к терминам или профессионализмам, являются по происхождению теми же заимствованиями, но в смысловом отношении получившими соответствующее профессионально-терминологическое сужение. Отдельного внимания заслуживает вопрос об орфоэпической (произносительной) профессиональной норме, допускающей или не допускающей те или иные отклонения от нормы литературной.

Ключевые слова: лексика терминологического и профессионального характера, орфографическая вариативность термина, вариативность термина, терминология, толковые словари русского языка.

Тема вариативности терминологической лексики разрабатывается в лингвистической литературе достаточно активно; обзор соответствующих работ (рассматривающих также соотношение вариативности и синонимии в терминологии) представлен в статьях [Шелов 2014; Шелов 2016]. Отдельного внимания в этой теме заслуживает вопрос об орфографической вариативности терминов, которому также посвящено значительное количество работ, см., например, исследования [Бешенкова, Иванова 2018: 116–125; Иванова Г. А. 2009; Иванова Г. А. 2013; Иванова О. Е. 2015; Иванова О. Е. 2016; Иванова О. Е. 2018; Нечаева 2011; Нечаева

2012; Нечаева, Перцов 2020]. Отметим, что в этих работах значительное внимание уделяется соотношению различных вариантов с орфографической нормой (как литературной, так и профессиональной) употребления соответствующих единиц, с практикой их кодификации и отражения в нормативных словарях и справочниках.

Так, О.Е. Иванова [Иванова О.Е. 2016] объясняет отклонения орфографии терминологической лексики от нормы литературного употребления различными социолингвистическими факторами: а) традицией употребления, ср. *синезеленый, молочноцветковый, транс-изомер*, при литературной норме *сине-зеленый, молочно-цветковый, трансизомер*; б) системным (языковым) фактором, ср. *эхокардиограмма, эхолокатор, эхолот,* но *эхо-импульс, эхо-камера, эхо-волна*; в) субъективным фактором, ср. *морфо-семантический, морфо-функциональный, фоно-морфологический, лингво-семиотический* при более правильном *морфосемантический, морфофункциональный, фономорфологический, лингвосемиотический* и более новое *темарематический* при более традиционном и, по-видимому, более правильном *темо-рематический*; г) расширением сферы функционирования специального слова, ср. *машиноместо, нормочас, самолетовылет* при более традиционном *машино-место, нормо-час, самолето-вылет*); д) самой принадлежностью специального слова к терминосфере, так *плотнонаселенный* — это термин демографии (и пишется он слитно), *плотно заселенный* — это сочетание причастия с наречием (и пишется оно отдельно), аналогично *вечнозеленый, вечноцветущий, вечномерзлый* и *вечно зеленый, вечно цветущий, вечно мерзлый*. Рассмотренные типичные случаи вариативности и отклонений написания терминов различных наук от нормы обусловливают, по мнению автора, различные стратегии кодификации.

В работах [Нечаева 2011; Нечаева 2012; Нечаева, Перцов 2020] представлена лингвистическая типология орфографических колебаний русских лексических единиц, заимствованных из других языков. При этом сама необходимость проведения кодификации в виде обязательного выбора одного из вариантов в качестве кодифицированного и критериев такого выбора оспариваются [Нечаева 2012: 85–86; Нечаева, Перцов 2020: 32–33].

В настоящей работе мы не касаемся вопросов необходимости кодификации того или иного орфографического варианта и критериев его выбора. Цель работы более скромная: она заключается в описании случаев реального варьирования лексики терминологического и профессионального характера, встретившихся в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ); при этом к лексике этого типа относятся лексические единицы, которые имеют соответствующие пометы в авторитетных академических словарях и, в частности, в словарях [Ожегов, Шведова 1995; Словарь русского языка 1999][2]. Для усиления справочного характера информации об имеющихся вариантах мы приводим также написания,

[2] В свою очередь эти данные используются при построении Словаря лексики терминологического и профессионального характера русского языка (подробнее см. в работах [Шелов, Рычкова 2017; Шелов, Четверикова 2019]).

соответствующие нормам «Русского орфографического словаря» (М., 2012) и зафиксированные в Орфографическом академическом ресурсе «Академос» на сайте http://orfo.ruslang.ru; эти данные даются в квадратных скобках, например: [**ЛЕГИНСЫ**], [**РЕМЕЙК**], [**ПЕРФОРМАНС**].

В упомянутой работе [Нечаева, Перцов 2020] среди различных типов орфографических колебаний едва ли не первое место занимают слова с удвоением / без удвоения согласных. Так, отмечаются вариативные написания заимствований в русский язык из английского, например [Нечаева, Перцов 2020: 12]:

> **КЛИФФ-ДАЙВИНГ** / [**КЛИФ-ДАЙВИНГ**] (англ. cliff diving), **МОББИНГ / МОБИНГ** (англ. mobbing), **ПРЕСС-ВОЛЛ / ПРЕСС-ВОЛ** (англ. press wall), [**ТРОЛЛИНГ**] / **ТРОЛИНГ** (англ. trolling), [**ХОРРОР**] / **ХОРОР** (англ. horror), **ОФФШОР** / [**ОФШОР**] (англ. offshore), **ЛЕГГИНСЫ** / [**ЛЕГИНСЫ**] (англ. leggings), [**МЕССЕДЖ**] / **МЕСЕДЖ** (англ. message)[3].

Многие из этих лексических единиц в том или ином написании (или в обоих вариантах), согласно НКРЯ, вошли в общий лексический фонд русского языка, ср.:

> *Повышение налогов, как отмечают авторы, стало затруднительным из-за получившей все большое развитие международной налоговой конкуренции, а попросту возможности увода капиталов в* ***офшоры*** [А. Г. Механик. Мир, где побеждает финансовая олигархия // «Эксперт», 2016]. *На аукционе побеждает тот, кто богаче. В нашем случае выигрывают «сетевики», у которых полно денег из* ***оффшоров****. Кому это надо? Нас делают заложниками!* [Денис Викторов. Демонстративная реформа // «Бизнес-журнал», 2004.03.16].

Поскольку весьма значительная часть лексики терминологического и профессионального характера представляет собой заимствования (в основном также из английского), естественно предполагать наличие многих общих типов для материала заимствований и специальной лексики. И в самом деле, тот же тип вариативного написания, по-видимому, представлен в случаях:

> [**БА́ННЕР**] / **БА́НЕР** (*Инф., рекл.*), **БЛО́ГГЕР** / [**БЛО́ГЕР**] (*Инф.*), **ОФФЛА́ЙНОВЫЙ** / [**ОФЛА́ЙНОВЫЙ**] (*Инф.*), **ПИ́ЛЛИНГ** / [**ПИ́ЛИНГ**] (*Мед.*), **СКА́ННЕР** / [**СКА́НЕР**] (*Тех.*), **СПА́ММЕР** / [**СПА́МЕР**] (*Инф.*), **ТРА́ФФИК** / [**ТРА́ФИК**] (*Спец.*), **ТРА́ФФИК** / [**ТРА́ФИК**] (*Инф.*), **ФИ́ТНЕСС** / [**ФИ́ТНЕС**] (*Мед., спорт.*)[4].

---

[3] Отдельную тему проблемы вариативности составляет вариативность написания лексической единицы с прописной или со строчной буквы, ср. **Государственная Дума** и **Государственная дума**, **Третье транспортное кольцо** и **третье транспортное кольцо**, **Святые Отцы** и **святые отцы**, **Святая Церковь**, **Святая церковь** и **святая церковь**. Этот тип вариативности в данной статье не затрагивается.

[4] Здесь и далее в скобках сокращенно указаны области знания, лексика которых попадает в общий язык.

Приведенные в качестве примера лексические единицы в своих специальных значениях, с одной стороны, безусловно, представляют соответствующую область знания (информатику, рекламу, финансы, медицину, технические науки, спорт) и относятся к лексике терминологического или профессионального характера, а с другой стороны, явно находятся на пути вхождения в состав общей лексики русского языка, и их употребление достаточно широко представлено в НКРЯ; приведем здесь примеры использования в текстах лишь двух слов — [**БАННЕР**] / **БАНЕР** и **ПИЛЛИНГ** / [**ПИЛИНГ**]:

> *Ранее сообщалось, что фанаты московского «Динамо» на матче против петербургского «Зенита» вывесили* ***баннер****, высмеивающий избиения 8 октября с участием форварда сине-бело-голубых Александра Кокорина* [Отдел «Спорт». Игрок «Зенита» был удален в первом тайме впервые за пять лет // gazeta.ru, 2018.10.21]. *Оказалось, что список согласованных* ***банеров****, который по словам организаторов, был утвержден мэрией Москвы, совсем не похож на тот, что имеется в распоряжении полицейских* [Анастасия Родионова. Русский марш: как Всеволод Чаплин чуть не возглавил революцию // Московский комсомолец, 2017.11.04];
>
> *Если уж оказались в Турции, грех отказывать себе в турецкой бане с* ***пиллингом*** *и массажем* [Серию про Джеймса Бонда можно снимать здесь // Комсомольская правда, 2005.07.05]. *За неделю сделайте* ***пилинг*** *лица и тела — эта процедура освежает и обновляет кожу* [Новогодний макияж: Твой выход! // Комсомольская правда, 2007.12.24].

Сказанное справедливо и для вариативного написания *Э / Е* внутри слова — еще одной разновидности орфографической вариативности, отмеченной в работах [Нечаева 2012: 77–80; Нечаева, Перцов 2020: 12] и проявляющейся, например, в лексемах:

> **ХЭТЧБЕК** / [**ХЕТЧБЭК**] / **ХЭТЧБЭК** / **ХЕТЧБЕК** (англ. hatch back), **КЭШБЭК** / **КЭШБЕК** / [**КЕШБЭК**] / **КЕШБЕК** (англ. cash back), **ФРЕНД** / **ФРЭНД** (англ. friend), **ХЭНДАУТ** / [**ХЕНДАУТ**] (англ. handout), **РЭГТАЙМ** / [**РЕГТАЙМ**] (англ. ragtime), **СНЭК** / [**СНЕК**] (англ. snack), [**ТРЕНД**] / **ТРЭНД** (англ. trend), [**БРЕНД**] / **БРЭНД** (англ. brand), **РИЭЛТОР** / [**РИЕЛТОР**] (англ. realtor), **ФЛАЭР** / [**ФЛАЕР**] (англ. flier).

Аналогично упомянутому выше случаю различного написания здесь также наблюдается вариативность, зафиксированная НКРЯ, причем иногда для всех теоретически возможных вариантов написания. Так, для лексем **КЭШБЭК** / **КЭШБЕК** / [**КЕШБЭК**] / **КЕШБЕК** имеем следующие зафиксированные в НКРЯ фрагменты:

> «*Мы ставим себе срок до середины июля этого года уже охватить большой перечень торговых и иных организаций, которые будут давать нашим клиентам реально серьезный* ***кэшбэк,*** *от 10 до 20% заложено, при оплате*

картой "Мир"», — отметила Ольга Скоробогатова [ЦБ: кэшбэк по карте «Мир» составит от 10 до 20% // Коммерсант, 2018.02.01]. *Банки уходят от продуктов, позволяющих накапливать мили или бонусы одного партнера, к более гибким вариантам вознаграждения клиентов — **кэшбеку** или баллам, которые по желанию можно обменять на подарки», — отметила заместитель руководителя департамента розничных продуктов ВТБ Юлия Деменюк* [Игорь Лаврентьев. Последние тенденции на рынке кредитных карт // Московский комсомолец, 2018.07.09]. *И те, кто пользуется обычными картами без функции **кешбэка**, фактически упускают собственную прибыль, поскольку данный инструмент позволяет не только тратить деньги (ведь он чаще всего используется для оплаты различных товаров и услуг), но и получать их* [Александр Широков. Поймать выгоду // lenta.ru, 2017.06.19]. *Если товар будет храниться в корзине боле 6 часов, то **кешбек** не начислят*. [Вся правда о распродаже 11.11 на AliExpress // lenta.ru, 2017.11.10].

В сфере лексики терминологического и профессионального характера этот же тип орфографической вариативности демонстрируют, например, единицы:

МЭЙЛ / [**МЕЙЛ**] (*Инф., разг.*), [**КЕШ**] / **КЭШ** (*Торг., фин.*), **РИЭ́ЛТОР** / [**РИЕ́ЛТОР**] (*Торг.*), **СЭЙВ** / [**СЕЙВ**] (*Спорт., разг.*), **СЭЙЛ** / [**СЕЙЛ**] (*Торг., разг.*), **ФЛЭ́ШКА** / [**ФЛЕ́ШКА**] (*Инф., разг.*), **ФРО́НТМЭН** / [**ФРО́НТМЕН**] (*Муз.*).

Соответствующая реализация этих вариантов написания также подтверждается достаточно многочисленными цитатами из НКРЯ (ниже мы приведем только случаи использования **РИЭ́ЛТОР** / [**РИЕ́ЛТОР**] (*Торг.*) и **СЭЙВ** / [**СЕЙВ**] (*Спорт., разг.*), ср.:

*Необходимо четко определить, в чем состоит услуга **риэлтора**, за что он получает деньги, за что он отвечает и что не может гарантировать. И всё это необходимо отразить в договоре с клиентом* [Ирина Бондаренко. Документы и факты // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.08.12]. *Пальчиков думал, что когда начнет продавать свою квартиру, нарвется и на черного **риелтора**. Однако сразу распознает в нем черного, улыбнется этому черному проницательно, и черный **риелтор**, усмехнувшись Пальчикову в ответ тоже понятливо, как равному, медоточиво ретируется. Пальчиков видел однажды черного **риелтора** по телевизору, плешивого, простецкого* [А. Н. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014];

*Голкипер «Ливерпуля» Адриан совершил лучший **сэйв** в шестом туре Английской премьер-лиги (АПЛ)* [Сэйв вратаря «Ливерпуля» признан лучшим в шестом туре АПЛ // lenta.ru, 2019.09.24]. *Вратарь клуба Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) «Автомобилист» Якуб Коварж совершил два **сейва** подряд во время третьего матча полуфинала Восточной конференции с уфимским «Салаватом Юлаевым»* [Вратарь клуба КХЛ лежа сделал два сейва за секунду // lenta.ru, 2019.03.18].

Существуют также различные случаи орфографической вариативности в русском языке заимствованных слов, по-видимому, в конечном итоге связанной с ориентацией на устную / письменную форму слова языка-донора; таковы в русском языке заимствованные из английского [**ДИСТРИБЬЮТОР**] / **ДИСТРИБЬЮТЕР** / **ДИСТРИБУТОР** (*Торг.*) (ср. англ. DISTRIBUTOR [dɪsˈtrɪbjutə]), [**ЛАПТОП**] / [**ЛЭПТОП**] (*Инф.*) (ср. англ. LAPTOP [ˈlæptop]); [**ПЕРФОРМАНС**] / **ПЕРФОМАНС** (*Театр*) (ср. англ. PERFORMANCE [pəˈfɔːməns]); [**ПРОМОУШЕН**] / **ПРОМОУШН** (*Торг.*) (ср. англ. PROMOTION [prəˈməʊʃn]); [**РЕМЕ́ЙК**] / **РИМЕ́ЙК** (*Кино*) (ср. англ. REMAKE [riːmeik]); [**РЕТЕ́ЙЛ**] (в различных значениях) / **РИТЕ́ЙЛ** (в различных значениях) (ср. англ. RETAIL [riːteil]) и др. Все эти варианты также зафиксированы в НКРЯ, причем за каждой парой может стоять достаточно распространенная модель орфографической вариативности заимствованного слова[5].

Кроме этих, так сказать, типовых орфографических вариантов заимствованных слов, имеется значительное количество орфографических вариантов лексем, заимствованных из самых разных языков и объясняемых уникальными для каждого случая причинами, ср.:

> [**ХАЛИ́Ф**] / [**КАЛИ́Ф**] (*Ист.*), [**МЕДЖЛИ́С**] / [**МАДЖЛИ́С**] (*Полит.*), [**ПАРАЛИМПИАДА**] / [**ПАРАОЛИМПИАДА**] (*Спорт.*), [**РАМАЗАН**] / [**РАМАДАН**] (*Рел.*), [**ТХЭКВОНДО**] / **ТАЭКВОНДО** (*Спорт.*), [**ЭМИ́Р**] / **АМИ́Р** (*Полит.*) и др.

В качестве примеров некоторых из этих вариативных лексем приведем следующие данные НКРЯ:

> *И тогда Абу Джихад решил: почему бы им с Умаром Шишани не образовать под себя российскую «провинцию ИГ» — на Кавказе. Это бы заметно усилило их позиции в ИГ и перекинуло мостик на родину, о которой они не забывали. Он прислал* ***амирам*** *северокавказских групп сообщения с требованием определить свою позицию по отношению к «Исламскому государству». Ряд* ***амиров*** *принесли присягу еще в ноябре 2014-го* [Елена Милашина. Как русский стал официальным языком запрещенной ИГИЛ и кто руководит пропагандистской машиной террористов // Новая газета, 2016.03.17]. *Ходжа Насреддин обещал* ***эмиру*** *выучить осла читать. Если через двадцать лет осел читать не научится, то* ***эмир*** *казнит Ходжу* [Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)];

> *Ты слышала, что в городе говорят? Боевики на* ***Рамазан*** *всех девушек, кого без платка увидят, убивать будут. Уже убили двух девочек* [Гулла Хирачев (Алиса Ганиева). Салам тебе, Далгат! (2009) // «Октябрь», 2010]. *Я тоже*

[5] Иной случай представляет соотношение [**ТРАНСФЕР**] (в различных значениях) / [**ТРАНСФЕРТ**] (в различных значениях). Эти термины пришли в Россию различными путями: [**ТРАНСФЕР**] — из англ. и преимущественно со значением из областей туризма и бизнеса, а [**ТРАНСФЕРТ**] — из франц. и преимущественно со значением из банковской и бухгалтерской сфер. В свою очередь, оба слова происходят от лат. trānferre — переносить, перемещать.

не особенно считал деньги, оплачивая поездку его высочества. И, разумеется, на все наши вопросы, будет ли в Абу-Даби Гран-при, шейх отвечал однозначно: будет! А дальше начался месяц ***Рамадан****, когда ничего не решается, люди вообще не работают. После* ***Рамадана*** *шейх улетел на полтора месяца в Пакистан охотиться с соколами на дрофу и к работе собирался приступать только в феврале* [Артем Тарасов. Миллионер (2004)].

До сих пор речь шла о внутрисловной вариативности, при которой меняется графемный состав в пределах одной лексемы русского языка[6]. Еще один тип вариативности написания — вариативность слитного/дефисного написания слов типа **СТРИТ-ФУД / СТРИТФУД**, **ФАН-ЗОНА / ФАНЗОНА**, **МАСС-МАРКЕТ /** [**МАССМАРКЕТ**], **СТЕНД-АП / СТЕНДАП** и др., отмеченная в работах [Нечаева 2012; Нечаева, Перцов 2020]. Она также охватывает и некоторые разряды специальной лексики профессионально-терминологического характера, ср.:

ДЖЕК-ПО́Т / [**ДЖЕКПО́Т**] (*Спец.*), [**МАСТЕР-КЛА́СС**] / **МАСТЕР-КЛА́СС** (*Общенауч.*), **ОН-ЛА́ЙНОВЫЙ** / [**ОНЛА́ЙНОВЫЙ**] (*Инф.*), [**ПИТ-СТО́П**] / **ПИТСТО́П** (*Спорт.*).

Функционирование этих вариантов в текстах также фиксируется данными НКРЯ, ср.:

Кумилкин уверял, что у него в игровых салонах везде знакомые охранники, которые за сотню рублей скажут, давно ли был ***джек-пот****, то есть насколько велика возможность выигрыша. В первом же салоне им повезло: охранник шепнул, что* ***джек-пот*** *был очень давно, так что играть можно почти наверняка* [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006]. *В американском штате Южная Каролина объявился обладатель самого большого* ***джекпота*** *в истории США, выигранного одним человеком. Как сообщает сайт лотереи Mega Millions, победитель, получивший полтора миллиарда долларов, пожелал остаться анонимным* [Найден обладатель рекордного джекпота в полтора миллиарда долларов // lenta.ru, 2019.03.05].

К этой разновидности орфографической вариативности примыкает неустойчивое написание некоторых лексических единиц иногда через дефис или тире, а иногда — как отдельных слов через пробел, ср.:

---

[6] Отдельной темой, примыкающей к изучаемой, является проблема соотношения и профессиональной нормы в сфере ударения — она поднимает вопросы орфоэпического варьирования слов лексики терминологического и профессионального характера в специальном употреблении, ср.: [**ДИСКУ́РС**] / [**ДИ́СКУРС**] (*Лингв.*), [**И́СКРА**] / **ИСКРА́** (*Физ.*), [**КА́ТАРСИС**] / [**КАТА́РСИС**] (*Мед., психол.*), **МА́РЖА** / **МА́РЖА́** (*Фин.*), [**МА́РКЕТИНГ**] / [**МАРКЕ́ТИНГ**] (*Экон.*), [**ФА́КТОРИНГ**] / [**ФАКТО́РИНГ**] (*Фин.*), [**ОСУЖДЁННЫЙ**] / **ОСУ́ЖДЕННЫЙ** (*Юр.*), [**ФО́БИЯ**] / **ФОБИ́Я** (*Мед., психол.*), [**ФЛЮОРОГРА́ФИЯ**] / **ФЛЮОРОГРАФИ́Я** (*Мед., тех.*). Ограниченные рассмотрением только орфографической вариативности мы не будем касаться здесь этого вопроса (о соотношении профессиональной и литературной нормы см. работы [Лейчик, Шелов 2011; Четверикова 2020]).

И́НДЕКС ДО́У-ДЖО́НСА / / [И́НДЕКС ДО́У — ДЖО́НСА] / И́НДЕКС ДО́У ДЖО́НСА (*Фин., торг.*), [**УРАЗА́-БАЙРА́М**] / **УРАЗА́ БАЙРА́М** (*Рел.*), [**МАСТЕР-КЛА́СС**] / **МАСТЕРКЛА́СС / МА́СТЕР — КЛА́СС / МА́СТЕР КЛА́СС** (*Общенауч.*).

Характерно, с этой точки зрения, название ряда словарных изданий, ср.: «Как правильно? С большой буквы или с маленькой?» [Лопатин, Нечаева, Чельцова 2005], «Слитно, раздельно или через дефис» [Лопатин, Лопатина 2012], «Слитно? Раздельно? Через дефис?» [Букчина 2019]. В подавляющем большинстве случаев в НКРЯ представлено рекомендуемое в словаре [Лопатин, Нечаева, Чельцова 2005] написание *индекс Доу — Джонса, Ураза-байрам, мастер-класс* и др., но изредка встречается и отличное от него, ср., например:

> *Накануне выборов Уолл-стрит «проголосовал деньгами» — однозначно в пользу Хиллари Клинтон. Известие о том, что она выведена из-под подозрений ФБР, подняло на Нью-йоркской бирже все котировки ценных бумаг.* ***Индекс Доу-Джонса*** *подскочил на 371 пункт. Подорожали доллар (что плохо для России) и нефть (что для России хорошо)* [Илья Бараникас. Выборы в США: Уоллстрит торжествует, предвидя победу Хиллари // Московский комсомолец, 2016.11.08]; *Настоящее признание пришло к Кроуфорду, когда он уже покинул Merrill Lynch и открыл собственную фирму. В 1987 году он стал единственным человеком, предсказавшим самый большой обвал индекса* ***Доу Джонса*** [Анастасия Стаханова. Ретроградный Меркурий // lenta.ru, 2019.05.29].

Таким образом, типология орфографической вариативности слов терминологического и профессионального характера в целом повторяет или является частью типологии орфографической вариативности лексических заимствований в русском языке. В целом такое положение вполне естественно: многие лексемы, близкие к терминам или профессионализмам, являются по происхождению теми же заимствованиями, но в смысловом отношении получившими соответствующее профессионально-терминологическое сужение. Отдельного внимания заслуживает вопрос об орфоэпической (произносительной) профессиональной норме, допускающей или не допускающей те или иные отклонения от нормы литературной.

Литература

Бешенкова Е.В., Иванова О.Е. Аспектное описание русской орфографии : очерки теории, правила, словарь. М. : ЛЕКСРУС, 2018. 567 с.

Букчина Б.З. Слитно? Раздельно? Через дефис? Орфографический словарь русского языка : свыше 45 000 слов, грамматическая информация, примеры употребления. М. : АСТ-Пресс, 2019. 432 с.

Иванова Г.А. Терминологическая вариантность в метаязыке лингвистики: нормативный аспект // Терминология и знание. Мат-лы III Межд-го симпозиума (Москва, 8–10 июня 2012 г.). М., 2013. С. 340–348.

Иванова Г.А. Орфографическая вариантность лингвистических терминов // Вестник МГОУ. Русская филология. 2009. №1. С. 16–21.

Иванова О.Е. К проблеме орфографической кодификации терминологии // Верхневолжский филологический вестник. 2016. №3. С. 49–56.

Иванова О.Е. Стратегии орфографической кодификации в области терминологии // Русский язык в научном освещении. 2015. №2 (30). С. 21–43.

Иванова О.Е. Термины и общий орфографический словарь // Терминология и знание. Мат-лы VI Межд-го симпозиума (Москва, 8–10 июля 2018 г.). М., 2018. С. 21–32.

Лейчик В.М., Шелов С.Д. Терминологическая норма в освещении российских лингвистов в период 70–80-х гг. XX века // Термінологічний вісник: Збірник наукових праць. К.: ІУМ НАНУ, 2011. Вип. 1. С. 7–18.

Лопатин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К. Как правильно? С большой буквы или с маленькой? Орфографический словарь : около 20 000 слов и словосочетаний. М. : Астрель : АСТ, 2005. 398 с.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Слитно, раздельно или через дефис? Орфографический словарь : свыше 20 000 слов и словосочетаний. М. : Эксмо, 2012. 482 с.

Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М., Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.

Нечаева И.В., Перцов Н.В. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. №1. С. 10–35.

Нечаева И.В. О шоп(п)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации // Русский язык в научном освещении. 2012. №1 (23). С. 72–89.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1995. 928 с.

Орфографический академический ресурс «Академос» [Электронный ресурс]. URL: http://orfo.ruslang.ru

Русский орфографический словарь : около 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС, 2012. 896 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. стереотип. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Четверикова Т.Д. «Тело возбуждено́, а дело возбу́ждено»? // Русская речь. 2020. №6. С. 82–93.

Шелов С.Д. Еще раз о вариативности терминов: термины-словосочетания — особый случай? // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сб. статей по мат-ам Междунар. науч. конференции. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 532–542.

Шелов С.Д. О вариативности и синонимии в терминологии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. №5. С. 3–17.

Шелов С.Д., Рычкова Л.В. Об одном новом типе терминологических словарей и справочников // Русский язык в научном освещении. 2017. №2. С. 250–273.

Шелов С.Д., Четверикова Т.Д. Универсальный терминологический словарь: новое в русской терминографии // Язык. Культура. Перевод : Сб. мат-лов Всероссийской науч.-прак. конф. / под ред. В.А. Иконниковой, Н.Д. Паршиной. М. : Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 2019. С. 19–25.

S.D. Shelov, T.D. Chetverikova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
volehs@mail.ru, tchetverikova@mail.ru

ON THE SPELLING VARIATION OF TERMINOLOGICAL AND PROFESSIONAL LEXICON IN MODERN RUSSIAN

The article deals with spelling variation of terminological and professional lexics, included in the authoritative explanatory dictionaries of the Russian language (in particular, the dictionary of S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova and the dictionary edited by A.P. Evgenieva) and having, according to the data of the National Corpus of the Russian Language, quite active use.

The spelling variation of terminological and professional lexicon generally reiterates the spelling variation of lexical borrowings in the Russian language. This situation seems quite natural: a great number of Russian lexemes close to terms or professionalisms are the same borrowings in origin, but semantically they narrowed. The same processes apply to the native vocabulary of religious or ecclesiastical subjects, which keeps its linguistic status of the common language, including the possibility of different orthographic transmission. Special attention should be paid to the question of the orthoepic (pronouncing) professional norm, which allows or does not allow certain deviations from the literary norm.

Key words: lexics of terminological and professional character, spelling term variation, term variation. terminology, explanatory dictionaries of the Russian language.

References

Beshenkova E.V., Ivanova O.E. *Aspektnoe opisanie russkoj orfografii : ocherki teorii, pravila, slovar'* [Aspect description of Russian spelling : essays on theory, rules, dictionary]. Moscow, LEXRUS, Publ., 2018. 567 p.

Bukchina B.Z. *Slitno? Razdel'no? Cherez defis? Orfograficheskij slovar' russkogo yazyka : svyshe 45 000 slov, grammaticheskaya informaciya, primery upotrebleniya* [Merged? Separately? Hyphenated? Spelling dictionary of the Russian language : over 45 000 words, grammatical information, usage examples]. Moscow, AST-Press Publ., 2019. 432 p.

Ivanova G.A. [Terminological variation in the metalanguage of linguistics: a normative aspect]. *Terminologiya i znanie. Mat-ly III Mezhd-go simpoziuma (Moskva, 8–10 iyunya 2012 g.).* Moscow, 2013. pp. 340–348. (in Russ).

Ivanova G. A. [Spelling variation of linguistic terms]. *Vestnik MGOU. Russkaya filologiya*, 2009, no. 1, pp. 16–21. (In Russ.)

Ivanova O. E. [On the problem of spelling codification of terminology]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik,* 2016, no. 3. pp. 49–56. (In Russ.)

Ivanova O. E. [Spelling codification strategies in terminology]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii,* 2015, no 2 (30), pp. 21–43. (In Russ.)

Ivanova O. E. [Terms and general spelling dictionary]. *Terminologiya i znanie. Mat-ly VI Mezhd-go simpoziuma (Moskva, 8–10 iyulya 2018 g.).* Moscow, 2018, pp. 21–32. (In Russ.)

Lejchik V. M., Shelov S. D. [Terminological norm in the coverage of Russian linguists in the period of 70–80-ies of the XX century]. *Terminologichnij visnik: Zbirnik naukovih prac'.* Kiev, 2011, Issue 1, pp. 7–18. (In Russ.)

Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Chel'tsova L. K. *Kak pravil'no? S bol'shoi bukvy ili s malen'koi? Orfograficheskii slovar' : okolo 20 000 slov i slovosochetanii* [How is it correct? With a capital letter or with a small letter? Spelling dictionary: about 20 000 words and phrases]. Moscow, Astrel' : AST Publ., 2005. 398 p.

Lopatin V. V., Lopatina L. E. *Slitno, razdel'no ili cherez defis? Orfograficheskij slovar' : svyshe 20 000 slov i slovosochetanij* [Merged, separately, or hyphenated? Spelling dictionary. Over 20 000 words and phrases]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 482 p.

Nechaeva I. V. *Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnyh zaimstvovanij* [Actual problems of spelling of foreign-language borrowings]. Moscow, "Azbukovnik" Publishing Center. Publ., 2011. 168 p.

Nechaeva I. V., Perzov N. V. [On variability in Russian spelling]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii,* 2020, no. 1, pp. 10–35. (In Russ.)

Nechaeva I. V. [About shop(p)ing, mini(-)van and the secrets of spelling codification]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii,* 2012, no. 1 (23), pp. 72–89. (In Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az Publ., 1995. 928 p.

Orfograficheskij akademicheskij resurs «Akademos» [Spelling academic resource "Academos"]. Available at: // http://orfo.ruslang.ru

Russkij orfograficheskij slovar : okolo 200 000 slov [Russian spelling Dictionary : over 200 000 words]. Ed. by Lopatina L. E., Ivanova O. E. Moscow, "ASTPRESS" Publ., 2012. 896 p.

Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. [RAN, In-t lingvistich. research; Ed. by A. P. Evgenieva.]. Moscow, Russian Publ; Polygraph resources Publ., 1999.

Chetverikova T. D. ["Telo Vozbuzhdeno" and "Delo Vozbuzhdeno": Special Accent Forms in Professional Jargon]. *Russian speech,* 2020, no 6, pp. 82–93. (In Russ.)

Shelov S. D. [One more time on the variability of terms: terms-phrases — a special case?]. *Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktual'nyh problem sovremennogo yazykoznaniya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Golovina)"* [Collection of articles of the International Scientific Conference. "Scientific heritage of B. N. Golovin in the light of actual problems of modern linguistics (to the 100-th anniversary of the birth of B. N. Golovin)"]. Nizhny Novgorod, DECOM Publ, 2016, pp. 532–542. (In Russ.)

Shelov S. D. [On variation and synonymy in terminology]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka,* 2014, vol. 73, no. 5, pp. 3–17. (In Russ.)

Shelov S. D., Rychkova L. V. [On a new type of terminology dictionaries and reference books]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2017, no. 2, pp. 250–273. (In Russ.)

Shelov S. D., Chetverikova T. D. [Universal Terminological Dictionary: New in Russian Terminography]. *Sb. mat-lov Vserossijskoj nauch.-prak. konf. "Yazyk. Kul'tura. Perevod"* [Collection of papers of the All-Russian scientific practice. conf. "Language. Culture. Translation"]. Ed. by V. A. Ikonnikova, N. D. Parshina. Moscow, Odintsovo branch of MGIMO MFA of Russia Publ., 2019, pp. 19–25. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

ПУНКТУАЦИЯ

Я. Э. Ахапкина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
yakhapkina@hse.ru

ИЕРАРХИЯ ПУНКТУАЦИОННЫХ ПРАВИЛ: ПРЕДЕЛЫ ОСВОЕНИЯ*

В статье систематизируются и объясняются случаи игнорирования грамотными носителями языка частных правил отсутствия запятой в сложном предложении. Материалом послужили данные Национального корпуса русского языка ruscorpora.ru (отфильтрованная вручную выдача по запросу «***и*** после запятой в шаге от 1 до 6 перед знаком вопроса»), отдельные примеры из интернет-узуса и современной, в частности переводной, литературы. Полученные данные проверялись опросом информантов. Выделены типы и подтипы высказываний, системно приобретающие не рекомендованную в кодификации запятую перед сочинительным соединительным союзом между двумя однородными основами сложносочиненного предложения из двух вопросительных компонентов. Наличие запятой свидетельствует о системном игнорировании признаков однородных конструкций у двух вопросов в таких структурах, как включение антецедента в первую часть и его местоименная анафорическая замена во второй части, конструкции со значением уточнения или следствия во второй части, относительно автономные однородные вопросы. Для грамотных носителей языка наличие двух сочиненных пропозиций, оформленных как относительно самостоятельные клаузы, содержащих две грамматические основы, оказывается важнее признаков, превращающих эти компоненты сложносочиненного предложения в однородные и формально требующих оформления по правилу об однородных членах.

Ключевые слова: иерархия пунктуационных правил, запятая в сложносочиненном предложении, грамматическая основа, синтаксическая однородность, два вопроса в одном предложении, цель высказывания, семантика, прагматика, кодификация, речевая вариативность

1. *Двоякое понимание «правила»: функционирование в речи носителей и кодификация*. Русская пунктуация преимущественно прецедентна: кодификаторы

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

формулируют базовые закономерности расстановки знаков препинания в предложении и демонстрируют образцы, иллюстрирующие магистральную для каждого типового случая тенденцию и мотивированные отступления от нее. Школьное образование минимизирует материал для изучения, отбирая частые и существенные случаи. Так, отсутствие запятой перед союзом «и» в сложносочиненном предложении в классическом пособии [Баранов и др. 1989: 254] и в учебнике [Бархударов и др. 2013: 28] связывается только с наличием общего члена. В справочниках для корректоров картина сложнее. Но практика письменной речи грамотных носителей языка выходит за пределы школьного курса и системно игнорирует предписания кодификаторов. Письменная речь, как и устная, регулируется внутренними закономерностями, не всегда удачно отраженными в рекомендациях. Соответственно, необходимо различать два понимания «правила». С одной стороны, это предписание кодификаторов, с другой — тенденция, отражающая принятую в пишущем сообществе практику, опирающаяся на традицию авторитетных текстов и рефлексию пишущих.

С. Н. Цейтлин включает в число правил операции предпочтительного выбора и сочетания языковых единиц, освоенные опытом говорящего и пишущего. Знание правил — это «результат … собственной языковой (металингвистической) деятельности, протекающей на бессознательном уровне. … каждый из нас постоянно анализирует речь других и свою собственную. У каждого человека имеется представление о том, “что такое хорошо и что такое плохо” в языке. Неправильные обороты и конструкции … режут ухо, а происходит это потому, что ухо уже настроено на определенный образец. Мы часто ощущаем, что кто-то говорит неправильно, но сформулировать правило, которое при этом нарушается, можем лишь в редких случаях. Все это происходит потому, что практическое овладение правилами и способность их формулировать — отнюдь не одно и то же» [Цейтлин 2000: 10]. Речевой опыт, в частности и пунктуационный, уникален, хотя и включает знакомство с типовыми образцами (школьными учебниками, текстами литературного канона). Интересен в этом аспекте подход В. А. Успенского, отстоявшего право абитуриента ориентироваться на речевые образцы из изданий с дореволюционной орфографией [Успенский 2002 II: 874–875]: «Грамотность состоит вовсе не в вызубривании последних по времени из изменчивых норм орфографии и пунктуации; … по-настоящему грамотному, начитанному человеку трудно соблюдать букву этих норм, поскольку его представления о правильном написании черпаются не из чтения "Правил орфографии", а из чтения литературы. Так, грамотный человек может написать "аристократишко" … — потому что так писал Тургенев. … Грамотный человек может написать "галлерея" … — потому что так писали Толстой и Гончаров. … Необходимо учесть, далее, что орфографические нормы часто меняются, и нормы разных лет противоречат друг другу. … С ещё большей осторожностью надо подходить к кажущимся пунктуационным ошибкам: ведь пунктуацией выражается мысль, и, может быть, пишущий так и хотел сказать, как он обозначил своими запятыми».

Признание неправильности того, что *режет ухо* (в пунктуации — глаз) воспринимающего, заставляет задуматься о бессознательной составляющей

пунктуационной грамотности. Насколько велика роль инструкции в практике пишущего? Насколько сильна память о наиболее авторитетных и/или частых образцах оформления текста? Какова роль рефлексии при выборе варианта? Как часто возникает конфликт между рациональным обоснованием выбора знака и эстетическим приятием написанного (интуитивным критерием *красиво-некрасиво*)?

Материалом для размышления об этих вопросах становятся, в частности, системные ошибки пишущих: противоречащие формулировкам справочников написания, повторяющиеся в текстах грамотных носителей языка. Речь может идти как о следствии минимизации информации в школьном образовании, остающемся фундаментом метаязыковой деятельности, так и об игнорировании известных из справочной литературы закономерностей, вызванном противоречием между замыслом пишущего и рекомендуемой нормой.

Одна из таких лакун типового школьного образования — отсутствие запятой в сложном предложении, вызванное синтаксическими и прагматическими причинами. Согласно [Розенталь 2001: 143–144], запятая не ставится, в частности, между двумя сочиненными грамматическими основами, соединенными союзом «и», при наличии общих для обеих основ условий, к числу которых относятся как цель высказывания (два однородных вопроса или побуждения), так и интонирование (два восклицания) или объединение основ общим компонентом (детерминантом, вводным словом, вершинной основой или, напротив, общим придаточным). Причиной непостановки запятой перед «и» между двумя сочиненными основами может быть и структура этих основ: однородны назывные и неопределенно-личные предложения с кореферентным субъектом, а также безличные, имеющие «синонимические слова в составе сказуемых» (по-видимому, подразумевается не только семантическая, но и морфологическая близость выражения главного члена безличного предложения; в адресованном школьникам справочнике [Войлова, Гольцова 1996: 245] говорится о безличных однородных обстоятельствах). В [Валгина, Светлышева 1993: 222–223] уточняется, что общий компонент может быть обособленным членом предложения или сочиненные части могут быть объединены пояснительным значением по отношению к третьей части. Аналогия между однородными членами предложения и однородными частями сложного предложения последовательно проводится в [Валгина 1983: 109–111]. Носители языка системно игнорируют, в частности, однородность двух вопросов.

Цель исследования заключается в систематизации и объяснении случаев игнорирования грамотными носителями языка некоторых частных правил непостановки запятой в сложном предложении из двух вопросительных.

Материалом послужили данные Национального корпуса русского языка ruscorpora.ru (отфильтрованная вручную выдача по запросу «***и*** после запятой в шаге от 1 до 6 перед знаком вопроса»), отдельные примеры из интернет-узуса и современной литературы.

2. *Правило об отсутствии запятой в сложносочиненном предложении, вызванном синтаксическими и прагматическими причинами: цель высказывания.* Рассмотрим иллюстрации правила о двух сочиненных вопросах в справочниках.

В [Валгина, Светлышева 1993: 223] это вопросы с разными вопросительными словами: *Где будет* ***собрание*** *и кто* ***его*** *председатель?* Существенно, что во второй части содержится анафорическое местоимение *его*, антецедент которого *собрание* находится в первой части (это обстоятельство не комментируется, а пример однородных вопросов единственный). Ср. аналогичную конструкцию в [Войлова, Гольцова 1996: 245]: *От кого пришла* ***телеграмма*** *и что в* ***ней*** *сообщается?* Ср. в [Розенталь 1997: 135]: *Это* ***кто*** *такие и что* ***им*** *надобно?* В [Яковлева 1994: 46] в первой части приведено притяжательное местоимение *ваш*, во второй — кореферентный обладателю субъект *вы*: *Когда начинается* ***ваш*** *отпуск и где* ***вы*** *собираетесь его проводить?* В [Розенталь 2001: 144] два общих вопроса объединены словом *неужели*: ***Неужели*** *впереди болото и путь к отступлению отрезан?* Аналогично в пособии [Розенталь, Голуб 2000]: ***Неужели*** *это не сон и он скоро увидит близких ему людей?* Ср. аналогичную конструкцию в [Селезнева 1997: 163]: ***Неужели*** *он дома и так будет всегда?* В [Валгина, Светлышева 1993: 223] отмечается, что общие частицы повышают однородность побудительных предложений. В [Селезнева 1997: 163] наличие общих частиц является причиной отсутствия знака независимо от цели высказывания, интонации и грамматического состава основ сочиненных компонентов. Приведенные примеры включают условия, которые можно трактовать как дополнительные средства повышения однородности вопросов. Наиболее автономны специальные вопросы в [Розенталь 1997: 135]: *Который теперь час и сколько времени осталось до отхода поезда? Когда состоится конференция и какова повестка дня?* Но и в этом источнике есть пример особых отношений частей — зеркальных: ***Вы*** *придете ко* ***мне*** *или* ***мне*** *прийти к* ***вам****?* Этот же пример использует школьный учебник [Рыбченкова и др. 2013: 38] во врезке «Это интересно», где школьникам, вопреки традиции, сообщается об отсутствии запятой перед соединительным или разделительным союзом между вопросительными, побудительными и восклицательными частями сложносочиненного предложения, а также между назывными основами. В упражнении из [Базжина, Крючкова 2000: 35] дан пример с повтором подлежащего: *Откуда* ***она*** *и что* ***она*** *значит?* В другом примере из того же источника [2000: 36] возникает общий компонент двух вопросов (однородные предложно-падежное и сентенциальное обстоятельства условия): ***Что было бы с ней*** *в случае моей болезни или просто если бы мы разлюбили друг друга?*

Рассмотрим узуальное оформление однородных вопросов. Наиболее близок к прототипу из справочника [Валгина, Светлышева 1993] пример (1), в котором антецеденту *линзы* соответствует анафорическое местоимение *их*:

(1) Учитель физики. *Какие виды* ***линз*** *вы ещё знаете, и каковы* ***их*** *свойства?* [1 сентября, 2003]

Авторы методической разработки (1), учителя физики и биологии, разделяют вопросы запятой, полагая, по-видимому, существенным отражение на письме как паузы при произнесении, так и необходимости получения двух ответов на два разных, хотя и взаимосвязанных, вопроса. Можно предположить, что второй вопрос

интерпретируется как конкретизация и уточнение первого, что справедливо и для примера из [Валгина, Светлышева 1993: 223]. При этом важно, что уточняющие и поясняющие обороты в утвердительных предложениях традиционно обособляются [Розенталь 2001: 125–128, Валгина, Светлышева 1993: 200–204]. Возникает вопрос, действительно ли анафорическое местоимение во второй части двухчастного сочиненного вопроса служит объединению частей. В пределах абзаца и на границе абзацев это было бы так: анафора выступает средством связности, объединения предложений. Но в границах одного высказывания функция обратная. Анафорическое местоимение превращает простое предложение с однородными сказуемыми в сложное: *Родители вернулись и теперь отдыхали — Родители вернулись, и теперь они отдыхали.* Вероятно, разделяющая основы роль предполагается у анафорического местоимения и в сложносочиненном предложении с двумя вопросами, необязательно при кореферентных подлежащих. Системность игнорирования запятой в вопросах с парой антецедент-анафорическое местоимение / наречие и интерпретацией второго вопроса как конкретизации первого можно проиллюстрировать следующими примерами (в примере (6) антецедентом становится первая основа, а ее анафорической заменой наречие *тогда*):

(2) *Правомерна ли постановка вопроса о существовании* ***услуг*** *постоянного спроса, и что следует к* ***ним*** *относить?* [Вопросы статистики, 2004]

(3) *Кто эти* ***люди****, и что* ***они*** *делают?* [Знание-сила, 2012]

(4) *Что представляют собой существенные* ***стимулы и препятствия*** *для перехода на пособие, и как* ***они*** *менялись?* [М. Ротбард. К новой свободе. Либертарианский манифест. Пер. Б. Пинскера. 2009]

(5) *А если* ***муж*** *тебе глупый пьяница попадётся, и будет* ***он*** *водку пить да* ***кричать****?* [В. Галактионова. Спящие от печали. 2010]

(6) *А ну как действительно* ***цены на нефть резко упадут****, и что* ***тогда*** *будет с бюджетом*? [Еженедельный журнал, 2003]

Примыкают к этой группе примеры с повтором существительного в сопровождении дейктического местоимения (в примере (9) девербатив соотносится с глаголом в личной форме из претекста):

(7) *Было ли оно растворено в* ***стакане****, и куда подевался* ***этот стакан*** *(вымыл Матвей?)* [В. Белоусова. Второй выстрел. 2000]

(8) *Были ли за время похода «Москвы»* ***жертвы*** *среди мирного населения, и как причащать ответственных за* ***эти жертвы***? [К. Миловидов. Священник Кирилл Вовк... 2016]

(9) *Если же оно исчезает, откуда оно* ***появляется****, и какая цель* ***такого*** *эфемерного* ***появления****?* [А. Апухтин. Между жизнью и смертью.1892]

Подтипом этой вариации можно считать повтор лично-указательного местоимения с кореферентным субъектом (*она, ее*; в примере (11) *ее* притяжательное; в примере (12) притяжательное *его* и лично-указательное *он,* при этом семантический обладатель из первой части кореферентен носителю признака *он* из второй части):

(10) *Вы что, хотите, чтобы* ***она*** *села мне на шею, и я до пенсии* ***ее*** *таскала*? [Е. Кучеренко. Об Украине, Энергодаре и бабушке Кате. 2015]

(11) *Почему* ***она*** *одна со своим мальчиком, и где* ***ее*** *муж*? [Е. Водолазкин. Лавр. 2012]

(12) *Будто* ***его*** *отец — волк, и* ***он*** *— не вполне кот*? [М. Аромштам. Мохнатый ребенок. 2010]

Местоимение в повторе может быть и не дейктическим, а кванторным (*все, всего*):

(13) *Я считаю, что Творца нет ... тогда откуда* ***все*** *взялось, и как объясняется существование* ***всего***? [В. Крапивин, Д. Струев. Дорога негаснущей надежды. 2015]

Другой вариацией первого типа выступает конструкция с множественным антецедентом *все лица* и квантором единичности *один* во второй части (в этом случае важно, что имеется общая поясняемая часть, при этом менее важно, что первый компонент после двоеточия не вполне вопросительный, так как наличие общей поясняемой части является таким же условием однородности, как и общность цели высказывания, согласно кодификаторам [Валгина, Светлышева 1993: 222–223]):

(14) *Я не понимал, как же так:* ***все лица*** *у меня достоверные, и вдруг* ***один*** *появится вымышленный*? [Д. Гранин. Зубр. 1987]

Следующая вариация предполагает опущение анафорического местоимения во второй части:

(15) *Что находится между стяжкой и несущей плитой перекрытия, и какой толщины*? [коллективный. 2015]

(16) *Что-то меня в них беспокоило. Что именно, и почему*? [Иеромонах Макарий. Приключения и подвиги. 2010]

Вторая группа примеров с разделением однородных вопросов запятой может быть интерпретирована как высказывания со второй частью, предполагающей значение следствия или вывода из содержания первой. В определенном смысле это справедливо для примера из [Розенталь 2001: 144] (путь к отступлению отрезан болотом, обнаруженным в ситуации, описанной в первой части высказывания). Такая интерпретация подтверждается желанием информантов (старшеклассников и студентов) вставить между такими вопросами союз «если … то» как маркер условия и следствия (опрос предполагал превращение двух изолированных вопросительных высказываний в одно предложение на лексическом материале корпусных примеров). Кроме того, информанты были склонны вместо «и» использовать сочинительное противительное «а», подчеркивая самостоятельность клауз в двухчастном вопросе. Интерпретация «и» как «а» может объяснять появление запятой в примерах типа (17) и (18). В примере (22) следование эксплицировано наречием *теперь*, в примере (23) — наречием *уже*.

(17) *Что сделать не удалось, и вас это беспокоит?* [Марийская правда. 2003]
(18) *Значит, стул не наш, и я не у себя дома?* [И. Дьяконов. Книга воспоминаний. 1995]
(19) *Шла бы лучше да подумала: "Как это я так живу, и всё не по-хорошему*? [Н. Тэффи. Покаянное. 1910]
(20) *Что мне здесь нравится, и почему я не собираюсь уезжать*? [Е. Колпинец. Ты видишь только свои следы. 2017]
(21) *Вдруг подействует, и мне её вернут*? *Жену*. [Волга. 2014]
(22) *Может, я все-таки погибла нелепой смертью, и* ***теперь*** *ты мне снишься*? [Волга, 2012]
(23) *Что, дяденька Путин от чужих бед все выше и выше становится, и* ***уже*** *без микроскопа можно что-то разглядеть*? [коллективный. 2012]
(24) *Так что же, ситуация совсем безнадежная, и стоит вовсе упразднить практику аренды*? [Новгородские ведомости, 2013]

Причинно-условная семантика следования и следствия может осложняться идеей собственно временной последовательности частей (в примере (26) общий компонент *хотите* не менее важное условие однородности, чем вопросительность, что снимает вопрос о вопросительном характере первой части из двух сочиненных):

(25) *Медики боялись: может быть, в желудке не будет держаться пища, и после еды начнутся отрыжка и рвота*? [Л. Китаев-Смык. В лесу, откуда обратного пути нет… 2015]
(26) *Ну, хотите, я хлопну в ладоши, и строительство будет завершено*? [И. Кио. Иллюзии без иллюзий. 1995–1999]

Частным случаем модели со вторым компонентом-следствием становится вариант с общим детерминантом (в примере (27) это наречие *поэтому*) или общей недетерминантной инициалью, в частности принадлежащей грамматической основе, как сказуемое в примере (28):

(27) *Так* ***поэтому*** *вы видите идеал в этом крепостном обозе, и вы против эмансипации*? [А. Фет. Осенние хлопоты. 1862]
(28) *Человек и с одним мозгом легко бы рассудил* — ***что такое*** *жизнь старушки, и* ***что такое*** *жизнь будущего президента*? [А. Слаповский. Разнобой. 2012]

Третий тип не предполагает ни кореферентности аргументов, ни отношений конкретизации (уточняющей или поясняющей второй части), ни отношений следования и следствия. Это наиболее свободные отношения между однородными вопросами. В примере (30) первое *вы* — только собеседница (*вашим мужем*), второе *вы* — собеседница и ее муж, местоимения некореферентны. В примере (31) *тут* относится к претексту за пределами предложения, анафорической функции внутри предложения нет.

(29) "*Как мог, — думал он, — такой чистый брильянт попасть в такую глушь, и кто она такая и откуда*? [В. Соллогуб. Метель. 1849]

(30) *И объясните сию же минуту: кто был вашим мужем, и почему вы расстались*? [О. Воропаев. Предзимний сезон. 2018]

(31) *Что за наука о Боге, и при чем тут ВАК*? [А. Данилова, протоиерей Владимир (Воробьев). Невероятные приключения теологии в России. 2015)]

(32) *Это там документы нужно собирать, и помощь через три месяца дадут*? [А. Попова. Ангел на простыне. 2015]

(33) *Что такое «хорошо», каким образом рассчитывается его «максимальность», и кто такие «все»*? [коллективный. 2015)]

(34) *Неужели мы были такими, и что я делаю здесь*? [М. Бувайло. Лето 1964 года, прожитое заново. 2013]

(35) *Кем это было впервые понято, и кто ваши теоретические авторитеты*? [Знание-сила, 2013]

(36) *…периодически приходят письма из служб по взысканию долгов, что дело будет передано в суд, и что ему прибавят срок к уже имеющемуся, так ли это, и что можно сделать*!? [коллективный. 2008)]

3. *Правила общие и частные*. Освоение правил иерархично. С. Н. Цейтлин так описывает последовательность освоения более широких, общих, и более частных, сужающих действие первых, правил в речевом онтогенезе: «Внутри системы можно выделить ядро, … совокупность самых общих, отвлеченных от конкретных репрезентаций языковых правил, и периферию, которая отражает реализацию и одновременно частичное ограничение действия данных правил (совокупность правил меньшей степени обобщенности). Норма также неоднородна: в ней есть более типичное, регулярное, располагающееся на границе с системой, и уникальное, единичное… Так что реальный путь порождения языковой единицы … сложен: ядро системы — периферия системы — пограничный с системой участок языковой нормы — речь. Между пограничными уровнями располагаются так называемые фильтры, ограничивающие действие модели на более низком уровне. Фильтры могут быть фонетическими, формально-структурными, лексико-семантическими. … В речевой деятельности детей система фильтров до определенного времени отсутствует. Из-за этого оказываются заполненными языковые лакуны, как абсолютные (соответствующие единицы в нормативном языке отсутствуют вообще), так и относительные (соответствующие единицы имеются, но образованы несколько иным способом). Усвоение языка может быть представлено как овладение правилами перехода от ядра системы к речи, усвоение сферы применения правил с учетом разного рода фильтров и ограничений» [Цейтлин 2000: 13–14].

Аналогично устроены и правила письменной речи. Сперва осваивается прототип (в понимании [Рош 1978: 27–48, Бондарко 2001: 4–13]), потом более сложно устроенная периферия явления. Так, ограничивающим уточнением к правилу о двух однородных частях сложносочиненного предложения выступает указание на наличие запятой при повторе союза, включая союзы *ли … или* [Розенталь 2001: 143, Валгина, Светлышева 1993: 221].

Своеобразной интерпретацией этого уточнения становится постановка запятой перед «и» в вопросах, содержащих не вариативный повтор союза, а омонимичную

союзу вопросительную частицу в первой части и традиционное сочинительное соединительное «и» между частями (ср. также примеры (2), (7), (8)):

(37) *Давно* ***ли*** *это было,* ***и*** *чем закончились расчеты*? [коллективный. 2009–2012]

(38) *Подскажите, можно* ***ли*** *развестись с зоны,* ***и*** *что для этого надо*? [коллективный. 2010–2011]

(39) *При этом Y получил больше голосов, чем X. Два вопроса: избран* ***ли*** *кто-нибудь в этом туре,* ***и*** *если избран, то кто*? [В. Успенский. Математическое и гуманитарное: преодоление барьера. 2007–2011]

4. *Конструкции, похожие на два сочиненных вопроса*. Запятая перед «и» возникает и в предложениях с рамочным вопросом и однородными целевыми придаточными (двух сочиненных вопросов в таких конструкциях нет):

(40) ***Может, это специально, чтобы*** *припустить этого персонажа, сделать похожим на «жабу», и остудить пыл деток, царапающих на стенах*? [коллективный. 2007–2011]

В примере (40) компонент после «и» может быть осмыслен как пояснительный: *и <тем самым> остудить пыл.* Рамочный вопрос и семантика следствия во втором вопросительном конъюнкте представлены примером (41):

(41) *А может, мне просто его жаль, и я хочу его как-то утешить*? [И. Косых. Заказное самоубийство. 2012] (первое не вопрос — второе следствие и вопрос)

(42) ***И к чему было притворяться, что*** *блокнот якобы чужой, и мне случайно его дали в руки*? [Д. Бендицкий. Энциклопедия криков. 2014]

В примере (42) второе изъяснительное придаточное можно интерпретировать как уточнение к первому.

Вопросительно интонированная просьба интервьюера в примере (43) включает два придаточных изъяснительных с общей вершиной, во втором возможна семантика следствия:

(43) *Расскажите, пожалуйста, про людей, на которых вы смотрите, и ...* ***понимаете, что*** *вот они, и я с ними*? [А. Данилова, К. Кнорре-Дмитриева. Татьяна Друбич. 2017]

Собственно вопросом в примере (44) оказывается только последняя клауза, включающая семантику следствия (однородность должна была бы обеспечиваться общим детерминантом):

(44) *А щас сам стал чиновником, и ненависть прошла?* [Русский репортер, 2013]

5. *Заключение*. Корпусные данные были проверены опросом. 24 информанта, старшеклассники и студенты, соединяли два вопроса в одно предложение. В каждом из 9 корпусных примеров, предложенных для перефразирования и разбитых на два вопроса, были варианты избегания союза, замены союза, а канонические

сочинения вопросительных основ с «и» распределились приблизительно поровну с запятой и без запятой перед союзом. Для грамотных носителей языка наличие двух сочиненных пропозиций, оформленных как относительно самостоятельные клаузы, содержащих две грамматические основы, часто оказывается важнее признаков, превращающих эти компоненты сложносочиненного предложения в однородные и формально требующих оформления по правилу об однородных членах. Работает базовое широкое правило об оформлении сложносочиненного предложения, узкая вариация с исключением и аналогией с однородными членами остается неизвестной или признается неважной. Не значит ли это, что формулировка правила в данном случае отражает теоретическое представление о возможном устройстве языковой системы, в частности — синтаксической однородности и ее свойствах, а не реальные вариативные практики реализации компонентов этой системы в речи?

Литература

Базжина Т. В., Крючкова Т. Ю. Русская пунктуация: Пособие справочник для старшеклассников, абитуриентов и студентов. М.: МИРОС-МАИК Наука/Интерпериодика, 2000.

Баранов М. Т., Костяева Т. А., Прудникова А. В. Русский язык. Справочные материалы. Учебное пособие для учащихся / отв. ред. Шанский Н. М. М.: Просвещение, 1989.

Бархударов С. Г., Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Чешко Л. А. Русский язык. 9 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2013.

Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Материалы VIII Международной конференции (Россия, Москва, МГОПУ им. М. А. Шолохова, 3–5 апреля 2001 г.) / отв. ред. Диброва Е. И. Т. 1. М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 4–13.

Валгина Н. С. Трудные вопросы пунктуации. М.: Просвещение, 1983.

Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация. Справочник. М.: Высшая школа, 1993.

Войлова К. А., Гольцова Н. Г. Справочник-практикум по русскому языку. М.: Просвещение, 1996.

Розенталь Д. Э. Справочник по пунктуации: Словарь-справочник. М.: АСТ-ЛТД, 1997.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / отв. ред. Голуб И. Б. М.: Рольф, 2001.

Розенталь Д. Э., Голуб И. Б. Русский язык: Орфография и пунктуация. М.: Рольф, 2000.

Рыбченкова Л. М., Александрова О. М., Загоровская О. В., Нарушевич А. Г. Русский язык. 9 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2013.

Селезнева Л. Б. Интенсивный курс русской пунктуации. Учебное пособие. СПб.: Специальная литература, 1997.

Успенский В. А. Химико-филологический конфликт // Успенский В. А. Труды по нематематике. Т. 2. М.: ОГИ, 2002. С. 861–886.

Цейтлин С. Н. Языковые правила и их освоение детьми // Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Владос, 2000. С. 9–14.

Яковлева Е. А. Русский язык: Пунктуация. М.: Русский язык, 1994.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

Y. E. Akhapkina
HSE University
(Russia, Moscow)
yakhapkina@hse.ru

THE HIERARCHY OF PUNCTUATION RULES IN ACQUISITION

The article systematizes and explains the cases of ignorance by literate native speakers of some particular rules for the absence of a comma in a compound sentence with coordinating conjunction. The material was based on the data of the National Corpus of the Russian Language ruscorpora.ru (manually filtered output on request "«и» after a comma in a step from 1 to 6 words from the question mark"), some examples from the Internet speech and modern (in particular translated) literature. The types and subtypes of utterances are distinguished, systematically acquiring a comma not recommended in the codification before the compositional connecting union between two homogeneous parts of a compound sentence of two interrogative components. The presence of a comma indicates a systemic disregard for the signs of homogeneous parts in two questions in such structures as the inclusion of the antecedent in the first part and its pronominal anaphoric replacement in the second part, constructions with the meaning of clarification or consequence in the second part, relatively autonomous homogeneous questions. For literate native speakers, the presence of two composed propositions, designed as relatively independent clauses containing two grammatical bases, turns out to be more important than signs that turn these components of a complex sentence into homogeneous ones and formally require registration according to the rule of homogeneous parts.

Key words: hierarchy of punctuation rules, comma in a compound sentence, grammatical basis, syntactic uniformity, semantics, pragmatics, codification, speech variability

References

Bazzhina T. V., Krjuchkova T. Ju. *Russkaja punktuacija: Posobie spravochnik dlja starsheklassnikov, abiturientov i studentov* [Russian Punctuation: A Guidebook for High School Students, Applicants and Students]. Moscow, MIROS-MAIK Nauka/Interperiodika Publ, 2000. (In Russ.)

Baranov M. T., Kostjaeva T. A., Prudnikova A. V. *Russkij jazyk. Spravochnye materialy. Uchebnoe posobie dlja uchashhihsja* [Russian. Reference Materials. Student Study Guide] / ed by Shanskij N. M. Moscow, Prosveshhenie Publ, 1989. (In Russ.)

Barhudarov S. G., Krjuchkov S. E., Maksimov L. Ju., Cheshko L. A. *Russkij jazyk. 9 klass. Uchebnik dlja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Russian. Grade 9. Textbook for Educational Institutions]. Moscow, Prosveshhenie Publ, 2013. (In Russ.)

Bondarko A. V. [Linguistics of Text in the System of Functional Grammar] *Tekst. Struktura i semantika. Materialy VIII Mezhdunarodnoj konferencii (Rossija, Moskva, MGOPU im. M. A. Sholohova, 3–5 aprelja 2001 g.)* [Text. Structure and Semantics. Materials of the VIII International Conference (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University named after M. A. Sholokhov, April 3–5, 2001)] / otv. red. Dibrova E. I. T. 1. Moscow, SportAkademPress Publ, 2001. P. 4–13. (In Russ.)

Valgina N. S. *Trudnye voprosy punktuacii* [Difficult Punctuation Issues]. Moscow, Prosveshhenie Publ, 1983. (In Russ.)

Valgina N. S., Svetlysheva V. N. *Orfografija i punktuacija. Spravochnik* [Spelling and Punctuation. Directory]. Moscow, Vysshaja shkola Publ, 1993. (In Russ.)

Vojlova K. A., Gol'cova N. G. *Spravochnik-praktikum po russkomu jazyku* [Handbook-workshop on the Russian]. Moscow, Prosveshhenie Publ, 1996. (In Russ.)

Rozental' D. Je. *Spravochnik po punktuacii: Slovar'-spravochnik* [Punctuation Reference: Dictionary Reference]. Moscow, AST-LTD Publ, 1997. (In Russ.)

Rozental' D. Je. *Spravochnik po pravopisaniju i literaturnoj pravke* [Spelling and Literary Proofreading Reference] / ed. by Golub I. B. Moscow, Rol'f Publ, 2001. (In Russ.)

Rozental' D. Je., Golub I. B. *Russkij jazyk: Orfografija i punktuacija* [Russian: Spelling and Punctuation]. Moscow, Rol'f Publ, 2000. (In Russ.)

Rybchenkova L. M., Aleksandrova O. M., Zagorovskaja O. V., Narushevich A. G. *Russkij jazyk. 9 klass. Uchebnik dlja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Russian. Grade 9. Textbook for Educational Institutions]. Moscow, Prosveshhenie Publ, 2013. (In Russ.)

Selezneva L. B. *Intensivnyj kurs russkoj punktuacii. Uchebnoe posobie* [Intensive Russian Punctuation Course. Tutorial]. St. Petersburg, Special'naja literature Publ, 1997. (In Russ.)

Uspenskij V. A. [Chemical-philological conflict] Uspenskij V. A. *Trudy po nematematike* [Works on Non-mathematics]. T. 2. Moscow, OGI Publ, 2002. P. 861–886. (In Russ.)

Cejtlin S. N. [Language Rules and their Development by Children] Cejtlin S. N. *Jazyk i rebenok. Lingvistika detskoj rechi. Uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij* [Language and child. Linguistics of Children's Speech. Study Guide for University Students]. Moscow, Vlados, 2000. P. 9–14. (In Russ.)

Jakovleva E. A. *Russkij jazyk: Punktuacija* [Russian: Punctuation]. Moscow, Russkij jazyk Publ, 1994. (In Russ.)

Rosch E. Principles of Categorization. *Cognition and Categorization* / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Е. Э. Базаров
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
eubazar@yandex.ru

О ПУНКТУАЦИОННОМ ОФОРМЛЕНИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ *ЧТО, ЧТО ЛИ*

Как известно, фиксация в словаре или справочнике некоторой нормативной языковой единицы не может гарантировать устранения и — как конечный результат этого процесса — отсутствия других вариантов этой единицы. Однако длительное сосуществование вариантов может говорить о том, что словарь/справочник не принимает во внимание, или игнорирует, какую-либо разновидность нормы. Пунктуация в этом смысле не является исключением: закрепленное в справочнике правило постановки знаков препинания иногда может не учитывать прочих, вполне допустимых вариантов пунктуационного оформления той или иной синтаксической единицы. Думается, что в этом случае правило должно быть доработано, при необходимости следует пересматривать его теоретические основания. По мнению автора, одно из таких слабых мест современной русской пунктуации — правило расстановки знаков препинания в предложениях с вопросительными частицами. В фокусе исследовательского внимания частицы *что* и *что ли*, функционирующие преимущественно в разговорной речи в конструкциях типа: *Ты,/_ что,/_ не приедешь?* или *Ты,/_ что ли,/_ не приедешь?* Фиксация таких высказываний в письменной или печатной форме вызывает некоторые трудности: справочники дают разные рекомендации, словари отражают многообразие вариантов оформления данных частиц. В статье рассматриваются некоторые особенности грамматической и коммуникативной структуры таких предложений, критически анализируются пунктуационные правила, содержащиеся в справочных пособиях, в качестве материала для исследования привлекаются данные словарей и тексты из Национального корпуса русского языка. Автор считает, что действующие правила расстановки знаков препинания в предложениях с вопросительными частицами нуждаются в существенной доработке, и пытается найти теоретические основания для новой рекомендации по оформлению вопросительных частиц.

Ключевые слова: пунктуация, кодификация, вопросительная частица, вопросительное предложение, вводное слово, норма, правило, справочник, словарь.

В русском языке существуют различные средства выражения вопросительности: интонация, порядок слов, вопросительные местоименные слова (*кто*, *что*, *куда*, *когда*, *который* и т. д.), вопросительные частицы (*ли*, *неужели*, *не … ли*, *что*, *что же*, *что ли*, *а*, *разве*, *да*, *правда* и т. д.). Частицы *что, что ли* в качестве средств образования вопросительных предложений обычно используются в непринужденной устно-разговорной речи. Передача на письме таких разговорных вопросительных предложений и живой речи вообще (в первую очередь ее интонационных и синтаксических особенностей) может поставить пишущего в пунктуационный тупик: обычно справочники регламентируют написание синтаксических единиц кодифицированного литературного языка и могут не содержать рекомендаций относительно пунктуационного оформления конструкций, свойственных устной речи[1]. И если раньше проблемы, связанные с отражением на письме разговорных речевых оборотов, возникали главным образом при создании/редактировании художественных произведений, в которых они использовались с определенными эстетическими целями, то сегодня, с широкой распространенностью социальных сетей, мессенджеров и — шире — интернет-общения, регламентация написания таких конструкций кажется особенно актуальной. В Справочную службу русского языка ИРЯ РАН регулярно поступают вопросы о том, нужны ли какие-либо знаки препинания (а если нужны, то где именно?) в вопросительных предложениях с частицами *что*, *что ли*. Приведем лишь некоторые предложения, которые вызвали у звонящих затруднения:

(1) *А что,/_ у вас бывают просроченные товары?*
(2) *Что,/_ я,/_ хуже дяди Леши?*
(3) *Ты спишь,/_ что ли?*
(4) *Больной,/_ что ли?*
(5) *Ты один,/_ что ли,/_ дома?*
(6) *До роддома,/_ что ли,/_ просят проводить?*
(7) *Это всё,/_ что,/_ коту под хвост?*
(8) *Ты,/_ что,/_ ненормальный,/_ что ли?*
(9) *А что,/_ мы сейчас с вами дурака валяем,/_ что ли?*

Помимо способов пунктуационного оформления подобных предложений, звонящих также интересует правописание частицы *что ли* (или *что-ли*?) и частеречная принадлежность таких слов. И если правописание *что ли* регламентировано «Русским орфографическим словарем» (далее РОС) под ред. В. В. Лопатина,

[1] См.: «…В устной речи мы делаем очень много таких пауз, повышений и понижений тона, замедлений и убыстрений темпа речи, изменений в тембре голоса и т. п., которые никогда не отмечаются и не могли бы отмечаться в письменном тексте уже по одному тому, что для этого потребовалось бы огромное количество разнообразных знаков…» [Шапиро 1955: 85]; «Разговорная речь, отраженная в письменном тексте, с точки зрения синтаксиса не укладывается в привычные, стандартные схемы и модели… Отсюда — трудность в выборе различных комбинаций знаков, которые, естественно, не могут быть предусмотрены правилами» [Валгина, Светлышева 2001: 299–300].

О. Е. Ивановой [РОС 2018: 825], то ответ на вопрос о частеречной принадлежности трудно назвать однозначным. Обычно звонящих интересует, являются ли рассматриваемые слова вводными: обычно люди (еще из школьного курса русского языка) помнят, что вводные слова должны выделяться. «Русская грамматика» относит слова *что*, *что ли*, используемые в вопросительных предложениях, к частицам [РГ 1980: 725–726]; аналогично квалифицируются *что*, *что ли* в [Морковкин 1997: 385, 389], *что ли* в [Рогожникова 2003: 390; Пахомов, Свинцов, Филатова 2012: 515–516; Остроумова, Фрамполь 2009: 398–399]. И если *что* справочные пособия склонны относить к частицам, то, например, в [МАС 1988: 686] при толковании *что ли* можно обнаружить помету *в знач. вводн. сл.*, в РОС в статье *что ли* (*ль*) также *вводн. сл.* При этом в справочниках по пунктуации Д. Э. Розенталя и в полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина (далее ПАС) *что ли* рассматривается не как вводное, а наряду с прочими, в том числе и *что*, как вопросительно-восклицательное слово. Таким образом, частеречная принадлежность является весьма спорным основанием для постановки знаков препинания хотя бы потому, что при определении лексико-грамматического статуса единицы может наблюдаться разнобой (как это видно на примере *что ли*).

В структуре вопросительного предложения частицы могут располагаться в самых разных позициях.

1. **В начале предложения** обычно используется частица *что* (см. выше примеры (1), (2)). Как правило, в этом случае *что* интонационно отделяется от остального состава предложения. Употребление частицы *что ли* в начале предложения свойственно просторечию (например, *Что ли,/_ я должен делать эту работу?*).

2. **В конце предложения** (примеры (3), (4)).

3. **В интерпозиции**, то есть в середине предложения, с целью подчеркивания вопросительности могут употребляться обе рассматриваемые частицы (примеры (5), (6), (7)). В этом случае они как бы разрывают синтаксическую связь между членами предложения, хотя, строго говоря, нарушается лишь непрерывность линейной цепочки синтаксических связей.

4. Частицы *что* и *что ли* могут образовывать вопросительные предложения в совокупности[2] (примеры (8), (9)).

Интересно, что с точки зрения коммуникативной структуры предложения функции частиц *что* и *что ли* неодинаковы. В предложениях с частицей *что* (см. (7), (8)) мы наблюдаем удвоенную рему и удвоенный рематический акцент: частица служит своеобразным эквивалентом (дублером) ремы и получает акцент, за ней следует собственно рема, выраженная знаменательными словами ((7) *коту под хвост*,

[2] О таком употреблении академик Н. Ю. Шведова писала: «Широко распространены вопросительные предложения, в которых с начинающим *что* (*да что*, *что ж*) координирует *что ли* (*что ль*), находящееся либо в конце всего предложения, либо при сказуемом или главном члене предложения. — *Так что ж, матушка, по рукам что ли?* — говорил Чичиков (Гоголь, М. д. 1, III); [Муров] *Да что, в самом деле, умирать, что ли, я сбираюсь?* (Остр., Без вины виноватые, 1, 2); — *Что ж, поужинаем, что ль?* (Л. Толст., Холстомер, XI» [Шведова 1960: 156].

(8) *ненормальный*) и — с большой долей условности — похожая на уточняющий член предложения. Частица *что ли* не дублирует рему и не получает рематического акцента, ее функция состоит в маркировании вопросительности, субъективности — степени недоумения, неуверенности. Функциональное различие частиц подтверждается тем, что они могут образовывать предложения в совокупности (см. выше п. 4 или (8), (9)).

В «Правилах русской орфографии и пунктуации», утвержденных в 1956 г., было регламентировано оформление на письме вопросительной частицы *что*: «Запятая ставится после слов ***да***, ***конечно*** и т. п., обозначающих утверждение, после ***нет***, обозначающего отрицание, после ***как же***, ***что же***, обозначающих подтверждение, согласие и т. п., после ***что***, обозначающего вопрос (подчеркнуто нами. — *Е. Б.*), если эти слова тесно связаны с непосредственно следующим за ними предложением, раскрывающим их конкретный смысл…» [Правила 1962: 95]. В качестве иллюстрации приведена цитата из М. Горького: — *Что, испугался давеча? — спросил отец, толкнув меня*.

Схожая рекомендация содержится в [Розенталь 2019: 246–247]: «Слова ***что***, ***а что***, ***что же***, обозначающие вопросы, и слова ***как***, ***как же***, ***что же***, выражающие удивление, подтверждение, согласие и т. п., за которыми следует предложение, раскрывающее их конкретный смысл (после них делается пауза), отделяются **запятой**. …В некоторых случаях возможны пунктуационные варианты в зависимости от значения, которое вкладывается в местоименное слово. Ср.: *Ты **что же** не идёшь с нами?* — ‘почему?’ // *Ты **что же**, не идёшь с нами?* — ‘что делаешь?’ с паузой после *что же*».

В отличие от приведенной выше рекомендации «Правил» 1956 г. в справочнике Д. Э. Розенталя учитывается использование вопросительной частицы в интерпозиции (хотя и кажется, что это недостаточно четкое и ясно изложенное правило). При этом в обоих справочниках никак не регламентируется письменное оформление частиц, находящихся в конце предложения.

ПАС содержит самое развернутое пунктуационное правило оформления вопросительных частиц: перечислено большее количество слов, способных употребляться в таких предложениях, рекомендации даны с учетом позиции частиц в предложении: «Вопросительно-восклицательные слова (частицы или их сочетания) *что, что ли, ну как, что же, как же, ну, а, да ну, надо же* **выделяются** (здесь и далее выделение наше. — *Е. Б.*) запятыми **внутри предложения** или **отделяются** запятой, если стоят **в начале предложения**. …Если вопросительно-восклицательные слова стоят **в конце предложения**, то **перед ними** ставится запятая, а после них соответствующий знак — вопросительный или восклицательный» [ПАС 2018: 246–247].

При этом, видимо, в качестве иллюстрации употребления вопросительного слова в интерпозиции ПАС приводит пример из рассказа В. Шукшина «Материнское сердце»: «*Сыночек, **что**, шибко он его зашиб-то?*» Однако это предложение трудно считать показательным, потому что в данном случае об интерпозиции

вопросительной частицы можно говорить лишь с чисто формальной точки зрения. Фактически же запятая перед *что* больше похожа на знак препинания, отделяющий обращение «сыночек», которое, по сути, не связано с предложением грамматически и членом предложения не является, частица не вклинивается между синтаксически связанными словами, поэтому указанный пример из ПАСа кажется нам диффузным.

Судя по содержащемуся в [Розенталь 2019] пунктуационному правилу, при оформлении частиц в интерпозиции важно учитывать интонацию предложения (наличие паузы после частицы). При этом, как показывает иллюстративный пример, достаточно **одной запятой** после частицы (*Ты что же, не идёшь с нами?*). Если же следовать духу и букве правила, содержащегося в ПАСе, то в данном предложении *что же* необходимо было бы **выделить** (ср.: *Ты, что же, не идёшь с нами?*).

Анализ рекомендаций справочников показывает, что в случае с частицей *что*, расположенной в начале предложения, пособия единогласно рекомендуют отделять ее запятой от остального состава предложения. Однако в случае с вопросительными словами *что*, *что ли* в интерпозиции правила в справочниках едва ли соотносятся друг с другом (при этом отметим, что оформление частиц в конце предложения регламентируется только в ПАСе).

В грамматических словарях и словарях-справочниках фиксируются самые разные варианты оформления рассматриваемых частиц в интерпозиции и в конце предложения. (Автор понимает, что не все из проанализированных словарей призваны отражать пунктуационную норму, однако ему кажется, что иллюстративные примеры из разных пособий представляют весьма ценный для наблюдения материал.)

В [Морковкин 1997: 385] интерпозиция частицы *что* иллюстрируется примерами:

(10) *Он что, в своем уме?*
(11) *Вы что, не читали об этом?*

В примерах перед частицей нет запятой. Если бы словарь создавался после выхода в свет ПАСа, то при буквалистском следовании правилу из справочника в данном случае *что* следовало бы с обеих сторон отделить запятыми.

В словарной статье *что ли* во всех примерах данная частица либо выделена — в интерпозиции, либо отделена запятой — в конце предложения, что вполне соответствует правилу ПАСа [Там же: 389]. Однако в этом же словаре, в статье «что», приведен пример «*Что я, дурак* ***что-ли****?*» (орфография сохранена), в котором перед частицей *что ли* нет запятой, такое оформление никак не соотносится с примерами из статьи *что ли*. Важно обратить внимание и на тот факт, что в рассматриваемом предложении отсутствует запятая после *что*, расположенного в абсолютном начале предложения, и это как будто противоречит рекомендации ПАСа. Такое оформление, думается, можно считать нормативным: в предложении удвоенная рема, в результате линейно-акцентного преобразования дублер ремы (частица *что*) сдвинут влево и расположен в абсолютном начале предложения.

Запятой между дублером ремы и темой нет, но ставится она перед собственно ремой, которая в предложении оказывается едва ли не на правах уточняющего члена предложения, раскрывающего содержание дублера ремы.

В [Рогожникова 2003: 390] отмечается, что разговорная частица *что ли* (*ль*) в конце или середине вопросительной реплики «выражает сомнение, неуверенность», при этом в качестве примеров употребления приводятся следующие цитаты:

(12) *Ворчали старики: «Что ж, мы? на зимние квартиры? Не смеют что ли командиры Чужие изорвать мундиры О русские штыки?»* (Лермонтов, Бородино).

(13) *— Ты его сын, что ли, будешь? — Сын.* (А. Гайдар, Школа).

(14) *Где твоя дверь… Сюда что ли?* (Дудинцев, Белые одежды).

В этих примерах представлены самые разные и даже противоречащие друг другу варианты оформления частиц: с одной стороны, выделение запятыми в интерпозиции, соответствующее правилу из ПАСа (см. (13)), с другой стороны, отсутствие знаков препинания в интерпозиции (см. (12)) и в конце предложения (см. (14)), что противоречит ПАСу.

В [Пахомов, Свинцов, Филатова 2012: 515–516] указано, что частица *что ли* «обособляется», соответственно, во всех примерах она выделена в интерпозиции или отделена в конце предложения.

В [Остроумова, Фрамполь 2009: 398–399] указано, что частица *что ли* «употребляется в функции вводного в модальных значениях «уверенность» (в восклицательных предложениях) и «неуверенность, предположение» (обычно в вопросе)», пунктуация в приведенных примерах соответствует правилу из ПАСа. Однако любопытно в этой словарной статье примечание, в котором говорится, что «в художественной литературе частица *что ли* часто не обособляется», при этом «обособление частицы *что ли* зависит от желания автора привнести свою субъективность»; иллюстрируется этот тезис двумя примерами, которые читателю предлагается сравнить: *Вы, что ли, будете за меня белье стирать?* (Д. Гранин) — *В амбар к нему что ли поступить?* (И. Бунин). Авторы заключают: «Рекомендуется обособлять частицу *что ли* в качестве вводного слова» [Там же: 399]. Однако примеры не проясняют ситуации, ведь в цитате из И. Бунина субъективности в *что ли*, как кажется, не меньше, чем в тексте Д. Гранина: *что ли* здесь похоже на вводное слово, выражающее предположение говорящего. Отметим также, что в этом словаре дается вполне определенная рекомендация, соотносящаяся с ПАС: «В конце предложения *что ли* всегда обособляется» [Там же: 399].

В [НКРЯ] представлены самые разные варианты пунктуационного оформления вопросительных частиц в современной литературе, при этом, как показывает материал, используется не только запятая, но и тире (см. (15), (16)).

<u>*Что* в интерпозиции</u>:

(15) *— Вы* ***что —*** *храпите и лягаетесь во сне?* (Н. Александрова. Последний ученик да Винчи).

(16) **—** *Подделывают всех. А Филонова* **— что***, не подделывают?* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

(17) — *Ты* ***что*** *«Формулу-1», что ли, себе купил?* (А. Геласимов. Ты можешь).

(18) — *Постой, Вик, что значит — закрыла? Она,* ***что****, открывала ее?* (М. Зосимкина. Ты проснешься).

Однако в этом же тексте обнаруживаем пример, в котором *что* не выделяется с обеих сторон:

(19) — *Она* ***что****, бывала во многих и разных городах?* (М. Зосимкина. Ты проснешься).

Что ли в интерпозиции:

(20) *Я говорю: «Подожди, а чья это девочка? Соседи* ***что ли*** *оставили?»* (А. Геласимов. Чужая бабушка).

(21) *Она говорит — ты его всё время на руках,* ***что ли****, таскаешь?* (А. Геласимов. Жанна).

Что ли в конце предложения:

(22) — *А что за инвалид такой? Клинтон что ли?* (В. Месяц. Лечение электричеством).

(23) **—** *Это Мишка Фролов, что ли?* (Д. Карапузов. Витька).

Известно, что все знаки препинания выполняют две наиболее общие функции — *разделение* (*отделение*) и *выделение*, соответственно, знаки делятся на *разделительные* и *выделительные* (см.: [Шапиро 1955: 87–89; Шварцкопф 1988: 14]). В рамках статьи мы будем рассматривать разделительный знак «одиночная запятая» и выделительный знак «двойная запятая». Одиночная запятая призвана членить предложение на равноправные синтаксические единицы: простое предложение — на однородные члены, сложное — на его составные части. Двойная запятая выделяет в составе предложения придаточные части, обособленные члены предложения, междометия, обращения, вводные слова, сочетания и предложения [Шварцкопф 1988: 26]. У двойной запятой есть сильные и слабые позиции. Сильной является интерпозиция (левый и правый элементы двойной запятой обозначены в предложении). Слабая позиция — начало предложения (левый элемент нейтрализуется в абсолютном начале, обозначен лишь правый) и конец (обозначается лишь левый элемент знака, в то время как правый поглощается знаком конца предложения).

Взгляд на рекомендации справочников через призму вышеизложенного понимания природы и функций пунктуационных знаков позволяет заметить разницу между приведенными в пособиях правилами оформления вопросительных слов.

Так, ПАС (и вместе с ним [Пахомов, Свинцов, Филатова 2012]) фактически рекомендуют нам использовать **двойную запятую.** В результате употребления этого знака вопросительная частица в середине предложения (в сильной позиции) выделяется запятыми, а в слабых позициях отделяется от предложения правой запятой — в абсолютном начале — и левой — в конце предложения.

Однако правило, изложенное в [Розенталь 2019], судя по всему, предполагает употребление **одиночной запятой**, которая разделяет предложение на две части. Если частица *что* расположена в абсолютном начале предложения, можно считать, что запятая разделяет слово-предложение *что* (близкое к междометному высказыванию, имеющему модальное значение) и следующее за ним предложение. Если частица *что* стоит между подлежащим и сказуемым и знак ставится после нее (см. (10), (11), (19)), то запятая в предложении с удвоенной ремой разделяет два равноправных компонента — собственно рему и дублера ремы, вводимого для усиления вопросительности, экспрессивности высказывания; в результате рематический акцент удваивается, между ремами делается пауза, обозначаемая на письме знаком препинания.

При пунктуационном оформлении вопросительных предложений, активно функционирующих в разговорной речи, да и при письменной фиксации конструкций живой речи вообще, важно было бы учитывать интонацию и коммуникативную структуру высказываний. Буквалистское следование рекомендации, содержащейся в ПАСе, использовать при оформлении на письме частиц *что* и *что ли* выделительные знаки, очевидно, не позволяет отразить различные особенности грамматической и коммуникативной структуры таких высказываний. Одиночная же запятая после частицы, находящейся в интерпозиции, предусмотренная правилом из [Розенталь 2019], основанным в большей степени на интонационном и смысловом принципах, отражает один из возможных вариантов членения предложения. (Однако в пособии Д. Э. Розенталя нет инструкций по оформлению частиц, расположенных в конце предложения.)

Возможно, при регламентации письменной фиксации вопросительных предложений рассматриваемого типа нужно разрабатывать не одно общее правило для всех без исключения вопросительных слов, а для разных частиц предусмотреть разные рекомендации. Например, частицы *что* и *что ли* с синтаксической точки зрения неоднородны. Так, Н. Ю Шведова разделила частицы по принципу их соотносительности с другими классами слов (частями речи); *что* она рассматривала как местоименную частицу (группа частиц, схожих по форме с местоимениями или восходящих к ним этимологически), а *что ли* — как частицу, не соотносительную с другими классами слов [Шведова 1960: 154–158, 217–218]. Кажется, что такое разделение частиц по форме и учет их формальных особенностей имеет смысл и при выработке правил пунктуационного оформления вопросительных частиц. Наличие общего правила, не содержащего каких-либо различений по форме, по смыслу, по особенностям интонации, приводит к тому, что в одной и той же пунктуационной ситуации оформление согласно правилу кажется уместным для одной частицы и неподходящим для другой. Например, выделение *что ли* в интерпозиции и отделение ее в конце предложения широко представлено в текстах (то есть варианты оформления типа (20), (22) встречаются нечасто), в то время как выделение частицы *что* в интерпозиции (см. (18) и совсем уже нетривиальный пример (16)) встречается гораздо реже.

Думается, что при разработке новых рекомендаций следовало бы также учитывать и семантические особенности частиц, например, *что ли* может передавать самые разные смысловые оттенки — неуверенность в предположении (*Ты в Москву приехал, что ли?*), сомнение (*Пойти, что ли, чайку попить?*), побуждение к действию (*Пойдем что ли погуляем*) и т. д. Возможно, в некоторых предложениях, в которых частица *что ли* не выделяется интонационно, можно рассматривать ее как синоним другой вопросительной частицы — *разве* — и не рекомендовать постановку какого-либо знака вообще (ср.: *Ты разве знаешь ответ на этот вопрос?* / *Ты что ли знаешь ответ на этот вопрос?*).

Литература

Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация: справочник. М. : Неолит, 2001. 320 с.

Словарь русского языка. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1988. 800 с. (МАС)

Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. М. : Лазурь, 1997. 420 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/new/index.html

Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. М. : Изд-во СГУ, 2009. 502 с.

Пахомов В. М., Свинцов В. В., Филатова И. В. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник. М. : Эксмо, 2012. 576 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 432 с. (ПАС)

Правила русской орфографии и пунктуации. М. : Учпедгиз, 1962. 176 с.

Русская грамматика / под. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М.: Наука, 1980. 784 с.

Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 416 с.

Розенталь Д. Э. Универсальный справочник по русскому языку: Орфография. Пунктуация. Практическая стилистика. М. : Мир и Образование, 2019. 704 с.

Русский орфографический словарь / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 5-е изд., испр. М. : АСТ-ПРЕСС, 2018. 896 с. (РОС)

Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М. : Издательство Академии наук СССР, 1955. 400 с.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Издательство Академии наук СССР, 1960. 373 с.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М. : Наука, 1988. 192 с.

E.Eh. Bazarov
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
eubazar@yandex.ru

ON PUNCTUATION OF INTERROGATIVE PARTICLES *CHTO*, *CHTO LI*

The codification of the norm in a dictionary or reference book cannot guarantee the elimination of other variants of the norm. The long-term coexistence of variants may indicate that the dictionary or reference book does not take into account a completely acceptable variety of the norm. Punctuation is no exception: the rule of punctuation fixed in the reference book may sometimes not take into account quite acceptable variants of writing of a particular syntactic unit. It seems that in this case, it is necessary to refine the rule, if it is necessary, to revise its theoretical foundations. According to the author, one of such weak points of modern Russian punctuation is the rule of punctuation in sentences with interrogative particles. The focus of the research is on the particles *chto* and *chto li*, which function mainly in colloquial speech in constructions such as: *Ty,/_ chto,/_ ne priedesh'?* or *Ty,/_ chto li,/_ ne priedesh'?* As you can see, writing or printing such sentences causes some difficulties: reference books give different recommendations, dictionaries reflect the variety of writing for these particles. The article examines the grammatical features of such sentences, critically analyzes the punctuation rules contained in reference books, and uses dictionary data and texts from The Russian National Corpus as the research material. The author believes that the current rules for the placement of punctuation marks in sentences with interrogative particles need to be significantly improved, and attempts to theoretically understand the grounds for developing a new recommendation for the writing of interrogative particles.

Key words: punctuation, codification, interrogative particle, interrogative sentence, introductory word, norm, rule, reference book, dictionary.

References

Valgina N. S., Svetlysheva V. N. *Orfografiya i punktuatsiya: spravochnik* [Orthography and punctuation: reference book]. Moscow, Neolit Publ., 2001. 320 p.

Slovar' russkogo yazyka [The Dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkii yazyk Publ. 1988. 800 p.

Morkovkin V. V., Lutskaya N. M., Bogacheva G. F., etc. *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [A dictionary of Russian structural words]. Moscow, Lazur' Publ., 1997. 420 p.

Nacional'nyy korpus russkogo yazyra [The Russian National Corpus]. Available at: http://ruscorpora.ru/index.html

Ostroumova O. A., Frampol' O. D. *Trudnosti russkoi punktuatsii. Slovar' vvodnykh slov, sochetanii i predlozhenii. Opyt slovarya-spravochnika* [Difficulties of Russian

punctuation. Dictionary of parenthetical words, combinations and clauses]. Moscow, SGU Publ., 2009. 502 p.

Pakhomov V. M., Svintsov V. V., Filatova I. V. *Trudnye sluchai russkoi punktuatsii: Slovar'-spravochnik* [Difficult cases of Russian punctuation]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 576 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian orthography and punctuation. Complete academic reference book]. Ed. by V. V. Lopatin. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2018. 432 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of Russian orthography and punctuation]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962. 176 p.

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Vol. I. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.

Rogozhnikova R. P. *Tolkovyi slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to words]. Moscow, «Izdatel'stvo AST» Publ., 2003. 416 p.

Rozental' D. E. *Universal'nyi spravochnik po russkomu yazyku: Orfografiya. Punktuatsiya. Prakticheskaya stilistika* [Universal Reference Book on the Russian language: Orthography. Punctuation. Practical stylistics]. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., 2019. 704 p.

Russkii orfograficheskii slovar' [Russian orthographic dictionary]. Ed. by V. V. Lopatin, O. E. Ivanova. 5th rev. ed. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2018, 896 p.

Shapiro A. B. *Osnovy russkoi punktuatsii* [Basics of Russian punctuation]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 400 p.

Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoi rechi* [Sketches on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 373 p.

Shvartskopf B. S. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie* [Modern Russian punctuation: system and its functioning]. M. : Nauka Publ., 1988. 192 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

М. Я. Дымарский
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена /
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Москва)
dym2005@list.ru

ЕЩЕ РАЗ О СИСТЕМНОСТИ ПУНКТУАЦИИ

Рассматривается несколько версий концепции русской пунктуации как системы. Утверждается, что представлению о системном характере пунктуации недостает представления о системном характере использования знаков препинания. На двух примерах из дискуссий вокруг допустимого пунктуационного оформления предложений из текста Тотального диктанта 2017 г. показано, что практика выбора нужного / допустимого знака в ряде случаев затруднена в силу отсутствия четких алгоритмов процедуры выбора. Путем анализа отдельных фрагментов действующего свода правил и справочников показано, что возможность алгоритмизации уничтожается применением регистрационного подхода к описанию нормы, фиксирующего не только собственно норму, но и отступления от нее в практике печати. Устанавливается связь между проявлениями этого подхода и низким уровнем пунктуационной грамотности в обществе. Обращается внимание на недостаточно высокое качество отдельных справочников. Предлагается ввести для справочников по орфографии и пунктуации гриф «Рекомендовано Орфографической комиссией РАН». Обосновываются выводы о том, что изложение правил в новой редакции свода должно быть многоуровневым и предполагать алгоритмизацию применения правила, в том числе в случаях конкуренции допустимых вариантов пунктуационного оформления, что регистрирующий подход должен быть исключен.

Ключевые слова: русский язык, пунктуация, система, норма, пунктуационное правило, алгоритмизация применения правила.

О системности русской пунктуации за последние полвека написано немало. Если в середине прошлого столетия соответствующее представление еще могло быть предметом дискуссии (например, А. Б. Шапиро подчеркивал, что, поскольку процесс развития пунктуации «шел почти стихийно, …существующая в настоящее время пунктуация не отражает какой-либо единой, последовательно проводимой системы» [Шапиро 1961: 174]), то ближе к концу века подобного скепсиса уже никто

себе не позволял. Характерен диалог между ученым, впервые представившим развернутое, теоретически обоснованное описание пунктуации как системы [Шварцкопф 1988], и его коллегой — автором рецензии на указанную книгу, — подчеркивающим, что рецензируемая работа реализует системный подход, обоснованный «еще в 1933 г. А. А. Реформатским» [Ширяев 1991: 148]. «Б. С. Шварцкопф, — пишет рецензент, — осторожен в своих выводах не только о характере существования пунктуационной системы, но и о самом существовании ее: автор позволяет себе говорить только о гипотезе относительно системной организации современной русской пунктуации. Я же позволю себе сделать заключение о том, что автор, несомненно, сумел обнаружить систему в пунктуации» [Ширяев 1991: 149].

Убежденность Е. Н. Ширяева, который и сам внес вклад в осмысление русской пунктуации в духе системного подхода, представляется особенно показательной на фоне того факта, что в книге, о которой он упоминает, найти теоретическое обоснование системного подхода к пунктуации затруднительно. А. А. Реформатский говорит не о системности русской пунктуации в целом, а о необходимости приведения в систему пунктуационного оформления рукописи. В главе X «Вычитка рукописи», в § 3 «Объем и методы работы вычитчика», в п. 1 «Устранение разнобоя и проведение системы внутреннего оформления» он пишет: «Колебания в расстановке знаков препинания всегда были и будут, ибо графическая система пунктуации связана в известной мере с оттенками мысли и интонации автора, что неизбежно вносит момент индивидуальности и затрудняет лиц, желающих иметь готовые рецепты на все случаи пунктуационной практики. В настоящий период наибольшие колебания имеются в расстановке знаков препинания (особенно запятой) при однородных частях предложения, при вводных словах, в чужой речи и диалоге, перед союзом *и*, связывающим два предложения. Вычитывающий должен провести единую систему пунктуации по всей рукописи, учитывая особенности индивидуальной интонации данного автора или действующих лиц» [Реформатский 1933: 236].

Можно не сомневаться в том, что А. А. Реформатский мог бы содержательно высказаться о системности русской пунктуации как таковой, но не это составляло его задачу: как видно из цитаты, он исходит не из системности пунктуации, а из объективного наличия многочисленных колебаний и требует приведения в систему пунктуационного оформления конкретной рукописи, а не свода пунктуационных правил. Употребляя выражение «графическая система пунктуации», он имеет в виду, судя по контексту, лишь наличный инвентарь знаков (и, возможно, правил их расстановки?) и прямо указывает на связь тех и других «с оттенками мысли и интонации автора», делающую невозможными «готовые рецепты на все случаи пунктуационной практики». Однако одного лишь упоминания слова *система* в контексте, связанном с пунктуацией, для читателя конца XX в. (и не просто читателя, а прекрасного специалиста!) оказалось достаточно, чтобы увидеть «обоснование системного подхода к пунктуации». Показательно в этом смысле и то, что даже А. Б. Шапиро, скептическое мнение которого цитировалось выше, был, тем не менее, не чужд выражения *пунктуационная система*: «автор художественного

произведения… как бы оригинальна ни была его художественная манера, не может сколько-нибудь далеко отойти от принятой в данной письменности пунктуационной системы» [Шапиро 1961: 60].

Притом что констатация системного характера русской пунктуации стала общим местом, сама эта системность трактуется по-разному. Н. Л. Шубина определяет пунктуацию как «особую искусственную семиотическую систему, ориентированную на естественную систему — язык», и подчеркивает ее «функционально-адаптивный» характер [Шубина 2006: 38]. С одной стороны, в этом определении она наследует Б. С. Шварцкопфу, который писал: «Пунктуация — система общеобязательных графических внеалфавитных знаков, составляющих — вместе с графикой и орфографией — совокупность основных средств письменного языка; генеральное назначение системы пунктуации — графическая организация и членение письменного (печатного) текста» [Шварцкопф 1988: 8]. С другой стороны, Н. Л. Шубина подчеркивает адаптивный характер пунктуационной системы, предполагающий ее изменчивость.

И. Е. Ким противопоставляет «нормативно-синтаксический подход к пунктуации» функциональному подходу и называет «две линии» применения последнего: системно-функциональный (среди сторонников которого указывает прежде всего Б. С. Шварцкопфа) и текстоцентрический, опирающийся на аналогию между пунктуацией и метатекстом (в понимании А. Вежбицкой), — ссылаясь на работы Н. П. Перфильевой. Стремясь создать основу для понимания механизма функционирования знаков препинания, И. Е. Ким предлагает их формальную классификацию по 6 признакам: 1) одно- / многокомпонентность; 2) мерность (высота, ширина), в том числе нулевая; 3) уровень (нижний, средний, верхний); 4) направленность / ненаправленность (выпуклостей некоторых знаков); 5) одно- / двухместность (одиночность / парность); 6) место пробела по отношению к знаку. В итоге автор приходит к выводу, что «в формальном отношении П<унктуационные>З<наки> характеризуются одномерностью или нулевой мерностью всего знака или его элементов, с функциональной точки зрения их основная задача — членение и пространственная организация текста» [Ким 2019: 312–315].

В трех упомянутых концепциях пунктуационная система предстает прежде всего как упорядоченная совокупность знаков, функции которых в общем виде характеризуются единообразно (членение и организация текста), а детально описываются в пунктуационных правилах, о которых авторы говорят как раз меньше всего или вообще не говорят. Возможно, акцент на адаптивном характере пунктуационной системы (присущем и языку в целом) или новаторская формальная классификация пунктуационных знаков сулят в будущем значительный шаг вперед не только в теоретическом осмыслении системы русской пунктуации, но и в практике ее кодификации; однако мне перспективы применения этих теоретических положений пока не очевидны.

Бесспорно, что основа пунктуационной системы — наличная совокупность знаков, сколь бы широко ни трактовалась сама система и набор знаков, вплоть до метаграфемики в понимании А. Н. Баранова и П. Б. Паршина [1989] и развивающей их идеи Н. Л. Шубиной [2006]. Но каждый знак пунктуации сам по себе — всего лишь

мертвая графема: он обретает жизнь только в процессе функционирования. Можно описать человека как совокупность наблюдаемых элементов его тела: такое описание будет малоинформативным, пока не будет раскрыто функционирование этих элементов. А оно управляется нервной системой. Если уподобить пунктуационную систему телу живого существа, а знаки препинания элементам этого тела, то можно сказать, что «нервная система» этого «тела» — пунктуационная норма, зафиксированная в правилах. Именно совокупность правил, а не совокупность знаков, составляет сердцевину пунктуационной системы. Что произойдет, если из наличных на данный момент знаков препинания по некоторой гипотетической причине исчезнет какой-нибудь один (например, точка с запятой)? Потребуется коррекция существующих правил с перераспределением функций оставшихся знаков, после которой система продолжит исправно функционировать. А что произойдет, если набор знаков останется прежним, но из наличных правил — а главное, из представлений о пунктуационной норме — по некоторой гипотетической причине исчезнут правила, регламентирующие использование, скажем, той же точки с запятой? Такое предположение абсурдно, поскольку абсурдно существование средства без закрепленных за ним функций. Возможно, такой подход, по И. Е. Киму, должен характеризоваться как «нормативно-синтаксический»; мне же представляется, что это и есть системно-функциональный подход, причем в его наиболее актуальном варианте.

Обоснование системного характера русской пунктуации, таким образом, полезно, но для нормализации пунктуационной практики, тем более — для оптимизации свода правил — его недостаточно. Системно-функциональному подходу остро недостает представления о **системности применения правил**, которое должно прямо вытекать из общего системного характера пунктуации. Ниже я постараюсь показать это на двух примерах из дискуссий между членами Филологического совета Тотального диктанта (*ТД*), имевших место в ходе выработки рекомендаций для проверяющих. Как известно, в этих рекомендациях предусматриваются все возможные — то есть допускаемые существующими правилами — орфографические и пунктуационные варианты. Именно здесь и возникает вопрос о процедуре применения правил.

1. В тексте ТД 2017 г. было предложение:

(1) *Впрочем, в России трудно найти человека, в чьей жизни этот город ничего бы не значил.*

Перед членами совета были поставлены вопросы: 1) можно ли в этом предложении допустить вариант без запятой после слова *впрочем*, если да — то почему; 2) можно ли считать слово *впрочем* в позиции начала предложения противительным союзом — синонимом *но*, *однако*. В подтверждение возможности такого предположения была приведена ссылка на словарь-справочник [Остроумова, Фрамполь 2009], где на с. 78–79 читаем:

> «**ВПРО́ЧЕМ**, *союз; книжн.*
> 1. Употребляется в функции вводного для выражения субъективного отношения к какому-либо факту, с оттенком значения «нерешительность,

колебание, сомнение»: ***Впрочем**, это ему идет* (Б. Окуджава); ***Впрочем**, дождь ли был тому причиною?* (Б. Окуджава); *Магда, **впрочем**, лишь смутно понимала, чего именно добивается* (В. Набоков).

2. Невводное, употребляется в функции противительного союза (= но, однако, хотя; тем не менее, все же) на стыке частей сложного предложения или между однородными членами предложения, не обособляется: *Семью его разорили, **впрочем** сперва позаботились и о том, чтоб ее уменьшить* (А. Герцен); *За человеком в зеленом сюртучке водилась одна слабость: любил выпить, **впрочем** вел себя смирно* (И. Тургенев)».

Следует прежде всего заметить, что в использованном источнике не вполне удовлетворительны характеристики заглавного слова. Во-первых, однозначная квалификация *впрочем* как союза противоречит не только истинному положению дел, но и сложившейся практике двоякой квалификации этого слова — как вводного и как союза, — которая это истинное положение дел отражает намного лучше (см. хотя бы на Грамоте.ру: http://new.gramota.ru/spravka/punctum?layout=item&id=58_107). Во-вторых, эта однозначная квалификация плохо согласуется с п. 2 словарной статьи: если изначально сказано, что это союз, то что значит «употребляется в функции противительного союза»? И что именно «невводн**ое**»? В-третьих, не представляется точной семантизация «союза» при употреблении «в функции вводного». Приписываемый ему оттенок нерешительности, колебания, сомнения (не подтверждаемый ни одним из трех примеров) заимствован у С.И. Ожегова, однако единственный пример, приведенный классиком, свидетельствует лишь о том, что слову приписано значение всего предложения: ***Я**, впрочем, **не знаю**, решай сам* [п /ж шрифт мой. — *М.Д.*]. Впрочем, С.И. Ожегов называет и второй оттенок: «резкого перехода к другой мысли» (см.: http://slovari.ru/search.aspx?p=3068), — который несравненно точнее эксплицирует семантику слова; но именно этим оттенком составители рассматриваемого источника сочли возможным пренебречь — по-видимому, следуя примеру Словаря русского языка в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой [там же].

Далее, рекомендация не выделять *впрочем* в функции союза запятой справа явно носит характер анахронизма: не случайны и примеры из середины XIX в. Современная рекомендация, опирающаяся на ПАС, приведена на той же странице Грамоты.ру:

«2. Союз. Соединяет предложения или части сложного предложения. Сближаясь по значению с вводным словом, союз «впрочем» отделяется запятой (реже тире) от последующей части предложения».

Таким образом, при подготовке диктанта для решения возникшего вопроса достаточно было опереться на авторитетную рекомендацию и исключить вариант без запятой после *впрочем*. Более того, даже внимательного чтения справки в [Остроумова, Фрамполь 2009] было достаточно для того, чтобы прийти к такому же решению: ведь *впрочем* в анализируемом примере не находится ни на стыке частей сложного предложения, ни между однородными членами.

Стоит добавить, что квалификация *впрочем* как союза вообще сомнительна. Это вводное слово, развившееся из «выражения *в прочем*, которое состоит из предлога *в* и формы предложного падежа от субстантивированного прилагательного *прочее* ‘остальное’. Не подлежит сомнению, что это выражение в деловом языке XVII — XVIII вв. еще только приобретало оттенок наречия или модального слова. В «Словаре Академии Российской» (1822, ч. 5, с. 687) *впрочем* рассматривается как целостное слово, употребляемое «в образе наречия» и обозначающее ‘что касается до другого’» [Виноградов 2010: 1177]. Функционирование вводно-модальных слов в роли союзов — регулярное и закономерное явление, но до тех пор, пока у такого слова сохраняется вычленяемое модальное значение, говорить о превращении вводного слова в союз, то есть о его полной грамматикализации, преждевременно. Это нисколько не мешает указанию на возможность союзного функционирования вводного слова, точнее — на совмещение функций вводного слова и союза; но очевидно, что, если принять данное уточнение, второй пункт приведенных рекомендаций можно будет просто опустить.

Рассмотренный пример приводит к двум утверждениям относительно процедуры применения правил. Они абсолютно тривиальны, но, оказывается, напомнить о них нелишне.

Первое: выбору правила должен предшествовать грамматический анализ. В (1) трактовка *впрочем* как союза, связывающего части сложного предложения или однородные члены, исключена, поэтому сама постановка вопроса с опорой на источник, в котором для союза предусмотрены только эти две позиции, была некорректна.

Второе: не следует обращаться к источникам, качество которых вызывает сомнения. Обращение к наиболее доступному и авторитетному электронному ресурсу (Грамота.ру) вело в данном случае к удовлетворительному решению: даже если принять трактовку инициального *Впрочем* как межфразового союза, запятая сохраняется (что на самом деле союзную трактовку отменяет, но для решения вопроса менее существенно). При использовании любых источников, кроме того, целесообразно проводить их сравнительный анализ.

В связи со вторым утверждением возникает и следующее предложение: рекомендовать авторам и / или издательствам присылать на рассмотрение Орфографической комиссии РАН рукописи справочников по орфографии и пунктуации. Кажется очевидным, что книга с грифом «Рекомендовано Орфографической комиссией Российской Академии наук» будет рассматриваться как заведомо авторитетный источник, и выбор справочника из множества существующих станет намного более легкой задачей.

2. Еще одно предложение из текста диктанта 2017 г. выглядело так:

(2) *Если ребенком вы жили в городе на большой реке, вам повезло: суть жизни вы понимаете лучше, чем те, кто был лишен этого счастья.*

Перед членами Филологического совета ТД был поставлен вопрос, допустимы ли на месте поставленного автором двоеточия тире, запятая или точка с запятой.

Двоеточие, как очевидно, поставлено потому, что вторая часть бессоюзной конструкции раскрывает, поясняет утверждение, содержащееся в первой части, путем его обоснования (допустима подстановка причинного союза), что полностью соответствует п. 2 § 129 правил пунктуации по ПАС. Вопрос о возможности тире вместо двоеточия закономерен: в прим. 2 к этому параграфу говорится о допустимости тире именно в подобных условиях. Но обосновать действующими правилами вопросы о допустимости в этом предложении запятой или точки с запятой вместо двоеточия невозможно. Чем же объяснить возникновение этих вопросов?

Первое возможное объяснение состоит в том, что членам Филологического совета хорошо известна необходимость быть готовыми к любым вопросам и претензиям, в том числе совершенно необоснованным, которые могут возникнуть после проведения диктанта.

Однако возможно и второе объяснение: варианты с запятой или точкой с запятой не производят впечатления категорически неприемлемых, они, что называется, не режут глаз не только «обычному» современному носителю русского языка, но даже специалисту:

(2.1) *Если ребенком вы жили в городе на большой реке, вам повезло, суть жизни вы понимаете лучше, чем те, кто был лишен этого счастья*;

(2.2) *Если ребенком вы жили в городе на большой реке, вам повезло; суть жизни вы понимаете лучше, чем те, кто был лишен этого счастья*.

Если принять это объяснение, то возникают следующие вопросы: существует ли объективное основание, лицензирующее варианты (2.1–2.2)? А если его нет или оно недостаточно сильное, то в чем же причина указанного положения дел?

Объективное основание можно, на мой взгляд, усмотреть в том факте, что части бессоюзной конструкции (2) содержат утверждения с единым субъектом и с сильной положительной коннотацией: *вам повезло*, *суть жизни вы понимаете лучше*. Общность субъекта и положительно-оценочная окраска этих суждений позволяет воспринять их как ряд, как простое перечисление преимуществ тех, кто ребенком жил в городе на большой реке; отношения причинного обоснования при этом игнорируются.

Можно ли признать это основание достаточно сильным для того, чтобы счесть допустимыми варианты (2.1–2.2)? Очевидно, что нет. Отношения причинного обоснования, подчеркиваемые двоеточием, опираются на тождество связываемых утверждений: *повезло = лучше понимаете смысл жизни*. Оформление же конструкции запятой или точкой с запятой уничтожает отношения тождества и превращает связываемые утверждения просто в различные рядоположенные сущности — как, скажем, в ряду однородных определений *красный, синий, зеленый*. Выхолащивание отношений причинного обоснования обедняет смысл текста, важной составляющей которого является проступающая в нем система ценностей, картина мира автора. А в этой картине весьма существенно, в чем автор видит везение: оно не в возможности, допустим, купаться или разглядывать речные суда, а в лучшем понимании сути жизни.

Таким образом, наиболее вероятная причина того положения дел, при котором бессоюзная конструкция с ясными отношениями причинного обоснования принимается за перечислительную, состоит в отсутствии у значительного количества пишущих навыка идентификации подобных конструкций, шире говоря — навыка семантического анализа бессоюзных предложений, который в обязательном порядке должен предшествовать выбору знака; еще шире говоря — в отсутствии представления о семантическом принципе пунктуации и в неумении (нежелании) определять ситуации, когда должен действовать именно он; в крайне упрощенном представлении о пунктуации лишь как о средстве членения предложения (текста). Оборотная же сторона этой медали заключается в следующем. Количество текстов, создаваемых и с легкостью доводимых до массового читателя людьми, не обладающими, в частности, названным навыком, в последние десятилетия возросло настолько, что представление о пунктуационной норме на этом участке системы (как и на многих других) оказалось похороненным. И даже профессионалы уже настолько привыкли видеть бесконечные ошибки всех сортов и мастей, что на многие просто перестают реагировать, а предложения всего лишь с одной негрубой пунктуационной ошибкой (вроде 2.1 или 2.2) их внимание просто не останавливают. Это не удивляет, если учесть, что на бесчисленных сайтах, в том числе новостных, ежедневно в изобилии выкладываются откровенно невычитанные, безграмотные тексты, ср.:

(3) *А власти Германии оказываются уже знали, что это будет квалифицированно как* <…>[3] (не выделено запятыми вводное слово *оказывается*, в нем ошибочно использовано окончание мн. ч., в кратком причастии *квалифицировано* ошибочно написано НН).

Это только часть одного предложения: нетрудно представить себе, сколько ошибок в целом тексте вполне компактной заметки. И если текст в таком виде дошел до публикации на сайте, это значит, что грубых ошибок не видят ни журналист, ни корректор (если он есть), ни редактор, ни руководитель издания.

Бал правят полуграмотные троечники…

Наконец, еще одну причину того, что профессиональные филологи были готовы обсуждать возможность выбора неприемлемых вариантов (2.1–2.2), я вижу в одной из сторон сложившейся традиции кодификации нормы. Речь идет о подходе, который фактически представляет собой подмену кодификации фиксацией распространенной пунктуационной практики. Вот примеры из «Справочника по русскому языку: орфография и пунктуация» Д. Э. Розенталя (http://old-rozental.ru/).

Пункт 8 § 44 «Двоеточие в бессоюзном сложном предложении»:

Изредка в бессоюзном сложном предложении, состоящем из трех частей, встречается постановка **двух двоеточий** (на разных основаниях или с одним и тем же основанием): *Ну, да это само собой разумеется: душа не яблоко: её не разделишь* (Т.) <…>

[3] Источник: https://news-front.info/2021/07/09/sergey-markov-novost-po-navalnomu-kotoraya-mozhet-stat-sensatsiey.

Обычно в таких предложениях, чтобы избежать скопления двоеточий, одно из них заменяют **тире**.

Примечание к п. 3 § 45 «Тире в бессоюзном сложном предложении»:

> В произведениях писателей-классиков вместо тире в рассматриваемом случае встречается **двоеточие**: *Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец* (П.); *Мы ехали сзади: никто не видел* (Л.); *Мелкий дождик сеет с утра: выйти невозможно* (Т.); *Заботы, огорчения, неудачи измучили бедного батюшку до крайности: он стал недоверчив, желчен* (Дост.).

Примечание к п. 9 § 45 «Тире в бессоюзном сложном предложении»:

> Часто при наличии перед присоединительным предложением слова ***это*** между частями бессоюзного сложного предложения ставятся запятая и тире: *Русская интеллигенция росла и развивалась в условиях совершенно зверских, —* ***это*** *неоспоримо* (М. Г.).

Во всех подобных случаях логика следующая: должно быть так-то, но иногда (*изредка*, *обычно*, *встречается*, *часто*) бывает иначе. Спрашивается: как в таких случаях должен рассуждать пишущий? В параграфе написано, что должно ставиться тире, но в примечании сообщается, что «часто» ставятся запятая и тире: как же, по какому алгоритму он должен решать, к какому классу случаев — «обычным» или «частым» — относится редактируемое им предложение? А алгоритма нет. Какой вывод делает человек, обратившийся к справочнику? «Можно и так, и так».

И это ошибочный вывод!

Ошибка вывода вызвана, прежде всего, неверным восприятием жанра книги Д. Э. Розенталя: это *справочник*, а не свод правил. Примечания в нем адресованы, насколько можно судить, профессиональным редакторам и корректорам, которым приходится решать, стоит ли соглашаться с автором, выбравшим себе в качестве образца авторскую пунктуацию, скажем, М. Горького или К. Паустовского, или М. Цветаевой. Но в предисловиях к разделам книги о подобной адресованности примечаний не упоминается ни словом. О градации обязательности рекомендаций: что означают «следует» или «ставится», чем они отличаются от «допускается» или «встречается», какие ограничения накладываются детерминантами типа *изредка* или *часто* — также не говорится ничего. Можно полагать, что Д. Э. Розенталь ориентировался на профессионального читателя, которому назначение примечаний и градация обязательности рекомендаций ясны по умолчанию… но его книга стала самым массовым, самым полным и самым популярным источником сведений по орфографии и пунктуации в масштабах всего СССР.

В итоге элементы регистрирующего подхода, фиксирующего не только пунктуационную норму, но и практику печати, нередко вступающую с нормой в весьма проблематичные отношения, стали миной замедленного действия под пунктуационным компонентом языкового сознания носителей русского языка. Свою

лепту в описываемый процесс внес и ПАС, разрешивший — на основании более чем многочисленных прецедентов в авторской пунктуационной практике XX в. (К. Паустовский и мн. др.) — использование тире на месте двоеточия в предложениях типа (2).

Как сработала упомянутая мина — очевидно. Д. Э. Розенталь писал: «…если в области орфографии желательна и необходима полная унификация, то к пунктуации это требование неприменимо. Особенности русской пунктуации — в присущей ей многофункциональности знаков препинания и широкой их взаимозаменяемости, в своеобразии индивидуально-авторского использования знаков препинания, в гибкости пунктуационной системы, позволяющей выявлять не только смысловую сторону текста, но и стилистические его оттенки» [Розенталь]. В итоге же мы пришли к положению дел, обрисованному выше: огромным количеством пишущих пунктуация рассматривается как примитивный инструмент членения предложения, игнорирующий не то что стилистические оттенки текста, но даже его смысловую сторону.

Я провел небольшой опрос на своей страничке в «Фейсбуке», предложив друзьям выбрать предпочтительные варианты пунктуационного решения для рассмотренного выше случая в предложении (2): двоеточие, тире, запятая, точка с запятой; разрешалось выбрать более одного варианта. Вот результаты:

— двоеточие выбрали 55 респондентов;

— тире — 28;

— запятую — 4;

— точку с запятой — 0.

51 человек из 60 принявших участие в опросе — профессиональные филологи, в подавляющем большинстве — русисты. Трое из них (!) выбрали запятую. Соотношение 3 : 51 эквивалентно 5,9 %.

Показателен произошедший в ответах-комментариях к этой публикации диалог между к. ф. н. Н. В. Чуйкиной и проф. Н. Б. Кошкаревой, в течение многих лет (в том числе и в 2017 г.) бывшей председателем Филологического совета ТД. Н. В. Чуйкина пишет: «1», — то есть выбирает первый вариант, с двоеточием, — но при этом добавляет: «но думаю, что большинство простых носителей поставит 2», — то есть тире. Оказывается, однако, что мой респондент слишком высоко оценивает пунктуационную компетентность неспециалистов — «простых носителей». Н. Б. Кошкарева комментирует: «Большинство простых носителей ставили здесь запятую и яростно отстаивали именно ее». Так вот, нет ничего удивительного в том, что «большинство простых носителей» было убеждено в необходимости и достаточности простой разделительной запятой там, где может быть только семантически нагруженный знак — двоеточие или тире, — если и профессиональные филологи, пусть даже только 6 процентов из них, допускают эту запятую. Количественное соотношение 3 : 51 здесь весьма условно и малоинформативно, но вот самый факт ненулевого значения первого члена отношения информативен в высшей степени. Симптоматичен еще один комментарий, автор которого также профессиональный русист: «2, хотя можно обосновать и 1», то есть предпочтительно тире, хотя можно

обосновать и двоеточие, — в то время как логика должна быть прямо противоположной.

Выводы из рассмотренного случая следующие.

Первый. Изложение пунктуационных норм в новой редакции правил должно быть многоуровневым. Частные случаи должны быть ясно отграничены от общих правил. В школьной практике должны изучаться только общие правила. Соответствующая стратификация действующих правил — важнейшая задача, без решения которой создание новой редакции свода, отвечающего современной ситуации, по моему убеждению, невозможно.

Второй. Формулировки правил должны поддаваться алгоритмизации. Ситуации, когда примечание к правилу уничтожает возможность его алгоритмизации, должны быть исключены. Случаи, допускающие относительно свободный выбор пунктуационного решения, должны быть прокомментированы таким образом, чтобы пишущий мог ясно представлять, каковы плюсы, минусы и следствия каждого из возможных вариантов; другими словами, и здесь должна быть предусмотрена возможность алгоритмизации.

Третий. Регистрирующий подход в своде правил должен быть исключен. Правила должны носить исключительно предписывающий, а не констатирующий характер.

Четвертый. Решение задач и выполнение требований, сформулированных как предшествующие выводы, — единственный, на мой взгляд, путь к достижению не декларативной, а реальной системности в пунктуации, предполагающей по возможности полное соответствие между интерпретацией пунктуации как системы и системностью кодификации нормы в своде правил, обеспечивающей и системность применения правил.

В книге, упоминавшейся выше, А.А. Реформатский развивал, в частности, идею «защиты» смысловых отношений (термин *защита* он, по собственному сообщению, использовал вслед за гроссмейстером А.И. Нимцовичем, автором знаменитой книги «Моя система») [Реформатский 1933: 112]. Вводя это понятие, автор отталкивался от ситуации, когда при исходной необходимости «графического выражения трех ступеней заголовков» эти три заголовка (то есть заголовок, подзаголовок и подподзаголовок) расположены в виде «трех одинаковых по шрифту строк одна над другой, одинаково выключенных посередине», и такое решение «не достигает цели: смысловое соотношение не доходит до восприятия, его защита в графических признаках недостаточна» [Там же: 110; разрядка авторская. — *М.Д.*]. Думается, что сфера применения термина, как и сама идея *защиты смысловых отношений* — в данном случае от грозящей им полной энтропии — может быть распространена и на знаки препинания и правила пунктуации.

И даже не может, а должна. Давно пора.

Литература

Баранов А. Н., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики // Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН, 1989. С. 41–115.

Виноградов В. В. История слов. М., 2010. 2000 с. [Электронный ресурс: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/. Дата обращения 13.07.2021]

Ким И. Е. Современная русская пунктуация как знаковая система // Критика и семиотика. 2019. №2. С. 302–318.

Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009. 501 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с. [Электронный ресурс: http://orthographia.ru/. Дата обращения 16.07.2021] [ПАС]

Реформатский А. А., при участии *М. М. Каушанского*. Техническая редакция книги. Теория и методика работы. Под ред. Д. Л. Вейса. [М.:] Гос. изд-во легкой промышленности, 1933. 417 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку: орфография и пунктуация. [Электронный ресурс: http://old-rozental.ru/. Дата обращения 14.07.2021]

Шапиро А. Б. Русское правописание. Изд. 2-е, перераб. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 248 с.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 191 с.

Ширяев Е. Н. [Рец. на:] Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 191 с. // Вопросы языкознания. 1991. №6. С. 148–151.

Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 256 с.

Mikhail Ya. Dymarsky
(Herzen State Pedagogical University of Russia / Institute for Linguistic Studies RAS)
(Russia, Moscow)
dym2005@list.ru

ONCE AGAIN ON SYSTEMIC CHARACTER OF PUNCTUATION

Several versions of the concept of Russian punctuation as a system are considered. It is argued that the concept of the systemic nature of punctuation lacks an idea of the systemic nature of the use of punctuation marks. Using two examples from the discussions around the permissible punctuation of sentences from the text of the 2017 Total

Dictation, it is shown that the practice of choosing the desired / permissible sign in a number of cases is difficult due to the lack of clear algorithms for the selection procedure. By analyzing separate fragments of the current set of rules and reference books, it is shown that the possibility of algorithmization is destroyed by the application of a registering approach to the description of the norm, which fixes not only the norm itself, but also deviations from it in printing practice. A connection is established between the manifestations of this approach and the low level of punctuation literacy in society. Attention is drawn to the insufficiently high quality of individual handbooks. It is proposed to introduce the heading "Recommended by the Commission for the Orthography of the Russian Academy of Sciences" for reference books on spelling and punctuation. The conclusions are substantiated that the presentation of the rules in the new edition of the codex should be multi-level and assume the algorithmization of the application of the rule, including cases of competition of acceptable punctuation options; that the registering approach should be excluded.

Key words: Russian language, punctuation, system, norm, punctuation rule, algorithmization of the rule application.

References

Baranov A.N., Parshin P.B. [Impacting potential for variation in metagraphics] // *Problemy ehffektivnosti rechevoi kommunikatsii: Sb. nauch.-analit. obzorov* [Problems of the effectiveness of speech communication] A collection of scientific analytical reviews. Moscow, INION Publ., 1989. Pp. 41–115. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow, 2010. 2000 p. [URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/. Accessed 13.07.2021]

Kim I.E. [Modern Russian punctuation as a sign system] // *Kritika i semiotika,* 2019, №2, pp. 302–318. (In Russ.)

Ostroumova O.A., Frampol' O.D. *Trudnosti russkoi punktuatsii. Slovar' vvodnykh slov, sochetanii i predlozhenii: opyt slovarya-spravochnika* [Difficulties of Russian punctuation. Vocabulary of introductory words, phrases, and sentences: An attempt of a reference vocabulary]. Moscow, SGU Publ., 2009. 501 p.

Russian spelling and punctuation rules. Complete Academic Reference / Ed. V.V. Lopatin. Moscow, AST Publ., 2009. 432 p. [URL: http://orthographia.ru/. Accessed 16.07.2021]

Reformatskii A.A., pri uchastii M.M. Kaushanskogo [with the participation of M.M. Kaushansky]. *Tekhnicheskaya redaktsiya knigi. Teoriya i metodika raboty.* [Technical edition of the book. Theory and method of work]. Ed. D.L. Weiss. [Moscow:] State publishing house of light industry, 1933. 417 p.

Rozental' D. EH. *Spravochnik po russkomu yazyku: orfografiya i punktuatsiya* [Russian language reference: spelling and punctuation]. [URL: http://old-rozental.ru/. Accessed 14.07.2021]

Shapiro A.B. *Russkoe pravopisanie.* [Russian spelling]. 2nd ed., revised. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 248 p.

Shvartskopf B. S. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie* [Modern Russian punctuation: the system and its functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 191 p.

Shiryaev E. N. [Review of:] Shvartskopf B. S. Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie. Moscow, Nauka Publ., 1988. 191 p. // *Voprosy yazykoznaniya,* 1991, № 6, pp. 148–151. (In Russ.)

Shubina N. L. *Punktuatsiya sovremennogo russkogo yazyka* [Punctuation of the modern Russian language]. Textbook for students of higher study institutions. Moscow, Izd. tsentr «Akademiya», 2006. 256 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

И. Е. Ким
Институт филологии СО РАН
(Россия, Новосибирск)
kimkim27601@yandex.ru

ПУНКТУАЦИЯ «ГОВОРЯЩЕГО» И ПУНКТУАЦИЯ «СЛУШАЮЩЕГО»: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПУНКТУАЦИИ

В статье предлагается использовать в теории русской пунктуации различение ономасиологического и семасиологического подходов. Семасиологический подход, доминирующий в грамматических и лексикологических исследованиях, при описании пунктуации оказывается на вторых ролях. Связано это в первую очередь с доминированием в отечественной пунктуации нормативного подхода, ориентированного на пишущего и приравнивающего пунктуационную практику к совокупности одобренных нормой пунктуационных решений. Ономасиологический подход реализуется в первую очередь в организации и формулировках пунктуационных правил, в которых в качестве данного/темы представлены коммуникативные условия, семантика, грамматическая конструкция и/или лексическое наполнение контекста, а информация о предписываемом или рекомендуемом пунктуационном знаке помещена в рему. Выход за пределы нормативных употреблений пунктуационных знаков приводит к необходимости применения семасиологического (описательного) подхода, требующего понимания функциональных возможностей пунктуационного знака. Семасиологический подход предполагает также множественность интерпретаций, которая объясняется многоплановостью текстовых структур, наличием в них конструктивного, коммуникативного и семантического аспектов. Многие ненормативные пунктуационные решения могут, помимо интерпретации в качестве пунктуационной ошибки, оцениваться как способ решения задач коммуникативного членения текста, например, отделения друг от друга синтаксически не связанных компонентов или членения на синтагмы.

Ключевые слова: русская пунктуация, ономасиологический и семасиологический подход в пунктуации, пунктуационная ошибка, запятая, структура пунктуационного правила, синтагма.

Нормативный подход, доминирующий в русской пунктуационной теории, оказал настолько мощное давление на пунктуационную практику, что на многие годы снял с повестки дня вопросы, которые в других лингвистических дисциплинах осознаны и даже получили некоторые ответы. Один из таких вопросов — о различии активного и пассивного подходов в пунктуации.

Это различение в русистике связано с именем Л. В. Щербы. В работе «Очередные проблемы языковедения» он показал наличие двух направлений лингвистического исследования [Щерба 1974: 48 и далее]. Направление описания от смысла к форме задает активный подход — «активную грамматику» («грамматику говорящего»), движение от формы к смыслу связано с пассивным подходом, с «пассивной грамматикой» («грамматикой слушающего»). В других традициях [Кубрякова 1979; Даниленко 1988 и др.] эти подходы были названы ономасиологическим («активная грамматика») и семасиологическим («пассивная грамматика»).

Более привычный для лингвистов семасиологический подход связан с «грамматикой слушающего» и дает средства для понимания, интерпретации наличествующего языкового выражения, например, готового высказывания или слова. Ономасиологический подход, осмысленный в теории лингвистики сравнительно недавно, помогает активному речедеятелю, создающему текст. Он предполагает первоначальное наличие коммуникативной и смысловой задачи, для которой говорящий/пишущий должен найти адекватное языковое выражение.

В упомянутой выше работе 1974 года Л. В. Щерба критикует смешение описательного и нормативного подходов: «Может быть, некоторое отрицательное отношение к описательной грамматике зависит от недостаточно четкого отграничения ее от нормативной грамматики. Дело в том, что в нормативной грамматике зачастую язык представляется — и, с моей точки зрения, это неправильно — в окаменелом виде» [Щерба 1974: 49].

В чем специфика нормативного подхода, заставляющая его представлять язык «в окаменелом виде»? Он предполагает, что в языке существует «правильное» (нормативное) и «неправильное» (ненормативное). В этом случае «правильное» должно быть обосновано и описано, а «неправильное» исключено из практики. Собственно, пунктуационная теория и занимается обоснованием правильных пунктуационных решений, например, определением основополагающего принципа русской пунктуации [Валгина 1978: 395–400 и др.], конструктивно-синтаксическими и семантическими условиями постановки пунктуационных знаков (в дальнейшем — ПЗ).

А что же с «неправильными» пунктуационными решениями? При нормативном рассмотрении такие решения рассматриваются как ошибки, то есть, по сути, нетипичные отклонения, сбои правильно организованной системы. В методике и практике преподавания русского языка в школе и культуры речи в вузе часть усилий методистов и преподавателей направлены на то, чтобы объяснить причину ошибки с целью ее устранения, ср., например: «Достаточно широко представлены ошибки, вызванные неразличением простых и сложных предложений. Прежде всего, это

неразличение конструкций “однородные члены с союзом *и*” — “сложносочиненное предложение с союзом *и*”. Зачастую школьники воспринимают как сложные такие простые предложения, в которых есть отглагольные существительные, являющиеся своего рода “свертками” простых предложений» [Парубченко 2013: 164].

Таким образом, «окаменелость языка» в нормативном подходе связана с тем, что в нем подпадающая под описание пунктуационная практика сужается до той, которая одобряется пунктуационной нормой.

Еще один фактор до последнего времени влиял на отсутствие разнообразия в «видимой миру» пунктуационной практике. В доинтернетовскую эпоху публичная и массовая графическая коммуникация находилась под общественным контролем, который обеспечивался организацией издательской деятельности, включавшей в издательскую подготовку рукописей к печати обязательный редакторский и корректорский контроль.

На самостоятельность пунктуационных решений в доинтернетовскую эпоху могли претендовать «элитарные» речедеятели — писатели, по отношению к практике которых применялось понятие «авторской пунктуации» [Гостеева 1974; Валгина 1980; и др.]. Кроме того, явная прагматическая нацеленность рекламного текста, эффективность которого важнее, чем соответствие норме, также позволяла ему пренебрегать нормой [Захарова 2009; и др.].

Развитие интернета, который позволил рядовому носителю языка выступить активным участником публичной и массовой коммуникации, привело к прорыву пунктуационной реальности в поле зрения массового читателя и лингвистов.

Расширение массовой пунктуационной практики за пределы официальной и институциональной массовой коммуникации позволяет поставить вопрос о различии ономасиологического и семасиологического подходов в теории пунктуации, то есть «пунктуации говорящего» (пишущего, автора графического текста) и «пунктуации слушающего» (читателя, адресата графического текста), по аналогии с «грамматикой говорящего» и «грамматикой слушающего». Однако, в отличие от грамматики и лексики, применительно к пунктуации сущности, с которыми сталкивается исследователь, определяются с учетом задач этой дисциплины: ономасиологический подход может пониматься как подход «от вербального контекста к ПЗ», а семасиологический — «от ПЗ к контексту».

Ориентация нормативной пунктуации на пишущего приводит к доминированию в ней ономасиологического подхода, в отличие от многих других лингвистических дисциплин, изначально связанных с позицией читателя древнего текста или текста на чужом языке. Пунктуационное правило формулируется таким образом, что в нем задается контекст, в который должен быть помещен ПЗ. Для примера возьмем начало первого конкретного пунктуационного правила в академическом справочнике по орфографии и пунктуации, имеющего типичную формулировку: «**§ 1.** В зависимости от цели сообщения, наличия или отсутствия эмоциональной окраски высказывания в конце предложения ставится **точка** (повествование, побуждение к действию), **вопросительный** (поиск информации) **знак**» [Правила русской орфографии и пунктуации 2010: 177].

Как видим, в данном правиле в позиции темы помещается информация о коммуникативных условиях (*в зависимости от цели сообщения, наличия или отсутствия эмоциональной окраски высказывания*), затем конструктивная единица и позиция знака (*в конце предложения*), а в позиции ремы, в конечной синтагме, находится информация о ПЗ. Рематичность информации о ПЗ усиливается интенсифицирующим шрифтовым выделением — полужирным исполнением. Таким образом, мы видим в формулировке правила реализацию ономасиологического подхода, ориентированного на пишущего.

Однако изучение пунктуационной практики часто заставляет переходить от изучения того, постановка какого знака предполагается в данном контексте, к интерпретации уже наличествующего в тексте пунктуационного решения. Разница в подходе заключается в том, что в этом случае исследователь сталкивается с «вещью в себе», с уже состоявшимся размещением конкретного ПЗ в определенном месте произвольного вербального контекста. Семасиологический описательный подход не задает изначальной цели пишущего, он по возможности должен ее реконструировать. И в этом случае часто мы должны прибегать к вероятностной интерпретации.

Рассмотрим употребление одной из запятых в следующей фразе: *Так вот, через генерального директора объединения «American for Prosperity» — Эмили Зайдель, братья заявили, что «взвесят» действия республиканских законодателей перед тем, как их спонсировать, в контексте произошедшего 6 января в Конгрессе.*[1] В этой фразе оказывается вполне уместной постановка тире, отделяющего собственное имя *Эмили Зайдель* в качестве приложения от определяемого *генерального директора объединения «American for Prosperity»*.

Обратим внимание на запятую после слова *Зайдель*. Применяя знание о конструктивно-синтаксическом устройстве этого предложения, мы можем интерпретировать эту запятую как ПЗ, отделяющий распространенное и осложненное препозитивное дополнение *через генерального директора объединения «American for Prosperity» — Эмили Зайдель* от грамматической основы предикативной единицы — подлежащего *братья* и сказуемого *заявили*. В нормативном аспекте налицо пунктуационная ошибка: дополнение без необходимости не отделяется от грамматической основы, поскольку запятая, отделяя грамматическую основу от дополнения, выводит последнее в отдельную синтагму и ослабляет его синтаксическую связь с грамматической основой. В данном случае это понижает значимость важной информации о коммуникативном посреднике.

Однако у анализируемой запятой может быть и иная функция, которая тоже противоречит пунктуационным правилам, но решает пунктуационное затруднение автора текста. Эта запятая отделяет собственное имя от последующего контекста. Без нее визуально вычленяется синтагма *Эмили Зайдель братья заявили*. Конечно,

[1] https://zen.yandex.ru/media/russtrat/itogi-vyborov-prezidenta-ssha-respublikancy-na-kraiu-katastrofy-6002c0a3f8b1af50bbbc40ba (19.01.2021). Здесь и далее воспроизводится пунктуация источника.

есть легитимные способы решить это затруднение — использовать парное тире (несколько хуже употребление скобок), воспользоваться парной запятой или вообще не использовать в этом месте пунктуационных знаков, см., например: *Так вот, через генерального директора объединения «American for Prosperity» Эмили Зайдель братья заявили, что «взвесят» действия республиканских законодателей перед тем, как их спонсировать, в контексте произошедшего 6 января в Конгрессе*. Использование тире для отделения приложения слева и запятой для отделения справа решает задачу членения, однако не способствует соблюдению пунктуационной нормы. Как видим, семасиологический описательный подход допускает множественность интерпретации пунктуационного оформления текста, а также оценивает не только нормативность принятого пунктуационного решения, но и его эффективность при разрешении пунктуационных ситуаций, к которым относятся ситуации членения и организации текста.

Рассмотрим еще один случай, на этот раз связанный с возможностью двоякой интерпретации нарушения в одной фразе сразу двух пунктуационных норм. Рассмотрим фразу: *Как оказалось*$_{(,)}$ *ППС, отлично подвержен модернизации и на него можно устанавливать телескопический приклад и коллиматорный прицел.*[2] Запятая (одиночный вариант парной запятой) должна отделять вводную предикативную единицу *как оказалось*. Запятая стоит, однако, не сразу после вводной предикативной единицы, а через одно слово, после подлежащего *ППС* ‘пистолет-пулемет Судаева’, и должна интерпретироваться как неправомерная запятая между подлежащим и сказуемым. Таким образом, количество запятых во фразе соответствует необходимому по пунктуационной норме, но изменение места ПЗ вправо на одно слово приводит сразу к двум пунктуационным ошибкам. Тем не менее с описательной точки зрения возможна иная интерпретация этого факта. Согласно этой версии, автор отделил вводную предикативную единицу, однако с точки зрения коммуникативного членения отделяемая по правилу синтагма слишком коротка для отделения, поэтому автор перенес запятую на графическое слово вправо, сформировав приемлемую с количественной точки зрения синтагму. Таким образом, автор нашел компромисс между грамматическим и коммуникативным членением, поставив ПЗ для грамматического членения, но сдвинув его в пользу коммуникативного. С учетом наличия союзов фразу можно поделить на синтагмы по количеству графических слов {3, 3 7 3}: *Как оказалось ППС, / отлично подвержен модернизации /и на него можно устанавливать телескопический приклад /и коллиматорный прицел.*

Покажу пример более далекого сдвига: *Друзья*$_{(,)}$ *в данной подборке, теории в основном американские.*[3] В данном случае отсутствует запятая после инициального обращения, однако наблюдается «лишняя» запятая после препозитивного обстоятельства места. С другой стороны, фраза идеально делится на синтагмы {4,

[2] https://zen.yandex.ru/media/daidjest/luchshii-pistolet-pulemet-vtoroi-mirovoi-voiny-sovetskii-pps43-ego-skopirovali-daje-nemcy-5d2329b259861500add2f465 (Дата обращения 30.07.2019).

[3] https://zen.yandex.ru/media/id/5bdcb4e694c14900aa528b58/teorii-zagovora-v-kotorye-liudi-neverili-no-oni-okazalis-pravdoi-5f8c1dfa5284e336e5eead41?&disable_feed_under_article=false (Дата обращения 21.03.2021).

4}: *Друзья в данной подборке,/ теории в основном американские*. Таким образом, и в этом случае можно предположить (с меньшим, конечно, основанием), что имеет место конструктивное по поводу постановки и коммуникативное по месту постановки членение фразы с помощью вполне легитимной запятой, которую автор сдвинул на три графических слова вправо. Возникают две интерпретации таких случаев, одна из которых приводит к обнаружению двух неверных пунктуационных решений, а другая — только одного.

Подводя итог, можно предположить бóльшую приспособленность семасиологического, описательного подхода для интерпретации фактов ненормативных пунктуационных решений. Непредвзятость в оценке пунктуационных задач, встающих перед автором, и способов их решения, свойственная описательной пунктуации, соответствует сложности интерпретации «естественного письменного текста», не ориентированного на соблюдение нормы.

Литература

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М. : Высш. шк., 1978. 304 с.

Валгина Н. С. «Ни моря нет глубже, ни бездны темней» (о пунктуации А. Блока) // Русская речь, 1980, № 6. С. 21–29.

Гостеева С. А. Спорные вопросы пунктуации и пунктуационная практика современных русских советских писателей: на материале прозы В. Ф. Пановой : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1974. 205 с.

Даниленко В. П. Ономасиологическое направление в истории грамматики // Вопросы языкознания, 1988, № 3. С. 108–131.

Захарова Е. О. Пунктуационные и пунктуационно-графические приемы рекламного текста // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 324. С. 25–28.

Ким И. Е. Теория русской пунктуации: пространство знака и пространство текста / Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. 120 с.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1978. 114 с.

Парубченко Л. Б. Орфография и пунктуация: пособие для учителей. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. 328 с.

Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация. М. : Наука, 1979. С. 5–25.

Перфильева Н. П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006. 43 с.

Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 432 с.

Шварцкопф Б. С. Современная пунктуация: система и ее функционирование. М. : Наука, 1988. 192 с.

Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Языковая система и речевая деятельность. М. : Наука, 1974. С. 39–59.

I. E. Kim
Institute of Philology (Russian Academy of Science, Siberian Branch)
(Russia, Novosibirsk)
kimkim27601@yandex.ru

PUNCTUATION OF THE "SPEAKER" AND PUNCTUATION OF THE "LISTENER": ONOMASIOLOGICAL AND THE SEMASIOLOGICAL APPROACH IN PUNCTUATION

The article proposes to use the distinction between onomasiological and semasiological approaches in the Russian punctuation study. The semasiological approach, which dominates in grammar and vocabulary studies, is on the sidelines in the description of punctuation. This is due primarily to the dominance of the normative approach in Russian punctuation theory, which focuses on the writer and considers punctuation practice to be equal to a set of punctuation decisions approved by the norm. The researchers and punctuation compilers primarily use onomasiological approach in arranging and formulating the punctuation rules: they present conditions of communication, semantics, grammatical structure and / or lexical content of the context to be the “given” (topic, theme), and information about the prescribed / recommended punctuation mark — in the end, as the “new” (comment, rheme). To go beyond the normative uses of punctuation marks, we need to apply a semasiological (descriptive) approach, which requires understanding the functionality of a punctuation mark. In the framework of this approach, the diversity of text structures causes the plurality of interpretations appears; also, at least constructive, communicative and semantic aspects are distinguished there. One can consider a non-normative punctuation mark to be a way to solve a problem of expressing the information structure of the sentence, i.e. to separate syntactically independent components from each other or to divide a sentence into sintagmas, rather than to assume that it is an error.

Key words: Russian punctuation, onomasiological and semasiological approach to punctuation, punctuation error, comma, punctuation rule structure, syntagma.

References

Danilenko V. P. [Onomasiological direction in the history of grammar]. *Voprosy yazykoznaniya.* 1988, no. 3, pp. 108–131. (In Russ.)

Gosteeva S. A. *Spornye voprosy punktuatsii i punktuatsionnaya praktika sovremennykh russkikh sovetskikh pisatelei: na materiale prozy V. F. Panovoi.* Diss. kand. filol. nauk [Controversial issues of punctuation and punctuation practice of modern Russian Soviet writers: on the material of V. F. Panova's prose. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 1974. 205 p.

Kim I. E. *Teoriya russkoi punktuatsii: prostranstvo znaka i prostranstvo teksta* [The theory of Russian punctuation: space of a sign and space of a text]. Novosibirsk, Publishing Centre of Novosibirsk St. Univ, 2019. 120 p.

Kubryakova E. S. *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of speech in onomasiological coverage] Moscow, Nauka Publ., 1978.114 p.

Parubchenko L. B. *Orfografiya i punktuatsiya: posobie dlya uchitelei* [Spelling and punctuation] : a guide for teachers. Barnaul, Altai State Univ. Publ., 2013. 328 p.

Pen'kovskii A. B., Shvartskopf B. S. [Experience in describing Russian punctuation as a functional system]. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya* [Modern Russian punctuation]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 5–25. (In Russ.)

Perfil'eva N. P. *Metatekst: tekstotsentricheskii i leksikograficheskii aspekty.* Avtoref. d-ra filol. nauk [Metatext: textocentric and lexicographic aspects. Abstract of diss. doct. philol. sciences]. Novosibirsk, 2006. 43 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii: Polnyi akademicheskii spravochnik [Russian spelling and punctuation rules] : Complete academic reference book. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2010. 432 p.

Shvartskopf B. S. *Sovremennaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie* [Modern punctuation: the system and its functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p.

Shcherba L. V. [The next problems of linguistics]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow, 1974, pp. 39–59. (In Russ.)

Valgina N. S. [«Neither the sea is deeper, nor the abyss is darker» (about punctuation by A. Blok)]. *Russkaya rech'*, 1980, no. 6, pp. 21–29. (In Russ.)

Valgina N. S. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of the modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 304 p.

Zakharova E. O. [Punctuation and punctuation-graphic techniques of advertising text]. *Vestnik Tom. gos. un-ta*, 2009, no. 324, pp. 25–28. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

И. Б. Левонтина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
irina.levontina@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПУНКТУАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ*

Статья посвящена сложным случаям пунктуационного оформления так называемых «дискурсивных слов». Это чрезвычайно разношерстная группа единиц: они различаются и семантически, и синтаксически, и интонационно. Кроме того, многие из этих единиц имеют промежуточный, пограничный характер. Всё это приводит к неустойчивому пунктуационному оформлению. Эта неустойчивость интересна не только в нормативном отношении, но и с точки зрения понимания логики функционирования дискурсивных единиц и логики выбора пишущими пунктуационного оформления в неочевидных случаях. При этом несущественно, является ли пунктуационное решение в каждом отдельном случае авторским или издательским. Рассматриваются несколько примеров нестабильного пунктуационного оформления таких единиц. В первом разделе рассматривается слово *ну*. Обнаруживается, что словари и пунктуационные справочники по-разному проводят границу между междометием *ну* и частицей *ну*. Пунктуация оказывается вариативной и зависит в первую очередь от интонации. Во втором разделе рассматриваются прагматикализованные сочетания междометий с вопросительными словами. Обнаруживается, что пунктуация зависит в этом случае от степени конвенционализации сочетания. В третьем разделе рассматривается оборот *мало сказать*, который оформляется самыми разными способами, выбор которых зависит от нескольких факторов.

Ключевые слова: русский язык, дискурсивные слова, пунктуация, междометие, частица, прагматикализация.

0.

С точки зрения пунктуационного оформления большую проблему представляют так называемые «дискурсивные слова» — «...единицы, которые, с одной

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19–012–00291.

стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т. п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч. Такому классу слов в традиционной терминологии нет названия (с некоторой осторожностью можно указать на определенную близость дискурсивной лексики к классу (модальных) частиц...» [Баранов и др. 1993]. Это чрезвычайно разношерстная группа единиц: они различаются и семантически, и синтаксически, и интонационно. Кроме того, многие из этих единиц имеют промежуточный, пограничный характер. Всё это приводит к неустойчивому пунктуационному оформлению. Эта неустойчивость интересна не только в нормативном отношении, но и с точки зрения понимания логики функционирования дискурсивных единиц и логики выбора пишущим пунктуационного оформления в неочевидных случаях. При этом несущественно, является ли пунктуационное решение в каждом отдельном случае авторским или издательским.

Рассмотрим несколько примеров нестабильного пунктуационного оформления таких единиц.

1.

Начнем со слова *ну*. Слово *ну* принадлежит к числу чрезвычайно распространенных, особенно в устной речи, выразительных и специфичных русских слов. Оно многозначно, и структура его многозначности сложна и пока не до конца изучена, даже в его частеречной идентификации нет ясности.

Обратимся к описанию *ну*, например, в МАСе. Там, как, впрочем, и в других словарях, различаются *ну*-междометие и *ну*-частица. Однако это разделение не всегда проводится на основании ясных критериев. К тому же русская лексикографическая традиция находится тут в некотором противоречии с правилами русской пунктуации. Так, в "Справочнике по пунктуации" Д. Э. Розенталя (см. [Розенталь 1984, с. 130–131]) читаем:

> *«Следует различать междометия и одинаково звучащие частицы (после первых запятая ставится, после вторых нет) <...> Ну, давай плясать! (А. Н. Островский). — Ну как не порадеть родному человечку (Грибоедов)».*

В Полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под редакцией В. В. Лопатина (см. [Лопатин 2009]) различие между междометиями и частицами также в целом увязывается с пунктуационным оформлением:

> *§ 107. Междометия выделяются (или отделяются) запятыми: — О, где-то пожар! (Бун.); — Но, но, легче на поворотах (А. Т.); — Эх, беда,*

беда! — сказал он, ворочая в печке дрова (Пауст.); — Ах, как медлительны они, проходит год, другой... (Тв.); --- Ну, ладно. Поверим на слово (Пауст.); — Ай, что мы видели (Пауст.); — Фу, как нелепо! (Щерб.); — А, так ты с ним заодно (Булг.).

§ 108. Примечание. С междометиями (по форме) могут совпадать частицы (см. § 103, примечание). Имеющие усилительное значение частицы, в отличие от междометий, не отделяются знаками от слов, при которых они стоят: — Ну пойди, пойди сюда (Плат.); — Ну надо же! — всё изумлялась Марья (Шукш.); — Ай не узнала ?(Бун.).

Усилительные частицы не имеют ударения, они сливаются со следующими словами, тогда как междометия всегда ударны и потому они отделены от следующих слов паузой. ---

Соответственно, в Примечании к § 103 (см. [Лопатин 2009]) читаем:

§ 103.

Примечание. Омонимичные частицы и междометия (о, ах, а) различаются следующим образом: частица имеет усилительное значение и от обращения интонационно не отделяется (не имеет самостоятельного ударения); напротив, междометия интонационно самостоятельны, ударны, после них имеется пауза. Ср.: ***О поле мое заветное****, ты сейчас отдыхаешь после жатвы (Айтм.)* ***— О, ветер! О, снежные бури!*** *(Бл.).*

Итак, здесь указано, что если соответствующая единица интонационно выделена, то она считается междометием и обособляется, если же нет — считается частицей и не обособляется[1].

В словарях же дело обстоит иначе: в качестве примеров на частицу *ну* постоянно приводятся фразы, в которых после нее стоит запятая, а на междометие — без запятой, причем нередко для каждой из единиц приводятся однотипные примеры с разной пунктуацией. Особенно показателен в этом отношении БТС. В нем, в частности, имеется следующее значение междометия *ну*: «Употр. как выражение удивления, восхищения или недовольства, негодования, иронии и других чувств». Оно иллюстрируется, в частности, следующими примерами: *Ну, придумала!*, с одной стороны, и *Ну артистка!, Ну насмешил!* — с другой. Ср. также знаменитое *Ну бал! Ну Фамусов!* Частица *ну*, в свою очередь, имеет в том числе такое значение: «2. Употр. для выражения настороженности. Подтверждая, допуская что-л., передаёт

[1] В этой логике не очень понятным выглядит последующее уточнение: «*В цельных сочетаниях, в составе которых имеются частицы, внутри запятая не ставится: эх вы, эх ты, ах вы, ах ты, ну что ж, ай да, эх и, ух ты, ну что ж, ну уж, ну и, э нет, эк его и др. Например: — Эх вы, горе-повара! (Ч.); —* ***Ну что ж,*** *продолжайте (Кат.);* ***Ну и что?*** *Толстой остался Толстым, Шекспир Шекспиром (Кат.); —* ***Ну уж,*** *так и быть. Теперь моя очередь (Кат.); —* ***Ух ты,*** *какая строгая (Шукш.); —* ***Ах ты*** *какой. Сидит и молчит (М. Г.)…*» Ведь выше сказано, что частицы в принципе не обособляются! Как кажется, более естественно было бы написать примерно следующее: в частности, в таких-то сочетаниях единицы, омонимичные междометиям, не обособляются, так как выступают в функции частиц – произносятся безударно и не отделяются паузой.

настороженность; допустим, положим». Оно иллюстрируется примерами: *Пойдёшь гулять? — Ну пойду... — Купи хлеба. Вы недавно у нас работаете? — Ну, недавно*. Очевидно, что пары *Ну, придумала / Ну насмешил* и *Ну пойду / Ну, недавно* однотипны, то есть пунктуация здесь вариативна как для междометия, так и для частицы.

Однако для нас в данном случае существенно не то, как провести границу между частицей и междометием (это в значительной степени вопрос договоренности), а то, чем в действительности руководствуются пишущие, когда выбирают пунктуационное оформление для *ну*.

Мы не будем здесь рассматривать весь массив употреблений слова *ну*, тем более что они неоднократно описывались. Так, многие употребления этого слова обсуждаются в работе [Баранов, Кобозева 1988, с. 51–61]. Там, в частности, выделен интересный вид *ну*, связанного с преодолением коммуникативного затруднения. К нему относятся следующие разновидности: *ну* "поиска (хезитации)" *(Ну... пять раз)*; *ну* "выбора" *(Ну про школу расскажи)*; и *ну* "вызова", внутри которого различаются *ну* "признания" *(Ну плохой я человек!)* и *ну* "непонимания цели" *(Ну в среду, а что?)*. Эта идея преодоления коммуникативного затруднения объясняет, кстати, почему *ну* так легко превращается в "слово-паразит". О семантике *ну* см. также [Добровольский, Левонтина 2017].

Но мы остановимся здесь лишь на побудительных значениях *ну*. Эти значения чрезвычайно важны: именно с побудительностью ***ну*** в первую очередь ассоциируется у носителей языка, да и этимологически именно это значение первично (первоначально ***ну*** возникает как "погоняющий" окрик [Фасмер 1986–87]). Ср. — ***Ну, ну***, *— говорил шарлатан, —* ***Ну, ну***, *понатужься, дорогой осел, помоги странствующему шарлатану* (В. Каверин, Пятый странник). Человек на такие понукания может ответить: *Не нукай, не запряг!*

С помощью *ну* говорящий не просто побуждает, но действительно всегда как бы погоняет, торопит (чувства его могут быть при этом разными: от радостного нетерпения до раздражения):

> *Я расхохотался: "Вот здорово!* ***Ну, ну*** *поподробней" (Ю. Трифонов, Предварительные итоги)*
> *—* ***Ну****, давай, давай!- громко прошипел Кролик, прикрывая рот лапкой (А. Милн, Винни Пух и Все-Все-Все (пересказ Б. Заходера))*
> *Мужчина,* ***ну*** *хватит может толкаться?! (В. Сорокин, Очередь).*

Если адресат сам заинтересован в выполнении действия и предполагается, что только скромность или робость мешают ему, то фраза с побудительным *ну* может быть произнесена с поощрительной или подбадривающей интонацией:

> *—* ***Ну****, ешьте шоколад,* ***ну****, я вас прошу! (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев)*
> ***Ну****, проходите же, проходите! Евгений Анатольевич осторожно переступает порог (В. Кунин, Ребро Адама).*

Если же в выполнении действия кровно заинтересован говорящий, но возможности требовать или приказывать у него нет, тогда то же *ну* сопровождается умоляющей интонацией:

> *Давайте помиримся! **Ну** давайте помиримся, Федор Иванович! И опять начнем заниматься ботаникой! (В. Дудинцев, Белые одежды)*
> *Володя, дрожа от напряжения, еще раз крикнул: — **Ну**, быстрее! — Сейчас, сейчас! — торопливо кричал Руслан, ввинчиваясь в щель (Ю. Визбор, Альтернатива вершины Ключ).*

Заметим, кстати, что последний пример можно прочесть и не с умоляющей, а с требовательной интонацией, а также с промежуточной.

Возможен и такой случай: говорящему, собственно, не вполне ясно, к каким чувствам слушающего он может апеллировать, тогда фраза с *ну* прозвучит, скорее всего, фальшиво или неопределенно (например, угрожающе-заискивающе):

> ***Ну**, что вам стоит вытащить весь чемодан! — Еще чего! — буркнул Корейко, задыхаясь под кроватью (И. Ильф и Е. Петров, Золотой теленок).*

Таким образом, кажется, что различия между разными видами побудительного *ну* обусловлены контекстом (соотношением интересов и позиций говорящего и адресата) и интонацией.

"Побудительное" *ну* в словарях обычно находим среди междометных значений. При этом, как видно из приведенных примеров, *ну* иногда обособляется, а иногда нет. Как можно заметить, «требовательное» и «умоляющее» *ну* различаются просодически, что отражается на пунктуации: после первого запятая чаще ставится, после второго чаще нет. Это, возможно, отчасти объясняется интонацией. Умоляющая интонация предполагает скорее плавную фразу с растянутым словом, на которое приходится главное фразовое ударение (*Нумаааам, нукупиии*), тогда как нетерпеливо-требовательная интонация часто означает отрывистый, рубленый ритм. Впрочем, жесткой взаимосвязи тут нет, это скорее тенденция: и умоляющее *ну* можно произнести эмфатически, с ударением (тогда на письме логично будет его выделить пунктуационно), и требовательное — произнести безударно, так что на письме запятая напрашиваться не будет.

Итак, здесь мы видим, что на пунктуационное решение влияет интонация — и она же определяет, во всяком случае отчасти, частеречную идентификацию *ну*.

2.

Другой случай — это неочевидная степень прагматикализации оборота, который балансирует на грани между свободным сочетанием и цельной единицей с идиоматичным значением.

В качестве примера рассмотрим обороты, состоящие из некоторых междометий (*ох, ах, ух, ой, ай* и др.) и местоимений *как*, *какой* (*Справиться с этим ой как непросто*); см. о них [Левонтина 2018]. С одной стороны, они не так далеки

от неидиоматических употреблений во фразах типа *Ох, как же я устал!*, с другой же — во фразах типа *Эта женщина ох как непроста* они сближаются с показателями высокой степени: *Эта женщина весьма непроста*. Семантический сдвиг, который здесь происходит, не очень бросается в глаза, но очень заметно синтаксическое переразложение, которое отражается на произнесении: сочетание междометия с местоимением начинает фонетически оформляться как единая синтагма.

Пунктуационное оформление подобных высказываний бывает двух типов. В первом случае сочетание *ох как* никак не выделяется, как если бы это было обычное обстоятельство, во втором же *ох* выделяется запятыми, как если бы это было каноническое употребление междометия. Такая вариативность отражает промежуточный характер конструкции.

> *Участие в таком деле, как моё, во всяком случае сделает его имя известным, а известность для адвоката,* ***ох****, как нужна! [А. Ф. Кони. Из записок и воспоминаний судебного деятеля (1908)]*
> *Мне его жизнь-то завидная, купеческая* ***ох*** *как горька была. [А. Н. Арбузов. Таня (1938–1947)]*
> *Почему уезжают умные, талантливые, серьезные люди, <...>, которые любят свою родину и* ***ох*** *как будут тосковать по ней? [Виктор Некрасов. Кому это нужно? (1974)]*
> *Сейчас я наткнулся— на предыдущей странице «Пакета» — ещё на один пример (а их в «Пакете»* ***ох*** *как много) [Аркадий Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», 2001]*
> *А эта широкополая белая шелковая шляпа с бежевым кантом,* ***ох****, как ей дорога! [Вацлав Михальский. Одинокому везде пустыня (2003)]*

В примерах без обособления *ох как* можно заменить на *очень* — то есть сочетание *ох как* реализует лексическую функцию Magn.

Интересно, что в случае *ой* в таких случаях еще более отчетливо предпочитается пунктуационное оформление по типу показателя степени, а не вводного слова:

> *...шел слух про этих бобылей, что из смирных становятся они —* ***ой*** *какие бойкие. [А. Н. Толстой. Хождение по мукам/ Книга третья. Хмурое утро (1941)]*
> *Работать с цветом в нашей кинематографии ещё* ***ой*** *как много надо! [Григорий Горин. Чем открывается пиво? (1960–1985)]*
> *Медведь хороший был, большой да жирный. Эти медведи* ***ой*** *какие лукавые! [В. В. Верещагин. Из рассказов крестьянина-охотника (1895)]*
> *это не так уж и плохо, лежать без ребенка — отдохнете, наберетесь сил, они вам дома* ***ой*** *как понадобятся, а наобщаться с ребенком вы успеете! [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)]*
> *...у меня там все мысли сводятся к суициду / поэтому я* ***ой*** *как не хочу влюбляться. [Телефонный разговор московских студенток // Из коллекции НКРЯ, 2007]*

То, что *ой* в подобных контекстах избегает обособления, вероятно, объясняется тем, что это междометие семантически здесь гораздо больше размывается. Например, полностью отсутствует характерная для *ой* в канонических употреблениях идея внезапной потери контроля.

3.

Теперь рассмотрим пунктуационное оформление оборота *мало сказать*, поскольку его разнообразие наглядно демонстрирует сложную синтаксическую природу этого коннектора. Следует отметить, что семантически прагматикализованное *мало сказать* не очень отличается от свободных употреблений во фразах типа: *В этом случае мало будет просто сказать, что*… Однако в качестве коннектора, оформляющего градационный ряд, *мало сказать* приобретает ряд структурных особенностей. Во-первых, просодически коннектор оформляется как единая синтагма. Во-вторых, синтаксически он начинает вести себя как непредикативное образование. Эти особенности проявляются в крайне непоследовательном пунктуационном оформлении коннектора *мало сказать*, которое представлено в текстах.

Очень часто *мало сказать* выделяется запятыми — по аналогии с вводными словами:

> *Фальшивый комплимент этот, **мало сказать**, был мне неприятен, он меня возмутил, и я зло ответила… [Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990)]*
> *Обращение их с солдатами было, **мало сказать**, жестокое, варварское. [А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе (1860–1877)]*
> *Нетерпеливым и энергическим попечением нового владельца большой каменный, с паркетными полами и зеркалами во всю стену, хотя и несколько обветшалый воробьевский дом над светлой рекой был приведен в состояние, **мало сказать**, опрятное, — великолепное. [Ю. М. Нагибин. Запертая калитка (1972–1979)]*

Нередко для этой цели используются не запятые, а тире — самый семантически неопределенный знак в русской пунктуации:

> *Сама Лала, такая прекрасная перед декламацией, теперь возбуждала в нем отвращение: она была — **мало сказать** — утомлена, — измучена, как загнанная лошадь. [А. В. Амфитеатров. Жар-цвет (1895)]*
> *И потом, вы думаете, это легко — работать под его руководством? **Мало сказать** — он требователен. Он беспощаден. [В. А. Каверин. Открытая книга (1949–1956)]*
> *Бр-р-р! Мало сказать — холодно. Тело каменеет! [И. Ф. Стаднюк. Максим Перепелица (1956)]*

В других случаях на первый план для пишущего выходит то обстоятельство, что оборот *мало сказать* включает глагол речи, и тогда после него ставится двоеточие:

*Но так называемая наружность, все то, что в человеческом облике подвержено обработке при помощи парикмахера и портного, — **мало сказать**: обманчиво. Оно лживо. [В. Ф. Ходасевич. Московский Литературно-художественный кружок (1937)]*

Более того, следующее слово может даже заключаться в кавычки, приближаясь по оформлению к прямой речи:

***Мало сказать**: «восхищен», — я просто ослеплен был этой как бы хлынувшей со сцены красотой русской женщины, поэзией русской песни, русской грацией, русской душою во всех ее тончайших, родных мне переживаниях. [М. О. Меньшиков. Дело нации (1914.02.02)]*

Могут использоваться и **кавычки** без двоеточия:

***— Мало сказать** «хорошо», — с запальчивым видом вмешался третий инженер и зашипел: — Блестяще! [Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)]*

Здесь, впрочем, надо отметить, что наличие или отсутствие кавычек при коротких цитатах и автонимном употреблении языковых единиц [*Я ненавижу слово «спать» (С. Михалков); Пошло слово любовь, ты права. / Я придумаю кличку иную (Б. Пастернак)*] — отдельный вопрос, не связанный с со спецификой оборота *мало сказать*.

Наиболее же интересно то, что *мало сказать* очень часто вообще никак пунктуационно **не выделяется**. Это говорит о том, что оно воспринимается как нечто вроде дискурсивной частицы:

*Во всей русской, а может быть и в иностранной литературе ни один художник так безжалостно и спокойно не подводил своего героя к ожидающей его страшной участи, как это сделал гр. Толстой в своем романе с Анной. **Мало сказать** безжалостно и спокойно — с радостью и торжеством. Позорный и мучительный конец Анны для графа Толстого — отрадное знамение. [Л. И. Шестов. Добро в учении гр. Толстого и Ницше (1900)]*
*Ее сердечная преданность была безгранична, верность — **мало сказать** непоколебима: просто она даже никогда не подвергалась и не могла подвергнуться никакому испытанию. [В. Ф. Ходасевич. Державин (1929–1931)]*
*Они были **мало сказать** растеряны в этот день — они были нокаутированы: не встречей, а до неё, радиобомбежкой. [А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967–1974)]*
*Вам нужно сделать для Ларисы Дмитриевны хороший гардероб, то есть **мало сказать** хороший — очень хороший. [А. Н. Островский. Бесприданница (1879)]*
***Мало сказать** люблю, — я в себе, голубке, души не чаю. [Е. Л. Шварц. Два клена (1953)]*

Итак, на примере оборота *мало сказать* мы старались показать, как чутко пунктуация реагирует на неустойчивый синтаксический статус дискурсивной единицы.

Литература

Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988. 45–69.

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Большой толковый словарь русского языка (БТС). Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Дискурсивные частицы и способы их перевода: 'ну' в романе Владимира Сорокина «Очередь» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая — 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В 2 т. — М.: Изд-во РГГУ, 2017. (v. 2: 106)

Левонтина И. Б. Об одном случае неканонческого использования междометий (корпусное исследование) / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2018) Выпуск 17. 424–436 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4314/levontinaib.pdf

Левонтина И. Б. Мало сказать и мало того: непохожие похожие. ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf

Словарь русского языка, тт. 1–4 (МАС). М., 1981–1984.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. — М: Эксмо, 2009. — 480 с. [Электронный ресурс]. URL: http://orthographia.ru/

Розенталь Д. Э. 1984 — Справочник по пунктуации. М., 1984.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е издание. М., 1986–1987.

I. B. Levontina
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
irina.levontina@mail.ru

PROBLEMS OF PUNCTUATION OF DISCOURSE WORDS

The article is devoted to complicated cases of punctuation of the so-called "discourse words". This is an extremely diverse group of units: they differ semantically, syntactically, and intonationally. In addition, many of these units are of an intermediate, borderline character. All this leads to their unstable punctuation. This instability is interesting not

only in a normative sense, but also from the point of view of understanding the logic of the functioning of discourse units and the logic of the choice of punctuation by the writers in non-obvious cases. In this case, it is not important whether the punctuation solution in each individual case is an author's or a publisher's. Several examples of unstable punctuation of such units are considered. The first section deals with the word nu. It is found that dictionaries and punctuation reference books draw the line between the interjection well and the particle well in different ways. Punctuation is variable and depends primarily on intonation. The second section deals with pragmaticalized combinations of interjections with wh-words. It is found that punctuation in this case depends on the degree of conventionalization of the expression. In the third section, the expression malo skazat' is considered, which has a variety of ways of punctuation, the choice of which depends on several factors.

Key words: Russian language, discursive words, punctuation, interjection, particle, pragmaticization.

References

Baranov A. N., Kobozeva I. M. [Modal particles in answers to the question] *Modal'nyye chastitsy v otvetakh na vopros //* Pragmatika i problemy intensional'nosti. M., 1988. 45–69. (In Russ.)

Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina Ye.V. [A guide to the discourse words of the Russian language] *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka.* M., 1993. (In Russ.)

BTS — *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka.* Gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 1998. (In Russ.)

Dobrovol'skiy D. O., Levontina I. B. [Discourse particles and ways of their translation: 'nu' in the novel by Vladimir Sorokin "Queue"] *Diskursivnyye chastitsy i sposoby ikh perevoda: 'nu' v romane Vladimira Sorokina «Ochered'»*// Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: Po materialam yezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (Moskva, 31 maya — 3 iyunya 2017 g.). Vyp. 16 (23): V 2 t. — M.: Izd-vo RGGU, 2017. (v. 2: 106). (In Russ.)

Levontina I. B. [On one case of non-canonical use of interjections (corpus study)] *Ob odnom sluchaye nekanoncheskogo ispol'zovaniya mezhdometiy (korpusnoye issledovaniye)* // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii Po materialam yezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (2018) Vypusk 17. 424–436. Available at: http://www.dialog-21.ru/media/4314/levontinaib.pdf. (In Russ.)

Levontina I. B. [Malo skazat' and malo togo: dissimilar alike] *Malo skazat' i malo togo: nepokhozhiye pokhozhiye*. // POVSEDNEVNAYA RECH' KAK OB"YEKT LEKSIKOGRAFII (Trinadtsatyye Shmelevskiye chteniya). Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (23–25 fevralya 2020 g.) Available at: http://ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf. (In Russ.)

MAS — [Dictionary of the Russian language] *Slovar' russkogo yazyka*. Vols. 1–4. M., 1981–1984. (In Russ.)

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskiy spravochnik / V. V. Lopatin (ed). — M: Eksmo, 2009. — 480 s. Available at: http://orthographia.ru/. (In Russ.)

Rozental' D. E. 1984 — [A Handbook of Punctuation] *Spravochnik po punktuatsii*. M., 1984.

Vasmer M. [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. 2nd edition] *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. V 4 t. 2-ye izdaniye. M., 1986–1987. (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

О. И. Северская
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oseverskaya@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОРЕОЛ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ ПРИ ОБРАЩЕНИИ И ПРИВЕТСТВИИ В ПЕРЕПИСКЕ

В статье рассматривается пунктуация в одной из самых проблемных зон современного письма, в зачине, состоящем из обращения и приветствия. Исследование базируется на данных Национального корпуса русского языка. Автор приходит к выводу, что современная норма, запрещающая постановку точки в этой позиции, была не строгой в XVIII–XX вв., а в XXI в. уступила место в узусе тренду предпочтения точки после первой приветственной фразы письма. Используя понятие «семантизированного пунктуационного знака», автор определяет «семантический ореол» запятой, точки и восклицательного знака. Конгломерат образующих ореол ассоциаций формируется благодаря семантическим и эмоциональным компонентам, «семантизирующим» знак за счет содержащегося в письме сообщения и ситуации написания письма. Автор заключает, что именно точка и восклицательный знак выделяют обращение и приветствие как минимальную коммуникативную единицу, передающую адресату эмоции адресанта и его отношение к сообщаемому в переписке. Исследование обнаружило семантическую амбивалентность этих пунктуационных знаков. Точка, с одной стороны, становится маркером как равноправных, деловых, дружеских или родственных отношений, так и диалога высшего с низшим, с другой стороны, точка маркирует негативные эмоции отправителя письма, его возмущение, тревогу, подавленность, а также воспринимается как знак грубости и неискренности адресанта. Восклицательный знак ведет себя как маркер уважительного отношения к адресату, широкого спектра положительных эмоций адресанта, и одновременно воспринимается как крик, требование, манипуляция.

Ключевые слова: пунктуация, знаки препинания, норма, семантизация, «семантический ореол», смысловая функция, прагматика знаков препинания.

Обращения и приветствия в современной переписке — как деловой, так и бытовой, становятся той областью, в которой знаки препинания нередко превращаются в «знаки преткновения», вызывая бурную эмоциональную реакцию у адресатов

писем [Северская, Селезнева 2021: 47–49], и где происходят определенные сдвиги в существующей пунктуационной норме. В связи с этим будет интересно, во-первых, проследить развитие эпистолярной нормы в этом аспекте, проанализировав историю пунктуационного оформления обращений и приветствий по данным Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ)[1] в сравнении с современными образцами писем, а во-вторых, определить экспрессивный и семантический ореол использующихся при этом знаков.

Вопрос о семантике пунктуации нетривиален, на что, в частности, указывает О. М. Адаева: «Как единицы диакритического уровня, знаки препинания освобождены от непосредственного соотнесения с каким-либо предметно-вещественным значением, используются по установлению в соответствии с определенным набором правил и объединены в стройную семасиологическую систему, элементы которой тождественны сами себе. Знак препинания — семиотическое средство “в чистом виде”, обладающее двусторонней сущностью; при этом […] функтив содержания каждого знака находится в соответствии с функтивом выражения» [Адаева 2003: 3], замечая, что при этом соотношение планов выражения и содержания в данном случае отличается от единства звучания и значения в слове [Там же]. Вместе с тем пунктуационные знаки рассматриваются и как функционально-семантический компонент высказывания [Кузнецова 2018], и как выразительное средство письма [Ким 2019: 20]. Б. С. Шварцкопф, выделяя у знаков препинания наряду с двумя главными функциями разделения и выделения дополняющую их функцию связи частей целого предложения или текста, вводит в научный оборот понятие «семантизированного знака» [Шварцкопф 1988: 24], т. е. знака, не только выполняющего определенную смысловую функцию, но и «семантически нагруженного» контекстом. Для обозначения этой смысловой «нагрузки» будем использовать термин «семантический орел», заимствованный из терминосистемы лингвистической поэтики[2]: по мысли М. Л. Гаспарова [Гаспаров 2012: 3–16], это конгломерат связанных с тем или иным надъязыковым знаком смысловых ассоциаций, образов, мотивов и тем.

Нас будет интересовать, прежде всего, избирательность в выборе тех или иных пунктуационных знаков при обращении к адресату и его приветствии, мотивированная их «семантическим ореолом», как в эпистолярной традиции, так и в современном узусе.

---

[1] В этой логике не очень понятным выглядит последующее уточнение: «В цельных сочетаниях, в составе которых имеются частицы, внутри запятая не ставится: эх вы, эх ты, ах вы, ах ты, ну что ж, ай да, эх и, ух ты, ну что ж, ну уж, ну и, э нет, эк его и др. Например: — ***Эх вы***, горе-повара! (Ч.); — ***Ну что ж***, продолжайте (Кат.); ***Ну и что?*** Толстой остался Толстым, Шекспир Шекспиром (Кат.); — ***Ну уж,*** так и быть. Теперь моя очередь (Кат.); — ***Ух ты,*** какая строгая (Шукш.); — ***Ах ты*** какой. Сидит и молчит (М. Г.)…» Ведь выше сказано, что частицы в принципе не обособляются! Как кажется, более естественно было бы написать примерно следующее: в частности, в таких-то сочетаниях единицы, омонимичные междометиям, не обособляются, так как выступают в функции частиц — произносятся безударно и не отделяются паузой.

[2] Материалы Национального корпуса русского языка доступны по ссылке: https://ruscorpora.ru/new/.

Пунктуационная норма требует постановки после обращения в письме восклицательного знака или запятой[3]. Между тем в эпистолярном подкорпусе НКРЯ довольно много примеров использования в этом случае точки: ***Уважаемый господин библиотекарь, мой государь.*** *Прошу не поставить мне в вину, что я вторично направляю вам предложенное мною на обсуждение ранее посланное мнение о переводе книги, ведь мне сообщили, что первый курьер был ограблен в пути разбойниками...* [В. Н. Татищев — И. Д. Шумахеру (1735)]; *8 мая 1896 г., Петербург. Милостивый государь Николай Иванович.* ***«Маленькие дела и большие вопросы»*** *— прочитаны Н. К. Михайловским, который затем передал очерк мне, вместе с Вашим письмом от 7 марта. Общее наше заключение таково, что рассказ может быть напечатан, если Вы согласитесь на небольшие купюры в нескольких местах. Это касается некоторых длиннот, впрочем не особенно значительных* [В. Г. Короленко — Н. И. Тимковскому. Письма (1896)]; ***Ваше Превосходительство Милостивый Государь Павел Алексеевич.*** *В конце октября — начале ноября в Берлине появился Князь Авалов (Бермонд), […] и я обратил внимание только на то обстоятельство, что […] он на этот раз скрывал от меня свое пребывание в Берлине и в то же время бывал в русских ресторанах, иногда афишируя себя громкими разговорами на русские политические темы. Заинтересовавшись этим вопросом, я выяснил, что Князь Авалов (Бермонд) всюду и везде подчеркивает свой переход в лагерь Великого Князя Кирилла Владимировича и, по-видимому, не имеет мужества сказать это мне лично* [А. А. фон Лампе. Письмо П. А. Кусонскому (1924)], наравне с нормативным восклицательным знаком: *25 декабря 1910 г., Монреаль.* ***Милый друг!*** *Я — в Монреале... Дикий, грозный испанско-арабский город; мало Италии; много Востока; родина Калиостро. Горы, внизу обрыв; море апельсинных рощ; объясняемся знаками. Я безмерно счастлив...* [Андрей Белый — Э. К. Метнеру (1910)] и запятой: *Любезный ПеКа*, […] *весьма счастлив, что Харитоша удостоился английского одобрения*… [Н. Н. Семенов. Из переписки с П. Л. Капицей (1927)][4].

Точек и восклицательных знаков при обращениях в рассмотренном материале примерно поровну, меньше всего запятых. Если выделенное запятой (маркером связи) обращение выглядит этикетной формальностью, почти «меджометием» в структуре высказывания, представляющего особую важность для адресанта, как в письме Петра III к Екатерине II: ***Сударыня,*** *я прошу Ваше Величество быть уверенной во мне и не отказать снять караулы от второй комнаты, так как комната, в которой я нахожусь, так мала, что я едва могу в ней двигаться. […] Еще я Вас прошу не приказывать, чтобы офицеры находились в той же комнате со мной, когда я имею естественные надобности — это невозможно для меня;*

[3] Историю этого термина подробно рассматривает М. И. Шапир [Шапир 2015: 395–404].

[4] В § 101 «Справочника по правописанию и стилистике» Д. Э. Розенталя говорится, что обращения в общем случае в начале и конце предложений отделяются запятой, с уточнением: «Если обращение, стоящее в начале предложения, произносится с восклицательной интонацией, то после него ставится восклицательный знак» [Розенталь 1997: URL]. Та же рекомендация дается в «Письмовнике» Грамоты.ру: «При обращении возможна постановка как восклицательного знака, так и запятой» (http://new.gramota.ru/spravka/letters/100-rubric-94).

в остальном я прошу Ваше Величество поступать со мной по меньшей мере, как с большим злодеем, не думая никогда его этим оскорбить [Петр III. Письма из Ропши (1762)], точка и восклицательный знак, выполняя роль «разделителей», превращают обращение в самостоятельную, эмоционально и семантически нагруженную минимальную коммуникативную единицу, в свою очередь «семантизируясь».

Образцы писем Л.Н. Толстого, использовавшего при обращении как восклицательный знак, так и точку, заставляют предположить, что в выборе конкретного знака существуют определенные закономерности. Действительно, в большинстве случаев точка используется им как знак возмущения адресатом или его действиями, равнозначный удару кулаком по столу[5]: *1894 г. Февраля 28–25. Москва.* ***Милостивый государь.*** *Пишу вам о деле детей Хилковой, отнятых у матери противно всем законам божеским и человеческим и с жестокостью, свойственной только каким-нибудь диким курдам или зулусам. Описывать этого дела я не стану. Ваша совесть, вероятно, не переставая напоминает вам об этом зверстве и вашем участии в нем* [Л.Н. Толстой. Письма (1894)], а с помощью восклицательного знака писатель подчеркивает уважение к адресату, одновременно стараясь повысить в его глазах значимость и привлекательность своего высказывания: ***Милостивый государь, г. редактор!*** *Прошу Вас поместить мое заявление в Вашей газете…* [Л.Н. Толстой. 28.10.1919], либо выражает свои собственные положительные эмоции, связанные с содержанием письма.

Та же закономерность в выборе того или иного знака прослеживается и у других адресантов.

Точка используется как эмоционально семантизированный знак:

а) сдерживаемого возмущения: *Письмо в редакцию газеты «День» 1 августа 1916 г. [Полтава].* ***Милостивый государь, господин редактор.*** *Недавно в газете «Речь» (от 21 июля) было напечатано известие о собрании гг. представителей крупных банков. На этом собрании товарищ председателя Государственной думы А.Д. Протопопов заявил будто бы, что он уже заручился моим согласием на участие в пресловутом «новом органе», на который гг. торговцы, промышленники и банкиры ассигнуют пять миллионов. В свое время я послал в газету «Речь» категорическое опровержение этого заявления, явившегося для меня неожиданным и непонятным недоразумением*. [В.Г. Короленко. Письма (1916)];

б) переживаний, вызванных нежелательным, негативным развитием ситуации: ***Уважаемый господин библиотекарь, мой государь.*** *Прошу не поставить мне в вину, что я вторично направляю вам предложенное мною на обсуждение ранее посланное мнение о переводе книги, ведь мне сообщили, что первый курьер был ограблен в пути разбойниками...* [В.Н. Татищев — И.Д. Шумахеру (1735)];

в) собственных негативных эмоций адресанта, преобладающих и в описании событий и ситуаций, составляющих содержание письма: *9 мая 1937 г., Париж.* ***Дорогой Станислав Фадеевич.*** *Получил Ваше письмо и был очень рад ему. Я после болезни начал выходить, пропустил весну, не работал с натуры, да если бы и здоров был, нельзя было работать — сплошной холод и дождь. Письмо Ваше было*

[5] Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источника.

печально в том, что Вы говорите, что Вы занимаетесь трудом, к которому Вы приспособлены не были, и, по-моему, это мучительно, хотя, может быть, и здорово [К. А. Коровин — С. Ф. Дорожинскому (1937)].

Восклицательный знак используется для эмоционального выражения:

а) подчеркнутого уважения к вышестоящему, используемого манипулятивно — как побуждение адресата действовать в интересах адресанта: *Докладывалось 25 августа. Высочайше апробовано.* ***Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь! Григорий Григорьевич!*** *Книга о пользе угля, по воле Государя Императора печатанная, готова. Покорнейше прошу ваше Сиятельство поднести оную Его Величеству, а при ней и вторую часть «Русской пиростатики», которой первую имел я щастие поднести сам в свое время* [Н. А. Львов — Г. Г. Кушелеву. Письма (1799)]

б) искреннего восхищения адресатом, признания его заслуг: ***Преосвященнейший владыко, милостивый государь****! Хотя я не имел чести вашему преосвященству служить персонально, но однако те благодеяния, которые ваше преосвященство покойному отцу моему показывать изволили, понуждают меня, чтоб я хотя письменно вашему преосвященству нижайший мой поклон отдал* [М. В. Ломоносов. Письмо архиепископу Архангелогородскому и Холмогорскому Варсонофию (19.11.1747)];

в) положительных эмоций, радости адресанта в отношении того, что сообщается в письме, в том числе вызванных благополучным разрешением непростой ситуации: *25 сентября 1799 г., корабль «Святой Павел», при Неаполе.* ***Ваше высокографское сиятельство, милостивый государь, граф Александр Васильевич!*** *Вашему высокографскому сиятельству донесть честь имею: по усиленному требованию и просьбе его величества короля Обеих Сицилий 2 числа сего месяца с эскадрами, мне вверенными, в числе семи кораблей и одного фрегата отправился я из Палермо и 7 числа прибыл в Неаполь благополучно. […] Требование его величества короля Обеих Сицилий было […] от беспредельных тревожностей и беспокойств в крайней опасности от буйств и наглостей многочисленного народа, даже и от войск нерегулярных, чтобы все оное успокоить и привести в порядок* [Ф. Ф. Ушаков. Письмо А. В. Суворову о капитуляции французских войск в Риме и Чивита-Веккии и действиях русских войск под Анконой (25.09.1799)];

г) желания адресанта нивелировать отрицательные эмоции адресата положительной эмоциональностью: *20 июля (1 августа) 1853. Петербург* ***Любезный мой Тургенев!*** *Вас, бедного, разругали из Москвы — это обыкновенно там так водится. Город православный: пюргатуара не допускает, будь или угодник, или грешник, но, Господи, Твоя воля, где же видано, чтоб писателя, который не Данилевский, не Станицкий и не графиня — судить одними только отрицаниями: не, не… и проч. Этого не понимаю* [П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу (1852–1874)].

Кроме того, выбор точки или восклицательного знака предопределяется «вертикальными» (с субординацией) и «горизонтальными» (равноправными) отношениями адресанта и адресата[6].

[6] И. Е. Ким пишет о точке как иконическом знаке жеста [Ким 2019: 41], одновременно подчеркивая, что она может быть и знаком повышенной эмоциональности [Там же: 45].

При коммуникации «сверху — вниз» используется точка: ***Господин генерал Суворов.*** *По получении сего извольте прислать, отыскав в Ораниенбауме или между пленными, лекаря Лидерса, да арапа Нарцыса, да обер-камердинера Тимлера; да велите им брать с собою скрипицу бывшего Государя, его мопсика собаку; да на тамошние конюшни кареты и лошадей отправьте их сюда скорее. Также извольте из голштинских офицеров подполковника Кииль, который на моей кормилице женат, отпустить в его дом в Ораниенбаум без караула и без присмотра за ним для того, что он не мало не подозрительной* [Екатерина II. Письмо В. И. Суворову (1762)], и это обусловлено семантическим ореолом точки, ее кинематической характеристикой, которая, по наблюдению И. Е. Кима, «связана с имитацией движением руки движения тона, сверху вниз» [Ким 2019: 41], что делает ее маркером разговора «свысока». При коммуникации «снизу — вверх» используется исключительно восклицательный знак: ***Всемилостивейший Государь!*** *При настоящих обстоятельствах Отечества, желая посвятить усердие и способности свои оному, приемлю смелость всеподданнейше просить: дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было […] на службу меня в Апшеронский мушкетерской полк определить* [Ф. Н. Глинка. Прошение на имя Императора Александра I (1812)].

Точка может быть и маркером «горизонтальных» отношений — дружеских и родственных: *25 июля 1797 г. Из Немцова.* ***Любезный мой друг и брат Александр Андреевич***[7]***.*** *Известие о возвращении моем из Илимска давно уже думаю достигло до слуха твоего; но не известно тебе может быть, что препятствуем в пути моем всем, что ты вообразить можешь, я наконец чрез пять месяцов путешествия достиг места для пребывания мне назначеннаго. Сопутница верная моего бедствия, друг мой Елизавета Васильевна, сестра твоя, скончалась в Тобольске. Я истинно могу сказать про себя, что я осиротел* [А. Н. Радищев. Письмо А. А. Ушакову (1797)]; ***Милостивый государь батюшка Иван Андреевич и милостивая государыня матушка Катерина Васильевна.*** *От 28 августа и 1 сентября милостивые ваши письма мы вчера получили, также и письма для вручения сенаторам с записочками, кои я, как скоро штаты конфирмуются, конечно, подам, потому что ранее, мне кажется, было б бесполезно* [Д. И. Фонвизин. Письма родным (1763–1774)], и точка в письмах между «своими» употребляется по преимуществу. Однако в том случае, когда требуется подкрепление содержания письма положительными эмоциями, в том числе — «гасящими» негатив, после обращения появляется восклицательный знак, ср.: ***Мой любезный, дорогой мой Евгений Петрович!*** *Прости великодушно, что пропустил два месяца и не отвечал тебе…* [И. И. Горбачевский. Письмо Е. П. Оболенскому (1862)]; ***Милостивые государи***

[7] Это, как представляется, связано и с кинематикой, во многом определяющей семантизацию точки: здесь, сошлемся на И. Е. Кима, «друг на друга накладываются два образа: образ стандартного движения в поле знака сверху вниз, типичного для русской моторной базы письма, и образ движения в третьем измерении: из положения над плоскостью письма в положение на плоскости письма, что соответствует этимологии слова точка, связанной с коротким прямолинейным движением — тычком» [Ким 2019: 41–42].

родители! *Я писал к вам на другой день своего плена. […] Я знаю, что вас сие известие чувствительно встревожит […]; но сего рока уже переменить не можно: и мне так суждено провести несколько времени вне своего отечества. И так прошу вас всепокорнейше не безпокоится обо мне, ибо и здесь с нами обходятся очень хорошо, и содержание в разсуждении пленных порядочное. Присем покорнейше вас прошу от меня поклонитца всем моим родным, и сказать: что ни отдаленность ни время не изтребит из памяти моей их ко мне милости и ласки* [А. А. Боратынский. Письма (1785–1802)].

Кроме того, использование знаков при обращениях мотивируется и сферой употребления. В деловой переписке (за редчайшим исключением) превалирует точка: ***Милостивый Государь Петр Аркадьевич.*** *Почетный член Императорского русского технического общества, профессор фотохимии в Технологическом институте Императора Николая I Прокудин-Горский, обратился ко мне с предложением приобрести в казну составляемую им коллекцию фотографических снимков в натуральных цветах достопримечательностей России в церковном, историческом, этнографическом, промышленном и художественном отношениях [В. Коковцов. Письмо П. А. Столыпину (1910)]*, ср.: ***Милостивый Государь Владимир Николаевич.*** *Совет Министров, рассмотрев, в заседании 20 сего января, изложенное в письмах Вашего Высокопревосходительства от 6 июля и 13 декабря 1910 года, за №№ 5588 и 10946, предложение […], нашел, что приобретение означенных коллекций, вместе с относящимися к ним приборами, и организация надлежащего использования сих коллекций в народно-просветительных целях было бы делом весьма полезным* [П. А. Столыпин. Письмо В. Н. Коковцову (1911)]. В других случаях используется нормативная запятая: ***Уважаемый господин Легра,*** *очень благодарю вас за ваше письмо. Статья, о которой я вам говорил, еще не закончена. Как только она будет закончена, вышлю ее вам. Я знаю, что она будет в хороших руках и что я буду иметь удовольствии увидеть ее прекрасном переводе* [Л. Н. Толстой. Письма (1894)].

Что касается приветствий, то в переписке XVIII–XIX вв. они появляются редко — *здравствуйте* используется чаще в клаузуле письма, как императивное по форме, а по функции этикетное, но искреннее пожелание здоровья и благополучия: *Более писать нечего и некогда. Я жду И. П. изо дворца к обеду, а после обеда работать буду.* ***Матушка сестрица и любезный друг, здравствуйте. Живите благополучно и поцелуйте за меня вашего сына*** [Д. И. Фонвизин. Письма родным (1763–1774)]; *P. S. Марья Пална! Пришли свою карточку! А я отвечу тем же.* ***Здравствуйте все!*** *P. S. P. S. Петерсен кланяется* [Ал. П. Чехов. Письма А. П. Чехову (1887)]; или даже как знак «устной речи», обращенной к адресату, как у И. Ф. Анненского, где приветствие с обращением появляются в самом конце письма, после трех абзацев рассуждений о мире, слове, поэзии и искусстве: *Я наговорил все это ... Зачем? Здесь, кажется, есть, немножко, но позы... Есть, есть, что же делать?.. Оставим меня...* ***Здравствуйте, дорогая Анна Владимировна****... Я не успел поздороваться с Вами и сразу стал читать Вам свой дневник. Недавно вспоминал Вас особенно ярко: играли в Павловске "Charfreitage Zauber"*

(Чудо Страстной пятницы (нем.).) из "Парсифаля"... Вот это музыка... И разве поэзия слов достигнет когда-нибудь этого покаянного экстаза со своими прилагательными в сравнительной степени и оковами силлогизмов в утешение! Напишите мне что-нибудь [И. Ф. Анненский. Письмо А. В. Бородиной (1906)]. В начале письма приветствие сохраняет еще живую форму благопожелания адресату, названного обращением, встречаясь лишь в неформальной переписке между «своими»[8] и заканчиваясь «обыденной» точкой: ***Здравствуйте, мое солнце, мои звезды сестрицы.*** *У нас в поле и в лесу дикая петрушка, пастернак, свекла, морковь, салаты, трава — зеленые спаржи и иного очень много. Великие овощи еще не поспели и фрукты. Гуси маленькие аи да такие выросли большие!* [А. В. Суворов. Письма (1787–1800)]; ***Любезные друзья мои, здравствуйте.*** *Курьер к вам едет: как не писать?* [Н. А. Львов. Письма (1786–1799)]; *Здравствуйте, любезный Папинька и любезная Маминька, целую ваши ручки и прошу вашего благословления…* [В. С. Норов. Письма родителям (1812)], или же эмоционально-приподнятым восклицательным знаком, окрашенным положительными эмоциями адресата: ***Здравствуйте, мой милый друг, Николай Иванович!*** *Вчера я имел удовольствие прибыть в белокаменную Москву и уже успел взглянуть мельком на Кремль; я нахожу его очень хорошим* [И. С. Никитин. Письма (1853–1861)], и восстанавливающим баланс положительного и отрицательного: *Мариенбад 7/ 19 июля.* ***Здравствуйте, Евгения Петровна, здравствуйте, Николай Аполлонович!*** *И сам не знаю, о чем буду писать к вам: так монотонна жизнь в здешнем тенистом задумчивом уголке! […] Встречаясь друг с другом на променаде, на музыке, знакомые говорят не о политике, а с участием спрашивают друг друга: «Действует ли вода?»* [И. А. Гончаров. Письма (1842–1859)]; ***Дорогие мои, здравствуйте!*** *Как приятно начинать письмо в хорошем настроении: не надо думать о том, что вот, мол, снова огорчишь адресатов, не надо подбирать слова для описания всяких неудобоописуемых невзгод и вообще многого не надо* [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)]. Иными словами, семантический ореол знаков при обращении распространяется и на приветствие.

Собственно приветствие в эпистолярной практике появляется лишь в XX в., в послереволюционной России: ***Добрый день <имя адресата>!*** *Очень сожалею, что вероятно не представится возможным встретится лично и поделится всем впечатлением о современной жизни на данном этапе. Я решил черкнуть несколько слов…* [Письмо Краскома // Вѣстникъ Общества Галлиполійцевъ №2, 1933]; ***Добрый день, Варлам!*** *Посылаю тебе вырезки из нашей газеты об «литературном оживлении» в нашем крае и о появлении на литературном горизонте «литераторов» с подмоченной политической репутацией* [В. А. Кундуш. Письмо В. Т. Шаламову (1956) и т. д. В дружеской переписке используется восклицательный знак, точка переводит дружескую, неформальную коммуникацию в деловой регистр: ***Таня, добрый день.*** *Не знаю, что ты мне ответишь на прошлое письмо,*

[8] Сестры А. А. Ушакова по матери, Анна и Елизавета Рубановские, поочередно были замужем за А. Н. Радищевым — О. С.).

где я говорю, как умею, о вещах серьезных. Пока с момента отправки я имел лишь твой дурацкий телефонный звонок, который меня разозлил. ***Что касается этого письма, то оно — деловое*** *(как и твой звонок)* [А. Сопровский. Письма Татьяне Полетаевой (1975) // «Знамя», 2011].

Как можно заметить, точка и восклицательный знак в анализируемых позициях отличаются не только функционально, но и семантически: семантический ореол точки шире, что объясняется ее природой: будучи перцептивно менее сильным и выразительным знаком, а потому обладая предельно абстрактным значением, точка оказывается и менее «специализированной» [Ким 2019: 54], способной к обогащению множеством дополнительных смыслов, диктуемых контекстом.

Рассмотрев эпистолярную традицию и определив характерный для нее семантический ореол знаков препинания при обращении и приветствии, обратимся к практике их использования на современном этапе.

Обращает на себя внимание то, что при сохранении нормы появляются ее обоснования с опорой на представление об эмоциональной составляющей семантики пунктуационных знаков. Вот как объясняет запрет на точку, указывая, что «в последнее время точка в переписке — как деловой, так и бытовой — стала знаком обиды, угрюмости и даже агрессии», К. Туркова: «У обращения — особая, звательная интонация. А точка ее убивает, гасит. Выглядит такая конструкция довольно странно: «Уважаемая Мария. Я получил Ваше письмо…» […] Лучше поставьте восклицательный знак (*Уважаемая Мария!*) или запятую (*Уважаемая Мария, ...*). И вообще будьте с точкой осторожнее, она совсем не так проста, как кажется» [Андреева, Туркова 2017: 90].

Точка действительно воспринимается сегодня как знак резкости тона разговора, равный по смыслу категоричному *Дискуссия окончена!* [Crair 2013] — что неудивительно, принимая во внимание функцию точки как маркера произвольного конца текста или фразы[9], или как знак неискренности говорящего [Gunraj, Drumm-Hewitt, Dashow 2018], но вопреки этому все чаще используется в конце обращения с приветствием, вытесняя с этой позиции нормативный восклицательный знак — и в бытовой: ***Здравствуйте, уважаемая Сиберина Юлия Михайловна.*** *Вы меня не знаете и я Вас тоже. Поэтому приношу свои извинения за это письмо и за заданные в нем вопросы. Я постараюсь объяснить, […] почему я решилась Вам написать письмо* [Письмо родственникам (2003)]; ***Здравствуйте, Света.*** *Спасибо за заботу, жизнь моя — так себе, ничего, неделю назад закончился коротенький, всего в одну*

[9] В НКРЯ обнаружен лишь один пример использования благопожелания в функции приветствия в деловой переписке: ***Здравствуйте дорогой Александра Иванович.*** *Что убийца министра оказался разыскиваемый д-том сын купца, бывш. студ. моск. университета, бежавший из Сибири, Егор Сергеев Сазонов, проживавший с 20 апреля по 10 июня сего года в Белостоке, по Болотистой ул., в д. Островского, в квартире вдвоем с своим сообщником по убийству, тоже арестованным 15 июля на Неве...* [Е. П. Медников. Письмо начальнику киевского охранного отделения А. И. Спиридовичу о расследовании убийства В. К. Плеве (1904) // «Красный Архив», 1926, т. 4 (17), 1926], где обращение *дорогой* указывает на близость отношений между адресантом и адресатом.

неделю, отпуск [Письмо юноши (2004)]; ***Здравствуйте мои дорогие, все, все.*** *Как вы там? У нас все по-старому* [Письмо бабушки (2004)]; ***Доброе утро, добрый день, добрый вечер и спокойной ночи my new «girl friend»*** [Письмо юноши (2003), и в деловой переписке: ***Здравствуйте, уважаемые товарищи.*** *Есть определённый интерес к мобильной разработке под платформу iOS* [Запрос (2019)]; ***Добрый день.*** *Во вложенном файле обновленные списки* [Деловое письмо (2012)].

Восклицательный знак в начальных формулах писем также встречается как маркер эмоциональной расположенности: ***Добрый день, моя дорогая, любимая моя Галочка и мой маленький смешной зайчик по имени Машенька! Добрый день, мои любимые!*** *Я очень сильно соскучилась...* [Письмо сестре (1981)]; ***Добрый день, моя хорошая!*** *Моё письмо (как и все мои письма) не несёт в себе смысловой нагрузки, поэтому серьёзно этот факт не рассматривай!* [Письмо подруге (2004)], ср.: ***Здравствуйте, дорогие коллеги!*** *Праздники проходят, а поздравления продолжают заполнять сильно страдающие в эту тяжёлую пору ящики… Надеюсь, что очередное «с новым годом» не будет последней каплей, переполнившей чашу терпения […] ☺ Хотелось бы пожелать вам в наступившем году, чтобы все планы, надежды и мечты исполнялись […] и чтобы всегда было вдохновение на новые планы и начинания* [Поздравление сотрудникам (2002)], и уважения пишущего к адресату: ***Здравствуйте, дорогая редакция газеты «Марийская правда»!*** *Пишут вам солдаты срочной службы из теплого города Сочи…* [Полевая почта «МП» // «Марийская правда», 01.06.2003]; ***Здравствуйте!*** *Прочитала Ваше объявление о продаже котенка донского сфинкса…* [Письмо студентки (2002)]; ***Добрый день!*** *Ознакомьтесь, пожалуйста, с программой конференции* [Приглашение (2015)][10]. В неформальной переписке эмоциональность может зашкаливать, переходя в бурный восторг: ***Доброго времени суток, Антонас!!!!!!!*** [Ответ девушки юноше (2003)], ср.: ***Коллеги!!!*** *В эту пятницу мы представляем новый формат нашего киноклуба — Научпоп Edition. Будет круто!!!* [Приглашение (2015)]. Но и восклицательный знак тоже «не так прост».

Сетевые дискуссии о выборе знаков препинания, прошедшие на интернет-порталах «Большой вопрос.ру» и «Бюро Горбунова» [Какой знак нужно ставить 2016; Не могу спокойно смотреть на точку 2018] дают интереснейший материал, позволяющий расширить семантический ореол точки и восклицательного знака.

К точке, с одной стороны, высказывается негативное отношение: она не только кажется *хамской*, но и «отдает *снобизмом* и *чопорностью*»; с другой стороны, претензии к знаку кажутся надуманными: «“ковырять” точку после приветствия — вот это, по-моему, и отдает снобизмом»; «точка и точка, что такого?», а его достоинства подчеркиваются: точка признается *деловым, интеллектуальным* знаком (https://bureau.ru/soviet/20181209/).

Восклицательный знак предстает как непреложно *уважительный*: <Майя 777> *После обращения в начале делового письма* ***нужно ставить восклицательный***

[10] Это значение выделяет И. Е. Ким [Ким 2019: 28], указывая попутно на этимологически мотивированную семантизацию: *точка* ‘тычок’, *punctum* ‘укол’ [Там же: 24].

знак**. Этим Вы подчеркнете то, что Ваше **обращение к адресату исключительно уважительное; <Svetlana Kuznetsova> *Вежливое обращение — это **дань уважения лицу, которому адресовано письмо**. Поэтому **после обращения ставится восклицательный знак*** (http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1716096) и исключительно *эмоциональный*: <Алёна Королёва> ***Восклицательные знаки** воспринимаю, как **излишнее возбуждение и эмоциональность**. Типа «Ну, чего ты так радуешься?» или «Чего кричишь?»* (https://bureau.ru/soviet/20181209/)[11].

По указанным выше признакам точка и восклицательный знак и противопоставляются: <Анна Оболенская> *Для меня знаки препинания в конце приветствия отображают настроение и интонацию оппонента. Например, если **точка**, то значит, человек **формирует мысли и хочет сказать что-то по делу с целью партнёрства**. Если **восклицательный знак**, то эмоции кипят. Это **либо возмущение, либо радость, либо желание придать весомости словам*** (https://bureau.ru/soviet/20181209/); восклицательный знак кажется сетевому сообществу неуместным в деловой сфере: <Ворчунов> *Я предпочитаю точку. Кого волнуют мои эмоции! Деловое письмо — это не поздравительная открытка;* <Ольген> *Восклицательный знак, несущий эмоциональную окраску интонации, уместен после обращения лишь в личной переписке, мне так кажется* (http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1716096).

Большинство делает выбор в пользу точки, обосновывая свою точку зрения неприятием *манипулятивности* восклицательного знака. Это прагматическое свойство отмечает у знака и О. Б. Йокояма, утверждая, что восклицательными знаками адресант повышает значимость и привлекательность своего высказывания: во-первых, «цель их — вызвать реакцию адресата или, говоря более точно, его соучастие в дискурсе», во-вторых — «восклицания показывают, что их содержание так или иначе взволновало говорящего и что по этой причине говорящий, односторонне, имплицитно, рассчитывает на интерес к ним со стороны своего партнера» [Йокояма 2005: 206]. Побудительную интонацию в приветствиях, оформленных восклицаниями, слышит и Л. Сарычева, одна из авторов книги «Новые правила деловой переписки» [Ильяхов, Сарычева 2018], консультант «Бюро Горбунова» [Не могу спокойно смотреть на точку 2018: URL]. Это согласуется с возникающим у некоторых ощущением, что с помощью восклицательных знаков их «дергают за ниточки»: <Т. Л. А.> ***Восклицательный знак возле моего имени воспринимаю, как крик.** «Людк! А Людк! Глянь, че делается!» У меня в почте больше 100 писем в день. Каждый старается покрыть расстояние, докричаться через экран монитора своим «Добрый день!» А если в тексте письма ещё пару восклицаний, всё. Ни разу он не добрый. **Ребята, не надо на меня кричать. Я всё сделаю,***

[11] Приветствия сегодня нередко замещают обращения, употребляясь изолированно, что противоречит этикетной норме. Однако это нельзя назвать абсолютной новацией, в НКРЯ есть ранние примеры такого употребления: ***Здравствуйте!** Я было не собирался к вам нынче писать, а хотел на следующей почте, но вчера узнал одну весть, которую вам весело сообщить* [П. В. Киреевский. Письмо родным (1846)]; ***Здравствуйте.** Не сделал ли Лейкин распоряжение об отсылке в Ялту Городецкому своих книг?* [А. П. Чехов. Письма (1889)].

как надо**. Восклицательные знаки в приветствии письма выматывают, когда их много за день.* ***Словно проходишь через разъярённую толпу, которая требует и скандирует: «Здравствуйте! Добрый день! Решите мой вопрос!» *И так со всех сторон. Не прибавляют мне здоровья восклицательные знаки.* ***Лучше просто вежливое «Здравствуйте, Лариса.»****,* — с точкой же у автора комментария ассоциируется *спокойный, ровный тон, уважение к адресату и забота о его интересах* (https://bureau.ru/soviet/20120114/).

Таким образом, узуальный выбор знака после обращения и приветственных слов оказывается глубоко мотивированным и зависит от актуализации определенных элементов его семантического ореола.

Судя по материалам НКРЯ, в XVIII–XX вв. восклицательный знак, играя роль маркера конца минимальной коммуникативной единицы, проецирует на обращение и дополнительную информацию, указывая на *настроение* адресанта и на его *отношение к содержанию* письма и ассоциируясь преимущественно с транслируемыми *положительными эмоциями*, уважением к *адресату* и *легкими манипуляциями* его сознанием. На рубеже XX–XXI вв. происходит слом в восприятии знака, в результате которого его семантический ореол расширяется, ассоциируясь с сильными, негативно воспринимаемыми адресатом и эмоционально окрашенными действиями: *криком, возмущением, требованием* и т. п., и с ярко выраженной *манипулятивностью*. Восклицательность в обращении и приветствии становится амбивалентной.

Точка же практически не меняет свой изначально широкий спектр семантизации: она по-прежнему ассоциируется с *тычком* и *окриком,* но в узусе акцент смещается на искони присущую знаку способность быть маркером *ровных, близких, партнерских,* преимущественно *деловых отношений.* Нарушающий действующую пунктуационную норму (но при этом, как показывает НКРЯ, продолжающий эпистолярную традицию) узуальный выбор точки как основного маркера задаваемого началом письма отношения к адресату, создающего эмоциональный фон коммуникации, оказывается оправданным не только семантически, но и прагматически.

Литература

Адаева О. М. Семантика и семиотика знаков горизонтальной стратификации английской речи: автореферат дисс. … канд. филол. наук / Самарский гос. пед. ун-т, 2003. 24 с.

Андреева Ю. И., Туркова К. Д. Русский без нагрузки. М.: АСТ, 2017. 352 с.

Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.

Ильяхов М., Сарычева Л. Новые правила деловой переписки. М.: Альпина Паблишер, 2018. 256 с.

Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.

Какой знак нужно ставить после обращения в начале делового письма? [2016] [Электронный ресурс]. URL: http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1716096-kakoj-znak-nuzhno-stavit-posle-obraschenija-v-nachale-delovogo-pisma.html

Ким И. Е. Теория русской пунктуации: пространство знака и пространство текста. Новосибирск: ИПЦ Новосибирского гос. ун-та, 2019. 120 с.

Кольцова Л. М. Прагматика художественного текста в зеркале русской пунктуации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2003. №1. С 284–299.

Кузнецова Т. В. Принципы русской пунктуации // Русский язык и культура речи. Синтаксис: Учеб. пособие для студ. вузов / Под ред. Г. Я. Солганика. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 240–252.

Не могу спокойно смотреть на точку после приветствия [2018] [Электронный ресурс]. URL: https://bureau.ru/soviet/20181209/.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/new/.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. М.: ИК «Комплект», 1997 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosental-book.ru/punct_xxvi.html.

Северская О. И., Селезнева Л. В. О бизнес-пунктуации: знаки препинания или преткновения? // Русская речь. 2021. №2. С. 44–53. DOI: 10.31857/S013161170014708–7.

Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2015. XXII, 586 с.

Шварцкопф Б. С. Современная пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

Crair B. The Period Is Pissed. When did our plainest punctuation mark become so aggressive? // The New Republic. 25.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: https://newrepublic. com/article/115726/period-our-simplest-punctuation-mark-has-become-sign-anger.

Gunraj D., Drumm-Hewitt A., Dashow E., Upadhyay S., Klin C. Texting insincerely: The role of the period in text messaging // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 55. Part B. Pp. 1067–1075.

O. I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy Sciences
(Russia, Moscow)
oseverskaya@yandex.ru

THE SEMANTIC AUREOLE OF PUNCTUATION MARKS OF AN ADDRESS AND A GREETING IN CORRESPONDENCE

The article deals with punctuation in one of the most problematic areas of modern writing, in the beginning, consisting of an address and a greeting. The research is based on Russian National Corpus data. The author comes to the conclusion that the modern norm prohibiting the setting of a point in this position was not strict in the XVIII–XX

centuries, but in the XXI century. gave way to the trend of point preference after the first welcome phrase of the letter. Using the concept of "semantic punctuation mark", the author defines the "semantic aureole" of comma, dot and exclamation mark. A conglomerate of associations forming an aureole is formed thanks to the semantic and emotional components that "semantize" the sign due to the message contained in the letter and the situation of writing. The author concludes that it is the dot and the exclamation mark that highlight the address and greeting as the minimum communicative unit that conveys the addressee's emotions and his attitude to the message reported in the correspondence. Research has found the semantic ambivalence of these punctuation marks. The dot, on the one hand, becomes a marker of both equal, business, friendly or kinship relations, and the dialogue between the higher and the lower, on the other hand, the dot marks the negative emotions of the sender of the letter, his indignation, anxiety, depression, and is also perceived as a sign of rudeness and insincerity of the addressant. The exclamation mark behaves like a marker of respectful attitude towards the addressee, a wide range of positive emotions of the addressant, and at the same time is perceived as a cry, demand, manipulation.

Key words: punctuation, punctuation marks, semantisation, norm, "semantic aureole", semantic function, pragmatics of punctuation marks.

References

Adayeva O. M. *Semantika i semiotika znakov gorizontal'noy stratifikatsii angliyskoy rechi*. Avtoref. diss. … kand. filol. nauk [Semantics and semiotics of signs of horizontal stratification of English speech: abstract of Cand. philol. sci. diss. Samara, 2003. 24 p. (In Russ.)

Andreeva Yu. I., Turkova K. D., *Russkii bez nagruzki*. [Russian without difficulty]. Moscow, AST Publ., 2017. Available at: http://litra.pro/russkij-bez-nagruzki/turkova-kseniya-dmitrievna/read (accessed 30.05.2020). (In Russ.)

Crair B. The Period Is Pissed. When did our plainest punctuation mark become so aggressive? // *The New Republic*. 25.11.2013 Available at: https://newrepublic. com/article/115726/period-our-simplest-punctuation-mark-has-become-sign-anger.

Gasparov M. *Metr i smysl* [Poetic Meter and Meaning]. Moscow, 1988. 416 p. (In Russ.)

Gunraj D., Drumm-Hewitt A., Dashow E., Upadhyay S., Klin C. Texting insincerely: The role of the period in text messaging // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 55. Part B. Pp. 1067–1075.

I can not calmly look at the dot after the greeting [2018]. Available at: https://bureau.ru/soviet/20181209/. (In Russ.)

Il'yakhov M., Sarycheva L. *Novyye pravila delovoy perepiski* [New rules of business correspondence]. Moscow, 2018. 256 p. (In Russ.)

Iokoyama O. B. *Kognitivnaya model' diskursa i russkii poryadok slov* [Cognitive model of discourse and Russian word order]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 424 p. (In Russ.)

Kim I. Ye. *Teoriya russkoy punktuatsii: prostranstvo znaka i prostranstvo teksta* [The theory of Russian punctuation: the space of the sign and the space of the text]. Novosibirsk, 2019. 120 p. (In Russ.)

Kol'tsova L. M. [Pragmatics of literary text in the mirror of Russian punctuation]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta*, *Gumanitarnyye nauki*, 2003, no. 1, pp. 284–299. (In Russ.)

Kuznetsova T. V. [Principles of Russian punctuation]. *Russkiy yazyk i kul'tura rechi. Sintaksis*: ucheb. posobiye dlya stud. vuzov [Russian language and speech culture. Syntax: Textbook. manual for stud. universities]. Moscow, 2018, pp. 240–252. (In Russ.)

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: https://ruscorpora.ru/new/ (accesed 15.05.2021).

Rozental' D. E. *Spravochnik po pravopisaniyu i stilistike* [Reference book on spelling and stylistics]. Available at: http://www.rosental-book.ru/punct_xxvi.html (accesed 15.05.2021). (In Russ.)

Severskaya O. I., Selezneva L. V. [Some Notes About Business Punctuation: Punctuation Marks or Stumbling Blocks?]. *Russkaya Rech',* 2021, no. 2, pp. 44–53. DOI: 10.31857/S013161170014708–7. (In Russ.)

Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoy poezii XVIII-XX vekov* [Universum versus: Language — Verse — Meaning in Russian Poetry of the 18th-20th Centuries], vol. 2, Moscow, 2015, XXII, 586 p. (In Russ.)

Shvartskopf B. S. *Sovremennaya punktuatsiya: sistema i yeye funktsionirovaniye* [Modern punctuation: the system and its functioning], Moscow, 1988, 192 p. (In Russ.)

What sign should you put after an address and a greeting at the beginning of a business letter? [2016]. Available at: http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1716096-kakoj-znak-nuzhno-stavit-posle-obraschenija-v-nachale-delovogo-pisma.html (In Russ.)

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

ИЗ ИСТОРИИ ОРФОГРАФИИ

Е. Э. Бабаева
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
llevidova@gmail.com

В ПОИСКАХ ОРФОГРАФИИ (КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ВОПРОСА)

Статья посвящена фрагменту истории поисков в области нормализации орфографии, которые происходили во Франции в XVII – XVIII в., и рецепции некоторых европейских идей в работах русского филолога В. К. Тредиаковского. Во Франции на протяжении XVI в. авторы и типографы пользовались разными орфографическими системами, что позволило им выработать некоторые удачные приемы, например, введение надстрочных знаков. Использования различных графических возможностей могло сопровождаться теоретической рефлексией. С одной стороны, предлагалось приблизить орфографию к произношению; так, например, Луи Мегре в трактате 1550 г. прямо предлагал писать в соответствии с фонетикой. Другие же авторы, например, типограф и лексикограф Робер Этьенн, настаивали на максимальном соблюдении этимологического принципа, позволяющего сохранить, во-первых, связь с латинским языком и, во-вторых, связи внутри словообразовательного гнезда. Роль регламентирующей инстанции сыграла Французская академия, которая на протяжении двух веков создавала основы современной орфографии. Французская академия с самого начала приняла решение соотносить орфографию с письменной традицией, ориентируясь на сформулированный Клодом Вожла принцип «bel usage», «прекрасное употребление», под которым понималось следование лучшим образцам ораторов и авторов XVII в. Однако постепенно требование следовать традиции уступило место необходимости строить «системную» орфографию, основанную на правилах. Основные инновации в области орфографии были введены Французской академией в третьем издании словаря (1740 г). Теории Луи Мегре и Клода Вожла оказали влияние на В. К. Тредиаковского. Им были восприняты идеи о преимуществах фонетического письма (Л. Мегре. Ж. Жирар), о роли «употребления» в языковых процессах (К. Вожла) и о важности «общего разума» для создания лингвистической теории.

Ключевые слова: история лингвистических учений, история орфографии, нормализация, история лексикографии, история русского литературного языка.

Как хорошо известно, В.К. Тредиаковский считал орфографию «материей не весьма приятной» для читателя, однако необыкновенно полезной для изучения. В своем обширном трактате по теории орфографии («Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ і россійскімъ объ ортографіі старінной і новой і о всемъ что прінадлежітъ къ сей матерії», 1748 г.) он подробно излагает доводы в защиту принципа письма «по звонам», т. е. в соответствии со звучанием. Исследователями уже отмечалась связь теории Тредиаковского со взглядами французских авторов. В частности, Луи Мегре, на которого Тредиаковский ссылается, в трактате 1550 г. «Le Tretté de la Grammęre françoęze» писал, что буква — это портрет звука [Meigret 1888: л.16, л.24об]. Об орфографии, основанной на фонетике, писал также Габриэль Жирар (Gabriel Girard), полагавший, что гласная (буква) соотносится со звуком, а согласная — с артикуляцией [Girard 1747: 9]. В сочинении 1747 г. «Les vrais principes de la langue françoise ou La parole réduite en méthode conformément aux lois de l'usage» он противопоставлял орфографию французского языка латыни, что также нашло отклик в работах Тредиаковского, для которого была важна оппозиция русского языка и церковнославянского (см. в: [Успенский 1985:153–154]).[1] Кроме того, в теории Тредиаковского, несомненно, можно видеть отголоски общей языковой концепции Клода Фавра де Вожла (Claude Favre de Vaugelas[2]), автора знаменитой книги, посвященной трудным вопросам словоупотребления и грамматики, «Remarques sur la langue françoise, utiles à ceux qui veulent bien parler et bien escrire» (1647)[3], французского «академика», на которого он неоднократно ссылается. Тредиаковский ценил также и переводы Вожла, в частности его перевод книги Квинта Курция Руфа (Quintus Curtius Rufus) «История Александра Великого Македонского» (Historiae Alexandri Magni Macedonis), который стал для французского автора своего рода экспериментальной основой языковых штудий: Вожла бесконечно правил этот текст, так что он был опубликован только после смерти переводчика. В предисловии к собранию своих сочинений Тредиаковский, говоря о практике перевода, пишет: «Одного с меня довольно Вожласа, который один между толь многими светилами наподобие солнца»[4].

Клод де Вожла возглавил работу Французской академии[5] над словарем французского языка после провала проекта, предложенного в феврале 1638 г. Жаном Шапленом (Jean Chapelain, 1595–1674)[6]. В сущности, проект Шаплена являлся адаптацией концепции, реализованной итальянской Академией Круска (Accademia

[1] Интересно, что, по наблюдению И.Е. Кима [Ким 2019: 59], некоторые авторы используют сегодня пробел между восклицательным знаком и предшествующим контекстом, чтобы снизить градус эмоциональности.

[2] О концептуальной общности позиций В.К. Тредиаковского и В.Е. Адодурова по вопросам орфографии см. в: [Успенский 1975: 53–57]; [Успенский 1985: 70–73].

[3] О Вожла см., например, в: [Brunot III: 48–56].

[4] Как остроумно заметил Ф. Брюно, эта книга более известна, чем читаема («plus célèbre que connu») [Brunnot III: 51].

[5] См. в: [Тредиаковский I: XI-XII].

[6] Французская академия создана в 1635 г.

della Crusca)[7]. Эта концепция носила пуристический характер, как, собственно, следует из самого названия: слово *crusca* имеет значение ‘отруби’; иначе говоря, речь шла о «просеивании», об «очищении» языка от «плевел». Словарь итальянского языка, составленный Академией Круска («Vocabolario degli Accademici della Crusca») и выдержавший три издания (1612, 1623 и 1691 гг.) был ориентирован на «авторитеты», т. е. на классические образцы литературы, произведения Данте, Боккачо, Петрарки, Ариосто, Бембо, и представлял собой собрание цитат из этих авторов. Жан Шаплен, которому было поручено разработать концепцию словаря французского языка, немедленно предложил последовать примеру итальянской академии: выбрать лучших французских литераторов («отобрать из числа умерших авторов тех, кто писал на самом чистом нашем языке»)[8] и разместить в словаре образцы их словоупотребления. В предисловии к своему переводу плутовского романа Матео Алемана «Жизнеописание Гусмана де Альфараче» Ж. Шапелен замечал, по всей видимости, имея в виду Французскую академию, что существует особое сообщество людей, так называемые *пуристы* (*Puristes*), которые названы так, потому что «ищут чистоты для французского языка»[9] и тем самым приближаются к Флорентийской академии Круска, отличаясь, впрочем, от нее большей «скромностью и добронравием».[10] В области орфографии проект Шаплена предполагал следование аутентичной орфографии — ради того, чтобы не «навредить принятому чтению»[11].

Однако первые «академики» очень быстро, уже в начале марта 1638 года, осознали масштаб работы и «длинноты цитат» («la longueur des citation»)[12]. Сочтя проект слишком трудоемким и сложным для координации, они предложили выделить из своих рядов одного человека, который взял бы на себя организацию и, главное, бóльшую часть работы по росписи текстов. Таким «академиком» и стал Клод де Вожла. Действительно, трудно было бы найти более преданного французскому языку человека. Довольно быстро Вожла, сохраняя в целом пуристические установки, предложил совершенно новый проект, который базировался на двух принципах: 1) временной принцип, т. е. ориентация на XVII в., на эпоху, когда французский язык, по его мнению, достиг полного совершенства (что позволяло исключить из словника неологизмы и архаизмы), и 2) функциональный принцип, т. е. ориентация на определенный узус, на так называемое «хорошее употребление» (что

[7] Подробнее об истории возникновения Французской академии и эволюции идей см. в: [Pelisson I].

Доступно по ссылке:https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k737033.pdf . См. также в: [Brunot III: 31 и сл]. Труд П. Пелиссона был известен В. К. Тредиаковскому.

[8] Академия Круска была основана в 1582 г.

[9] «Faire un choix de tous les auteurs morts, qui avaient écrit le plus purement notre langue» [Pellisson I: 133].

[10] «Gens qui recherchent la pureté de la langue française» цит. по: [Brunot III: 31].

[11] «Je ne sçache rien de plus ressemblant à l'Academie Florentine de la Crusca, sinon qu'il y a plus de modestie et de bénignité» [Там же].

[12] «Pour ne pas troubler la lecture commune» [Pellisson I:135].

позволяло исключить из словника просторечие и терминологию)[13]. Вожла различал собственно «хорошее употребление» («bon usage»), под которым понимал язык общения, принятый у эталонной референтной группы (люди, регулярно бывающие при дворе короля[14]), и «прекрасное употребление» («bel usage»), представленное у ораторов и поэтов XVII в. (ср. в предисловии к изданию 1694 г.: «telle qu'elle est dans le commerce ordinaire des honnestes gens,[15] & telle que les Orateurs & les Poëtes l'employent»)[16]. Таким образом устанавливались границы образцовых устного и письменного узусов (следует заметить, что одновременно формировалась и репутация Французской академии как института, сознательно «обедняющего» язык, впоследствии ставшая устойчивой). Следует отметить, что Вожла, различая устную и письменную речь («la parole qui se prononce» «la parole qui est escrite»), полагал, что важнейшим является именно устное употребление, тогда как хорошие авторы всего лишь «одобряют» узус Двора или выносят суждения относительно спорных случаев[17]. Употребление в языках сильнее рассудочных суждений, полагал Вожла, и порою оно действует «вопреки разуму» («contre la raison») [Vaugelas 1747: 7об].

Концепция Вожла, несомненно, оказала большое влияние на развитие европейской лингвистической мысли. Исследователи неоднократно обращали также внимание на то, что установки, принятые Французской академией, были заимствованы В. К. Тредиаковским, который первым попытался приспособить французскую доктрину к русскому материалу. В «Речи […] к членами Российского собрания» 1735 г. Тредиаковский провозглашал необходимость строить нормы нового русского литературного языка в соответствии с употреблением «двора Ея Величества», т. е. подражать тому, как говорят «благоразумнейшие Ея Министры», «премудрейшие Священноначальники», а также «знатнейшее и искуснейшее дворянство» [Тредиаковский 1735: 13][18]. В «Разговоре об ортографии» Тредиаковский, вводя понятие

[13] См. в: [Pellisson 1: 138].

[14] Подробнее о проблеме состава словника в европейской лексикографии к. XVII — нач. XVIII вв. см. в: [Бабаева 2004: XIV-XXVIII].

[15] Как поясняет знаменитый французский лексикограф Алэн Рей, узус короля воспринимался как слишком прекрасный, чтобы служить образцом, тогда как узус придворных (и тех, кто регулярно бывал при Дворе), как бы осененных солнечными лучами употребления монарха, вполне мог служить образцом для подражания [Rey 2007: 32]. Таким образом, язык Двора (т. е. язык Версаля) противопоставлялся языку города (т. е. языку Парижа); ср. в предисловии к книге «Remarques sur la langue françoise»: «если Двор говорит так, а город по-другому, мы должны следовать примеру Двора» («lorsque la cour […] parle d'une façon et la ville d'une autre, il faut suivre la façon de la cour») [Vaugelas 1647: 385]. По мнению Вожла, тезис о том, что употребление, принятое при Дворе, должно превалировать над любым другим, должен приниматься без каких-л. доказательств.

[16] Понятие *honneste homme*, букв. 'честный человек', впервые отмечено в социальном значении в 1538 г., когда оно связывалось с человеком благородного происхождения, наделенного христианскими добродетелями, умом и вкусом к изящной словесности; см. в: [Matoré 1953: 67–68].

[17] Все издания словаря Французской академии представлены на сайте: https://www.dictionnaire-academie.fr.

[18] «Le consentement des bons Auteurs est comme le sceau ou une verification, qui autorise le language de la Cour, et qui marque le bon usage, et decide celuy qui est douteux» [Vaugelas 1647: 2].

употребление (семантическая калька с французского термина *usage*), непосредственно ссылается на Вожла и его последователя Клода Бюфье, сообщая, что читал об этом понятии «у двух французов, а именно у Вожласа и у Иезуита Бюфиера» [Тредиаковский III: 215]. В трактате Тредиаковского *Употребление* само говорит о себе, причем использованные формулировки очень близки к тем, которые можно найти в книге Вожла «Remarques sur la langue française»[19]: «Мне употреблению да будет всегда повиновение»; «Власть моя над всеми языками есть превеликая, и, так сказать, не имеюшчая пределов: ибо я токмо могу говорить как хочу, токмо сходно с природою языка; я в том имею неоспоримое право; я токмо и правило, по которому должно поступать в языке» [Там же: 217–218]. При этом уточняется, что *употреблением* следует называть лишь тот узус, который принят у «большей и искуснейшей части людей» [Там же: 220–221].[20]

Следует отметить, что концепция Вожла была наиболее уязвима в том, что касалось орфографии, поскольку в этой области во французском языке существовала большая вариативность. Хорошо известно, что в XVI-XVII вв. французские авторы и типографы пользовались разными орфографическими системами, что позволило выработать некоторые удачные приемы, такие, например, как последовательное различение *i* и *j*, *u* и *v*[21] или же введение надстрочных знаков, которые отсутствовали в средневековых рукописях. При этом были и попытки обоснования теоретических позиций. Хорошо известен, например, трактат 1550 г. Жака Пеллетье дю Мана (Jacques Pelletier du Mans) «Dialogue de l'ortografe et prononciation françoese»[22], в котором он попытался при помощи надстрочных знаков приблизить орфографию к произношению. Другие же, как, например, знаменитый типограф и лексикограф XVI в. Робер Этьенн, наоборот, защищали написания, максимально приближенные к латыни, выступая на стороне орфографического традиционализма.

Сторонники сближения орфографии с фонетикой были и в XVII веке. Так, Пьер Ришле (César-Pierre Richelet), автор словаря французского языка, вышедшего в 1680 г. в Женеве («Dictionnaire françois, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue française, ses expression propres, figurées et burlesques»), возражал против «академической» орфографии, ориентированной на традицию и аналогию, которая, по его мнению, «искажала» французский язык («qui défigure la langue») [Richelet 1680: 2]. Свою позицию он оправдывал тем, что

[19] Следует отметить, что даже само название русского института (*Собрание*) является калькой с франц. *Assemblée*, которое являлось перифрастическим названием Французской академии. Влияние установок французских академиков на Тредиаковского и Адодурова и на карамзинистов подробно рассмотрено в: [Успенский 1985: 61–65, 71–72, 131–134]; [Живов 1996: 173–174; 350–355]. Проект Тредиаковского никак не мог получить развития, поскольку в России подобные теоретические установки не имели никакого соответствия в реальном узусе. Об ориентации на так называемое «щегольское» употребление см. в: [Успенский 1985: 134–146].

[20] См. сопоставление некоторых формулировок, приведенное в: [Успенский 1985: 184–186].

[21] О взглядах Тредиаковского на социолингвистическое расслоение общества см. в: [Успенский 1985: 133–134].

[22] Эти буквы распределялись изначально в зависимости от позиции в слове. Окончательно разделение этих букв закреплено в 4-м издании словаря Французской академии (1762 г.).

орфография должна быть понятной иностранцам и провинциалам. Поэтому в своем словаре Пьер Ришле последовательно избавился от букв, обозначающих звуки, которые не произносились и, по его мнению, только усложняли восприятие слова (*avocat* вместо *advocat*, *colére* вместо *cholére*, *plu* вместо *pleu*...). Ришле, например, писал: *metode, metonimie, mile, nape, ocasion, pâte, tems* вместо *methode, metonymie, mille, nappe, nopce, occasion, paste, temps*. Однако упрощение орфографии, связанное с ориентацией на произношение, которое предлагал Ришле, осталось лишь одной из возможностей. Французская академия не приняла орфографическую концепцию Ришле.

Тем не менее у «академиков», готовивших первое издание словаря, закономерно возникал вопрос: на какое из нескольких существовавших употреблений нужно ориентироваться? Писать ли *vesquit* или *vescut*? В предисловии к первому изданию словаря специально обращается внимание на то, что употребление царит не только при отборе лексики, но и в орфографии: именно оно диктует смену написаний. Французская академия не отказывала тем, кто в предыдущие сто пятьдесят лет предлагал различные инновации, в наличии «резонов» для новых правил, однако объясняла всеобщее нежелание следовать им тем, что «разум» всегда отступает перед «употреблением». Кроме того, в предисловии к первому изданию словаря обращается внимание на непоследовательность некоторых «резонов»: если в слове *escriture* не следует писать *s*, то почему бы тогда не отказаться также от написания конечного непроизносимого *r* в неопределенной форме глаголов?

Итак, общая установка состояла в том, чтобы придерживаться той традиционной орфографии, которая была тесно связана с латынью и позволяла восстановить происхождение слов. Французская академия отказывалась от введения надстрочных знаков («certaines figures»), которые были предложены типографами для облегчения написания, объясняя это тем, что их использование привело бы к стиранию связей («аналогий») между словами, пришедшими из одного языка-источника. Следует отметить, что в предисловии к первому изданию содержится скрытая полемика с П. Ришле. В нем подчеркивается, что в задачи словаря не входит обучение иностранцев фонетике; для этого им следует прибегнуть к живому общению («dans le commerce des naturels du pays»), а не к книгам.

Вожла допускал возможность затруднений, связанных с произношением, и полагал, что в этих случаях не следовало обращаться к знатокам греческого и латыни, а, наоборот, выбирать в судьи тех, кто этими знаниями не владел («s'adresser à ceux qui n'ont point estudié»), причем предпочтение отдавалось придворным дамам [Brunot III: 49][23]. Таким образом, спорные вопросы произношения Вожла также предполагал разрешать в пользу употребления, без обращения к ученым обоснованиям.

Принципы орфографии, провозглашенные в первом издании словаря Французской Академии (1694 г.), на практике в начале XVIII века не соблюдались даже

[23] В.К. Тредиаковский упоминает этого автора в «Разговоре об ортографии» среди лучших авторов, писавших об орфографии [Тредиаковский III: 4].

самими составителями этого словаря. В 1719 г. в правилах, предназначенных для типографов, замечалось, что «французская орфография представляется крайне смутной, поскольку авторы придерживаются разных употреблений»[24].

Новые правила, обсуждавшиеся с самого начала XVIII века, в окончательном виде были представлены в третьем издании словаря (1740 г), готовившегося под руководством аббата д'Оливе (Pierre-Joseph Thoulier d'Olivet). По сути, эта реформа отменила те правила этимологического написания, удержать которые уже не представлялось возможным. Так, например, были устранены написания двойных согласных *(agraffer — agrafer*), а также «ненужные» («inutiles») буквы *b, d, h, s* (*obmettre — omettre*, *advocat — avocat*, *déthroner — détrôner*); *y* в словах типа *cecy, celui-cy, toy, moy, ny, gayeté, joye* заменена на *i*. Во многих же случаях устранение этимологических или аналогических написаний было проведено непоследовательно, что отмечалось и в предисловии к словарю: «если мы оставили в некоторых словах ненужную букву, которую устранили в других; если мы сохранили, например, в Méchanique бесполезную H, которую отъяли в Monacal, то это потому, что общее употребление, отъяв H в Monacal, оставило ее в Méchanique».[25] Важнейшим нововведением было предписание заменять букву *s* на знак циркумфлекс в тех случаях, когда речь шла об указании на долготу слога («dans les mots où l'S marquoit l'allongement de la syllabe, nous l'avons remplacée par un accent circonflêxe»)[26]. Интересно, что данное новшество нашло отражение у российских авторов, писавших на месте *ω* букву *ô* под влиянием французской практики (подобное написание предлагалось в грамматике И. Горлицкого, встречается оно, например, в русско-французском словаре А. Кантемира; см. в: [Бабаева 2013:31]).

В предисловии к изданию 1740 г. открыто говорится о возможности «систематической орфографии» («une orthographe systématique»), основанной на «разуме», которая на протяжении долгого времени терпела поражение, всегда уступая «употреблению» («l'usage qui en matière de Langue, est plus fort que la raison»). Иначе говоря, в этом издании происходит некоторый отход от позиций Вожла, решительно отдававшего предпочтение «употреблению». Составители словаря осторожно признают, что в некоторых случаях инновации, основанные на «разуме» («c'est la raison qui les établit»), полезны; в частности, они могут позволить устранить случаи,

[24] В этом смысле предшественником Вожла является Луи Мегре, отстаивавший в своем трактате «Le Tretté de la Grammęre françoęze» (1550 г.) необходимость при соблюдении фонетического принципа письма ориентироваться на тот способ писать, который был принят среди дам ([Meigret 1888: 28об-29]; Можно отметить сходную позицию Тредиаковского, который писал: «Я приметил из некоторых дамских писем, что оне больше наблюдают звоны в составлении своих слов» [Тредиаковский III: 191] (см. подробнее в: [Тредиаковский 1985: 154–155]). Ср. ориентацию карамзинистов на женскую речь в соответствии с французской салонной культурой [Успенский 1985: 57–61]; об апелляции к дамскому употреблению см. также в: [Алексеев 1984].

[25] «L'orthographe françoise étant fort incertaine, à cause de l'usage différent des auteurs» (цит. по: [Brunot VI: 931]).

[26] «Si nous avons laissé dans quelques mots la lettre superflue que nous avons ôtée dans d'autres, par éxemple, si nous avons conservé dans Méchanique, l'H inutile que nous avons ôtée de Monacal; c'est que l'usage le plus commun, en ôtant l'H de Monacal, l'a laissée dans Méchanique».

когда одна буква используется для передачи разных звуков или же когда разные буквы используются для передачи одного звука («afin de n'être pas réduit à se servir d'un même caractère pour exprimer des sons différens, ou de caractères différens, pour exprimer le même son»). В целом же в третьем издании провозглашается компромиссная позиция: одинаково ошибочным признается и «слепое» следование традиционной орфографии, и «легкий» отказ от нее ради новой, еще не вошедшей в употребление.

Интересно, что принцип «разумности» присутствует в работах В. К. Тредиаковского, относящихся к 1740-м гг. К «общему разуму» Тредиаковский апеллирует и в «Разговоре об ортографии» для обоснования фонетического принципа письма [Тредиаковский III: 69–71]. Тредиаковский исходит из того, что, в соответствии с «общим разумом» одной букве должен соответствовать один звук: «общий разум сказывает, что между многими разными друг от друга знаками, означающими разные одну от другой вещи, один знак за другой принят быть не может» [Там же: 69]. Важно отметить, что Тредиаковский, как бы вторя составителям третьего издания словаря, утверждает, что употребление не есть нечто «слепое», что оно должно быть «благоразумно» [Там же: 214]. Исходя из этого принципа, Тредиаковский, в частности, подобно тому, как это делают авторы третьего издания словаря Французской академии, предлагает отказаться от написания «лишних» букв: «Лишние буквы всеконечно долженствуют быть выключены из нашея ортографии, ибо, по обшчему разуму, ненабодныя и ненужныя средствия к произведению в действо намереннаго, столькож ничего не действуют, когда бы их при деиствe и не было» [Там же: 70]. Обращаясь к оппозиции «употребление» VS. «разум», Тредиаковский замечает: «Подлинно, сколько сей господин употребление ни показывал свою власть над языком: однако, видно, что и сам он повинуется иногда разуму для того токмо, что милость его не хочет быть в премногих головах без всякаго рассуждения. Я не таюсь: я поныне подлинно думал, что власть употребления над языком есть ничем не ограниченная; но теперь вижу, что и им самим разум владеет» [Там же: 221–222]. Именно поэтому Тредиаковский отказывается принимать написания, ориентированное на такое разговорное употребление, которое он называет «безразборным», то есть не соответствующее разуму [Там же: 62][27].

Б. А. Успенский, анализируя филологические установки Тредиаковского в 1740-е гг., пишет о возникшей скрытой полемике Тредиаковского с Вожла (см. в: [Успенский 1985: 184–186]); по всей вероятности, следует учесть, что эта полемика присутствует и внутри Французской академии и что, скорее всего, Тредиаковскому было известно издание словаря Французской академии 1740 г.

Четвертое издание словаря Французской академии, вышедшее в 1762 г., не внесло существенных изменений в область нормализации орфографии, хотя были устранены грецизированные написания, а также некоторые написания двойных букв, остававшиеся в употреблении после 1740-го года. Следующая

[27] Попытки введения такой замены предпринимались и раньше, однако после 1740г. она стала нормативной.

важная реформа орфографии связывается с шестым изданием словаря, вышедшем в 1835 г., которое окончательно унифицировало написания[28].

Вместе с тем, издание 1762 г., не столь значительное с точки зрения нормализации орфографии, маркирует актуальность нового круга проблематики: отношение к неологизмам и неологии. Наступила эпоха философов, и новое издание словаря не могло не стать «философским». Наконец, XVIII век завершило «революционное» издание, которое предварялось идеологическим предисловием знаменитого публициста и политика Доминика Жозефа Гара (Dominique Joseph Garat), провозгласившего, что словарь в новых условиях призван формировать сознание Нации.

Предисловия, предварявшие и предваряющие каждое из изданий словаря, содержат согласия и несогласия с позициями, принятыми предшественниками[29]. Несомненно, прослеживание влияния — эксплицитного или имплицитного — Французской академии на лингвистические взгляды в целом, а также на лексикографическую практику европейских ученых, в том числе и русских, может оказаться необычайно плодотворным. В этом смысле подробное знакомство широкого круга филологов с текстами Французской академии XVII-XXI веков представляется необыкновенно захватывающим и перспективным предприятием.

Литература

Алексеев А. А. Язык светских дам и развитие языковой нормы в XVIII в. // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Сборник научных трудов. Ленинград, Наука, 1984. С.82–96.

Бабаева Е. Э. Русско-французский словарь А.Кантемира: описание, лексикографические источники // Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Том I. Москва, Азбуковник, Языки славянской культуры., 2004. С.VII-LI.

Бабаева Е. Э. Язык в зеркале размышлений поэта (К реконструкции лингвистических воззрений Антиоха Кантемира) // XVIII век. Сборник 27. Пути развития русской литературы XVIII века. Санкт-Петербург, Наука, 2013. С.26–49.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. Москва, Школа «Языки русской культуры», 1996. 590с.

Живов В. М. История языка русской письменности. Т.I-II. Москва, Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 1285с.

Тредиаковский В. Речь […] к членам российскаго собрания. Спб., 1735. 16с.

Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. I. Изд. А. Смирдина. Санкт-Петербург, 1849. 811с.

Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. III. Изд. А. Смирдина. Санкт-Петербург, 1849. 795с.

[28] В связи с этим см. подробный разбор кодификации Тредиаковским окончаний имен прилагательных в именительном-винительном падеже множественного числа в: [Живов 2017: 1063–1067].

[29] Именно с этой реформой связано изменение написаний *oi* на *ai* всюду, где произносился звук [ε]. Эта замена была предложена еще в конце XVII в.

Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоносовский период отечественной русистики. М., Наука, 1975. 231с.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII-начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. Москва, Издательство Московского университета, 1985. 210с.

Brunot Ferdinand. Histoire de la langue française des origines à nos jours. Tome III. La formation de la langue classique 1600–1660. Première partie. Paris, Librairie Armand Colin, 1909. 468p.

Brunot Ferdinand. Histoire de la langue française des origines à 1900. Tome VI. Le XVIIIe sciècle. Deuxième partie. La langue postclassique. Paris, Librairie Armand Colin, 1932. 560p.

Girard Gabriel. Les vrais principes de la langue françoise ou La parole réduite en méthode conformément aux lois de l'usage. Paris, Le Breton 1747. 442p.

Matoré Georges. La Méthode en Lexicologie. Domaine français. Paris, Librairie Marcel Didier, 1953. 126p.

Meigret L. Le tretté de la grammęre françoeze / Nach der Einzigen Pariser Ausgabe (1550) Neu Herausgegeben von Wendelin Foerster. Heilbronn, Henningen, 1888. 211p.

Pelisson P. et *D'Olivet.* Histoire de l'Académie françoise. Depuis 1652 jusqu'à 1700. TI. Paris, Chez J. B. Coignard, 1743. 453p.

Préfaces du Dictionnaire de l'Académie française, 1694- 1992 / Bernard Quemada (dir.), Paris, Honoré Champion, 1997. 562p.

Rey Alain. L'amour du français. Contre les puristes et autres censeur de la langue. Paris, Denoël, 2007. 313p.

Richelet Pierre. Dictionnaire françois : contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise, ses expressions propres, figurées et burlesques, la prononciation des mots les plus difficiles, le genre des noms, le régime des verbes. [Genève], J.-H. Widerhold, 1680. 1146p.

Vaugelas Claude Favre de. Remarques sur la langue françoise, utiles à ceux qui veulent bien parler et bien escrire, Paris, Vve J. Camusat et P. Le Petit, 1647, 584 p. Критическое издание:

Claude Favre de Vaugelas. Remarques sur la langue françoise. Édition critique avec introduction et notes par Zygmunt Marzys. Genève (Droz) 2009. 1003p. (Travaux du Grand Siècle, xxxiv)

E. E. Babayeva
Lomonosov Moscow State University
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
llevidova@mail.com

SEARCHING FOR SPELLING (A BRIEF EXCURSION INTO THE HISTORY OF THE ISSUE)

The article deals with the history of the search for the orthography normalization, which took place in France in XVII-XVIII centuries, and the reception of some European ideas in the works of the Russian philologist V. K. Trediakovsky. In France during the 16th century authors and typographers used different orthographic systems, which allowed them to develop some successful techniques, such as the introduction of superscript. The use of different graphic possibilities could be accompanied by the theoretical reflexion. On the one hand, it was suggested that orthography should be brought closer to pronunciation; so, for instance, Louis Meigret in a treatise of 1550 explicitly suggested writing according to phonetics. Other authors, such as typographer and lexicographer Robert Etienne, insisted on maximal adherence to the etymological principle that allows to keep, first, a link with Latin and, second, with the links within the stemming nests. The role of a regulating authority was played by the Académie Française, which for two centuries had been laying the foundations of modern orthography. The French Academy from the very beginning decided to correlate orthography with the written tradition, following the principle, formulated by Claude Vaugelas, "bel usage", which meant following the best examples of orators and authors of the 17th century. But gradually the requirement to follow tradition gave way to the need to build a "systematic" orthography, based on the rules. The main innovations in the field of orthography were introduced by the French Academy in the third edition of the dictionary (1740). The theories of Louis Megre and Claude Vogel influenced V. K. Trediakovsky. He perceived ideas on the advantages of phonetic writing (L. Meigret, G. Girard), on the role of 'usage' in language processes (C. Vaugelas) and on the importance of «общий разум» ('common sense') for the creation of a linguistic theory.

Keywords: history of linguistic doctrines, history of orthography, normalisation, history of lexicography, history of Russian literary language.

References

Alekseev A. A. Yazyk svetskikh dam i razvitie yazykovoi normy v XVIII v. // *Funktsional'nye i sotsial'nye raznovidnosti russkogo literaturnogo yazyka XVIII v. Sbornik nauchnykh trudov.* Leningrad, Nauka, 1984. S.82–96.

Babaeva E. E. Russko-frantsuzskii slovar' A.Kantemira: opisanie, leksikograficheskie istochniki // *Russko-frantsuzskii slovar' Antiokha Kantemira*. Tom I. Moskva, Azbukovnik, Yazyki slavyanskoi kul'tury., 2004. S.VII-LI.

Babaeva E. E. Yazyk v zerkale razmyshlenii poeta (K rekonstruktsii lingvisticheskikh vozzrenii Antiokha Kantemira) // *XVIII vek. Sbornik 27. Puti razvitiya russkoi literatury XVIII veka*. Sankt-Peterburg, Nauka, 2013. S.26–497.

Brunot Ferdinand. *Histoire de la langue française des origines à 1900.* Tome III. La formation de la langue classique 1600–1660. Première partie. Paris, Librairie Armand Colin, 1909. 468p.

Brunot Ferdinand. *Histoire de la langue française des origines à 1900.* Tome VI. Le XVIIIe sciècle. Deuxième partie. La langue postclassique. Paris, Librairie Armand Colin, 1932. 560p.

Girard Gabriel. *Les vrais principes de la langue françoise ou La parole réduite en méthode conformément aux lois de l'usage*. Paris, Le Breton 1747. 442p.

Matoré Georges. *La Méthode en Lexicologie. Domaine français.* Paris, Librairie Marcel Didier, 1953. 126p.

Meigret L. *Le tretté de la grammęre françoeze* / Nach der Einzigen Pariser Ausgabe (1550) Neu Herausgegeben von Wendelin Foerster. Heilbronn, Henningen, 1888. 211p.

Pelisson P. et D'Olivet. *Histoire de l'Académie françoise.* T. I. Paris, Chez J. B. Coignard, 1743. 453p.

Préfaces du Dictionnaire de l'Académie française, 1694- 1992 / Bernard Quemada (dir.), Paris, Honoré Champion, 1997. 562p.

Rey Alain. *L'amour du français. Contre les puristes et autres censeur de la langue*. Paris, Denoël, 2007. 313p.

Richelet Pierre. *Dictionnaire françois : contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise, ses expressions propres, figurées et burlesques, la prononciation des mots les plus difficiles, le genre des noms, le régime des verbes.* [Genève], J.-H. Widerhold, 1680. 1146p.

Trediakovskii V. *Rech' [...] k chlenam rossiiskago sobraniya*. Spb., 1735. 16s.

Trediakovskii V. K. *Sochineniya*. T. I. Izd. A. Smirdina. Sankt-Peterburg, 1849. 811c.

Trediakovskii V. K. *Sochineniya*. T. III. Izd. A. Smirdina. Sankt-Peterburg, 1849. 795c.

Uspenskii B. A. *Pervaya russkaya grammatika na rodnom yazyke (Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki*. M., Nauka, 1975. 231s.

Uspenskii B. A. *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII-nachala XIX veka. Yazykovaya programma Karamzina i ee istoricheskie korni.* Moskva, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1985. 210s.

Vaugelas Claude Favre de. *Remarques sur la langue françoise, utiles à ceux qui veulent bien parler et bien escrire*, Paris, Vve J. Camusat et P. Le Petit, 1647, 584 p. Éd. critique: Claude Favre de Vaugelas. *Remarques sur la langue françoise*. Édition critique avec introduction et notes par Zygmunt Marzys. Genève (Droz) 2009. 1003p. (Travaux du Grand Siècle, xxxiv)

Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. Moskva, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 590.

Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti*. T.I-II. Moskva, Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2017. 1285s.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Н. И. Голубева-Монаткина
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
golmonat@mail.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОРФОГРАФИИ В ПРЕДИСЛОВИЯХ «СЛОВАРЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ» 1694, 1718, 1740, 1762 ГГ. ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

Первые четыре издания «Словаря Французской академии» (1694, 1718, 1740, 1762 гг.) сыграли выдающуюся роль в истории формирования европейской одноязычной лексикографии. Одним из важнейших теоретических положений, разработанных французскими учеными, было провозглашение узуса (usage) “хозяином орфографии". Мы представляем в статье русский перевод текстов фрагментов предисловий к Словарю, посвященному орфографии. Эти тексты предоставляют нам данные для более широкого сравнения орфографической концепции “Словаря Французской академии” с орфографической концепцией “Словаря Российской академии” или других словарей.

Ключевые слова: орфография, нормализация, Словарь Французской академии, Словарь Академии Российской, предисловие к словарю.

«Словарь Французской академии» (далее — СФА), издающийся с 1694 г. по настоящее время, был не первым среди новоизобретенных в Европе одноязычных словарей европейских живых языков, но именно он повлиял на развитие лексикографии не только Франции, но и других стран, в том числе и России. Несомненно, что пути, по которым шла нормализация французской орфографии в XVIII в. и которые отражены не только в корпусе статей четырех первых изданий, но и в предисловиях к ним, изучались и учитывались на практике составителями европейских словарей той эпохи. Важно отметить и то, что в XVII–XX вв. СФА стал «законодателем в области орфографии (французского языка. — *Н. Г.-М.*)» и «все изменения фиксировались в его изданиях»[1] [Гак 2005: 46].

Так было и в России второй половины XVIII в., где наблюдались «значительные колебания в языке, в особенности со стороны орфографии и морфологии» [Винокур

[1] Словарь Французской академии признается во Франции национальным достоянием. В настоящее время заканчивается работа над 9-м изданием словаря. Все предисловия опубликованы на сайте: https://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-les-neuf-prefaces. Представляет большой

1959: 157] и где «высшие слои... общества, усваивая европейскую цивилизацию... пришли к убеждению, что той цементирующей массой, которая сольет в единство светского литературного языка русскую народную речь и необходимые церковно-книжные формы, является система французского языка, передового языка западноевропейской цивилизации» [Виноградов 1938: 143]. Не вызывает сомнения, что до издания первого тома «Словаря Академии Российской» (далее — САР) в 1789 г. в России люди круга его составителей не только прекрасно знали французский словарь (что доказывается, в частности, полным переводом на русский язык в 1786 г. его издания 1762 г.[2]), но и внимательно изучили предисловия к четырем опубликованным к тому времени изданиям[3]. В этих предисловиях довольно большие фрагменты посвящены орфографии (в отличие от весьма краткого абзаца об орфографии в предисловии к САР), в которых изложены, иногда повторяясь в следующем издании, теоретические и практические установки французских академиков.

Далее приводится наш перевод (с минимальными купюрами) фрагментов предисловий, посвященных орфографии, из изданий СФА 1694, 1718, 1740, 1762 гг. Источники размещены на сайте Французской академии (Académie française). Из соображений точности купюры отмечаются. В переводах передано деление оригинала на абзацы. В комментариях, расположенных после четвертого текста и относящихся ко всем четырем текстам, затронута проблема влияния зафиксированных в словаре орфографических установок французских академиков на САР и намечены некоторые линии сближения.

1. Из предисловия к «Словарю Французской академии» 1694 г.

Академия следует старой орфографии, принятой всеми писателями, потому что она помогает узнать происхождение слова[4]. Поэтому она решила, что не должна

интерес монографическое описание предисловий, содержащее множество ценных комментариев, в книге: [Préfaces du Dictionnaire de l'Académie française 1997].

[2] В. Г. Гак приводит со ссылкой на французский источник данные об изменениях во французской орфографии: «На протяжении семи изданий, почти за 250 лет, из 17 532 слов, представленных в первом издании, изменили орфографию 9 702 слова, то есть 55,34 %» [Гак 2005: 46].

[3] Полной французской и российской лексикон, с последняго издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный собранием ученых людей. СПб. : Имп. тип., 1786, т. 1–2, ч. 1–4.

В аннотированном указателе лексикографических трудов «Словари XVIII века» об этом издании сообщается: «Титульный лист и “Предуведомление” параллельно на французском и русском языках. Перевод на русский язык издания: “Dictiormaire de l’Academie Francoise. 4-me ed.”. Т. 1–2. (Paris, 1762). Т. 2 переведен И. И. Татищевым.

Первая попытка издания этого словаря с русским переводом была предпринята “Обществом, старающимся о переводе иностранных книг”. В 1773 г. в переводе С. И. Волчкова была напечатана буква А под заглавием “Словарь Французкою Академию сочиненный и четвертым тиснением изданный в Париже 1762 года”» [Вомперский 1986: 70].

[4] О том, что до настоящего времени предисловия ко всем девяти изданиям словаря сами по себе имеют филологическое значение, свидетельствует, например, известная работа [Les Préfaces 1997].

разрешать усечение некоторых букв, которое было совершено рядом частных лиц, и главным образом типографами, которые ввели вместо этих букв некие придуманные ими изображения, потому что это усечение заставляет исчезнуть следы аналогии и тех отношений, которые существуют с латинским или любым другим языком. Так, она (Академия — Н. И. Г.-М.) написала слова *Corps*, *Temps* с буквой *P* и слова *Teste, Honneste* с буквой *S* для того, чтобы показать, что они происходят от латинских *Tempus, Corpus, Testa, Honestus*. И если какое-то слово написано в Словаре двумя разными способами, то тот способ, который отображен заглавными буквами в начале статьи, и будет единственным, одобряемым Академией. Правда, также есть несколько слов, в которых она (Академия — Н. И. Г.-М.) не сохранила некоторые характерные буквы, отмечающие их происхождение, как в словах *Devoir*, *Fevrier*, которые раньше писались *Debvoir и Febvrier* для того, чтобы соотнести их с латинскими *Debere и Februarius.* Но это узус[5] решил поступить наоборот, так как нужно признать узус хозяином орфографии в той же степени, что и отбора слов. Именно узус нас незаметно ведет от одного способа написания к другому, именно он имеет власть это делать. Именно это и сделало бесполезными те разнообразные попытки, которые были предприняты для реформирования орфографии в течение более чем ста пятидесяти лет людьми, создававшими правила, которым никто не захотел следовать[6]. Не то что им не хватало очевидных резонов для защиты своих мнений, всех основанных на том принципе, что письмо отражает произношение, — просто это утверждение нельзя признать абсолютно верным, так как если бы это имело место, нужно было бы убрать конечное *R* в глаголах Aymer[7] (*aimer*), *Ceder* (céder), *Partir*, *Sortir* и других им подобных в тех случаях, когда они не произносятся, хотя их продолжают писать. То же и в латинском языке, где часто пишутся буквы, которые не произносятся <...>. Однако Академия не преминула отметить произношение некоторых слов в том случае, когда оно слишком отличается от манеры их написания, и таковы многие примеры с S. Это одна из букв, которая больше всего варьируется в произношении, потому что иногда, когда она предшествует другому согласному,

[5] Поскольку «к изображению французской речи был приспособлен латинский алфавит» в IX–XIII вв. на французскую орфографию очень сильно влияет латинская традиция, и это влияние продолжается в XIV–XVI вв.: «…орфография не последовала полностью за изменениями произношения... <…> …Под влиянием латинского языка в эту эпоху широкое распространение получили этимологические написания. <...> Расхождению между буквой и звуком способствовали не только этимологические написания, но и отставание орфографии от произношения» [Гак 2005: 41–43].

[6] Здесь и далее l'usage 'употребление' переведено как *узус*.

[7] Уже в XVI в. появляются проекты реформ французской орфографии Луи Мегре, Рамуса, Рамбо. В XVII в. «...с предложениями упорядочить орфографию выступали многие, и даже в салонах обсуждали, как правильно и лучше писать те или иные слова... В этих спорных вопросах взоры всех, естественно, обращались к академии, которой и без того было необходимо решить их в связи с изданием словаря. В 1673 г. академия решила установить, наконец, единую, обязательную для членов академии орфографию, которая должна быть потом принята в обществе. <...> Академия высказалась против всяких реформ за традиционную орфографию, которая, если и страдает излишними буквами, зато яснее обозначает этимологическое значение слов» [Сергиевский 1938: 145].

она произносится сильно, как в словах *Peste*, *veste*, *funeste*; иногда она служит только для удлинения произношения слога, например, в этих словах *teste* (*tête*), *tempeste* (*tempête*); иногда она не оказывает никакого влияния на произношение, например, в словах *espée* (*épée*), *esternuer* (*éternuer*); вот почему были приняты меры, чтобы предупредить читателя, образом это должно быть произнесено. Есть слова, в которых она звучит как *Z*, это когда она находится между двумя гласными <>. Но это не единственная буква, которая может произноситься по-разному. Буква *C* иногда произносится как *G*, поэтому мы произносим *Segret*, а не *Secret*; *segond*, а не *second*; *Glaude*, а не *Claude*, хотя на письме необходимо сохранить букву *C*. То же самое было в латинском языке, где часто писали буквы, которые совсем не произносились. <...> Это показывает, что написание не всегда совершенно отражает произношение, поскольку как живопись, которая изображает тело, не может изобразить движения тела, также и написание, которое по-своему обрисовывает тело речи, не смогло бы полностью обрисовать произношение, которое есть движение речи. Если бы Академия захотела бы взять на себя составление правил произношения для иностранцев, тогда бы ей пришлось войти в очень длинные и очень бесполезные детали. Тот, кто желает знать действительное произношение чужого для него языка, должен выучить его в общении с жителями страны; любой другой метод обманчив, и думать, что можно дать кому-либо представление о звуке, который он никогда не слышал, есть то же, что желать дать слепому представление о красках, которые он никогда не видел. <...>. <...> все это позволяет окончательно подтвердить то, что только что было сказано о том, что произношение и орфография не всегда согласуются, и то, что только с «живого голоса» можно в совершенстве научиться произношению живых языков, которые и называются живыми, потому что их все еще оживляет звук голоса народов, которые на них естественным образом говорят, тогда как другие языки называются мертвыми, потому что что на них не говорит ни один народ и они, следовательно, имеют только произвольное произношение за неимением естественного, действительного, которое сейчас совершенно неизвестно.

Источник: Préface de la première édition (1694) // Académie Française [Электронный ресурс]. URL: https://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-les-neuf-prefaces/preface-de-la-premiere-edition-1694.

2. Из предисловия к «Словарю Французской академии» 1718 г.

Что касается орфографии, то Академия в этом новом издании, как и в предыдущем, в отношении многих слов последовала старому способу написания, но не приняла ничью сторону в споре, который так долго продолжается по этому предмету.

Верно, что старый способ написания был основан на разуме[8], но узус, который применительно к языку более силен, чем разум, понемногу вводит новый способ написания, тогда как старый день ото дня от нас уходит, и как совсем не нужно

[8] В тех случаях, когда современное написание слов отличается от написания, принятого Академией, мы будем в скобках после слова приводить современный вариант написания.

торопиться его отбросить, так и не должно делать слишком больших усилий, чтобы его удержать.

Однако он имеет еще своих несгибаемых сторонников, которые настаивают, что он абсолютно необходим для сохранения аналогии и этимологии. Но поскольку аналогия и этимология — это только отношения, которые мы наблюдали, а иногда даже воображали себе между словами одного уже существующего языка и словами другого языка, они вполне могут предоставить материал для некоторых любопытных наблюдений, а еще чаще для ненужных споров; но они не всегда определяют истинное значение слова, потому что оно зависит только от узуса. На самом деле нет ничего более обычного, чем слова, которые полностью переходят из одного языка в другой, не сохраняя ничего из своего первоначального значения. Но если неразумно хотеть в некоторых словах сохранять буквы, запрещенные узусом, еще менее разумно хотеть заранее уничтожить те буквы, которые он там еще терпит.

Относительно букв, одни из которых произносятся, другие не произносятся, Академия посчитала нужным сделать следующее. Когда буква обычно произносится в тех словах, где находится, Академия отметила слова, в которых эта буква не произносится, и напротив, поскольку *s* не произносится в большинстве слов, где она стоит с какой-либо другой согласной, как в *hospital*, (академики — Н.Г.-М.) отметили те слова, в которых она произносится, как в *hospitalité*. Это показалось более подходящим, чем предпринять реформирование орфографии, так как напрасно объяснять людям, что им будет удобнее убрать большое количество бесполезных букв и заменить их другими, которые точнее передадут произношение, — их глаза и уши уже привыкли к определенному сочетанию букв и к определенным звукам, связанным с этим сочетанием. Нельзя рассчитывать на то, что привычка такого рода могла бы разрушиться с помощью каких-то рассуждений или действий. Отсутствие успеха у тех действий, что предпринимались до сих пор, не вызывает желания изобретать что-то новое.

Самое надежное — это обратиться к узусу, которому, по правде говоря, не всегда известны логика и правила, но который не столь неразумен, как это себе воображают. Часто способы написания вводятся по незнанию и испорченности, но часто они устанавливаются по удобству. Узус есть не что иное, как молчаливое согласие людей, обусловленное скорее одними причинами, чем другими, причинами часто неосознаваемыми, но которые от этого не менее реальны. <...> Мы перестали произносить *pourroient* и *feroient*, *j'envoyerai*, *Laon*, *Paon*, и многие другие слова так, как их произносили наши отцы, однако мы продолжаем их писать также, как писали они. Может быть, и было бы возможно найти точную причину изменений, которые каждый день случаются в живых языках либо в орфографии, либо в способе произнесения, либо даже в значении слов, но это был бы напрасный труд, и как говорит Квинтилиан (Quintilien), в некоторых частях грамматики есть вещи настолько пустые, что мудрый грамматист должен их игнорировать.

Источник: Préface de la deuxième édition (1718) // Académie Française [Электронный ресурс]. URL: https://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-les-neuf-prefaces/preface-de-la-deuxieme-edition-1718.

3. Из предисловия к «Словарю Французской академии» 1740 г.[9]

Если в словаре одно и то же слово пишется двумя разными способами, несмотря на затраченные на предотвращение этого неудобства усилия, Академия заявляет, что единственный одобряемый ею способ написания — тот, которым слово пишется заглавными буквами в начале своей статьи <...>. Мы обязательно отмечаем то, каковы различные произношения двадцати трех букв французского алфавита, и даже произношение некоторых слов, когда оно слишком отдаляется от манеры их написания. Например, мы предупреждаем, что произносят *Cangrène*, хотя пишут *Gangrène*, и *Pan*, хотя пишут Paon.

<…>

Были бы напрасны предприятия по подчинению языка систематизированной орфографии, правила которой, будучи основаны на неизменных принципах, всегда оставались бы одними и теми же. Узус, который в языке сильнее, чем разум, вскоре бы нарушило эти законы. Невозможно, чтобы в живом языке произношение слов оставалось бы всегда одним и тем же: однако изменение в произношении слова приводит к изменению его написания. Например, некоторое время назад, когда перестали произносить *B* в *Obmettre* и *D* в *Adjoûter*, на письме их уничтожили. Действительно можно было бы только с трудом читать книги на своем родном языке, если бы не узус не менял ничего в орфографии слов, чье произношение изменилось. Несмотря на изменчивость произношения, несколько повторяющихся изменений все же приводят к обнаружению закономерности. Но, правда, это происходит постепенно. Вот какова, по-видимому, причина того медленного прогресса, о котором мы говорим.

Как только новый способ произнесения слова установился, мы вынуждены при его произнесении подчиниться принятому в обществе узусу. Вы будете выглядеть отставшим, вас будут часто упрекать, если вы упрямо будете сохранять устаревшее произношение. Не так обстоит дело относительно изменений, вводимых узусом в орфографию. Можно следовать старой без больших неудобств, и взрослые люди с отвращением изменяют что-либо в той орфографии, представление о которой они получили с ранней молодости или от уроков учителя старше себя, или через чтение книг, напечатанных много лет назад. Им было бы чрезвычайно затруднительно в зрелом возрасте следовать правилам той орфографии, к которой они не привыкли. Тогда они принимают решение сохранить ту орфографию, к которой они привыкли, и они ее сохраняют, хотя пришедшее за ними поколение следует уже другой орфографии. Лишь после их ухода те изменения, о которых мы говорим и которым они отказались следовать, будут повсеместно приняты.

Различные изменения в орфографии происходят также по другим причинам. Иногда невежество и лень делают модными некоторые способы письма, иногда их устанавливает разум. Их принимают либо для облегчения произнесения

[9] Raison ‘разум, рассудок, интеллект; рассудительность, здравый смысл’

нескольких слов, либо для того, чтобы не быть вынужденными пользоваться одной и той же буквой для выражения на письме разных звуков или разными буквами для выражения одного и того же звука.

Поэтому Академия была вынуждена внести в новое издание, в его орфографию, несколько изменений, которые она не посчитала возможным принять при работе над предыдущим изданием. На практике почти одинаково неудобно как упрямо держаться за старую орфографию, так и с легкостью от нее отказаться, следуя тем способам письма, которые только начинают вводиться. Если бы Академия упорствовала в первом своем решении, то разве смогли бы иностранцы и даже французы с удобством пользоваться таким словарем, где многие слова были бы написаны иначе, чем они обычно пишутся сегодня, и, следовательно, оказались бы помещенными вне тех мест, где естественным образом станут их искать? В том, что касается языка, совершенно не нужно опережать общество, а подобает ему следовать, подчиняясь не тому узусу, который только формируется, а общепринятому узусу.

Поэтому мы уничтожили во многих словах непроизносимые двойные буквы. Мы убрали из них бесполезные буквы *B, D, H,* а также *S.* В тех словах, где буква S помечала удлинение слога, мы поставили вместо нее циркумфлекс (accent circonflêxe). Также мы поставили простое *I* вместо *Y* везде, где *Y* не стоит вместо удвоенного *I* или употребляется не для сохранения следа этимологии Если и нет полного единообразия в этих изменениях, если мы и оставили в нескольких словах лишнюю букву, которую убрали из других, например, если мы сохранили в *Méchanique* бесполезное *H*, изъятое нами из *Monacal*, то это потому, что принимаемый всеми узус, убрав *H* из *Monacal*, оставил эту букву в *Méchanique*.

Источник: Préface de la troisième édition (1740) // Académie Française [Электронный ресурс]. URL: https://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-les-neufs-prefaces/preface-de-la-troisieme-edition-1740.

4. Из предисловия к «Словарю Французской академии» 1762 г.

В настоящем издании Академия сделала достаточно важное изменение, которое литераторы давно просят произвести. Мы отделили гласный *I* от согласного *J*, гласный *U* от согласного *V*, давая этим согласным их настоящее название, таким образом, эти четыре буквы, с которых начинались два раздела в предыдущих изданиях, начинают четыре в этом; и если ранее количество букв французского алфавита было двадцать три, то сегодня их двадцать пять. Если новый алфавитный порядок не всегда соблюден для каждого отдельного слова, то потому, что такая скрупулезная регулярность могла бы затруднить некоторых читателей, которые, не находя эти слова там, где они искали бы их по привычке, предположили бы их отсутствие. Самые разумные реформы должны делаться бережно. Что касается других букв, в этом издании соблюдается тот же алфавитный порядок, что и в предшествующем, и если некоторые слова были переставлены, то только потому,

что изменилось их написание и тем самым было необходимо вынести их из того места, где они находились, чтобы поместить их в другое.

Источник: Préface de la quatrième édition (1762) // Académie Française [Электронный ресурс]. URL: https://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-les-neufs-prefaces/preface-de-la-quatrieme-edition-1762.

Комментарии к предисловиям

1. Французская академия в выборе «единственного одобряемого ею способа написания» прежде всего ориентировалась на языковое употребление — узус, в котором новая орфография заменяет старую постепенно и достаточно естественно. Внимательны к узусу и российские академики. В предисловии к САР отмечается: «Хотя Россійское правописаніе въ краткихъ содержится правилахъ, однако много въ ономъ зависитъ отъ употребленія…» [САР-I 1789: XIII]. Эту установку Г.О. Винокур счел особенно важной: «Несмотря на содержащееся в приведенных выдержках признание необходимости установить общую правописно-произносительную форму, здесь [в САР] в то же время отчетливо проступает осторожное отношение к объективному состоянию наличного употребления. “Не правила языкъ раждаютъ, — говорится в другом месте предисловия (стр. VI), — но изъ употребленія онаго извлекаются правила”» [Винокур 1959: 163]).

2. Во СФА одно и то же слово могло быть написано несколькими различными способами и «единственный принимаемый ею [академией] способ» — это слово, «написанное заглавными буквами в начале своей статьи». Г.О. Винокур, анализируя вариативность орфографии в САР, делает вывод о том, что «...написания, не вошедшие в сложившуюся впоследствии общенациональную норму орфографии, встречаются, наряду с будущими нормативными, только вне текста статей, содержащих толкование соответствующих слов, а в заглавных словах, причем и в примерах к ним, встречаем только написание с позднейшей точки зрения нормативное». Причину такого «распределения колеблющихся написаний» он объясняет не сознательной установкой лексикографов, а «ослаблением внимания составителей Словаря к орфографической стороне языка при обработке текста, не относящего к данному слову в специфически словарном отношении» [Винокур 1959: 168].

3. Характеризуя орфографическую концепцию САР в целом, Г.О. Винокур пишет: «Словарь Академии Российской <…> ярко обнаруживает движение к единой общенациональной языковой норме, поиски которой составляют основное содержание истории русского письменного языка, начиная примерно с 30-х годов XVIII в. Самое интересное при этом заключается для нас в том, что составители Словаря не обладали какой-нибудь законченной орфографически-грамматической теорией, <u>во всяком случае не следовали догматически тем учениям и предписаниям, которые они могли бы отыскать в своем культурном обиходе</u> (выделено мною. — *Н.Г.-М.*), и вместе с тем в большинстве случаев шли как раз теми путями, на которые выводился русский письменный язык объективным ходом его исторического развития» [Винокур 1959: 187].

Литература

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Изд. 2-е, пер. и доп. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. 448 с.

Винокур Г. О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в. (Словарь Академии Российской, 1788–1794) // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. С. 162–189.

Вомперский В. П. Словари XVIII века. М.: Наука, 1986. 135 с.

Гак В. Г. Французская орфография. 2-е изд. М.: Добросвет, 2005. 281 с.

Сергиевский М. В. История французского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. 288 с.

Словарь Академии Российской. Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. В 4 тт.

Académie française [Электронный ресурс]. URL: www.académie-française.fr

Les Préfaces du Dictionnaire de l'Académie Française, 1694–1992. Textes, introductions et notes présentés par [onze collaborateurs] sous la direction de Bernard Quemada. Paris: Champion, 1997. XI + 565 p. (Collection «Lexica»)

N. I. Golubeva-Monatkina
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
golmonat@mail.ru

ON THE THEORY AND PRACTICE OF ORTHOGRAPHY IN THE PREFACES OF THE DICTIONARY FRENCH ACADEMY (ED. 1694, 1718, 1740, 1762). PUBLISHING A SOURCE

The first four editions of the “Dictionary of the French Academy” (1694, 1718, 1740, 1762), played an outstanding role in the history of the formation of European monolingual lexicography. One of the most important theoretical propositions developed by French academics was the proclamation of usage (usage) “the master of orthography”. We present in the article Russian translation of texts of prefaces to the Dictionary devoted to orthography. These texts supply us with data for a broader comparison of the spelling concept of the “Dictionary of the French Academy” with the spelling concept of the “Dictionary of the Russian Academy” or other dictionaries.

Key words: orthography, normalization, Dictionary of the French Academy, Dictionary of the Russian Academy, preface to the dictionary.

References

Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv*. [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th-19th centuries]. Izd. vtoroe, per. i dop. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Publ., 1938. 448 p.

Vinokur G. O. [On the history of the rationing of the Russian written language at the end of the 18th century]. *G. O. Vinokur. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works in the Russian language]. Moscow, State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1959. P. 162–189. (In Russ.)

Vomperskij V. P. *Slovari XVIII veka* [Dictionaries of the 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 135 p.

Gak V. G. *Francuzskaya orfografiya* [French Orthography]. 2nd ed. Moscow, Dobrosvet Publ., 2005. 281 p.

Sergievskii M. V. *Istorija francuzskogo jazyka* [History of the French language]. Moscow, State educational and pedagogical publishing house, 1938. 288 c.

Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of the Russian Academy]. Sanktpeterburg, At the Imperial Academy of Sciences, 1789–1794. 4 v.

Dictionnaire de l'Académie Française [Электронный ресурс]. Available at: www.académie-française.fr

Les Préfaces du Dictionnaire de l'Académie Française, 1694–1992. Textes, introductions et notes présentés par [onze collaborateurs] sous la direction de Bernard Quemada. Paris: Champion, 1997. XI + 565 p. (Collection “Lexica”).

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

С. В. Науменко
КГА ПОУ «Канский педагогический колледж»
(Россия, Канск)
rgbsvnaum@mail.ru

С. П. ОБНОРСКИЙ О ЗАДАЧАХ НОРМАЛИЗАЦИИ ОРФОГРАФИИ В ПОСЛЕРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1917–1956 ГГ.)

Характерная для различных сфер общественной и производственной жизни советского государства регламентация нашла свое отражение в стремлении создать первый в истории русского правописания общеобязательный орфографический стандарт, в разработке которого С. П. Обнорский принимает деятельное участие. В статье рассматриваются взгляды ученого на проблему нормализации правописания периода после реформы 1917–1918 гг., о необходимости которой говорится в целом ряде его работ, уточняется корпус неустойчивых написаний, анализируются причины разнобоя и общей неупорядоченности письма. Одним из самых сложных для нормализации является написание *о*/*е* после шипящих под ударением, где С. П. Обнорский считает целесообразным регламентировать употребление буквы *ё* (*чёрт*, *жёны*, *жёрнова*). Особое беспокойство вызывает у него и неоправданный рост корпуса слитных написаний наречного характера, что привело к появлению «чудовищных» квазислов. С. П. Обнорский отмечает несостоятельность требований нового упрощения орфографии с целью «углубления» итогов прошедшей реформы, опасность стихийных попыток центральных и региональных издательств самостоятельно упорядочить послереформенную практику, подчеркивая принципиальную важность научного, академического разрешения всех спорных орфографических вопросов, при этом опора на морфологическую «базу» русского правописания определяется как «здоровый социальный» принцип нормализации. В числе важнейших моментов упорядочения спорных написаний также называются внимание к историческому прошлому языка, осознание подвижности орфографических норм, учет фактов письменных источников разных жанров предыдущих пятидесяти лет, отказ от вариативных написаний и субъективных орфографических представлений.

Ключевые слова: орфография, реформа правописания 1917–1918 гг., спорные написания послереформенного периода, разнобой, принципы нормализации, недопустимость орфографических вариантов.

Вопросы правописания, по справедливому замечанию С. П. Обнорского, никогда не теряют своей актуальности, к ним все время «прикованы интересы» миллионов, поскольку «жизнь языка» является «оборотной стороной самой жизни общества» [Обнорский 1934: 481–482]. События Октября 1917 г., «сбившего старые отстоявшиеся грани» литературного языка, настоятельно обозначают проблему широкого нормирования нового качества речи [Там же]. В этих условиях, подчеркивает С. П. Обнорский, упорядочение орфографии «приобретает совершенно исключительное значение», поскольку именно она «в широчайшем массовом обороте» и обеспечивает общую правильность и «литературность» речи [Доклад С. П. Обнорского о задачах Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (14.10.1939 г.) // АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. Л. 2–3].

В орфографической практике кануна реформы правописания 1917–1918 гг. имелось множество «недоумений», «казуальных» и спорных вопросов, в свое время «обнаженных» Я. К. Гротом, но так и «не узаконившихся официально» [Обнорский 1934: 482, 456]. Ее организаторы не имели возможности «отозваться на факт наличности длинной цепи больных» вопросов непосредственно в ходе реформирования, поскольку упорядочение нельзя «объять формулами декретного характера», однако им следовало четко обозначить и «перед собою поставить» задачу «замены» руководства Я. К. Грота современным орфографическим справочником, который упорядочил бы разнобой и имел бы официальное значение. К сожалению, это не было сделано: «в этом недостаточность не реформы как таковой, а работы академического коллектива» [Там же: 456–457].

По мере того как в послеоктябрьский период ширилась кампания по ликвидации безграмотности, росло школьное образование и увеличивалось количество книжных и периодических изданий, проблема разнобоя с каждым годом ощущалась как «давно наболевшая» и «острая»[1] [Доклад С. П. Обнорского. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. 11]. Это, по мнению С. П. Обнорского, и стало основной причиной того, что общественность выступила с настойчивым требованием повторной реформы, хотя «дело и нужда» была не в очередной реформе, но в авторитетном упорядочении спорных написаний [Обнорский 1934: 457]. В результате выдвижение радикальных проектов новой реформы привело к тому, что орфографический вопрос «организационно вообще был снят с повестки»[2] [Там же].

---

[1] «Отсутствие определенных норм и твердых правил приводит к полному разнобою… пишут, правят и набирают по-разному, меняя свою орфографическую установку с каждым новым изданием, а созданные в различных издательствах и типографиях для местного употребления инструкции определяются индивидуальной орфографией авторов этих норм» [Филиппов 1933: 5–9].

[2] «К сожалению, здоровой, но скромной идее упорядочения всегда приходилось уступать перед более эффектной идеей новой коренной реформы русского правописания. Многие высказывались в том смысле, что на место реформы 17-го года как ”буржуазной” должна прийти более широкая, более радикальная, ”пролетарская”» [Записка Д. Н. Ушакова по поводу орфографических словарей // АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 6].

С. П. Обнорский отмечает следующие основные случаи «неустойчивости» послереформенного правописания[3]: 1) непроверяемые безударные гласные *а/о* и *е/и* (*ка*(*о*)*лач*, *ка*(*о*)*ра*(*о*)*пуз*, *на ка*(*о*)*рачки*, *ма*(*о*)*хровый*, *ма*(*о*)*роковать*, *ва*(*о*)*трушка*, *маче*(*и*)*ха*, *пе*(*и*)*скарь*, *ри*(*е*)*торика*, *ди*(*е*)*стилляция* и др.); 2) одиночная/ удвоенная согласная в заимствованных словах (*коэф*(*ф*)*ициент*, *артл*(*л*)*ерия*, *ан*(*н*)*ексия*, *барок*(*к*)*о*, *ам*(*м*)*иак*, *ат*(*т*)*аше* и др.); 3) одиночная/ удвоенная согласная в в русских словах (*воспитан*(*н*)*ик*, *бес*(*с*)*оница* и др.); 4) *е/э* в заимствованных словах (*прое*(*э*)*кция*, *прое*(*э*)*кт*, *пие*(*э*)*тет*, *дие*(*э*)*та*, *кашне*(*э*), *се*(*э*)*р*, *ме*(*э*)*р* и др.); 5) имена собственные иноязычного происхождения (*Доде*(*э*), *Оуе*(*э*)*н*, *Нью-Й*(*И*)*орк*, *Донжуан*, *Дон*(-)*Жуан*, *дон*(-)*Жуан* и др.); 6) прописные / строчные буквы в составных наименованиях и образованных от имен собственных прилагательных (*Соединенные Ш*(*ш*)*таты*, *Коммунистический И*(*и*)*нтернационал*, *Всесоюзная А*(*а*)*кадемия Н*(*н*)*аук*, *Высший С*(*с*)*овет Н*(*н*)*ародных К*(*к*)*омиссаров*, *Московский Х*(*х*)*удожественный Т*(*т*)*еатр*, *Г*(*г*)*омерова* «*Иллиада*», *М*(*м*)*арксов* «*Капитал*», *В*(*в*)*анин билет* и др.); 7) *о/е* после шипящих в корневых и суффиксальных морфемах имен (*волче*(*о*)*нок*, *зайче*(*о*)*нок*, *малче*(*о*)*нок*, *парче*(*о*)*вый*, *реше*(*о*)*тка*, *че*(*о*)*рт*, *же*(*о*)*рнов* и даже вопреки произношению *же*(*о*)*лудевый*, *че*(*о*)*ртовщина*, *же*(*о*)*рнова*); 8) слитные и дефисные написания сложных прилагательных и существительных, иноязычной приставки *контр-*, элемента *пол-* (*народно*(-)*хозяйственный*, *тред*(-)*юнионисткий*, *вест*(-)*индийский*, *контр*(-)*революция*, *контр*(-)*атака*, *пол*(-)*день*, *пол*(-)*дюжины*, *пол*(-)*доски*, *кафе*(-)*шантан* и др.); 9) слитное и раздельное оформление наречных сочетаний (*в*()*виде*, *на*()*ряду*, *в*()*придачу*, *в*()*ногу в*()*пух*()*и*()*прах*, *не*()*к*()*спеху*, *к*()*примеру*, *на*()*арапа*, *до*()*неузнаваемости*, *за*()*пазухой* и др.); 10) *и/ы* в корне после префиксов на согласный (*безы*(*и*)*дейный*, *безы*(*и*)*нициативный*, *безы*(*и*)*ндукционный*, *обы*(*и*)*нтел*(*л*)*игентиться*, *обы*(*и*)*звествление*, *поды*(*и*)*тожить*, *преды*(*и*)*стория* и др.) или на стыке двух префиксов (*безы*(*и*)*звестный*); 11) глаголы на *-енеть* со значением изменения состояния (*дереве*(*я*)*неть*, *леде*(*я*)*неть*, *стекле*(*я*)*неть*, *окосте*(*я*)*неть*); 12) отдельные слова (*будниш*(*чн*)*ый*, *стамез*(*с*)*ка*, *деревяж*(*ш*)*ка*, *ягд*(*т*)*аш*, *й*(*и*)*од*, *й*(*и*)*ота*).

«Самым больным» вопросом в истории русской орфографии С. П. Обнорский считает написания с *о*/*е*, поскольку специалистам «никак» не удается предложить норму, которая была бы «принята общественностью» [Доклад С. П. Обнорского. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. 70]. «Наилучшим» выходом стала бы, по его мнению, рекомендация писать в ударном положении букву *ё* (*чёрт*), но «эта вещь не жизненна типографски, да и мы сами бы две точки не писали, поэтому практически этот исход неприемлем» [Там же].

[3] «Мне не нужно говорить, как пестра практика нашей орфографии… и не только сейчас. Пестра она была еще в догротовскую пору, что и вызвало собственно деятельность Грота, стремившегося своими попытками внести упорядочение в области нашей орфографии» [Доклад С. П. Обнорского. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. Л. 8].

Целесообразным видится и отказ от исключений *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный* поскольку есть, например, прилагательные *кожаный*, *серебряный*, которые «нередко» произносятся с долгим *н* [Там же: Л. 30]. Для «полной» унификации написаний прилагательных, образованных от названий месяцев, также предлагается отказаться от исключения *январский* и утвердить *январь**ь**ский* [Там же: Л. 40].

Отмечается «непомерно выросший» корпус слитных написаний, когда любое сочетание, которое «сколько-нибудь можно осмыслить как приближающееся к наречию», стремятся писать слитно. Это привело к появлению таких «чудовищных для прежней орфографической традиции» написаний, как *досмерти* (устал), *присмерти* (лежать), *впух и впрах* (разбить), *донеузнаваемости*. Поскольку «осмыслить необходимость» слитного написания данных слов «очень трудно», приходится запоминать их подобно тому, как когда-то «приходилось заучивать *напамять* (слитно в статье — С. Н.) несколько десятков слов-корней, в которых писалась буква ять»[4] [Обнорский 1944: 35].

Академия наук в первое послереформенное десятилетие устранилась «от активного, руководящего участия» в решении спорных орфографических вопросов, поэтому за дело взялись издательства «сами по себе, по своей силе и по разумению»[5] [Обнорский 1934: 459]. Результатом такой стихийной и несогласованной работы издательств оказались многочисленные орфографические словари и справочники, инструкции и памятки. Их составители нередко шли собственным путем «рецептурных указаний», разрешая спорные вопросы «без всякого страха» и «принципиально ультимативным образом», что привело к «сгущению» еще большего разнобоя и «полной неразберихе» издательской практики в целом [Там же: 460].

В сфере внимания Академии наук орфографический вопрос вновь оказывается только в конце 1933 — начале 1934 гг. Поводом для его обсуждения становятся «большие разногласия» в нормах правописания, проводимых издательствами и, как следствие, непоследовательная и произвольная правка академических рукописей [Докладная записка об орфографии для Совета народных комиссаров СССР // АРАН. Ф. 456. Оп. 2. Д. 44. Л. 15–16]. Весной 1934 г. на сессии Отделения общественных наук С. П. Обнорский представляет доклад «Русское правописание и язык в практике издательств» (февраль, 1934 г.), где отмечает «пестроту» и «разноголосицу» в печатной продукции различных издательств. Московские издательства

[4] С. П. Обнорский считает целесообразным регламентировать раздельное написание наречных сочетаний: «Не надо давать ходу слитным написаниям, ибо это обедняет язык, потому что слитное написание говорит значительно меньше, чем соответствующее написание раздельное. При раздельном написании каждое слово как будто бы что-то говорит вам, тогда как в слитном написании это пропадает… После Я. К. Грота наблюдалась значительная тяга к написанию слитных слов, народилось громадное количество слов, которые стали слитно писать, несмотря на то, что, казалось бы, лучше было бы их писать отдельно» [Доклад С. П. Обнорского. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. 45–47].

[5] «Нам кажется, что в Советском Союзе едва ли можно найти две газеты, два журнала, два учебника и даже два орфографических словаря, правописание которых было бы абсолютно во всем сходно» [Иоаннисянц 1935: 38].

«ведут свою линию», ленинградские — свою, региональные тоже нередко «руководствуются своими индивидуальными принципами», а созданные ими «про себя» нормативные справочники иллюстрируют пословицу «Что город — то норов, что деревня — то обычай» [Обнорский 1934: 459, 462, 480].

Он был твердо убежден, что работа по нормализации правописания должна быть сосредоточена только в Академии наук как единственном учреждении союзного значения, компетентном в решении научных вопросов такого «масштаба» и значения. В качестве «неотложной задачи» указывается составление санкционированного властью академического справочника, чтобы наконец «положить предел свободному творчеству» в орфографии и обеспечить столь необходимое для школы и печати единство письма [Там же: 456, 481]. С этого момента при деятельном участии С. П. Обнорского орфографическая работа в Академии наук принимает системный характер.

Осенью 1939 г. С. П. Обнорский на собрании Отделения литературы и языка АН СССР выступает с докладом, где представляет подходы к нормализации правописания, которые, по его мнению, должны стать «отправной базой» всей орфографической работы. По своему содержанию это своеобразная декларация, впервые в истории орфографического движения XX в. представляющая четкую и обоснованную систему установок, обеспечивающих упорядочение разнобоя.

Во-первых, С. П. Обнорский характеризует русское правописание как выдержанную, внутренне целостную и экономичную систему письма, которая «не хуже, а лучше» многих европейских систем, поэтому «совершенно неправильно» полагать, что ее новое реформирование является «коренной, перманентно» стоящей перед специалистами проблемой[6] [Доклад С. П. Обнорского. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. 11]. Подготовка очередной реформы не оправдывается «жизненными требованиями сегодняшнего дня» [Там же]. В качестве главной задачи С. П. Обнорский называет «снятие того пласта в нашем правописании, который, в достаточной мере доставший до старины, выступает в нем раздваивающим, а потому осложняющим практику письма элементом» [Там же: Л. 8]. В орфографической работе необходимым «четкий» отправной момент: разнобой в оформлении отдельных слов или групп, только этот факт, а не мысли специалистов о желаемой и, возможно, даже более правильной норме правописания для уже устоявших случаев определяет необходимость нормализации[7] [Там же: Л. 12].

---

[6] «Можно, естественно, в порядке теоретических суждений, строить всяческие предположения о реформировании нашего письма, в частности, о реформировании графической системы нашего правописания, но все это не оправдывалось бы непосредственными жизненными требованиями сегодняшнего дня» [Доклад С. П. Обнорского. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. 11].

[7] «Теоретизирование над вопросами реформы письма, не наводимые непосредственными фактами колеблющихся написаний, было бы нерациональным и отвело бы нас от решения непосредственных, стоящих перед нами вопросов унификации правописания [Доклад С. П. Обнорского. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л.14].

Во-вторых, будущий Свод орфографических правил следует строить «на базе» декрета 1918 г., поскольку итоги реформы правописания 1917–1918 гг. не нуждаются ни в углублении, ни в пересмотре[8] [Там же: Л. 54].

В-третьих, следует «всегда «считаться» с морфологической «базой» русского письма и без необходимости ее не нарушать. Она имеет «громадное воспитательное значение» при обучении письму и языку, обеспечивая их сознательное усвоение [Там же: Л. 54]. Ее «огромное преимущество» заключается в способности объединять всех говорящих по-русски, независимо от произношения, и потому она должна быть признана «здоровым социальным» принципом [Доклад С. П. Обнорского о задачах Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (14.10.1939 г.) // АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. Л. 8–9]. Чем меньше было бы в орфографии отражений других принципов, тем меньше было бы всевозможных исключений, а сама система была бы «более цельной, прозрачной, легкой» [Доклад С. П. Обнорского. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. 14–15].

Опора на морфологической принцип предполагает особое внимание к прошлому языка, его историческим написаниям как «подсобному орудию», облегчающему правильное решение задачи нормализации письма. Так, колебание ***маче*(*и*)*ха*** необходимо регламентировать с **е**, так как именно в этой форме слово известно древнерусскому и старославянскому, а также современным славянским языкам. Слово ***ка*(*о*)*лач*** следует писать с ***о***, тем самым подчеркивая его историческую связь с ***коло***, ***колесо*** [Там же. Л. 16]. При этом необходимо понимать, что орфографические нормы не были неподвижными. Например, если известная в употреблении с XVIII в. старейшая форма слова ***порутчик*** с ***-тч-*** позднее сменилась формой ***поручик*** с ***-ч-***, то «конечно, оснований вспоминать о старейшем (пусть даже более правильном этимологически)» варианте написания слова нет [Там же: Л. 16].

В-четвертых, упорядочение должно опираться не на личные привычки и вкусы, но на «твердую и объективную почву» письменного языка предшествующих пятидесяти лет, учитывающую факты, взятые «на широком фоне непосредственных его носителей — писателей всех жанров», а не только свидетельства старых орфографических словарей, «вообще мало состоятельных» по ряду объективных причин [Там же: 19].

В-пятых, все вариативные написания «в подлинно орфографическом смысле» типа *идти* и *итти*, *зоря* и *заря*, *скворешник* и *скворечник*, *в конце-концов* и *в конце концов*, *на лицо* и *налицо* должны быть устранены. Их следует отличать от дублетных форм языка, например, *удвоивать* и *удваивать*, *затрогивать* и *затрагивать*, *канонизировать* и *канонизовать*, *зал* и *зала*, им. мн. числа *возы* и *воза*, иллюстрирующих «языковое многообразие» [Там же: 18].

---

[8] «Практическое значение реформы понятно само по себе: орфографическая система в результате проведенной реформы, конечно, стала более простой и более легкой для ее массового усвоения» [Обнорский 1934: 456].

Таким образом, нормализация послереформенного правописания призвана обеспечить такое единство нашего письма, которого «никогда в прежние времена не бывало» [Там же: Л. 42]. Утверждение «единой, без разнобоя» нормы, как подчеркивает С. П. Обнорский, должно стать «беспримерным явлением» во всей истории русского правописания [Там же: Л. 11].

Литература

Доклад С. П. Обнорского о задачах Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (14.10.1939 г.) // АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 156.

Доклад С. П. Обнорского. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР (27.11.1939 г.) // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 35.

Докладная записка об орфографии для Совета народных комиссаров СССР (акад. В. Л. Комаров, 04.06.1939 г.) // АРАН. Ф. 456. Оп. 2. Д. 44.

Записка Д. Н. Ушакова по поводу орфографических словарей (26.07.1933 г.) // АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 103.

Иоаннисянц С. А. О русском правописании в справочнике А. Б. Шапиро, М. И. Уарова // Большевистская печать. 1936. № 12. С. 69–70.

Обнорский С. П. Вопросы современной русской орфографии // Советская педагогика. 1944. № 11–12. С. 28–35.

Обнорский С. П. Русское правописание и язык в практике издательств // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1934. С. 455–483.

Филиппов Н. Н. Технико-орфографический словарь-справочник. Л.: Ленинградское областное издательство, 1933. 240 с.

S. V. Naumenko
Kansk Pedagogical College
(Kansk, Russia)
rgbsvnaum@mail.ru

S. P. OBNORSKY ON THE PROBLEMS OF NORMALIZATION OF THE ORTHOGRAPHIES OF THE POST-REFORM PERIOD (1917–1956)

The regulation characteristic of various spheres of social and industrial life of the Soviet state was reflected in the desire to create a generally binding spelling standard, in the development of which S. P. Obnorsky takes an active part. The article examines the scientist's views on the problem of normalization of spelling in the period after the reform of 1917–1918, the need for which is mentioned in a number of his works, clarifies the corpus of unstable spellings, and analyzes the causes of inconsistency and general disorder of writing. The most difficult to normalize is the spelling of o/e after hissing

consonants under stress, where it seems appropriate to regulate the use of the letter ё. Of particular concern is the unjustified growth of the corpus of merged spellings of the adverbial character, which led to the appearance of "monstrous" quasi-words. S. P. Obnorsky points out the failure of the requirements of the new simplification of spelling in order to "deepen" the results of the past reform, notes the danger of spontaneous attempts by central and regional publishers to independently regulate post-reform practice, emphasizing the fundamental importance of scientific, academic resolution of all controversial spelling issues, while relying on the morphological "base" of Russian spelling defined as a "healthy social" principle of normalization. Among the most important points of ordering disputed spellings attention to the historical past of the language, awareness of the mobility of spelling norms, taking into account the facts of written sources of different genres of the previous fifty years, the rejection of variable spellings and personal spelling habits are also called.

Key words: spelling, spelling reform of 1917–1918, disputed spellings of the post-reform period, principles of normalization, inadmissibility of spelling variants.

References

Doklad S. P. Obnorskogo *O zadachah Pravitel'stvennoj komissii po razrabotke edinoj orfografii i punktuacii russkogo jazyka* [Report by S. P. Obnorsky about the tasks of the Government Commission on the development of a unified spelling and punctuation of the Russian language] (14.10.1939 g.). ARAN. F. 502. Op. 3. D. 156.

Doklad S. P. Obnorskogo. *Stenogramma sobranija Otdelenija literatury i jazyka AN SSSR (27.11.1939)* [Report by S. P. Obnorsky. Transcript of the meeting of the Literature and Language Department of the USSR Academy of Sciences]. ARAN. F. 456. Op. 1. D. 35.

Dokladnaja zapiska ob orfografii dlja Soveta narodnyh komissarov SSSR (acad. V. L. Komarov, 04.06.1939) [Memorandum on spelling for the Council of People's Commissars of the USSR]. ARAN. F. 456. Op. 2. D. 44.

Filippov N. N. *Tehniko-orfograficheskij slovar'-spravochnik* [Technical and spelling dictionary-reference]. Leningrad: Leningradskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1933. 240 p.

Ioannisjanc S. A. *O russkom pravopisanii v spravochnike A. B. Shapiro, M. I. Uarova* [About Russian spelling in the reference book by A. B. Shapiro, M. I. Uarov]. Bol'shevistskaja pechat', 1936, no. 12. pp. 69–70.

Obnorskij S. P. *Russkoe pravopisanie i jazyk v praktike izdatel'stv* [Russian spelling and language in the practice of publishing houses]. *Izvestija AN SSSR, Otdelenie obshhestvennyh nauk,* 1934, pp. 455–483.

Obnorskij S. P. *Voprosy sovremennoj russkoj orfografii* [Questions of modern Russian spelling]. *Sovetskaja pedagogika,* 1944, no. 11–12, pp. 28–35.

Zapiska D. N. Ushakova po povodu orfograficheskih slovarej (26.07.1933) [Note by D. N. Ushakov on spelling dictionaries]. ARAN. F. 502. Op. 3. D. 103.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Н. В. Николенкова
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
natanik2004@mail.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ СОВМЕЩЕНИЯ ДВУХ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУКОПИСНЫХ ТЕКСТАХ XVIII В.

В статье рассматривается графико-орфографическое оформление рукописных текстов конца XVIII в., содержащих фрагменты слов и бесед Василия Великого. После введения Петром I гражданского шрифта разрушается система орфографических правил, сложившаяся в церковнославянском языке и зафиксированная в церковнославянских грамматиках. Опубликованные на гражданице тексты, в том числе и сочинения Василия Великого (в 1782 г. в Университетской типографии изданы «Беседа, или Слово нравоучительное о пиянствующих», «Беседы на Шестоднев»), не включают элементов церковнославянской орфографии. Рукописные источники XVIII в., представляющие собой копии различных печатных изданий и рукописей, редко становились предметом лингвистических исследований, однако нам удалось обнаружить, что пишущие стремятся восстановить некоторые правописные нормы церковнославянской грамматики, хотя делают это непоследовательно. В части исследованных нами текстов мы обнаруживаем лишь отдельные церковнославянские элементы (к примеру, сокращения слов с помощью знака «титло»), в других их больше, однако лишь немногие наши авторы отражают в своих текстах знание хотя бы отдельных правил церковнославянской орфографии (например, дистрибуция букв «о» и «ѡ»). По всей видимости, можно предполагать, что включение отдельных церковнославянских графико-орфографических элементов кажется пишущим подобные тексты важным маркером содержания этих сочинений, их отношения к религиозному дискурсу.

Ключевые слова: история письменности, орфография XVIII в., церковнославянская орфография.

Смешение двух разных орфографических систем в тексте считается невозможным: это создает проблему для читающего, ибо текст нельзя оценить как грамотный или неграмотный. Известно, что при введении новой орфографии Циркуляром

Министерства народного просвещения № 6717 от 22 июня 1917 г. подчеркивалось, что «беспорядочное смешение обеих систем не может быть допускаемо как противоречащее осуществлению реформы в целом ее виде и разрушающее в основе самую идею правописания» [Григорьева 2004: 291]. Не принято рассматривать как позитивное явление и распространенное сегодня проникновение в письмо элементов дореволюционной орфографии, когда происходит путаница графем и неуместное смешение правописных норм [там же: 235–236].

Изучение рукописного наследия второй половины XVIII в. показывает, что существуют тексты, авторы которых считали возможным совмещение двух орфографических систем, при этом, как нам кажется, уровень восприятия их не ухудшается, а вопрос о характере грамотности не поднимается. Таковыми являются рукописи второй половины XVIII в., где совмещаются правописные принципы гражданицы и некоторые элементы церковнославянской орфографии, с которой авторы таких текстов знакомы, хотя и не вполне точно.

Особые взаимоотношения между двумя орфографическими системами (церковной кириллицей и гражданицей) складываются в XVIII в. Введенная Петром I гражданица первоначально была ярким маркером различия книг сакрального и светского содержания. В первой половине века Синодальная типография продолжает издавать книги кирилловской печати, следуя нормам церковнославянской орфографии, основные каноны которой были определены московским изданием грамматики [Грамматика 1648]. Гражданица же оказывается основой для книг светского содержания. Ко второй половине XVIII в. объем текстов на гражданице увеличивается, их начинает печатать и Синодальная типография: издаются проповеди, в 1794 г. выходит «Нетленная пища, или Душеспасительные размышления, на Священном Писании основанные» ректора Астраханской семинарии Сильвестра Лебединского; в 1800 г. — «Сокращение ифики христианския»; в типографии при Синоде издан «Географический словарь Нового завета» Л. Ф. Людоговского и т. д. По наблюдениям [Кислова 2011: 87–88], ближе к концу XVIII в. происходит перераспределение в практике издания проповедей: в гражданице публикуются вновь составленные тексты, а классические произведения, сочинения Св. Отцов публикуют преимущественно в церковной кириллице. Однако некоторые сочинения Василия Великого изданы в конце XVIII в. гражданским шрифтом: «Беседа, или Слово нравоучительное о пиянствующих», «Беседы на Шестоднев» (Университетская типографии, 1782 г.).

Мы рассматриваем в данной работе комплект рукописей, хранящихся в РГБ[1], которые содержат различные фрагменты сочинений Василия Великого. Первая рукопись OR Ф.173.4 № 186–34 листа, содержащая Беседы Василия Великого (к примеру, на святое Христово рождество; о Святом Духе и т. д.); относится к концу XVIII в. (далее о ней — *Беседы-1*). Рукопись OR Ф.173.4 № 189, датированная последней четвертью XVIII в., состоит из 26 листов, содержит Беседы Василия Великого на слова: внемли себе, на мученицу Иулитту, беседу во время суши и глада

[1] https://dlib.rsl.ru/viewer/

говоренную (далее — *Беседы-2*). Рукопись OR Ф.173.4 №191К (60–80 гг. XVIII в.) содержит девять Бесед Василия Великого на Шестоднев в переводе Софрония Младеновича (далее — *Беседы-3*). К тому же периоду принадлежит рукопись OR Ф.173.4 №190 — Толкования Василия Великого на псалмы, состоит из 121 листа; в рукописи много помет и исправлений, нас будет интересовать первоначальный, неправленый текст (далее — *Толк*). Самой большой по объему (184 листа) оказалась рукопись OR Ф.173.4 №188 последней четверти XVIII в., содержащая Беседы Василия Великого на «внемли себе», на день мученицы Иулитты, на «то, что Бог не есть причина злых» и т. д. (далее — *Беседы-4).* Все пять исследованных рукописей написаны с ориентацией на гражданский шрифт, но в той или иной мере включают элементы церковнославянской орфографии.

Графическая реформа Петра не только привела к отказу от ряда букв и диакритических знаков, но и сделала невозможным выполнение целого ряда орфографических канонов. Так, устранение графемы «ѡ», знака «е широкое» (**є**) разрушает принцип антистиха, на котором базируется церковнославянская орфография; уходит принцип разграничения форм единственного и множественного числа, отличия падежной формы существительного от формы прилагательного, различия окончаний родительного и винительного падежей имени прилагательного [Кузьминова 2007: 526–529]. Гражданица предполагала первоначально и отказ от позиционного разграничения графем «і» и «и» (хотя в правленной Петром I азбуке 1710 г. «и» вернулась в алфавит [Живов 2017: 938–939]). Вместе с тем в гражданице активно соблюдаются некоторые правила, сформулированные в грамматиках церковнославянского языка, но не востребованные в церковных изданиях; к примеру, в течение XVIII в. упорядочивается использование прописной буквы.

Обратимся к исследованным рукописям и рассмотрим, какие элементы церковнославянской графико-орфографической системы оказались в них отражены, а какие проигнорированы пишущими.

В первую очередь не отражено различие графем для [е]. Позиционный принцип церковнославянской орфографии («е широкое» употребляется в абсолютном начале и конце слова) и разные начертания буквы, используемые для устранения омонимии форм единственного и множественного чисел [Кузьминова 2007: 522], не соблюдаются авторами. К примеру, писец Бесед-3 использует два варианта начертания («е» и «ε»), но распределения их по правилу не отмечается*: лучєй, божє, опущающіе, творєцъ* (им. п. ед. ч.), *повєлѣніе сіє* (21 об.), *устроеніе* (25 об.). На некоторых листах мы можем отметить стремление к использованию «ε» в начале слова: *єлей, єстєство* (21 об.), но далее и в начале слова пишущий употребляет вариант «е»: *есть, единороднаго, естеству* (28). В Беседах-2 пишущий выбирает иную стратегию: в основном тексте он использует начертание «е», но некоторые фрагменты пишет крупнее и использует «ε»: *внємли сєбѣ* (2 об. — 3 при одном «*внемли сєбѣ*»). Бессистемно употребляет оба начертания автор Бесед-4: *земля, терніє, повєлѣно, тебѣ, чрезъ, удовлєтворяй, моє, нє, пребываніє, чєловѣкъ, Ангеловъ, человѣческіе, ниже, не, прєдлагаєтъ, безсиліємъ, обремєненный* (2 об. — 3), при этом можно наблюдать единообразное написание в начале некоторых слов: *єсть, єго,*

єще/є. Рукопись Толк написана несколькими писцами, один из них выбирает начертание «є»: *ввєду, животєнъ, возвєду, єсмь, понєжє, по єстєству* (26 об.); другой использует вариант «е»: *предстанутъ, рече, предъ, писаніе* (27). Рукописью с наибольшим количеством церковнославянских орфографических особенностей будут *Беседы-1*, однако пишущий полностью отказывается от идеи распределения двух вариантов графем и использует только вариант «є».

Можно констатировать, что пишущие знают о том, что в церковнославянской орфографической системе есть правило дистрибуции двух начертаний обозначения [е]; известно правило позиционного распределения этих начертаний. Однако навыка точного использования церковнославянского правила пишущие не имеют.

Другим отличием гражданицы от церковнославянской графической системы будет начертание букв «ѧ» и «я». Гражданица полностью отказывается от первого варианта и утверждает в алфавите начертание «я». Именно его используют авторы наших рукописей: *притворяяся, взялъ, готовящихся* (Толк, л. 9 об.); *раскаляется, горящей, сидя, девять* (Беседы-4, л. 5); *единыя, отягощяется, изрядномъ* (Беседы-2, л. 3 об.); *вящшєє, настоящій, божія воля* (Беседы-3, лл. 25 об. — 26).

Автор Бесед-1 пытается ввести «ѧ», но не может отказаться и от «я», результатом чего становится смешение букв: *раст҃льваѧ, ѡскверняя, ѡбявлю, прєходя, древнѣйшыѧ, помышляемъ, дымящеюся, законополагаяй, пребывая, с҃тыѧ, рожденіѧ, описанія, своея, чл҃вчєскія* (лл. 1 об. — 3). Кроме того, автор Бесед-1 вводит в свою рукопись ꙗ. По правилу церковнославянской орфографии такое начертание используется в начале слов («ѧ» же «в началѣ токмѡ въ единомъ ѿ именъ, идѣ же ґ҃лєтсѧ оудъ тѣлесный, ѧзыкъ» [Грамматика 1648: 55]). В Беседах-1 мы видим стремление выполнить указанное правило*: ꙗвившаяся, ꙗкѡ/о, волсви движутся ѿ ꙗзыкѡвъ, ꙗзву, ꙗковъ* (лл. 7 об. — 9 об.); однако на этих же листах находим *явися, язычникѡвъ* (через строчку *ꙗзычникѡвъ*). Отметим, что автор этой рукописи не может соблюсти правило о распределении ꙗ/ѧ в омонимах, ориентируясь лишь на позиционный принцип распределения графем: *цвѣтетъ моє ср(д)це, и кипитъ оумъ мой, но ꙗзыкъ краткій* (л. 8). Таким образом, выполнение всех правил церковнославянской орфографии оказывается сложным и для этого пишущего. Отметим, что букву ꙗ эпизодически использует первый писец Толк для лексемы *ꙗко*, хотя в целом эта рукопись наименее отражает церковнославянскую графику.

В московской грамматике 1648 г. и далее в церковнославянской орфографии используются графемы «оу» и «ѹ», графема «у» находится на периферии орфографической нормы [Кузьминова 2007: 529]. В гражданице используется только «у», хотя первоначально предполагался и вариант «ѹ» [Кузьминова, Николенкова, Пентковская 2019: 51–52]. В наших рукописях картина достаточно пестрая. В Беседах-2 используется в основном «у», изредка в позиции конца слова появляется «ѹ»: *другу, меньшему, сторону, уменьшеніе, разуму, мощну, безсильну, управленіе* (л. 3 об). При этом пишущий оригинально оформляет букву «ю», сочетая знак йотации и «ѹ».

Автор Бесед-4 использует только вариант из гражданицы: *ума, уже, будучи, непостоянству, разума, глубокую, надежду* (16 об.). Ту же позицию выбирает

пишущий Беседы-3. Писцы Толкований на псалмы (Толк) также выбирают вариант «у» в 99 % случаев, однако эпизодически мы встречаем знак «γ»: *діаволγ* (4 об).

Иной позиции придерживается писец Бесед-1. Знак «γ» используется в середине и в конце слов, в начале употребляется «оу» вполне в соответствии с нормами церковнославянской орфографии: *оучастницею, бж(с)твγ, приписγеши, безстрастномγ, оубіетъ, солнцγ же согрѣвшγ, оукрѣпитися, оумъ, оучастницею* (2 об. — 5). Эпизодически начало слов в Беседах-1 оформлено графемой «у»: *убω* (1), *устранившейся* (3).

Сложным церковнославянским орфографическим правилом является использование букв «о» и «ω». Отказ от второй из них в гражданице упразднил и позиционное распределение этих графем, и принцип антистиха для разграничения ряда форм [Грамматика 1648, 52 об. — 53 об.; Кузьминова 2007, 526–529]. Можно считать, что отказ от «ω» был первым в истории русской письменности упрощением графико-орфографической системы; очевидно, что возвращение к дифференциации двух букв должно быть для пишущего сложным шагом. Неудивительно, что четыре из рассмотренных нами рукописей используют только графему «о», не пытаясь следовать церковнославянским орфографическим правилам.

И только в Беседах-1 мы видим стремление использовать «ω», опираясь на орфографические каноны Грамматики 1648 г. В первую очередь отметим стремление следовать правилам оформления начала слова: «ω» начинает слова, где есть префиксы «ωб» и «ω», что заявлено канонами [Грамматика 1648] (*ωбявлю, ωбладаетъ, ωбрученнѣй, изωбрєсти, ωчистисѧ, ωсквернившаѧ, пре^д^ωпредѣлєнное, ωчистишися* и т. д.). Выполняет пишущий правило использования «ω» в окончаниях дательного и родительного падежей мн. ч.: *ґлωвъ, клєвєтникω^м^, ѿ ѩзыкωвъ, врагωвъ, ωбразωвъ, волхвωвъ*; единожды отмечено использование «ω» в корне род. п. мн. ч.: *волсви ѿ востωкъ пріидоша* (5 об.); регулярно используется «ω» в окончании род. п. ед. ч. прилагательных: *ѿ сегω чл҃ка*, *ѿ Гда Бга твоегω.* Церковнославянская орфографическая норма требует распределения этих графем в наречиях («ω») и в кратких прилагательных ср. р. («о»), однако в этом правиле пишущий не уверен: *невозможнω, кроткω, неразсγднω — безсмертно, непрєложно* (наречия), *желѣзо черно и хладно єсть.* Таким образом, пишущий владеет нормами церковнославянской орфографии, а использование принципа антистиха в тексте позволяет ему в первую очередь настроить читателя на правильное восприятие церковнославянской формы род. п. мн. ч. *ѿ востωкъ* (в тексте несколько раз) и фактически приготовить читателя к правильному ее прочтению.

Ярким отличием гражданицы и церковнославянской орфографии будет использование в последней сокращений, выносных букв и диакритических знаков. Здесь наш комплект рукописей демонстрирует следующее распределение: минимальный набор всех этих средств в Беседах-3, лишь несколько раз, да и то в ситуации конца строки, пишущий использует выносную букву: *єллински^х^.* В Беседах-4 сокращений нет, число выносных букв минимально, чаще всего выносится «з» в приставке: *ра^з^стояніи.* Автор Толк на первых страницах использует сокращения: *нбнаго, гда іиса, ст҃ымъ,* но далее отказывается от этой церковнославянской традиции

и переходит к полному употреблению (в том числе *богъ, господь*). В Беседах-2 сокращается сакральная лексика: *Бж҃ій, Бг҃а, Бг҃омъ*, титло может ставиться и над полным написанием: *Агг҃еламъ.* Что касается выносных букв, они возможны, к примеру, в суффиксах: *дарованⁿымъ.* Автор Бесед-1 широко использует и сокращения, и выносные буквы: *чл҃ковъ, бг҃а, гл҃и, сн҃а, гᶜдня* и т. д., пользуется он и диакритикой.

Итак, авторы рукописных текстов сакрального содержания в конце XVIII в. позволяют себе орфографический эксперимент. При ориентации на гражданскую графику они в большей или меньшей степени вводят в свои рукописи элементы церковнославянской графики и орфографии. Сложности с восприятием текста у читателя не возникает, поскольку ситуация с публикацией текстов сакрального содержания полностью гражданицей в этот период еще окончательно не сформирована. Заметим, что анализ привлеченных источников позволяет связать насыщенность церковнославянскими графико-орфографическими элементами с языковым оформлением текста: при большем количестве грамматических церковнославянизмов появляется необходимость в использовании церковнославянских орфографических правил.

Любопытно, что сегодня стали появляться печатные издания, авторы которых неожиданно и с непонятными целями начали использовать смешение двух орфографических систем — современной и дореформенной. К примеру, в издательстве «Алетейя» в 2017 г. опубликована монография А. В. Крамера «Раскол русской церкви в середине XVII века», автор которой использует написание *мір, в міре, міровая война* (не в цитатах, а в собственном тексте). Однако в отличие от описанного нами смешения систем в рукописных источниках такая авторская орфография лишь удивляет читателя.

Литература

Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв) : монография. М. : Элпис, 2004. 456 с.

Живов В. М. История языка русской письменности : монография. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 1285 с.

Кислова Е. И. «Гражданское» и «церковнославянское» издание проповедей в XVIII в.: к вопросу о статусе двух типов орфографии // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 15. СПб., Самара : 2011. С. 78–89.

Кузьминова Е. А. Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисловие, науч. комментарий, подг. текста и сост. указателей Е. А. Кзьминовой. М. : МАКС пресс, 2007. С. 493–612.

Кузьминова Е. А., Николенкова Н. В., Пентковская Т. В. История русской орфографии и пунктуации с древнейших времен до эпохи реформ : учебное пособие. М. : МАСК Пресс, 2019. 144 с.

[*Смотрицкий М.*] Грамматика. М. : Печатный двор, 1648. 776 с.

N. V. Nikolenkova
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
natanik2004@mail.ru

ABOUT THE POSSIBILITY OF COMBINING TWO SPELLING SYSTEMS: CHURCH-SLAVIC ELEMENTS IN MANUSCRIPT TEXTS XVIII CENTURY

The article examines the graphic and spelling design of handwritten texts of the late 18th century, containing fragments of words and conversations of Basil the Great. After the introduction by Peter I of the civil type, the system of spelling rules that had developed in the Church Slavonic language and recorded in the Church Slavonic grammars was destroyed. The texts published by the citizen, including the works of Basil the Great (in 1782, the University Printing House published “Conversation, or the Moral Word about the Drinking”, “Conversations on Six Days”), do not include elements of Church Slavonic spelling. Handwritten sources of the 18th century, which are copies of various printed editions, rarely became the subject of linguistic research, but we managed to find that the writers seek to restore some of the spelling norms of Church Slavonic grammar, although they do this inconsistently. In some of the texts we have studied, we note only individual Church Slavonic elements (for example, abbreviations of words with the help of titlo), in others there are more of them, however, only a few of our authors reflect in their texts knowledge of at least certain rules of Church Slavonic spelling (for example, the distribution of the letters "о" and "ω"). In all likelihood, it can be assumed that the inclusion of certain graphic and orthographic Church Slavonic elements seems to those who write such texts to be an important marker of the content of these works, their relationship to religious discourse.

Key words: history of writing, spelling of the 18th century, Church Slavonic spelling.

References

Grigor'eva T. M. *Tri veka russkoi orfografii (XVIII–XX vv.)* [Three centuries of Russian spelling (XVIII–XX centuries)]. Moscow, Jelpis Publ., 2004. 456 p.

Kislova E. I. ["Civil" and "Church Slavonic" edition of sermons in the 18th century: on the question of the status of two types of spelling]. *Problemy izucheniya russkoi literatury XVIII veka. Vyp. 15* [Problems of studying Russian literature of the 18th century. Edition 15]. SPb., Samara, 2011, pp. 78–89. (In Russ.)

Kuz'minova E. A. [Scientific commentary]. *Grammatika 1648 g.* [Grammar 1648]. Moscow, MAKS press Publ., 2007, pp. 493–612.

Kuz'minova E. A., Nikolenkova N. V., Pentkovskaya T. V. *Istoriya russkoi orfografii i punktuatsii s drevneishikh vremen do epokhi reform* [History of Russian spelling and punctuation from ancient times to the era of reforms]. Moscow, MAKS press Publ., 2019. 144 p.

(Smotritskii M.) *Grammatika* [Grammar]. Moscow, Printing yard Publ,1648. 776 p.

Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti* [History of the language of Russian writing]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ, 2017. 1285 p.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Редакция сочла полезной републикацию в выпуске, посвященном орфографии, двух работ классиков отечественной русистики — статьи Г. О. Винокура «К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века. (Словарь Академии Российской, 1788–1794)» и фрагмента из предисловия к приложению «Имена собственные» в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка. В статье Г. О. Винокура автор на основании собранного богатого материала показывает, как Словарь Академии Российской, широко отражая противоречия, существовавшие в языковом употреблении своего времени, шел к единой общенациональной языковой норме, поиски которой составляют основное содержание истории русского письменного языка, начиная с 30-х годов XVIII века. В предисловии к приложению «Имена собственные» в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняк пишет, что имена собственные, которые являются важной составной частью лексического фонда языка, в соответствии с давней лексикографической традицией практически не представлены в словарях. Представляется, что принципы отбора имен собственных для словника Грамматического словаря, проблемы вариативности ударения и фонетического состава слова, разнонаправленные тенденции, которые действуют при выборе того или иного произносительного варианта имени, могут быть в полной мере применимы и к словникам орфографических словарей, и к представлению в словарях орфографических вариантов имен собственных.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

Г. О. Винокур

К ИСТОРИИ НОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕ XVIII ВЕКА (СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ, 1788–1794)*

Письменные памятники двояко отражают историю языка, на котором они написаны, — пассивно и активно, или объективно и субъективно, в зависимости от того, дают ли они историку материал только для воссоздания соответствующей языковой системы или же, сверх того, так или иначе свидетельствуют также об оценке употребляемых фактов языка со стороны составителя текста. Этот субъективно-активный, оценочный момент может проявляться в тексте в самой разнообразной форме, и почувствовать его — дело исследовательского такта. Но нередко он и прямо обнаруживается в догматически-нормативной форме, как это видим, в первую очередь, в грамматических руководствах и словарях. Именно этой своей открыто нормативной стороной грамматики и словари и привлекают обычно внимание историков языка. В этих источниках историк языка ищет преимущественно ответа на вопрос о том, как переживались факты языка в известную пору его развития носителями и законодателями языкового употребления. Такого рода исследования обладают большой ценностью, однако лишь при том непременном условии, что нормы, утверждаемые законодателями языка, составителями грамматик и словарей, не отожествляются без должной критики с объективным состоянием языкового употребления, как оно устанавливается прямым анализом засвидетельствованных фактов языка. С этой стороны, как мне кажется, значительный научный интерес представило бы такое изучение памятников названного рода, которое избрало бы себе целью сопоставить языковые нормы, устанавливаемые составителем памятника, с его же собственным языковым употреблением, то есть проверить, в какой степени предписания грамматик и словарей гармонируют с их

* Работа впервые опубликована в «Вестнике Московского университета» в 1947 г. (№ 5, с. 27–47), печатается по собранию сочинений: *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку / [АН СССР, Отделение лит. и яз.; работа по редактированию выполнена С. Г. Бархударовым]. М. : Гос. учебно-пед. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1959. С. 162–187, аннотация — по первой публикации. В настоящем издании исправлены выявленные в источнике очевидные опечатки и более последовательно, чем в публикации, подготовленной С. Г. Бархударовым (см. выше), пунктуация приведена к современным нормам. Отметим также, что текст статьи, обнаруженный нами в интернете, содержит множество ошибок (прежде всего в примерах и в выборе шрифтовой разметки). {Примеч. ред.}

собственным языком и обратно. Небольшой опыт такого рода в применении к выдающемуся памятнику русской лексикографии — Словарю Академии Российской и предлагается здесь вниманию читателей.

Словарь Академии Российской тем более заслуживает именно такого изучения, что он явился в эпоху, особенно ярко характеризующуюся поисками языковой нормы и общим стремлением к регламентации языкового употребления. XVIII век в России есть пора выработки книжного языка нового типа, который должен был заменить собой старую книжную речь, имевшую своим основным источником язык церковных книг. Книжный язык естественно тяготеет к единообразию, в особенности в области внешних форм, и в первую очередь — в области правописания. Общеизвестно, что устойчивого правописания у нас в XVIII веке не было. Между тем стремление к такой устойчивости несомненно существовало. Отразилось ли, и в какой степени, это стремление в Словаре Академии Российской, этом монументальном труде, в составлении которого приняли участие, без сомнения, лучшие представители тогдашней русской образованности? Какое вообще место можно отвести этому Словарю в истории создания внешних норм русского книжного языка послепетровского времени? Вот вопросы, для решения которых, может быть, небесполезными будут сообщаемые ниже данные.

Составители Словаря, несомненно, сознавали, что предпринятый ими труд должен иметь практически-нормативное значение. Правда, основное внимание составителей было обращено на собственно лексическую сторону языка, на выбор слов, помещаемых в Словаре, на надлежащее истолкование значений слова, на установление словопроизводных связей между словами и т. д. Но их, несомненно, занимали также вопросы словоизменения и произношения, а тем самым и правописания, что нашло себе отражение как в продолжительных порой спорах в их среде по данному кругу вопросов (см. Сухомлинов, История Российской Академии, VIII, 146–148), так и в самом тексте Словаря. Нужно тут же заметить, что составители Словаря отнеслись к этой стороне своей задачи с большим тактом и сумели избежать претенциозного догматизма, в который, казалось бы, так легко было впасть в предприятии подобного рода в обстановке общей неустойчивости письменных норм языка того времени. Но с другой стороны, это сообщило всему их труду известные противоречивые свойства, в значительной степени еще и потому, что в среде членов Российской Академии в это время не было профессиональных языковедов (ср. Сухомлинов, 141), составители Словаря отказались от попыток прямого вмешательства в систему внешних норм литературной речи. Они предпочли положиться в данном отношении на авторитет Ломоносова, избрав его грамматику и, соответственно, правописание церковных книг отправным моментом своей работы в надежде, что именно их работа и выяснит основания для более обстоятельного решения вопроса в будущем. В предисловии к Словарю (I, XIII) поэтому читаем: «Хотя Россійское правописаніе въ краткихъ содержится правилахъ, однако много въ ономъ зависитъ отъ употребленія. Часто мѣшаютъ *а* съ *я* (так!)[1], *з* употребляютъ

[1] В этом месте в источнике пропущено: *е* съ *я*. {Примеч. ред.}

вмѣсто *с* и *с* вмѣсто *з*, и проч.: то Академія почла за нужное слѣдовать въ Словарѣ своемъ правописанію книгъ церковныхъ, пока сей же самый трудъ откроетъ ей довольные способы къ утвержденію единожды навсегда правилъ правописанія». Сходным образом говорится и о произношении: «Различное произношеніе и удареніе словъ по разности областей Академія тщилася сообразить по выговору въ столицахъ употребляемому, наблюдая удареніе въ книгахъ Славенскихъ принятое, доколѣ не будутъ открыты точныя и на сие правила» (ib.).

Несмотря на содержащееся в приведенных выдержках признание необходимости установить общую правописно-произносительную форму, здесь в то же время отчетливо проступает осторожное отношение к объективному состоянию наличного употребления. «Не правила языкъ раждаютъ, — говорится в другом месте предисловия (стр. VI), — но изъ употребленія онаго извлекаются правила». Таким образом, позиция составителей двойственная и осмотрительная: они хотели бы вывести норму из наличного употребления, но не решаются взять на себя ответственность законодательной работы, заменяя ее ссылкой на известную традицию авторитета. Именно в этом особый интерес текста Словаря для историко-лингвистического изучения. В нем нет прямо и открыто провозглашаемой нормы. Но в нем есть возможность угадывать тот идеал языкового употребления, по направлению к которому движутся составители Словаря сквозь богато отражаемые ими языковые противоречия своего времени. Изучение этих противоречий и намечающегося из них выхода на нескольких примерах и составят предмет дальнейшего изложения. Для этой цели избираются некоторые явления правописания, связанные, с одной стороны, с фактами фонетики, а с другой — с фактами морфологии. Изучению было подвергнуто несколько сплошных кусков текста Словаря (в отдельных случаях до 100 и более столбцов подряд) на протяжении всех шести его томов. Так как в дальнейшем придается большое значение тому, в какой части текста находится наблюдаемая форма, то при ссылках ставятся пометы: *т*. — для форм, извлекаемых из объяснительного текста Словаря, *з*. — из заголовков словарных статей, *п*. — из иллюстративных примеров.

1. В ограниченном числе случаев в правописании Словаря наблюдаются колебания между буквами *а, о* в безударных слогах, большей частью — предударных. Некоторые из относящихся сюда случаев производят впечатление опечатки, например: *дабавляемая* I 70 т. наряду с *добавка, добавляю, добавочный* и т. д. ib. з. или *фіалетоваго* I 29 т. рядом с *фіолетоваго* I 77 т., *фіолетовый* VI 491 з., хотя не исключена также возможность того, что здесь сказалось влияние слова *фіалка*. Может быть, опечаткой следует считать также *раскошныя* III 1135 т., ср. *роскошный* и другие слова того же гнезда V 165 з. Но и самые опечатки этого рода имеют своей почвой, несомненно, акающее произношение, которым объясняются также и те случаи колебаний в употреблении букв *а, о* в безударных слогах, где нет повода для предположения опечатки. В частности, акающее произношение создавало неуверенность в этимологии слова, а кроме того, облегчало смешение русского и церковнославянского вариантов слов известного рода. Так, в некоторых случаях в Словаре уже и заглавное слово словарной статьи приводится

в двояком написании, например: *каблукъ или коблукъ* III 351, *канатъ или конатъ* III 424, *стоканъ или стаканъ* V 740, *таваръ или товаръ* VI 5[2]. Интересно, что при слове *каблукъ или коблукъ* уменьшительное в заглавии статьи приводится только в написании *каблучекъ*, но в примере тут же читаем: *Сапоги, башмаки на каблучкахъ, на коблучкахъ*. Далее производные от этого слова в заглавиях статей приводятся в написаниях через *а*: *каблучокъ, каблучный, закаблучье*, но: *коблучки* (*по обстоятельствамъ надѣваю или снимаю съ птицъ коблучки, дабы сдѣлать ручными*)[3], и в этой последней статье слово *коблучокъ* трижды употреблено только в написании с буквой *о*. В этом случае, следовательно, трудно усмотреть какую-нибудь руководящую линию орфографической практики составителей Словаря. Но все же интересно, что при двойственном написании заглавного слова *стоканъ или стаканъ* уменьшительное *стаканчикъ* и пример: *стаканъ хрустальной, золотой, серебряной* выдержаны в написании только с *а*. При таком же двойственном написании слова *таваръ или товаръ* (ср. в примерах: *мѣлочной товаръ*, но: *яловочной таваръ, разкласть тавары на прилавокъ*) производные приведены только в написаниях с *а*: *таварный, таварищъ, таварищевъ, таварищескій, таварищество, таварищески, сотаварищъ* и т. д. В написании же основного слова продолжаются колебания и за пределами самой статьи, посвященной этому слову: ср. *таваровъ* I 487 т. при *товаръ* ib. т. п. Ср. *тарелка или торелка* V 28, но в производных и примерах только написания с *а*. При написаниях *ладонъ, ладонный* в заглавиях словарных статей III 1127 вне текста самых статей, посвященных этим словам, наряду с *ладонъ, ладону* III 357 т. можем найти и *ладаномъ* III 356, 357 т.

---

[2] В источнике шрифтовое оформление цитат из Словаря упрощено: элементы словарной статьи (заголовочное слово, варианты написания, стилистические и грамматические пометы и др.) даются последовательно строчными буквами и непоследовательно курсивом. Ср. оформление в статье с подачей в Словаре:

КАБЛУ́КЪ, или Коблу́къ, ка̀, и умал.
Каблучекъ, чка̀. с. м. Подпятокъ де-

В настоящей публикации шрифты в цитатах даются в более упорядоченном виде, чем в источнике, что позволяет избежать смешения авторского текста и текста цитат из Словаря и не нарушает смысл. Купюры в цитатах из Словаря (чаще всего это финали, стоящие после заголовочного слова и грамматические пометы) вслед за автором мы никак не отмечаем, так как они не имеют значения для содержания статьи. {Примеч. ред.}

[3] В Словаре слово *каблучокъ* помещено в статью «Каблукъ» со значением «въ птицеловной охотѣ означаетъ колпачекъ, которой надѣваютъ птицамъ на голову для учиненія ихъ ручными». Словари 19 в. отражают не только собственно орфографические, но и произносительные колебания формы данного слова, ср.: «**клобучекъ**… 1) колпачекъ, надѣваемый на голову ловчихъ птицъ. Тоже (так в словаре. — *Ред.*), что каблучекъ» [Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академией наук: в 4 тт. Т. II. СПб. : в тип. Академии наук, 1847. Ст. 6.]; «**Каблучо#къ** [-чка#, м.] умал. [слова *каблукъ*]. *Высокъ каблучокъ, да надломился на бочокъ*. || Суконный или кожаный колпачокъ (клобучокъ), надѣваемый на голову ловчихъ птицъ» [Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. URL: http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068]. {Примеч. ред.}

Особенно отчетливо сказалась разная орфографическая установка составителей Словаря в зависимости от того, находится ли данное слово в составе статьи, именно ему посвященной, или же в тексте Словаря вообще, в правописании слов, производных от *норовить*. На протяжении текста Словаря эти слова обычно пишутся с *а*, например: *снаравливаю* II 5 т., *снаровка* II 6 т.; *принаровка* ib., *принаравливаю* III 1130 т., *принаравливаюсь* III 1131 т., *принаровленный* III 1132 т., *принаравливаться* IV 558 т. Однако в своем собственном словарном гнезде, вслед за словом *норовъ* IV 561, все эти слова как в заглавиях, так и в примерах последовательно пишутся только с *о*: *норовлю* з., *онъ ему все норовитъ* п., *изноравливаю* з., *изноровивши время* п., *изноровка, поноровить, поноровка, поноровщик, поноравливаю, приноравливаюсь, сноравливаю, сноровка, уноровка*. В этом случае объективно имеем дело с закреплением известного орфографического варианта, который с течением времени оказался вошедшим в общенациональную норму. То же отношение наблюдаем между *салдатскіе мундиры* I 30 т., s. v. *аммуниція*, и *солдатъ, солдатовъ, солдатскій, солдатчина* V 639 з. п. Несколько иного характера колебание между *аладья* I 19 и *оладья* VI 627. В обоих написаниях это слово помещено в соответствующих алфавитных местах, но толкование дано при первом из них, а при втором находим лишь ссылку на первое, из чего с некоторым правом можно заключить, что более свойственным норме Словарь считает написание этого слова с *а*.

В других случаях, как уже сказано, колебания написаний с *а, о* имеют своим дополнительным источником двоякую языковую традицию — народную русскую, с одной стороны, и церковнославянскую — с другой. Однако большого значения этой стороне дела в объяснении описываемых орфографических колебаний придавать не следует. Например, при заглавном слове *ла́коть* III 1135 находим помету: *Сл.* [*авенское*], *просто же локоть*. Уменьшительное, как и ожидаем, дано в написании *локотокъ*. Соответствуют ожиданиям и производные в написаниях: *налакотникъ, облокачиваюсь*. В примерах же s. v. *ла́коть — ло́коть* находим: *опереться на локоть; стѣна, столпъ имѣет столько то лактей въ вышину*. То обстоятельство, что написание с *а* встречаем как раз в безударном положении, а под ударением находим здесь написание с *о*, не позволяет прямолинейно заключать, что эта разница написаний была разницей русского и церковнославянского вариантов слова для самих писавших. И это тем более, что данное соотношение повторяется и в других местах Словаря, например: *стволъ длиною въ локоть* I 80 т., s. v. *бадан*, но *рыболовная снасть... шириною... до двухъ лактей* I 63, s. v. *аханъ*. Последние два примера, помимо прочего, показывают, что эта разница написаний не сводится и к разнице двух значений слова *локоть — лакоть* (анатомического и как меры длины). Уже совсем нет оснований применять критерий различия между русским и церковнославянским вариантами слова по отношению к таким параллелям, как *расту или росту* V 73, *равно и ровно* V 13 (ср. и в выражении *Все равно, ровно* з. при: *для меня все ровно* п.), *равность и ровность*, *равнина*[4] *и ровнина* V 14, *разница и розница* V 63 и т. д., в каковых случаях даже в заглавиях статей составители

[4] В подлиннике опечатка: *равнивна*.

Словаря не показывают, что одно из приводимых параллельных написаний принадлежит славенскому языку, а другое — простому. В самом тексте Словаря оба типа написаний употребляются безразлично, например: *растущих*, но *ростетъ* I 80–81 т.; *растутъ*, но *ростетъ* V 74 п.; *вростаю*, но *вырастаю, дорастаю, зарастаю, израстаю, нарастаю, обростаю, переростаю, проростаю, разрастаюсь, срастаюсь* V 77–82 з. При слове *разница или розница* V 63 даны примеры: *Между вещами сими разница состоитъ въ томъ. Между братьями есть великая розница*[5]. Однако при втором значении слова (иногда означает вообще различные, неодинаковые вещи), а также в выражениях *въ розницу продавать* и *порознь* в примерах находим только написания с *о*. Таким образом, только последняя частность отражает известную стадию в дифференциации вариантов *разница — розница* по лексическому значению. Но такие случаи в данной категории, как известно, вообще редки. Ср. еще: *развязка. То же что розвязываніе* I 1125, но тут же *развязываніе* в заголовке.

Отмечу также, что в известном числе случаев в тексте Словаря колеблются написания с безударными *а, о* в основах несовершенного вида глаголов, образованных посредством суффикса *-а-*, например: *возраждающаяся* II 388 т., III 46 т., но *возрождающаяся* III 48 т.; *выраждаюсь* V 41 з., но *зарождаюсь* V 42 з.; ср. *загарающееся* III 50 т., но *поглощаетъ* I 921 т. Попытки осмыслить эти колебания при помощи тех или иных семантических или стилистических соображений, по-видимому, не могут быть удачны. Так, например, при *поклоняюсь* III 626 з. приведены примеры из священного писания, в которых находим естественные для этих случаев написания с *а*: *покланяйтеся подножію ногу его*; *не имутъ покоя день и нощь покланяющіися звѣрю*. Но это не высокий стиль в языке XVIII века, а точная орфография цитируемых источников — «Псалтыри» и «Апокалипсиса», потому что рядом с приведенными примерами находим и такие: *Язычники поклонялись ложнымъ богамъ*; *поклоняемого твоего истиннаго и единороднаго Сына* (*Послѣд. молебн. пѣнія*), а, с другой стороны, в самом тексте толкований читаем: *...въ отношеній къ язычникамъ покланявшимся богамъ ложнымъ*.

Для полноты обзора отмечу еще, что в некоторых случаях написания, не совпадающие с теми, которые утвердились в качестве общепринятых в более позднее время сравнительно с эпохой составления Словаря, проведены в его тексте очень последовательно, как например: *алифа* с производными, *арава, калбаса, мамантъ* и производные, *тварогъ*. Сюда относится и фамилия президента Российской Академии, многократно упоминаемая на вводных страницах к отдельным томам Словаря и печатающаяся только в виде *Дашкова*[6]. Обратным примером может служить хотя бы *постила* V 727 з.; IV 20 п. и др.

---

[5] Ср. у Карамзина: «По берегу Гафа считается до Кенигсберга 18 миль, а черезъ Тильзитъ 30: большая розница!» Соч., II, 24, 1820.

[6] Фамилия могла записываться и через *а*: *Дашкавъ, Дашкава*. См., например, подпись на портрете князя Павла Михайловича Дашкова — сына Екатерины Романовны Дашковой, президента Российской Академии [URL: http://www.russianprints.ru/printmakers/o/osipov_alexey/portrait_pavel_dashkow.shtml] или в книге: Переписка российской императрицы Екатерины II и господина

2. Довольно строго в Словаре употребление буквы *ѣ*, что на фоне большой пестроты в данном отношении в правописании книг конца XVIII века[7] производит впечатление сознательных усилий к упорядоченному, грамотному письму. Однако об абсолютно упорядоченном письме и здесь говорить нельзя, так как в некоторых, правда не очень многочисленных, случаях наблюдаем в Словаре колебания между употреблением букв *ѣ, е*. Все эти случаи, естественно, относятся не к окончаниям, а к употреблению этих букв в составе непроизводных основ. Так, например, при *надмеваю, надменный, надменность* II 687–8 зз. вне текста статей, посвященных данным словам, встречаем и *надмѣнность* I 948 т., *надмѣнный* I 950 т.; при *мекаю, домекаюсь, намекаю, намеки, смекаю* IV 83–84 зз. вне текста данных статей находим и *домѣкаюся* II 6 т., *въ домѣкъ* II 8 т.; при *зеліе* III 51 з. встречаем *зѣлій* (в том же значении) II 409 т.; при *звеню* III 27 з. — *въ ушах зазвѣнѣло* II 20 п.; при *хлебаю, похлебка* VI 548–550 зз. и даже *похлїобки* II 20 т. — *въ похлѣбках* III 618 т.; при *одежда* II 861 з. — *одѣжде* III 981 т., *одѣжда* в словоуказателе II тома, несмотря на заглавное *одежда*; при *пѣгій* IV 1253 з. — *вороно-пегая* III 947 т., ср. в близком расстоянии *пѣгіе* III 964 т.; при *боленъ* I 279 з. — *болѣнъ* III 1162 т.; при *трещу, разтрескаться* VI 259–262 зз. — *растрѣскалась* III 1136 п., ср. ib. *истрѣскался* п. Ср. еще *растеніе* V 74 з., но *растѣніе* III 1175 т., *произрастѣніе* IV 17 т., *растѣній* V 441 т.; *звено* II 25 з., но *звѣньями* I 111 т.; *лента* III 1174 з., но *лѣнтами* I 130 т.; *лѣзу* III 1347, но *полезъ* I 62 п. Во всех подобных случаях замечательно распределение колеблющихся написаний таким образом, что написания, не вошедшие в сложившуюся впоследствии общенациональную норму орфографии, встречаются, наряду с будущими нормативными, только вне текста статей, содержащих толкование соответствующих слов, а в заглавных словах, причем обычно и в примерах к ним, встречаем только написание с позднейшей точки зрения нормативное. Разумеется, как и в других случаях с колеблющимися написаниями, это объясняется ослаблением внимания составителей Словаря к орфографической стороне языка при обработке текста, не относящегося к данному слову в специфически словарном отношении. В силу этого при составлении текстов последнего рода находим проявления непроизвольного письма авторов Словаря, отражающие обычную орфографическую практику конца XVIII века вне ее установки на нормативность. Вместе с тем общее движение Словаря к этой нормативности ярко запечатлелось в обработке статей, прямо относящихся к соответствующим словам.

Интересно, что подобное приближение к будущей норме сказалось и в таком случае, в котором орфографическая практика этого времени, и даже значительно более позднего, вплоть до середины XIX века, решительно расходилась с известной нам нормой, причем и с исторической точки зрения это неподчинение норме имело за себя все основания. Речь идет о слове *мелкій*, которое именно в этой

Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год / Перевел с французского Иван Фабиян. Москва: В вольной типографии Гария и Компании, 1803. С. 169. {Примеч. ред.}

[7] В качестве одного только примера сошлюсь на «Почту духов» Крылова (1789), вышедшую в один год с первым томом Словаря и изобилующую написаниями вроде *брѣдни* 248, *придвѣрьникъ* 260, *придверникъ* 270, *увѣрткою* 61, даже *кстате* 119 и т. п. (примеры взяты из 2-й части).

орфограмме с *е*, а не с *ѣ*, в противоречии с историей языка утвердившееся в нашем правописании позднее, помещено в Словаре во главе соответствующего словопроизводного гнезда IV 84. Так, с *е* напечатаны в своих нормативных положениях и прочие слова этого гнезда, как, например *мелковатый, мелочный, мелочь* и пр., причем в этой орфографии выдержаны здесь и все примеры к этим словам. Между тем в остальном тексте Словаря слова этого гнезда чуть ли не чаще напечатаны с *ѣ*, например *мѣлкой* IV 999, *мѣлкія* II 589; III 338, *мѣлче* I 129; III 46, *измѣлчить* III 975, *измѣлчиваюсь* III 976 и др., хотя и здесь порой встречаем написания с *е*, как *мелкими* III 338, *мелкаго* III 291 и пр.

Отдельно оговорю колебание между *е, ѣ* в слове *летать* и производных, где *ѣ* может иметь этимологическое основание. В нормативном положении это слово помещается в Словаре с *е* III 1183, то есть снова по норме будущего, но вообще в тексте Словаря есть примеры обратного характера, ср. *прилѣтаетъ* III 1143 т., *лѣтаютъ* III 1187 т. и даже *прилѣтная птица* III 1150 т.

На том, что описанная орфография предполагает неразличение *ѣ, е* в произношении, останавливаться, по-видимому, нет надобности.

3. Очень большой интерес представляют данные, которые можно извлечь из Словаря относительно употребления в его орфографии букв для означения[8] гласного *о* после мягких и непарных по мягкости и твердости согласных в подударном, отчасти и в безударном положении. Таких букв в Словаре три: *е, о, îо*. Из них вторая употребляется только после непарных, но очень часто в тех же морфологических положениях и даже тех же словах, в которых употребляется также буква *е*, но никогда не *îо*. В составе непроизводных основ такие колебания не часты, но все же они есть и здесь, причем, как и раньше, наблюдаем показательную дифференциацию написаний в нормативном и свободном положении одного и того же слова. Так, например, при *счетъ, счетный, счеты* VI 817 зз. обычно в тексте Словаря находим *щот* I 23–42, *въ щотѣ* I 451, но есть и *щетѣ* III 345, *щета* р. ед. III 114.

Интересно, что здесь дифференциация написаний с *е — о* сочетается с дифференциацией написаний с *сч — щ*. Впрочем, в соответствующем месте алфавита находим и ссылку: *щитаю, щоты, щетный. Зри при глаголѣ чту* VI 966, причем уже в самом тексте этой ссылки видим противоречие между написаниями *щоты* и *щетный*. В других случаях уже и в заглавном положении приводятся оба написания, например *щолокъ или щелокъ* VI 969, но в примерах (*сварить щолокъ, крѣпкой щолокъ, стирать бѣлье въ щолокѣ*) и в производных (*щóлочный, щóлочность* и даже *щолочнáя соль*, с сохранением *о* в безударном положении, ср. еще *щелочý или щолочý*) господствуют написания с *о*. Ср. и в других местах Словаря, например *щолокъ* II 404, но *въ щелоку* IV 50 (очевидно, с ударением на окончании). Ср. еще *щекá или щокá, умал. щéчка и щóчка* VI 948 з. Интересна орфография в примерах к этому слову: *Ударить въ щоку* (вероятно, ударение на основе); *по щекѣ*; *правая, лѣвая щека*; *румяныя щеки*. Вообще же в Словаре в именительном падеже мн. числа находим и *щоки*, например III 260; IV 568, и *щеки* III 1190. Слово

[8] Так в источнике. {Примеч. ред.}

щока (*мѣсто, гдѣ надъ рѣками съ обѣихъ сторонъ крутыя каменья, горы*) помещено в написании с *о* VI 969. Ср. далее *жéлоб, жóлобъ и умал. желобóкъ и желобóчекъ* II 1092 з., что не мешало составителям Словаря вообще писать *жолобовъ* I 141, *жолобкомъ* I 41; IV 764 с сохранением *о* и в безударном положении. Ср. далее *жéлтый* или *жóлтой* III 1094 з., причем в ненормативных положениях на этот раз преобладает *желтый* в разных формах, как например I 63; I 80; I 89; IV 49, при редком *жолтымъ* I 62 и др. Наоборот, при обычном в тексте *жолудь*, например IV 49, в заглавном положении дано только *желудь* II 1098[9]. Нередки также колебания в написании форм прошедшего времени от *иду*. Ср., с одной стороны, *нашел* I 137, *дошелъ* I 481, *пришелъ* II 7; III 1145, *пошелъ* II 11, а с другой стороны, *пошолъ* I 925, *ушолъ* I 926, *прошолъ* I 932; *дошолъ* II 395. Но в нормативных положениях находим только написания с *е*, например: *шелкъ* III 206 п., *дошелъ* III 236–237 з. п., *зашелъ* III 238 з. п., *нашелъ* III 242 з. п., *подошелъ* III 253–4 з. п. и т. д.

Общее впечатление от приведенного материала такое, что как нормативное составителям в подобных случаях представлялось написание с *е*. Не решаю здесь вопроса о произношении всех слов этого рода, то есть вопроса о том, свидетельствует ли параллелизм подобных написаний о возможном параллелизме и в произношении данных форм в зависимости от характера речи. В отдельных случаях на возможность такого параллелизма указывают и сами составители Словаря. Ср., например, *жéрновъ, въ просторѣчіи говорятъ и жóрновъ* III 1111 з. Замечательно, однако, что как раз в этом случае во всех примерах на данное слово в орфографии последовательно выдержано написание с *е*, причем такое написание встречаем и за пределами текста данной статьи, например *мельничный вал, жерновъ* IV 89 п. Отсюда как будто имеем право заключить, что двоякое произношение было возможно и в некоторых таких словах, в которых Словарь придерживается только написаний с *е*. С другой стороны, так как в массе случаев подобных указаний на принадлежность произношения с *о* к просторечию в Словаре не дается, возникает возможность предположить, что самое произношение этого рода в известных случаях могло рассматриваться и как общеупотребительное. Составители Словаря считали просторечным произношение *жорновъ*, но это еще не значит, что таким же было для них и произношение *щоки*. Есть основания думать, что для эпохи Словаря произношение *щеки* было лишь возможным вариантом общеупотребительного *щоки*, причем, может быть, даже не произносительным, а чисто орфографическим. Интересна, например, противоречивая терминология составителей Словаря, согласно которой существует выговор, употребляемый в письме (см. Сухомлинов, 87). Надо думать, что по крайней мере в части случаев это действительно было только письменное обыкновение, а не произносительное.

Относительно написаний с *е, о* в суффиксах надо заметить следующее. Написание с *о* особенно часто встречается в суффиксе *-ок* и его варианте *-шок*, однако с ним и в этом случае конкурирует написание с *е*. В некоторых случаях оба

[9] Кстати, здесь *желудь* употреблено как слово женского рода: *величиною с дубовую желудь*, тогда как в заглавном положении оно показано как слово мужского рода.

написания приводятся уже в заглавном положении, например *бережекъ и бережокъ* I 126, но это единственный пример такого рода, замеченный мною. Несомненно, найдутся еще такие случаи, но можно быть уверенным, что их очень мало. Можно еще процитировать *каблучекъ* как умалительное при *каблукъ*, но *каблучокъ* как заглавие особого слова-омонима III 351. Зато мною отмечено очень много случаев, в которых в заглавном положении слова на *-ок, -ек* приводятся то в одном, то в другом из этих написаний, без видимых оснований для такого различия. Ср., например, *гребешокъ* III 326, *клочокъ* III 619, *клычокъ* III 638, *кружокъ* III 1005, *мужичокъ* IV 324, *пучокъ* IV 1177, сюда же причислим и слова с омертвевшим суффиксом, как например *вершокъ* I 629, *горшокъ* II 259, *мѣшокъ* IV 429, *порошокъ* IV 999, а с другой стороны, *башмачекъ* I 112, *барышекъ* I 106, *кабачекъ* III 346, *колпачекъ* III 732, *корешекъ* III 814, *крючекъ* III 1044, *рожекъ* V 149. При этом, как и можно было ожидать, находим противоречия между написаниями этих слов в заглавном и в свободном положении. Именно слова, приведенные в заглавиях в написании с *е*, нередко встречаются в самом тексте Словаря и в написании с *о*: *корешокъ* II 388 з., *рожокъ* III 353 т.; V 153 п., *крючокъ* III 1044 п. в разных значениях (например, *повѣсить на крючокъ, приказной крючокъ*). Отмечен мною и один обратный случай, именно *порошекъ* III 1133 т., но *порошокъ* IV 338 т.; VI 2 т. При сплошном изучении всего текста Словаря, вероятно, найдутся и еще такие случаи.

Так как все приведенные слова стилистически ничем не разнятся, то отмеченная пестрота их написаний еще более способна укрепить в высказанном предположении, что по крайней мере в части случаев никаких произносительных вариантов за этой пестротой написаний не скрывается. Все эти слова, надо думать, произносились в общем употреблении с *о*, и написания их с *е* представляли собой всего только орфографические варианты нового книжного языка. Добавляю, что ни в одном случае я не нашел написаний с *о* в уменьшительных образованиях второй степени на *-ечекъ*. Здесь постоянно в Словаре встречаем только написания вроде *бережечекъ* I 126, *мѣшечекъ* III 349, *мѣшечкѣ* IV 313, *клочечекъ* III 619, *кружечекъ* IV 338, *горшечекъ* II 259 и т. д. Вряд ли можно сомневаться, что в таких образованиях ударяемый гласный звучал именно как *е* и заменился через *о* уже в дальнейшем развитии литературной речи под влиянием соответствующих образований на *-ок* и *-шок*.

Что касается положения в окончаниях, то здесь можно отметить колебания написаний в следующих случаях. Во-первых, в окончании именительного падежа ед. числа слов среднего рода с основой на *ц*, например: *лице* I 134 п.; III 360 т. 1195 з. п., но *крыльцо* I 89 т.; III 1029 з. п., *кольцо* I 466 т.; III 717 з. п., *яйцо* I 469 т.; VI 1042 з. п., и даже в безударном положении *бердцо* I 122 з. Интересно, что среди примеров на употребление одного и того же слова здесь нет орфографических разноречий. Следовательно, все дело сводится к тому, что среди всех слов этого рода только *лице* пишется с *е* в окончании. Это нетрудно поставить в связь с обособленным стилистическим положением этого слова. Впрочем, в форме творительного падежа рядом с *лицемъ* III 626 т. мною отмечено и *лицомъ* III 1196 п. в значении *фасадъ дома*. В прочих случаях *о* в окончании творительного единственного от слов

с основой на *ц* есть правило, из которого исключения редки — у меня отмечено только *скопцемъ* III 359 при *копьецомъ* I 75, 123, *съ дохлецомъ* I 469, *рѣзцомъ* I 474. Однако в словах с основой на другие согласные, непарные по мягкости-твердости, постоянно в этом окончании находим букву *е*, например: *платежемъ* I 95, *барышемъ* I 111, *падежемъ* I 121, 137, *плащемъ* II 395, *ножемъ* III 974, *сивучемъ* III 115, все это независимо от нормативного или свободного положения. В основах на *ц* буква *о* преобладает и в других падежных окончаниях, например: *огурцовъ* I 80, *квасцовъ* I 84, *зубцов* II 387 и в безударном положении *колѣнцов* I 900, *пальцовъ* I 133, *месяцовъ* IV 32, *младенцовъ* IV 758; ср. также *бездѣлицой* III 1132. Противопоказаний на пространстве изученных отрывков текста Словаря я не нашел. Отмечу также постоянное написание с *о* в *большой* в значении разных падежей (I 112, 483, 945 и мн. др.). Одна подробность здесь несколько затрудняет истолкование: именно при наличии написания *по большей части* II 13, 18 и др. нередко находим *по большой части* I 82, 88, 136, 467 и др., что встречается и в других книгах XVIII века[10]. Возможно, что в эпоху Словаря был в ходу и такой вариант этого выражения, в котором вместо *большей* говорилось *большой*. Рядом со словом *большой* надо упомянуть еще *чужой* I 467; III 1145 также в разных падежных формах, в том числе в именительном мужского рода. Правда, в заглавном положении здесь находим *чужій* VI 831, но окончание *-ей* в данном положении в Словаре, как кажется, вообще невозможно. Упомяну еще о единично отмеченном *лжотъ* III 1149 п. при обычном *лжешь,* например III 1146 з., *течетъ* I 921 т. и др.

Остается отметить случаи употребления буквы *îо*. Она встречается преимущественно в непроизводных основах, но также и в составе некоторых суффиксов и в окончаниях. В последних двух случаях, как ясно само собой, употребление буквы *îо*, вообще употребляющейся только после мягких согласных, имеющих твердую пару, есть очень редкое отступление от общего правила, по которому здесь употребляется буква *е*. В известной части случаев наблюдаем колебание между употреблением *îо* и *е* в этих положениях в одних и тех же словах, например: *вру, врешь* I 930, но в примерах тут же *онъ всîо тебѣ врîотъ*; *ты всему вѣришь, что онъ тебѣ ни врîотъ*; *знаешь ли ты, что онъ про тебя врîотъ*; ср. еще: *наврîотъ* I 931 п., *перевврîотъ* I 932 п., *одинъ врîот, а другой повираетъ* ib. п., *онъ какъ разоврîотся, такъ ни чѣм не уймешь* ib. п.; *бывало придетъ, да что нибудь соврîотъ* I 933 п. Из числа многих других отмеченных мною колебаний этого рода приведу: *я его звалъ съ собою, но онъ нейдетъ* III 206 п., но *въ ротъ нейдîотъ* V 168 з. s. v. *ротъ*; *дѣлежъ* при *дѣлîожъ* II 869 з. и тут же *дѣлîожъ* 870 п., *дѣлîожный* (только так!) 870 з. Ср. далее *валекъ, въ просторѣчіи валîокъ* I 485 з., *одежда, въ просторѣчіи одîожа* II 861 з., ср. тут же *по одîожкѣ протягай и ножки* 862, а в других случаях без вариантов: *паренîокъ* IV 715 з., *перстенîокъ* IV 775 з., но, например, *пенекъ* IV 760.

Иллюстрациями для подобных колебаний не в аффиксах могут служить *побасенка* или *прибасîонка* I 115 з., но тут же в примере и *прибасенка*. S. v. *близна* I 225

[10] Ср., например, *по большей части* в соч. Муравьева, III, 164, СПБ, 1820.

читаем в примере: *въ семъ холстѣ много близенъ*, но в I 122 приводится пословица: *смотри по берду не будет ли близîонъ.* При обычных написаниях *медъ, меду* III 955, *медомъ* IV 19 встречаем и *мîодъ* III 347 т., *мîоду* III 356 п., причем уже и в заглавном положении находим оба варианта: *медъ* или *мîодъ* IV 78, но в примерах здесь только *медъ*. Рядом с *ледъ* III 1159 находим *подлîодный* III 1161 з. п., при *легкое, -аго* III 1155 з. находим *лîогкія* III 355 т., при слове *легкій* и производных с тем же написанием *е* III 1154 з. в особом выражении, отмеченном как просторечное, находим *на лîогку руку* III 1156 з. п. Целую гамму совершенно немотивированных колебаний находим в гнезде *лечу* III 1182 и сл., в заглавных положениях производных слов: *залîотъ, залîотный, излîотъ, на излîотѣ, съ налîоту*, но *налетный, отлîотъ, отлîîотный*, но *перелетъ, перелетный, полетъ, на полетѣ, пролетъ, на пролетъ*. Выше упоминалось уже о написаниях *похлîобка, похлебка, похлѣбка*. Любопытно, что при *припîока* IV 754 з. п., в свободном положении, рядом с *на припîокахъ* IV 45 нашлось и *на припекахъ* IV 49. В заглавном положении находим только *небо* IV 476 для обоих членов омонимной пары, но в свободном положении встретилось и *нîобо* palatum III 1173 т. Употребление буквы *îо* отмечено мною еще в случаях *берîожая* (*о сужеребой кобылицѣ*) I 124 з., *клîокъ* III 617 з., *клîоцки* II 20 т. и III 618 з., *смышлîоный* IV 372 з.; II 7 п., *маслîонки* (*оливки*) IV 51 з., *мерîожа, мерîожка, мерîожный* IV 305 з., приводимые как просторечные варианты к славенским *мрежа* и т. п., в выражении *пень, пнîомъ* IV 760 и, наконец, в иноязычных заимствованиях, как например *галîотъ, гальîотчикъ* (так!) II 18. В этом случае встречаем букву *îо* и после гласных, как например *маîор* IV 16; но эта буква после гласных, а также в начале слова иногда встречается и в русских словах, ср. *емкій, просто же îомкій* (не: *îомкой*!) II 956 з., в примерах оба варианта; *заемъ или займъ, просто же заîомъ* II 964 (п. только *заемъ*), *наемъ, наемный, просто же наîомный* II 968–9 з., *отъемъ, просто же отъîомъ* II 974, *приемщикъ или просто приîомщикъ* 988, *ершъ, просто же îоршъ* II 1016 з., *ежъ, просто же îожъ* II 947 з., но только *îожусь* II 948 з., и т. д.

Оценивая весь этот материал, легко устанавливаем, что, за исключением слов иноязычного происхождения, буква *îо* употребляется в Словаре почти в одних только словах, которые должны были принадлежать к так называемому простому слогу. Исключения очень редки, ср., например, слово *медъ — мîодъ*, несомненно общее в стилистическом отношении, и *нîобо*, которое вряд ли также можно считать не общим (независимо от того, как оно фактически произносилось). В последнем из этих двух случаев буква *îо* явно продиктована стремлением к внешней дифференциации обоих членов омонимной пары, а в первом (и других подобных), вероятно, отразилось то, что живое произношение этого слова было по меньшей мере равноправным с произношением книжным.

Добавлю еще, что в ходе работы над Словарем составители, по-видимому, отказались от предполагавшейся ранее более последовательной регистрации орфографических вариантов, связанных с данным фонетическим положением. Так, например, первоначально предполагалось отмечать данный вариант в формах прошедшего времени, как *брелъ — брîолъ*, с мотивировкой, согласно которой первое

«пишется», а второе «говорится» (Сухомлинов, 87). Но в самом Словаре это намерение не осуществлено, что, несомненно, должно было укрепить в будущем обыкновение передавать гласный *о* после мягких парных на письме буквой *е*.

4. Переход звонких в глухие перед глухими и глухих в звонкие перед звонкими отражен в орфографии Словаря слабо. Написания, отражающие этот процесс, находим в ограниченном числе слов на границах между морфемами, причем большей частью в невыдержанном употреблении. Строгое постоянство в такого рода написаниях я подметил только в префиксальных образованиях на *с-* от *бор — бир*, причем без противоречий между заглавным и свободным положениями соответствующих слов, например: *зборъ* I 142 з. п., I 96 п., *збора* I 108 т., *зборы* I 134 т., *зборщикъ* I 142 з. п., I 108 т., *збираю* I 140 з., *збиралище* I 141 з., *зборище* ib., *збираютъ* I 475 т., *збираемая* I 479 т. и т. д. Такая же орфография встречается порой также и в написании других образований с той же приставкой, преимущественно в заглавных положениях, ср. *збавляю, збавилъ, збавка* I 71 зз., *зберегаю, збереженіе, зберегатель* I 124–5 зз., *збродъ* I 331 з., *збѣгаю* I 418–9 з. Одинаково пишется также, как в заглавиях, так и вне заглавий: *прозба* III 1103 з. п., *прозбу* III 369 т. п., *прозбы* III 622 т., *прозьбы* I 110 п., *прозьбахъ* III 370 т. В других случаях наблюдаем разноречие, состоящее в том, что по большей части в заглавных положениях помещено написание этимологическое, а в свободных встречается как этимологическое, так и фонетическое. Например, чрезвычайно часто в Словаре попадаются написания *здѣланный* I 69, 100, 486; II 18, 19, *здѣлать* I 456, 465, 471; II 6, 10, 11, 15, 400, *здѣланное* I 480, 935, *здѣланы* I 482, *здѣлаю* I 922, *здѣланнаго* I 929, *здѣлалъ* II 7, *здѣланная* IV 305 и т. д., во множестве случаев. Но не менее часто встречаем и написания с буквой *с*, например: *сдѣланному* I 929, *сдѣланную* I 942, *сдѣлать* I 943; III 365, 1140, *сдѣланный* III 365, 1145; IV 20 и т. д. Однако именно с таким написанием встречаемся и в заглавных положениях (см. II 903, 927 з. п.). Ср. далее: *гузка* II 425 з.; III 1143 и 1161 т., но *гуска* II 4 т., *связка* I 1127 з. п., также *развязка* I 1125 з., *повязка* I 1121 з., но *свяска* I 453 т.; *бумажка* I 382 з., но *барашекъ въ бумашкѣ* I 98; *замазка* IV 8 з., но тут же в тексте толкования — *замаски*, в примере — *замаска*, ср. рядом *обмазка* IV 10 з., *смазка* IV 14 з. Ср. еще *узкій* VI 424 з., но *ускогорлый* I 18 т.; *тетрадка* VI 113 з., но *тетратка* I 12 т. Впрочем, не во всех случаях для заглавного положения избирается этимологический вариант написания. Так, например, *сдаю* II 520 помещено со ссылкой на *здаю* II 491, где и дано толкование слова. С таким написанием выдержаны и все производные, в числе которых находим и *зданіе* (!) II 493, что, может быть, до некоторой степени объясняет предпочтение написаний с буквой *з* в словах, как *здаю, здача* и пр., ср., например, *здачѣ* III 983. Но впечатление полного беспорядка производит орфография в некоторых других случаях, например: *скольскій* V 484 з., *скольскіе* III 1175 т., *скольскія обстоятельства* V 484 п., но э*то мѣсто весьма скользко, дорога скользка бывает* ib. пп., *скользко* ib. з., *вскользь* ib. з., ср. *слизкій* ib. т. Ср. далее: *грысть* II 389 з., *изгрысть* II 391 з., *надгрысть* II 391 з., *сгрысть* II 393 з., но *выгрызть* II 390 з., *догрызть* ib. з., *нагрызть* II 391 з., также *огрызть, обгрызть, отгрызть, перегрызть, прогрызть, разгрызть, угрызть* в продолжающейся части этого гнезда. Вероятно, написания с буквой *с* в

этой группе слов поддерживались морфологическим фактором, то есть приравнением к глаголам на *-сть, -сти*, как *весть — вести* и т. п.

5. Двоякие написания в словах, заключающих в себе результат развития древней группы *-ьр-* между согласными, из которых второй — губной или заднеязычный, представлены в Словаре в очень незначительном числе случаев. Все они касаются только трех слов (по крайней мере, их нет больше в изученных частях Словаря) с ближайшими производными, именно: *первый — перьвый, церковь — церьковь* и *верхъ — верьхъ*. Написание *сумерьки* I 137 я не принимаю во внимание вследствие возможности того, что здесь мягкость *р* объяснима воздействием позиционно мягкого *к*. Другие слова этого типа, вроде *верба, серпъ, стерва*, мне в написании с *рь* не встретились ни разу. Что же касается указанных трех слов, то в заглавных положениях все они помещены в написании без *ь*, именно: *верхъ* I 626, *первый* IV 762, *церковь* VI 625. Это касается и всех производных, кроме одного слова в гнезде — *верхъ*, где написание с *ь* явно случайного происхождения: *верьховье* I 628, ср. рядом *оверьшье* I 631, ср. написания *верховье* и *овершье* тут же в примерах. Вообще же в тексте Словаря написания с *ь* в этих словах попадаются время от времени, но явно в ничтожном числе случаев по сравнению с написаниями без *ь*. Например, на протяжении столбцов 20–120 I части встречаем *съ верьху* 20, *къ верьху* 81, *въ церькви* 28, *посреди церькви* 28, *въ перьвый* 50, *сперьва* 84, всего 6 случаев при 31 случае обратного написания. На протяжении столбцов 450–485 той же части не встретилось ни одного случая с *ь* при 7 случаях без *ь*; на столбцах 917–953 — один случай *въ верьхъ* 948 при 18 случаях без *ь* и т. д. В нескольких случаях противоречивые написания находятся в самом близком соседстве, например: *верхомъ* III 620 при *верьхи* ib. в цитате из Ломоносова в примере s. v. *клонюсь* или *первомъ* III 356 при *Андрея Перьвозваннаго* (интересен этот пример в такой орфографии!) III 352. Ср. еще *въ верьхъ* и *съ верху* III 947, *верьхъ* III 980, но *верхняя* III 981. Но это нисколько не меняет общего впечатления, которое остается от наблюдений над орфографией указанных трех слов в тексте Словаря. Мне кажется, мы имеем право предположить, что руководящая линия составителей Словаря в данном отношении заключалась в стремлении избежать написаний с *ь*, которые, однако, спорадически ускользали от их внимания, появляясь на страницах Словаря вопреки их намерению. Причина этого, надо думать, состояла в том, что произношение *р* мягкого в таких случаях (вероятнее всего, хорошо известное их речевой практике) или же, что не исключено, лишь орфографическое выражение этой мягкости не совпадало с той нормой, к которой шел и которую подготовлял, может быть и не всегда при полной сознательности самих составителей, их Словарь.

6. Аналогичные заключения подсказываются и наблюдениями над вариантами написаний *чн — шн* в положениях известного рода. И здесь явно преобладающими следует признать написания с *чн*, хотя есть немало примеров, очень интересных для истории данного явления, и написания с *шн*. Например, на протяжении столбцов 65–150 I части встречаем: *азбучномъ* 65, *бабочный* 68, *плотничной* 68, 89, *добавочный* 70, *збавочный* 72, *прибавочный* 74, *убавочный* 75, *сочныхъ* 81, *баночный* 94, *карточный* 94, *оконничные* 99, *барочникъ* 103, *барочный* 103, *мѣлочной*

107, *поперечныхъ* 122, *поединочной* 136, *скучны* 149, всего 19 случаев, из которых 4 — с общей основой, при *набалдашникъ* 88 (здесь *шн* находится, разумеется, уже не на границе морфем), *висошной кости* 96 и затем *башмашникъ, башмашничій, башмашный, башмашничаю* I 112 зз. и пп., то есть в сущности в двух словах с производными от второго да еще в одном слове с омертвевшей словообразовательной формой. На протяжении столбцов 450–485 той же I части при 10 случаях написаний с *чн* встретилось всего одно написание с *шн*, именно *поперешной* 454, в слове, которое здесь же встречается в обратном написании *поперечная* 485. На протяжении столбцов 920–950 той же части при 12 случаях написаний с *чн* не встретилось ни одного с *шн.* И т. д. Однако главный интерес данной группы примеров заключается в другом.

Распределение тех и других написаний в данной группе случаев отличается от рассмотренных до сих пор тем, что здесь сравнительно редко встречаем параллельные написания в одних и тех же словах, чаще же то и другое из этих написаний прикреплено к определенным словам, так что наблюдается своеобразная лексическая дифференциация. Вот все замеченные мною случаи с параллелизмом написаний в одних и тех же словах. Это случаи двоякого рода. Во-первых, отмечено два случая, в которых оба написания приведены рядом как равноправные варианты в заглавном положении, именно: *мучный или мушный* IV 326, но все производные имеют только *шн — мушню, мушниковъ, мушникъ, мушнистый*; *печникъ и пешникъ*, также *печниковъ — пешниковъ* adj. IV 750, но только *печный*, ср. в свободном положении *печной* IV 330. Во-вторых, есть несколько случаев, в которых в заглавном положении находим написание с *чн*, тогда так в свободном встречаются те же слова в написании с *шн*, именно: *височный* I 714 з., но *висошной кости* I 96 т.; упоминавшееся уже *поперечный*, как и *поперечникъ* IV 1079 зз., ср. *поперечныхъ* I 222, *поперечная* I 485, *поперечными* I 946 bis, *поперечными* III 1161; IV 765, 767 и др., но *поперешнымъ* I 19, *поперешной* I 454; *перепоночный* IV 812 з., но *перепоношныхъ* III 1155; *пшеничный* IV 1229 з., ср. *пшеничной* I 485 т., *пшеничнаго* II 20, *пшеничная* IV 326 п., но *пшенишная* IV 326 т.; *карточный* III 453 з., ср. I 94 т., но *картошной* I 419 т.; *яблочный* VI 1021 з., но тут же в примерах: *яблошныя зерна, яблошная кожа*, при *яблочной вкусъ, яблочной квасъ, яблочная постила*, однако ср. *яблошная постила* V 727 п., *мороженое яблошное* IV 293 п., ср. и в заглавии *яблошникъ, -ница* VI 1021. Ср. еще *подсвѣщникъ* и *-чникъ* V 383 з., но *подсвѣшниками* III 358 т. Подмечен и один случай обратного характера, в котором при написании с *шн* в заглавном положении, именно *грешневый, грешневикъ* II 343 зз., повторяющемся и в других местах Словаря, например *грешневаго* II 20 т., *грешневая* IV 326 п., в свободном положении встретилось *гречневая* IV 14.

Все прочие слова этого разряда наблюдены только в одном каком-нибудь написании. Именно, кроме перечисленных слов, взятых из текста ст. 65–150 I части, с *чн* пишутся: *привычный* I 462, 944, также *привычно*, *карточной* I 472; IV 33, *карточныхъ* III 980, *пушечными* I 480, 920, *пушечной* III 1144, *безпорядочно* I 481, *войлочный* I 486, *войлочникъ* ib., *солнечнымъ* I 922, *солнечномъ* I 303, *вѣчно* I 924, *вторичный* и *вторично* I 934, *вторичный* I 935, *обычный* I 941, *папороточныя* II

3; III 973, *шуточныя* II 12, *приличный* ib., *безлично* II 389, *кабачный* III 347, *ручными* III 351, *каблучный* III 351, *кадычный* и *закадычный* III 356, *кадочный* III 356, *клубничникъ* и *клубничный* III 637, *восточный* III 955, *кричный* III 957, *опричник* III 965, *крошечный* III 975, *крышечный* III 983, *вскрывочный* III 984, *больничный* III 1133, *цвѣточной* III 1137, *остроконечной* III 1138, *лежаночная* III 1163, *наличный* III 1163, *ленточный* III 1174, *выморочный* IV 309, *паморочный* IV 304, *маковичный* IV 18, *сывороточный* IV 46, *защечными* IV 48, *муфточный* IV 337, *нарочно* IV 49, *масличный* IV 50, *масленичный* IV 51, *мрачный* IV 299, *наперсточный* IV 775, *персчаточный* и *персчаточникъ* IV 775–6, *сердечный* (*сердечная боль, сердечный друг*) V 425, *табакерочный* VI 3, *кумачный* III 1063, *калачный, калачникъ, калачня* III 397, *крючникъ* III 1046, *яловочный* VI 5. В противовес этому с *шн* пишутся, кроме указанных выше: *га́леношный* II 17, *галстушный* II 19, *подгалстушникъ* ib., *криношный* III 955, *лодошникъ* и *лодошный* III 1139, *молошный* и *молошникъ* IV 175–6, ср. *молошная* III 1139, *ларешный* III 1140, *платошный* и *платошникъ* IV 864, *табашникъ* (при варианте *табатчикъ*) и *табашный* VI 2, но *табачница* ib., *яишница* при *яичникъ, яичный* VI 1043, *цѣвошникъ* и *цѣвошный* VI 632–3, *соляношный и селяношный* V 651. Прибавлю еще *перешный, перешница* IV 768, хотя в отдельно выделенном в заглавную строку термине — *перечная трава* ib., и *подсолнешникомъ* IV 321, что не удалось сопоставить с заглавным положением, так как на своем месте слово это в Словаре не находится (по-видимому, оно ошибочно пропущено, что вообще в Словаре встречается не раз).

Свидетельствуемый, как мне кажется, приведенным материалом процесс частичной лексикализации орфографических вариантов с *чн* и *шн*, вероятно, имел параллель и в соответствующем фонетическом процессе с самого же начала, по меньшей мере в языке грамотных людей. Можно думать, что к концу XVIII века в языке круга, к которому принадлежали составители, этот процесс сопровождался еще параллельным процессом постепенной нормализации на основе сочетания *чн* сначала в орфографии, а затем, вероятно, и в самом произношении. Получается вывод, очень похожий на тот, к которому позволило прийти изучение фактов, относящихся к судьбе написаний *верхъ — верьхъ* и т. п.[11].

Перехожу теперь к изложению своих наблюдений относительно орфографических колебаний, имеющих морфологическое значение. При этом, как и прежде, орфографическими вариантами буду считать любые два написания, между которыми мы вправе предположить отсутствие разницы в произношении, то есть, по крайней мере самую возможность такого отсутствия. Так, например, историк языка обязан считаться с возможностью того, что варианты написаний *верхъ — верьхъ* или *яблочный — яблошный* — это варианты только орфографические, а не произносительные, каково бы здесь ни было фактическое произношение. Тем же критерием будем пользоваться и при наблюдении таких написаний, которыми характеризуются известные морфологические положения.

[11] Ср. С. П. Обнорский, Сочетание *чн* в русском языке, «Труды комиссии по русскому языку», т. 1, 1931, особенно стр. 107 и сл. данные из САР здесь приведены только по заглавным положениям.

7. Известна в истории русского письменного языка факультативная замена сочетания *ıj* одним *j* в положении перед гласным, что на письме принимает вид чередования букв *и, ь* в положении перед следующей гласной буквой. Обычно такое чередование имеет место в определенных морфологических позициях. Здесь рассматриваются два случая такого рода, именно: 1) вариант окончаний *-ію* и *-ью* в творительном падеже ед. числа женского рода на мягкий согласный и 2) вариант конца основы в словах среднего рода на *-іе* и *-ье*. Разумеется, под различием написаний *смертію — смертью* или *воспоминаніе — воспоминанье* может предполагаться также различие произносительное, и тогда перед нами вопрос уже не орфографический. Нет нужды, однако, подробно доказывать, что с разницей таких написаний может и не быть связано какой-либо разницы произношения, и в этом случае будем иметь собственно орфографические варианты, но, в силу положения этих вариантов на границах морфем, содержание их будет также морфологическим[12].

В первом из названных положений наблюдаем решительное господство окончания *-ію*, например: *ласковостію* I 453, *вещію* I 489, *милостію* I 924, *довѣренностію* I 924, *честію* I 949, *неосторожностію* II 15, *совѣстію* II 390, *завистію* II 390, *влажностію* II 410, *цѣлію* III 621, *кровію* III 960, *частію* III 1156, *мастію* IV 6, *милостію* IV 24, *страстію* IV 302, *напухлостію* V 154 и мн. др. На протяжении текстов, откуда выписаны приведенные примеры, число которых могло бы быть увеличено во много раз, окончание *-ью* встретилось всего в следующих случаях: *шерстью* I 487; III 1152, *хитростью* I 947 (в цитате из стихотворения Ломоносова), *грязью* II 410; IV 39, *кистью* IV 4, *мазью* IV 4, 5, 7, *болью* V 154. В заглавных положениях Словарь не приводит достаточных указаний на формы словоизменения, а потому в данном случае мы лишены возможности извлечь что-либо из противопоставления написаний регламентированных нерегламентированным. Но и без того ясно, что для составителей нормой, и теоретически и практически, было написание *-ію*. Может быть, не случайно в числе слов, в формах склонения которых отмечено окончание *-ью*, нет ни одного книжного слова (*хитростью* I 947, взятое из стихотворного текста, конечно, не в счет), тогда как в разряде слов с окончанием *-ію* попадаются слова разного стилистического колорита. Во всяком случае нельзя не подчеркнуть значение того факта, что при просмотре довольно большой части текста Словаря мне не попалось ни одного факта с колебанием окончаний *-ію* и *-ью* в одном и том же слове.

Приблизительно такое же отношение наблюдаем и в словах среднего рода на *-іе* и *-ье*. Здесь также совершенно несомненным следует признать господство форм с наличием беглого *и* в окончании основы, причем отсутствует это, и главным образом, в словах некнижных. Конечно, все, что говорится здесь по данному поводу, относится к безударному положению обсуждаемого явления. Например, при

[12] Понятие орфографического факта я пытаюсь определить в статье «Орфография как проблема истории языка» [см. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 463–467. — *Ред.*].

почтеніе VI 734 з., *почтеніи* I 454[13], *медлѣнія* I 455, *увѣщаніемъ, предпріятіи* I 456, *убѣжденію, уваженіе, злорѣчіе, вожденіе, клеветаніе* I 457, *къ чтенію* I 462, *вареніе (каши)* I 466, *печеніе (хлѣба)* ib., *нещастіе* I 467, *отверстіе* I 470, *изъятія* I 477, *благосостоянія, вредословія, злословіе, поношеніе* I 917, *зрѣніе* I 920, *теченіемъ* I 922, *безгодіе* I 925, *названіе* I 933, *употребленіе* I 940, *бреханіе* II 1, *гаданіе* II 4, *упражненіе* II 5, *желанію* II 7, *предлаганія* II 9, *строенія* II 19, *врачеванія* II 389, *грызеніе* II 390, *укушеніе* II 394, *въ просторѣчіи* II 402 и мн. др. Окончание *-ье* находим в отглагольных образованиях, обозначающих разного рода неблагозвучные шумы, как *гавканье* II 1, *лаянье* ib., *гарканье* II 20, *чавканье* VI 655, *хрюканье* V 358, или вообще принадлежащих к простому языку, вроде *важничанье* I 455, и в других немногих некнижных словах, как например *платье* II 11, 12, *ненастье* I 920, *повѣрье* I 940, *веретье* I 929, *каменье* I 482, ср. 471, 472, *запястье* IV 1261 з., ср. *запястьемъ* III 1135 т., *ожерелье* II 1111 з., I 103 т., *очелье* I 103 и т. п. Не останавливаюсь особо на словах с наконечным ударением вроде *вранье* I 930, *жилье* II 1149 и т. п. Редко встречаются оба варианта в одном и том же слове, например *стеганіе и стеганье* V 713 з., но пример при втором значении, относящемся к стеганому изделию, дан в написании с *-ье*; то же в II з., т. Это же находим в случае *вареніе и варенье* I 495 з., где пример к третьему значению (*закуски, заѣдки* и пр.) дан в написании с *-ье*: *варенье из малины, вишенъ*. Интересно, что при слове *печеніе* IV 748 нет варианта с *-ье*, но здесь не показаны иные значения слова, кроме действия по глаголу. В нескольких случаях оба варианта снабжены указаниями на стилистическую дифференциацию, например *безвременіе, въ просторѣчіи же безвремянье* I 925 з. п., где вариант окончания сочетается с варьированием основы; особенно выразительно же в случаях типа *здравіе*, *просто же здоровье* II 42 з., ср. *здравія* I 916, 918 пп., но *здоровья* I 916 (в цитате из Ломоносова). В некоторых случаях такой параллелизм окончаний находим и при ударении на окончании, например: *питіе и питье* IV 1244 з., ср. *довалиться до питья* I 470 п., но *говоря о пищѣ и питіи* I 472 т., *вода есть безвредное питіе для здравія* I 918 п.; далее *копіе, сл., просто же копье* III 801 з. Ср. и такие случаи, как *свинія, просто же свинья* V 358 з. Но замечательно, что беспорядочного смешения написаний *-іе* и *-ье* внутри одного и того же слова почти не встречаем. Вот один такой замеченный случай: *бѣганіе* I 413 з. и *бѣганьемъ* II 402 т., но здесь имеем дело с разницей нормативного и свободного положений. Такие случаи, вероятно, найдутся в незначительном количестве и в других местах Словаря, но общая картина ясна и без того. В целом мы имеем право заключить, что в области написаний с беглым *и* и без него правописание Словаря строго нормализовано, причем в творительном падеже ед. числа слов женского рода на мягкий согласный норма *-ію* с течением времени превратилась в архаизм, а в словах среднего рода соотношение написаний с *-іе* и *-ье* в существенном сохранилось до наших дней.

8. Еще строже правописание Словаря в некоторых формах именного склонения, в которых, вообще говоря, тексты XVIII века знают немало колебаний. Так,

[13] Это и все следующие слова в заглавных положениях имеют в им. ед. *-іе*. Сознательно цитирую здесь материал не из заголовков.

например, в окончании именительного-винительного мн. числа среднего рода в безударном положении в Словаре безраздельно господствует окончание *-а* в противовес столь частому в XVIII веке *-ы*, державшемуся в практике, особенно рукописной, вплоть до второй половины XIX века. В Словаре постоянно видим только *творила* I 68, *ядра* I 89, *перила* I 93, *лѣкарства* I 120, *бревна* I 140, 481; III 1171, *правила* I 940, *прясла* III 957, *лица* III 963, *яица* III 635; IV 291, *полотна* I 30, *пятна* III 1133; IV 39, *доказательства* III 1147, и лишь однажды я встретил *вороты* III 1044 п. при *ворота* I 884 з.

9. Несколько менее строг Словарь в отношении безударного окончания дательного и предложного падежей ед. числа слов женского рода на мягкий согласный. Рядом с обычным и господствующим окончанием *-и* иногда в Словаре встречаем здесь характерное вообще для XVIII века и частично еще для начала XIX века окончание *-ѣ*. Это окончание употребляется в Словаре очень часто в адвербиализованном сочетании *къ статѣ,* см., например, I 115 bis, 923 bis, 925, ср., однако, и *не къ стати* I 454, 455, а также и в некоторых других случаях, а именно: *въ Севастопольской гаванѣ* I 101, *въ нѣкоторой артелѣ* I 48, *все принадлежащее къ артелѣ* I 49, *принадлежащій ладонѣ* III 1127 (вряд ли все же можно предполагать здесь мужской род), *въ церквѣ* I 37 (здесь надо считаться с просторечным *церква* III 358), *въ Астраханѣ* I 41, 43, 47, ср., однако, еще у Пушкина: «Торговый Астрахань открылся» (Путешествие Онегина, черновая редакция). Особенно часто встречаем *въ Сибирѣ* I 29, 43, 50; III 350, 1175; IV 48, ср. *свойственная полуденной Сибирѣ* I 129, при, по-видимому, более редком *въ Сибири* I 68, 80 bis; IV 321. Окончание *-и* остается, впрочем, безусловно господствующим.

10. Чрезвычайно большой интерес представляет изучение материала, относящегося к правописанию окончания имени прилагательного в именительном падеже ед. числа мужского рода. В тексте Словаря находим множество примеров употребления обоих возможных здесь окончаний, именно *-ый* (после *г, к, х -ій*) и *-ой* как в безударном, так и в подударном положении, а также и соответствующих окончаний мягкого различия *-ій* и *-ей*. Распределение этих окончаний в тексте Словаря свидетельствует о том, что стилистическая теория, отражавшаяся еще в некоторых руководствах XIX века, будто *-ый* есть окончание, свойственное высокому слогу, а *-ой* — простому, очень плохо оправдывается фактическим языковым употреблением[14]. Отвлеченно, вероятно, и составители Словаря отправлялись от такого формулирования этой теории. Это видно из таких их указаний, как например: *вершеный или вершоной* I 630 или, еще более ясно, *кравій, сл., просто же коро́вей* III 891. Но, во-первых, указания эти нечасты, а, во-вторых, самому смыслу этих указаний противоречит фактический материал текстов Словаря, ср. хотя бы *коровей войлокъ*

[14] Вспомним полемические замечания Греча по поводу утверждений академической грамматики 1819 г., будто «нехорошо было бы сказать» *маленькій домикъ* вм. *маленькой, ветхій сарай* вм. *ветхой*. «Почему жъ нехорошо, если смѣемъ просить? — спрашивал Греч. — <…> По нашему мнѣнію, всѣ имена прилагательныя должно писать въ окончаніи *-ый* или *-ій*, кромѣ тѣхъ, кои имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ…». Ср. Сухомлинов, 200–201. Такова же фактическая идеальная норма Словаря.

III 891 п. s. v. *кравій — коровей*, но *войлокъ коровій* I 486 s. v. *войлокъ*. Этот пример свидетельствует о том, что окончание *-ый*, по-видимому, могло соединяться и с церковнославянским и с русским видом слова как окончание общее и стилистически нейтральное. О том же говорят многие другие указания Словаря, в которых, несмотря на подчеркиваемую разницу стилей между двумя вариантами одного слова, окончание в обоих вариантах остается одинаковым, например: *насажде́нный, просто же наса́женный* V 314, *острый, просто же вострый* IV 656, *овчій, сл., просто же овечій* IV 611, *единакій, просто же одинакій* II 941, ср. *одинакой* I 83, *драгій, дорогій, гой* II 737–8. Сюда же присоединим и такие орфограммы в заглавных положениях, как *смышлїоный* IV 372 з. при *смышлїоной* II 7 п. и т. д.

Совершенно очевидно, что если составители Словаря и различали в теории стилистический вес данных окончаний так, как это было принято обычно, то очень худо применяли это различение к делу. Более близкое ознакомление с текстом Словаря позволяет установить следующее. Окончание *-ой* (соответственно *-ей*) встречается в Словаре постоянно и в принципе может быть употреблено почти от каждого слова. Сравнительно редко оно употребляется только в формах причастия, где явно преобладает окончание *-ый* (соответственно *-ій*); но все же можно привести немало примеров также и причастных форм с окончанием *-ой*, *-ей*, как страдательных прошедшего времени, которые, как правило, помещаются в Словаре как отдельные слова, вероятно, в силу особой легкости их адъективного употребления, так и страдательных настоящего времени, а также действительного залога, которые в Словаре отдельными словами, за редкими исключениями, не считаются. Ср., например, *вяжущій* I 1111 з., но *вяжущей* I 80 т.; *выжатый, выжатой* II 1173 з., но *выжатой* I 23 п.; *неудобовосходимый* III 225 з., но *неудобь восходимой* I 128 т.; *валявшейся* I 476 т.; *дѣланной* I 62, 80 тт. при постоянном *здѣланный*, например I 29, 30, 35, 69, 82, 84 и мн. др., но есть иногда и *здѣланной*, как например I 68, 105; *задержанный* I 45 т., II 617 з., но и *задержанной* II 617 п.; *заваленный* I 471 з., но *заваленной* ib. п.; *даемой* III 347 т., *набранной* 1 68 т., *обсыпанной* I 485 т., *перегоненной* I 21 т., *прикрѣпленной* I 75, 466, *составленной* I 146; II 3, но *составленный* I 23, 30, 35, 66. При постоянном *употребляемый*, например I 21, 23, 42, 71, 81, 85 и т. д., нередко встречаем и *употребляемой*, например I 75, 76, 87, 90, 94, 466; ср. еще *укрѣпляемой* I 454, 464 и др. Окончание *-ой* встречаем иногда и в таких книжных словах, как *благовонной* I 47 т., *драгоцѣнной* VI 645 п., *необыкновенной* I 939 п., *ощутительной* I 916 п., *претительной* I 20 т., *предложной (падеж)* I 475 т., *шарообразной* I 94 т. и др. Однако не только в таких книжных словах и причастных формах, но и почти во всех других случаях, в которых является окончание *-ой, -ей*, мы встречаем наряду с ним и окончание *-ый, -ій*. Из множества собранных мною примеров только в единичных случаях я не нашел параллели с *-ый*, это *покляпой* III 653 з.[15], I 133 т., *приборчивой* I 155 з., *барабанщичей* I 97 з., *завальной* I 487 з. п., причем, разумеется, нельзя поручиться, что в не исследованной мною части текста

[15] «Говорится только о носѣ: загнутой при концѣ и горбатой посрединѣ», s. v. «Клаяпъ». {Примеч. ред.}

не нашлось бы искомого варианта, равно как что таких примеров не нашлось бы там еще некоторое число. Написания вроде *покляпой* или *барабанщичей* производят впечатление пережитков более ранней эпохи в языке Словаря, если только смотреть на эти написания как на такие, при которых вариант с *-ый (-ій)* действительно невозможен.

Есть, однако, одно положение, в котором окончание *-ой, -ей*, по-видимому, и для Словаря представляет собой норму. Это субстантивированное употребление прилагательного или причастия, независимо от того, известно ли прилагательное только в таком употреблении или же оно субстантивировано только для передачи какого-нибудь одного из своих значений. Об этом свидетельствуют случаи вроде *ба́грильщикъ, -ка* и *багрячей, -чаго* I 76 з.; *бережа́той* I 123 с отметкой *вышедшее изъ употребленія*; *верховый, -ва́я, -во́е прил.*, но рядом *верхово́й, -ва́го, с. м.* I 628 зз.; *выборный, -ная, -ное прил.*, но *выборной, -наго с. м.* I 137 и 136 зз.; *малый* (прил.), но *малой* (с.) IV 22 зз.[16] *приказный прил.*, но *приказной* (с.) III 378 зз.; *ларешный прил.,* но *ларешной с. м.* III 1140; *кравчей* III 891, *стряпчей* V 918 и т. д. Ср. и в причастиях — *наказуемой* I 461 т. и т. п. Тексты не содержат противоречий этим указаниям заглавий, но иногда попадаются маловыразительные исключения из этого правила, например: *поддьячей* (так!) и *подьячей* II 851 з., но в примере только первое[17]; *пѣвчій* IV 1029 в значении как прилагательного, так и существительного, но все же *пѣвчей* I 27 в значении существительного. В III 100 читаем: *Значковый товарищъ. Военный чиновникъ въ Малороссіи, который и просто называется значковый*. Вот и все замеченные мною исключения из правила, согласно с которым субстантивированные прилагательные в данной форме всегда пишутся с *-ой*.

За исключением этого особого случая, да еще отмеченной выше тенденции преимущественного употребления окончания *-ый* в причастных формах, текст Словаря, особенно при сопоставлении заглавного положения со свободным, дает яркую картину вытеснения окончания *-ой, -ей* окончанием *-ый, -ій*, входящим в общую норму и этим в корне подрывающим существовавшее на этот счет стилистическое осмысление. Заглавные написания прилагательных в Словаре, за редчайшими исключениями, можно отнести к одному из следующих трех разрядов: 1) в заглавии помещены оба варианта окончания, причем только в меньшинстве случаев при варианте с *-ой* содержится указание на принадлежность такой формы к простой речи, а при варианте с *-ый* указание на принадлежность к славенскому языку обычно встречается только при наличии каких-нибудь дополнительных церковнославянских признаков в данном слове, например неполногласного сочетания и т. п.; 2) гораздо чаще в заглавии находим только окончание *-ый*, но при этом в следующих тут же примерах то же слово встречается и в написании с *-ой*; 3) как в заглавии,

[16] Символичной в этом отношении может служить выходная страница комедии Загоскина «Добрый малой», СПБ, 1820.

[17] В словарной статье окончание второго варианта слова написано неразборчиво, но при значительном увеличении видно, что это *подьячей*. В примерах дважды употреблена именно эта форма. {Примеч. ред.}

так и в находящихся в заглавной статье примерах находим только вариант с *-ый*, хотя вообще такое слово в тексте Словаря и может быть найдено в обратном написании. Сказанное касается как безударного, так и подударного положения окончаний, и это тот пункт, в котором последующая история русского письменного языка внесла поправку в норму, отразившуюся в Словаре. Ниже привожу фактические данные, из которых выведено изложенное заключение.

Первую из трех намеченных категорий наблюдаем в случаях, как *алый или -лой*, причем в примерах: *алой кафтанъ* I 26, ср. *алой цвѣтъ* I 101 т., *аленькой или -кій* I 26, в примере: *аленькой цвѣтокъ*; *бабій и бабей* I 66; *бѣлужій, -лужей*, п.: *бѣлужей пузырь* I 438, ср. *балыкъ бѣлужей* I 91 п.; *бараней и бараній* п.: *бараній рогъ* I 98; *барсучей, -чій*, п.: *барсучій тукъ* I 105, *бархатной и бархатный* п., *бархатный кафтанъ* I 105; *барышничей и барышничій* I 107; *выжатый, -той*, п.: *выжатой сокъ* II 1173; *всякій, -кой*, п.: *всякой день, разъ* I 666; *валкій, -кой* I 466; *вторый и второй* I 934; *гладкій и гладкой* II 57; *другій и другой* II 764; *дикій и дикой* II 667; *женскій и женской* II 1105; *журавлиной и журавлиный* II 1197; *заказанный, -ой* III 365; *каждый и каждой* III 358; *кабаней и кабаній* III 349; *кротовый, -ой* III 973; *навальной, навальный* I 473; *маркій, -кой* IV 40; *рабочій, -чей* V 6 и мн. др.

Для второго случая примеров особенно много. Вот часть из них: *алтынный* I 24, *аптекарскій* I 42, *арбузный* I 44 (примеры: *алтынной калачъ, аптекарской сосудъ, арбузной сокъ*, далее примеров и ссылок не привожу), *бабочный, багровый, бакаутовый, басистый, баталіоный, батистовый, башмашный, важный, валяный, винный, военный, вредоносный, врытый, вскрывочный, высокій, гадкій, глиняный, головный, голый, гончій, горный, горячій, громкій, грушевый, грязный, гуртовый, густый, дворянскій, деревянный, длинный, добрый, долгій, драгоцѣнный, дутчатый, забавный, заваленный, зборный, избалованный, избирательный, изкусный, кичливый, клубничный, кожаный*, ср. *коженой* I 67, 112 т. п., *который, красивый, красный, крапаный, крашеный, краткій* и *короткій, крикливый, криношный, критическій, кричный, кроватный, кровопролитный, кровопускательный, кровный, крошечный, круглый, крѣпкій, крѣпостный, курчавый, легкій, ложный, лѣнивый, маіорскій*[18], *маленькій, маловажный, маловременный, малый, маркій, мертвый, набережный, накрошенный, нарядный, немаловажный, необыкновенный, несклонный, одинакій, острый, отмороженный, плотный, подушный, преждевременный, прелестный, примѣтный, разумный, ржаный, рекрутскій, роскошный, рыбный, рыхлый, сверхобыкновенный, сильный, смазливый, такій* и *таковый* (замечательно, что даже при этих словах нет в заголовке вариантов, хотя в примере есть: *он поднялъ такой шумъ* и т. д., и при слове *такій же*, выделенном в особый заголовок, находим *такой же*, см. VI 17, *табашный, тяжелый, толстый, удобный, цѣлый, черный* и т. д. Не оговариваю специально, что большинство из этих слов вне текста статей, которые им именно посвящены, многократно встречаются и в написаниях с *-ой*; ср. хотя бы *высокой* I 128, 950, *головной* I 142, *дутчатой* I 20, *легкой* I 944, *рекрутской* I 145 и много других примеров, исчислять которые нет смысла. Укажу

[18] В примерах словарной статьи *маіорскій*, как и s. v. *маіоръ*. {Примеч. ред.}

еще, что обратные случаи, то есть такие, при которых в заглавии было бы окончание *-ой*, а в примере окончание *-ый*, вроде *алмазной*, но *алмазный перстень, складень* I 22, исключительно редки.

Приведу теперь часть собранных случаев третьего рода, то есть таких, в которых даже в примерах при заглавном слове нет случаев с *-ой*, хотя это окончание в данных словах вообще в Словаре и встречается в свободном положении. Сюда относятся, например, *ароматическій, веселый, вяжущій* (но ср. *вяжущей* I 80 т.), *великій, вѣтвистый, горькій* (ср., однако, выделенное *горькой пьяница* II 242), *горьковатый, денежный, желтоватый, зеленоватый, изрядный, колючій, каштановый, металлическій, мужескій* (но ср. *мужской* I 112), *мшистый, надѣтый, народный, несносный, нижній, оный, осетрій, отводный, пріятный, рыболовный, рытый, самый, узенькій* и мн. др. Разумеется, и многие из этих слов нетрудно обнаружить за пределами заглавной статьи в написании с *-ой, -ей*, например: *ароматической* I 120, *колючей* I 119, 918, *нижней* I 464, *насажденной* I 76, *оной* I 80, 98, *осетрей* I 91 и т. д. Отмечу еще, что в нескольких случаях в варианте с *-ой* встречаются выделенные терминологические сочетания, например: *мушкатной орѣхъ, мушкатной цвѣтъ* IV 345–6 при отсутствии этого прилагательного вне этих сочетаний или *мужеской корень* IV 321, несмотря на *мужескій* IV 323, и др. Обратные случаи, то есть такие, в которых заглавное слово напечатано только с окончанием *-ой*, а в варианте с *-ій* известны только вне основной статьи, вроде *морской* IV 252, но *морскій* I 945 т., опять-таки исключительно редки.

Дополнительно обращу внимание на несколько случаев, особенно интересных со стороны тех противоречий, которые в них вскрывались бы с точки зрения прямолинейного и ригористического прикрепления каждого из двух обсуждаемых вариантов к высокому и простому слогу. Например, под словом *желѣзный* II 1101 в числе примеров находим без всякой тени мотивировки *желѣзный рядъ, заводъ*, но *желѣзной рудникъ*. Под словом *изкусный* III 1108 — *изкусный художникъ*, но *изкусной ораторъ*, под словом *наборный* I 146 — *наборный хомутъ* и т. п. Интересны примеры под словом *крикъ* III 951. Здесь находим: *великой, ужасной, пронзительной крикъ*, *радостной, печальной крикъ*, но *крикъ ослиный*. Не лишено значения, что во втором издании Словаря (ч. III, 1814, стр. 413) во всех этих примерах проведено единообразное окончание *-ый* в прилагательных. Почти рядом читаем в числе примеров III 958–959: *кроватный тюфякъ*, но *кровопролитной бой*; постоянно попадаются сочетания вроде *симфонія на ветхой, новой завѣтъ* V 449 п., *имѣющее благовонной и проницательной запахъ, и вкусъ пряный, горячій* I 47.

Разумеется, есть в Словаре и обратные примеры, но не они указывают тот путь, по которому шел Словарь как памятник русской национально-языковой нормы в ее историческом развитии и становлении. Объективный смысл этого развития, как с непреложностью вытекает из всего сказанного выше, заключается в том, что в известную пору истории русской книжной речи нового типа в ее системе любое прилагательное приобретало возможность в своем письменном обличье оканчиваться на *-ый* при обособлении окончания *-ой* как специфического признака

субстантивированного прилагательного, обособлении, потерявшем свою силу несколько позднее. Несомненно, это соотношение для истории русской письменной речи надо признать относительно молодым. Для начала XVIII века можно было бы указать известное число прилагательных, никогда не имевших на письме окончания *-ый*, но тогда, наоборот, при известных условиях почти всякое прилагательное могло иметь окончание *-ой*. Оставляю открытым вопрос о том, лежат ли в основании этого процесса какие-нибудь явления живой речи. Скажу лишь, что, на мой взгляд, этого не было. Вытеснение окончания *-ой* окончанием *-ый*, как я уверен, совершалось чисто книжным путем, независимо от произношения, существовавшего в данном окончании (в безударном, понятно, положении) в литературном диалекте с его возможными вариациями. Ведь, например, в московском произношении еще в начале XX века произношение безударного окончания прилагательного в именительном-винительном падеже ед. числа мужского рода как *-эj*, было совершенно живым и единственно возможным явлением, которое, можно сказать, только на наших глазах перешло на роль вытесняемого произношением книжным, с гласным типа *ы*[19].

11. В окончании родительного падежа ед. числа прилагательных мужского и среднего рода в тексте Словаря почти безраздельно господствует написание -аго. Окончание *-ого*, как и следует ожидать, не употребляется вовсе, но изредка встречаем здесь написание *-ова* (в местоименных формах с наконечным ударением *-ово́*). Обычно это второе окончание встречаем в составе выражений, идущих из народной или бытовой, фамильярной речи, которые, однако, вовсе не непременно требуют именно такого окончания. Ср., например, *бацъ ево въ рожу* I 112, *береженова и Богъ бережетъ* I 124, *отъ домашнева вора не убережешься* I 126, *отъ лихова человѣка уберечься трудно* I 126, *изъ старова портища выбралъ камзолъ* I 135, *грѣхъ да бѣда на ково не живетъ* II 395 и др. Ср. сверх того единично попадающиеся *доброва* I 145, *худова* ib., *другова* I 453; II 7, *какова* VI 17, *такова* ib., *цвѣта блѣдножаркова* I 38, *изъ коровьева молока* IV 50 и др. Ср., с другой стороны, *багрячаго* s. v. *багрячей* 175, *говяжьяго* I 458, *собачьяго* II 1, *грешневаго* II 20 и т. д. Окончание *-аго* употребляется и в подударном положении, например *другаго* I 114, 122, 146, *худаго* I 139, *гнилаго* I 149, причем интересно, что иногда оно переносится и в местоименное склонение, например *какого* I 48; II 7; III 352; III 1156, *такаго* IV 14 при *какого* I 135, *такого* III 1166. В безударном положении в местоимениях обычно также *-аго*, например *онаго* I 84, 466, но при ударении на конечном гласном окончания в род. ед. от *один* находим *одного* I 122. В целом правописание Словаря в данном отношении не отличается от норм XIX века, во всяком случае его первой половины.

12. В заключение считаю не лишним заметить, что в формах именительного-винительного падежа мн. числа прилагательных Словарь неукоснительно следует

[19] Имея в виду приведенные данные петербургского Словаря второй половины XVIII века, я никак не могу видеть, как этого хочет С. П. Обнорский, в этом победном шествии окончания *-ый* влияние южнорусской диалектной струи на литературный русский язык в его московской разновидности. Конечно, это окончание книжное, а явление — чисто орфографическое. См. статью С. П. Обнорского «Пушкин и нормы русского литературного языка» в «Трудах юбилейной научной сессии» ЛГУ, секция филологических наук, 1946, стр. 89 и след.

правилу Ломоносова, согласно которому в мужском роде в окончании пишется *-ые, -іе*, а в женском и среднем *-ыя, -ія*. На сотни примеров такого правописания я нашел всего пять-шесть исключений, вроде *связаныя чулки* I 488, *болячки и прочіе признаки въ проказѣ бываемыя* III 360, *соблазнительныя поступки* II 396 и др.

Какое же общее заключение можно сделать из предложенного материала? Оно, на мой взгляд, сводится к следующему.

Словарь Академии Российской представляет собой действительно замечательный памятник истории русской письменной речи, и именно в том отношении, что, очень широко отражая противоречия, существовавшие в языковом употреблении своего времени, он в то же время ярко обнаруживает движение к единой общенациональной языковой норме, поиски которой составляют основное содержание истории русского письменного языка, начиная примерно с 30-х годов XVIII века. Самое интересное при этом заключается для нас в том, что составители Словаря не обладали какой-нибудь законченной орфографически-грамматической[20] теорией, во всяком случае не следовали догматически тем учениям и предписаниям, которые они могли бы отыскать в своем культурном обиходе, и вместе с тем в большинстве случаев шли как раз теми путями, на которые выводился русский письменный язык объективным ходом его исторического развития. В этом отношении нельзя не видеть в словаре не оцененного еще в должном смысле предшественника тех деятелей русской литературы и русского просвещения, которые успешно закрепляли начала общенациональной нормы русской письменной речи в течение конца XVIII века и начала XIX века и в числе которых в первую очередь нужно назвать великое имя Карамзина. Именно в школе Карамзина разного рода орфографические разноречия фонетического и морфологического содержания стали особенно наглядно терять былые искусственные стилистические осмысления и сливаться в единые правила общеупотребительной русской речи. Словарь Академии Российской во многих отношениях своей орфографией как бы предвозвещает то направление, по которому пошло в ближайшие к эпохе его составления десятилетия развитие и закрепление этих правил.

Научная литература, упомянутая автором

Обнорский С. П. Пушкин и нормы русского литературного языка // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1960. С. 176–191.

Обнорский С. П. Сочетание *чн* в русском языке // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1960. С. 234–250.

Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 8 и последний. Санкт-Петербург: тип. Императорской акад. наук, 1887. IV, 493 с.

Публикация статьи подготовлена Е. В. Арутюновой.

[20] Так в источнике.

DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0

А. А. Зализняк

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ «ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ» В «ГРАММАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»[1]

Принципы отбора имен собственных

В приложении содержится некая не слишком узкая выборка имен собственных, которая призвана скомпенсировать одностороннесть словника первых изданий настоящего словаря, где в соответствии с давней лексикографической традицией никак не представлена эта важная составная часть лексического фонда языка.

Количество имен собственных — от часто употребляемых до потенциальных — в любом языке почти безгранично. Ни о каком полном их списке не может идти и речи в принципе. В нашу выборку входит лишь очень незначительная их часть. К сожалению, процедура отбора здесь, как и вообще в лексикографии, остается наименее строгой из всех операций, из которых складывается деятельность лексикографа. Можно указать — и то лишь в весьма нестрогих терминах — только основные установки, соблюдавшиеся при отборе. Их две; для включения имени собственного в выборку достаточно, чтобы оно удовлетворяло хотя бы одной из них.

Первая установка состоит в том, чтобы выборка по возможности полно охватывала те группы имен собственных, где определение рода или типа склонения может вызывать затруднение, и те словоизменительные модели, которые слабо представлены (или даже вообще отсутствуют) в корпусе имен нарицательных, т. е. характерны в первую очередь именно для имен собственных. Тем самым должна быть обеспечена эффективность словаря при его использовании для различных практических целей, а также должна получить более полное решение его собственно грамматическая задача — охватить все словоизменительные модели, существующие в русском языке, и отразить их примерные количественные соотношения.

Во исполнение этой установки в приложение включено значительное количество топонимов, в том числе и малоизвестных, у которых затруднено определение рода или которые принадлежат к относительно редким словоизменительным моделям. В частности, особенно широко по этой причине представлены названия рек (в первую очередь российских). Этой же установкой определяется включение

[1] Источником публикации являются два издания: Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка : Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Русские словари, 2003; Изд. 6-е, стер. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. 800 с.{Примеч. ред.}

многих групп уменьшительно-ласкательных имен и ряда других особых групп имен собственных. В этом же состоит одна из причин того, что в приложение в качестве отдельных статей включено заметное число наименований, состоящих из двух или более слов, например *Жю#ль Ве#рн, Ома#р Хайям#* (поскольку здесь возникает вопрос, склоняются ли обе части такого наименования или только вторая).

Другая установка состоит в том, чтобы включать в выборку просто наиболее известные имена собственные, независимо от характера их словоизменительной модели. Несколько детальнее это можно представить так. Прежде всего, в приложение включаются все имена собственные, образующие то, что можно назвать их первым концентром, — а именно, известные практически всем взрослым носителям русского языка. Кроме того, включаются, но уже без претензии на полноту, имена собственные второго концентра, т. е. такие, которые известны большинству образованных русских людей, даже если не принадлежат к сфере их прямой специальности.

Нет нужды пояснять, сколь мало определенности в этих требованиях и сколь велика здесь может быть доля гипотетичности и субъективности. Читатель несомненно очень быстро найдет, что такого-то имени собственного не хватает, а такое-то включено напрасно. Есть много шансов, что первое будет принадлежать к близкой лично ему сфере, а второе к далекой. К сожалению, даже если принять его поправки, границы выборки останутся, как и прежде, нестрогими.

Таким образом, словник нашего приложения имеет в значительной мере экспериментальный характер. Вероятно, со временем он сможет быть усовершенствован. Смириться с неизбежностью частных недостатков словника до некоторой степени помогает лишь то, что для основных задач грамматического словаря эти недостатки имеют второстепенное значение.

Из более частных особенностей нашей выборки отметим следующие.

В приложение включено большое число личных имен — как русских, так и тех иностранных, которые достаточно широко известны из литературы и из международного культурного общения. Приводятся также многие гипокористические (уменьшительно-ласкательные) производные, прежде всего для русских имен; но в этом пункте мы все же ограничиваемся лишь небольшой их частью, поскольку возможности образования этой категории имен почти безграничны.

В приложение входит также некоторое количество фамилий — разумеется, совершенно ничтожная часть их общего фонда. Основной принцип отбора здесь таков: включаются а) самые распространенные русские фамилии, б) из не самых распространенных русских и из любых иностранных — те, у которых есть широко известные носители (из числа либо реальных людей, либо литературных персонажей). Таким образом, нашу выборку никоим образом не следует рассматривать просто как некий перечень знаменитостей[2]. Включение в словарь некоторого числа

[2] При этом, однако, в тех случаях, когда фамилия из группы «б» предстает в несколько различных вариантах у знаменитого ее носителя и у рядовых (см. сноску 3), в нашем списке дается, если специально не оговорено иное, вариант, применяемый к знаменитому носителю.

фамилий известных литературных персонажей позволит читателю получить отсутствующие в других справочных источниках сведения о том, с каким ударением обычно произносят эти фамилии носители русского языка.

В особом положении находятся отчества. В нашу выборку они в качестве самостоятельных статей вообще не включаются, поскольку это без особой необходимости привело бы к резкому увеличению объема приложения: вместо каждого мужского личного имени в списке фигурировало бы, кроме него самого, еще два регулярных производных от него, скажем *Алекса#ндрович* и *Алекса#ндровна* от *Алекса#ндр.* Вместо этого приводятся правила регулярного образования отчеств от личных имен (см. ниже) и в нашей выборке специальными пометами отмечаются те имена, которые отклоняются от этих правил.

Специально подчеркнем, что не следует смешивать предлагаемый список имен собственных со справочником по «правильной» транскрипции иностранных названий и имен или со сводкой единиц современной политической географии. В силу общей ориентации на традиционный культурный фонд наш список неизбежно несколько отстает и от сегодняшней политической географии, и от текущей практики средств массовой информации. Заметим, что по этой же причине в выборку сознательно не включены имена собственные (людей, мест), которые стали актуальны и общеизвестны лишь совсем недавно. Необходима некоторая временна#я дистанция, чтобы оценить, какие из них действительно войдут в общекультурный фонд русского человека и какие окажутся однодневками.

Указанная ориентация неизбежно приводит также к тому, что разные зарубежные страны представлены в нашей выборке совершенно неодинаковыми количествами имен и топонимов. В отличие от энциклопедии, наш словарь непосредственно отражает в этом вопросе тот факт, что география, история, литература и искусство, скажем, Италии и Ирана были традиционно знакомы русскому обществу в неодинаковой степени.

Одно и то же слово в принципе может фигурировать в основной части словаря (в качестве имени нарицательного) и в приложении (в качестве имени собственного), например *би#блия* (как физический предмет) и *Би#блия* (как текст). Мы стремились, однако, обойтись в этом вопросе некоторым минимумом, не считая нужным автоматически отражать все разнообразные случаи, когда имя нарицательное в силу ситуации возводится в ранг собственного. Такая цель разумна, например, для орфографического словаря, который должен служить руководством в числе прочего и в вопросе о написании строчной или прописной буквы. Но для грамматического словаря существенно прежде всего то, что почти во всех этих случаях слово сохраняет свои словоизменительные характеристики. Поэтому стремление в данном вопросе к полноте здесь означало бы просто увеличение числа продублированных статей. Соответственно, читатель не найдет в нашем приложении, например, статей *Бог, Земля#, Со#лнце* и ряда других подобных. По тем же мотивам мы крайне скупо включаем в приложение составные топонимы типа *Охо#тный Ря#д* или типа *Голубо#й Ни#л,* поскольку они с грамматической точки зрения представляют собой простую сумму своих составных частей (дающую к тому же громоздкую статью).

Проблема вариативности ударения и фонетического состава у имен собственных

Проблема вариативности ударения и фонетического состава актуальна прежде всего для имен собственных иноязычного происхождения.

В современном русском языке фонетический состав и ударение иноязычных имен собственных являются объектом противоборства двух разнонаправленных тенденций. Первую из них можно назвать консервативной (или русконаправленной), вторую — мондиализаторской (или иноязычнонаправленной).

Первая тенденция состоит прежде всего в том, чтобы сохранять у имени собственного фонетическую форму и ударение, закрепленные в литературном употреблении XIX — первой половины XX века. Для имен собственных, появившихся (или вошедших в широкое употребление) позднее, данная тенденция проявляется значительно слабее; она состоит здесь в том, чтобы применять те же способы «пересчета» с иноязычного произношения и ударения, которые реализованы в традиционном фонде таких наименований. С исторической точки зрения этот традиционный фонд сформировался как результат действовавшей на протяжении всей истории русского языка тенденции к освоению (русификации) иноязычных названий и имен, т. е. к тому, чтобы придать им фонетическую форму, по возможности близкую к исконным русским словам, и такое ударение, которое преобладает у исконных русских слов сходной фонетической структуры. И в том и в другом отношении при реализации этой тенденции возможно удаление, иногда довольно значительное, от иноязычного источника.

Вторая тенденция состоит в том, чтобы как можно больше приблизиться к современному звучанию слова в языке-источнике и сохранить его ударение (если в этом языке вообще существует просодическое выделение, хотя бы отдаленно сходное с русским ударением).

Так, например, первая тенденция дает *Вашингто́н,* вторая — *Уо́шингтон.* Другие примеры: *Вилья́м — Уи́льям; Вестми́нстер — Уэ́стминстер; Гейдельбе́рг — Ха́йдельберг; Ге́йне — Ха́йне; Ге́нуя — Дже́нова; Па́дуя — Па́дова; Бристо́ль — Бри́стол; Манче́стер — Ма́нчестер; Флори́да — Фло́рида; Босто́н — Бо́стон; Ньюто́н — Нью́тон*[3].

Консервативная тенденция свойственна в первую очередь большинству представителей староинтеллигентской, театральной, писательской, филологической, искусствоведческой и т. п. среды.

Противоположная тенденция характерна для двух несходных категорий носителей языка. Во-первых, это люди, непосредственно соприкасающиеся в своей практической деятельности с соответствующей страной (журналисты, бизнесмены,

[3] Следует отметить, что в именах людей первая тенденция распространяется только на знаменитых персонажей прошлого, но не на их нынешних однофамильцев. Например, современные носители фамилий *Bacon, Halley, Heine* будут названы *Бе́йкон, Хэ́лли, Ха́йне,* а не *Бэ́кон, Галле́й, Ге́йне.*

коммерсанты, люди технических профессий и т. д.)[4], в большинстве своем слабо связанные с русской литературной традицией. Вот показательный отрывок из разговора москвички с эмигранткой, живущей в Мельбурне: «Интересно: Вы говорите *Ме́льбурн.* А мы здесь в России говорим *Мельбу́рн».* — «Понимаете, я ведь о таком городе никогда и не слыхала, пока туда не попала. Вот я и говорю, как там».

Во-вторых, это работники картографических ведомств и энциклопедий, а вслед за ними и составители инструкций для работников радио и телевидения. К сожалению, в их среде тезис «Правильное ударение — это то, которое совпадает с ударением в языке-источнике» ныне приобрел почти характер аксиомы; такое ударение воспринимается как «научное», а традиционное ударение — как «ненаучное». В результате многие указания энциклопедий и других подобных изданий (скажем, ударения *Ци́ммервальд, Гу́тенберг, Ма́ннергейм*) получают по сути дела характер справок о ситуации в языке-источнике (и в качестве таковых могут быть вполне полезны), но о том, как реально произносятся эти названия по-русски, фактически сведений не дают. Существенно, однако, то, что многие дикторы, подчиняясь инструкциям и насилуя свое языковое чутье, действительно произносят *Ма́ннергейм* и т. п.

Противопоставление русифицированных и нерусифицированных обликов иноязычного названия есть не что иное, как частный случай широко представленного в разных сферах русского языка противопоставления освоенного и неосвоенного. Любые заимствованные слова, будь то имена собственные или имена нарицательные, подвергаются в ходе истории русского языка той или иной степени русификации. Чем прочнее слово вошло в словарный состав русского языка, тем эта русификация последовательнее и устойчивее. Так, нем. Jahrmarkt превращается в русском языке (куда оно попало через польское посредство) в *я́рмарка,* нем. Feldwebel, англ. hooligan (оба с ударением на первом слоге) — в *фельдфе́бель, хулига́н* и т. п. Никому не приходит в голову требовать, ссылаясь на немецкий и английский язык, чтобы вместо *я́рмарка* говорили *я́рмаркт,* вместо *фельдфе́бель –фе́льдвебель,* вместо *хулига́н — ху́лиган.* Между тем требование говорить *Гу́тенберг* носит именно такой характер.

Реальное функционирование языка не дает никаких оснований для подобного противопоставления имен собственных и имен нарицательных. И среди тех и среди других есть слова более употребительные и менее употребительные, соответственно выступающие как освоенные для большинства носителей языка или только для их небольших групп. Слова *Рим, Пари́ж, Стокго́льм, Цицеро́н, Гутенбе́рг, Ге́йне* принадлежат к активно используемой части словарного состава русского языка в не меньшей степени, чем, например, *по́люс* или *ора́тор,* между тем как множество нарицательных имен (скажем, *шерхе́бель* или *голоту́рия)* к этой части не принадлежит.

---

[4] Особую маленькую группу, лишь отчасти сходную с указанной здесь, составляют филологи — специалисты по некоторому иностранному языку. Не все, но многие из них, даже зная литературную традицию, предпочитают употреблять имена собственные, пришедшие из «их» языка, с ударением языка-источника, например: *Сце́вола, Кали́гула* (у латинистов), *Пави́я, Мо́дена* (у итальянистов), *Ко́рдова, Хере́с* (у испанистов). В этом случае такие ударения можно расценивать как профессионализмы.

Существенное для лексикографа различие состоит, таким образом, не в том, относится ли иноязычное слово к числу имен собственных или нарицательных, а в степени его известности и употребительности. Сложность в том, что между одним полюсом, представленным словами вроде *Рим, Пари́ж, Цицеро́н,* и другим, где находится, например, название африканской деревни, которую посетил журналист, возможны все промежуточные ступени. Первые несомненно должны фигурировать в словарях, энциклопедиях, справочниках и т. п. в их традиционном облике. Для вторых, если они вообще попадают в печать или на радио, ничего не остается, как воспроизвести русскими средствами иноязычное звучание. Но имеется и широкая промежуточная зона, где выбор решения неочевиден.

Разумеется, ни одна энциклопедия не пытается ввести названия *Ро́ма, Пари́, Ки́керо* вместо *Рим, Пари́ж, Цицеро́н.* Молчаливо предполагается, что здесь уже ничего не поделаешь: «порчу» (по сравнению с языком-источником) исправить уже невозможно. В действительности же подобная «порча» есть не что иное, как результат (и свидетельство) того, что эти названия уже очень давно освоены русским обществом (по крайней мере образованной его частью), прочно входят в состав общекультурного фонда этого общества. Соответственно, когда те же энциклопедии дают *Гу́тенберг* вместо традиционного *Гутенбе́рг* или *Сто́кгольм* (и даже *Сто́лкхольм)* вместо традиционного *Стокго́льм,* они фактически трактуют эти слова как неосвоенные, т. е. не считают эти слова частью уже сложившегося общекультурного лексического фонда и приглашают читателя на позицию тех, кто ни об этом человеке, ни об этом городе ничего не слыхал.

Как ясно из всего изложенного, для названий, относящихся к средней части рассматриваемой шкалы, найти решение, которое удовлетворило бы одновременно всех носителей русского языка, невозможно. Настоящий словарь характеризуется в этом вопросе некоторым умеренным общим уклоном в сторону традиционных решений. Мы надеемся, что тем самым словарь в какой-то степени послужит противовесом общей иностраннонаправленной тенденции справочников и энциклопедий, которая ведет к неоправданному отрыву современного языка от языка классической русской литературы XIX–XX веков.

Уклон в сторону традиционных решений не означает, конечно, что мы считаем приемлемыми для современного языка любые старые названия. Скажем, древнее название *Стекольно* для Стокгольма или *Веденец* для Венеции ныне прочно забыто. Дидро ныне уже только *Дидро́,* но никак не *Дидеро́т.* Многие варианты наименований, обычные для XIX — начала XX века, теперь уже воспринимаются как устаревшие или по крайней мере как устаревающие, например: *Эрива́нь, Тифли́с, Босто́н, Мильто́н, Пинда́р, Таци́т.* Во всех таких случаях мы, конечно, приводим современную форму названия: *Ерева́н, Тбили́си, Бо́стон, Ми́льтон, Пи́ндар, Та́цит* и т. д. (хотя некоторые устаревшие или устаревающие варианты при этом могут быть упомянуты). Существенно то, что мы фиксируем реальное изменение русского языкового узуса, а отнюдь не просто даем сведение о том, как обстоит дело в языке-источнике.

Шкала переходов от случаев господства русконаправленного варианта имени собственного до случаев господства иностраннонаправленного варианта допускает

множество тонких градаций. Передать их в точности словарными средствами невозможно, и мы вынуждены делать это со значительным огрублением. С точки зрения словарного оформления здесь различаются следующие случаи.

а) Имя собственное дается без вариантов и помет. Так оформляются случаи фактического господства в реальном языковом узусе руссконаправленного или, напротив, иностраннонаправленного варианта, например: **Рим, Стокго́льм, Гутенбе́рг** или, с другой стороны, **Кли́вленд, Зи́гфрид.**

б) Название дается с двумя ударениями, но один из вариантов ударения помечен как устаревший (или устаревающий), например:

О́ксфо́рд (-фо́- *устар.*)

Та́ци́т (-ци́т *устар.*)

в) Название дается с двумя ударениями, но имеется помета, где одному из вариантов ударения (обозначенному сокращенно) приписан символ ♠, например:

Ко́рдо́ва (Ко́- ♠)

Иба́рру́ри (-ба́- ♠)

Такая запись означает, что вариант с ♠ (почти всегда иностраннонаправленный) не соответствует основному литературному узусу, а представлен лишь в речи людей, связанных по роду своей деятельности с соответствующей страной, или в речи части специалистов-филологов. Таким образом, в данном случае основное литературное ударение *Кордо́ва, Ибарру́ри,* а ударение *Ко́рдова, Иба́ррури* представлено только в указанных особых ситуациях.

г) Имя собственное дается с двумя ударениями без специальных помет, например:

По́тсда́м

Ре́мбра́ндт

Это означает, что два акцентных варианта с точки зрения современного литературного узуса примерно равноценны. Такая запись не исключает, впрочем, возможности некоторого стилистического различия конкурирующих вариантов. Например, в данном случае, в соответствии с общей моделью соотношения руссконаправленных и иноязычнонаправленных вариантов, ударения *Потсда́м, Рембра́ндт* имеют легкую окраску традиционности, а ударения *По́тсдам, Ре́мбрандт* — легкую окраску новизны. Но здесь это различие незначительно, и наш словарь его не отмечает.

Если два варианта различаются не ударением или не только ударением, то используется развернутая запись, например:

Уа́йлд [// **Уа́йльд**]

Как и в случае с двумя ударениями, такая запись не исключает некоторого стилистического неравенства этих вариантов.

д) В небольшом числе случаев сопутствующий вариант имеет помету *офиц.,* например:

Стра́сбург [*офиц.* **Страсбу́р**]

Таким способом отмечаются варианты, используемые в основном лишь в официальных изданиях и почти не проникающие в живую речь.

Помимо противопоставления фамилий по признаку их происхождения («русского происхождения — иностранного происхождения»), существенно также их противопоставление по признаку «принадлежащая русскому — принадлежащая иностранцу». Именно это второе противопоставление имеется в виду, когда мы говорим просто «русская фамилия» или «иностранная фамилия».

Фамилия иностранного происхождения, принадлежащая русскому (например, из обрусевшей семьи), обычно обнаруживает более полную степень фонетической и акцентной русификации, чем та же фамилия у иностранца. Ср., например, *Якобсóн* — фамилия русского и *Якобсон* — фамилия шведа или эстонца. Наиболее известные случаи этого рода в нашем списке специально отмечаются. Но такое же соотношение в действительности может встретиться и в не отмеченных у нас случаях; скажем, если *Макдóнальд* станет фамилией русского, эта фамилия может получить и другое ударение — *Макдонáльд.*

Вообще, варьирование ударения в принципе может встретиться в фамилиях любого происхождения. Например, большинство носителей фамилии *Иванов* произносят ее *Иванóв,* но некоторая их часть — *Ивáнов.* В нашем списке подобная вариативность отмечена только в нескольких наиболее известных случаях. В прочих случаях мы ограничиваемся приведением основного варианта, т. е. самого частого в роли самоназвания и господствующего в устах третьих лиц. Необходимо, таким образом, иметь в виду, что у ряда приводимых нами фамилий в принципе могут встретиться отдельные носители, которые акцентуируют эту фамилию иначе.

С проблемой иноязычных имен собственных отчасти сходна также проблема м е с т н ы х в а р и а н т о в российских топонимов. В силу различия диалектных акцентных систем многие топонимы (в особенности микротопонимы) имеют в речи жителей соответствующей местности иное ударение, чем то, которое естественно для слов той же фонетической и морфологической структуры в литературном языке. Отсюда возможность расхождения между традиционным названием некоторого географического объекта в литературном языке и его местным названием.

Как и в случае с иностранными топонимами, здесь нельзя считать традиционное ударение, не совпадающее с местным, просто ошибкой, подлежащей исправлению. В силу своей принадлежности литературной традиции оно имеет самостоятельную ценность. В настоящем словаре в вопросе о местном ударении приняты в общем те же принципы, что и в вопросе об ударении в иностранном языке-источнике. Топонимы, известные безусловному большинству носителей русского языка, даются с ударением, обычным для литературного языка, даже если оно расходится с местным, например: *Череповéц* (местн. *Чéреповец*), *Мещёра* (местн. *Мещерá*). Менее известные топонимы в большинстве случаев приводятся с ударением, принятым в соответствующей местности, например: *Торóпец, Оредеж, Пéченга.* Если, однако, местное ударение резко расходится с той акцентной моделью, к которой принадлежат в литературном языке слова с данной

морфологической или фонетической структурой, то дается всё же более естественный для литературного языка вариант (но указывается также и местный), например: *Усть-Ци́льма* (местн. У*сть-Цильма*), *Кондопо́га* (местн. *Ко́ндопога*). Таким образом, наиболее важные случаи расхождения между местным и литературным ударением в словаре отмечены, но задача указать все такие случаи в словаре не ставится.

Научный журнал

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

№ 3. 2021

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 16.09.2021. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 29. Заказ № 2621
Тираж 300 экз.

Адрес редакции: г. Москва, 119019, Волхонка 18/2

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86